

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**РОССИЕВЕДЕНИЕ:
В ПОИСКАХ
УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ**

Москва 2019

ББК 63.3 (2)

Р 76

Центр руссиеведения

Редакционная коллегия:

И.И. Глебова – д-р полит. наук, главный редактор, *А. Берелович* – проф. (Франция), *О.В. Большакова* – канд. ист. наук, *В.П. Булдаков* – д-р ист. наук, *И.К. Богомолов* – отв. секретарь, *М.А. Краснов* – д-р юрид. наук, *Ю.С. Пивоваров* – акад. РАН, *Д.М. Фельдман* – д-р ист. наук

Ответственный за выпуск – *И.К. Богомолов*

Россиеведение: В поисках утраченного времени: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения; гл. ред. Глебова И.И. – Москва, 2019. – 346 с.
ISBN 978-5-248-978-5-00948-0

Сборник посвящен теме исторического времени. Ставятся вопросы об актуализации прошлого и о том, является ли прошедшее только прошлым. Особое внимание уделяется историческим юбилеям и памятным датам.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и магистрантов.

A la recherché du temps perdu

The collection of scientific papers is devoted to the theme of historical time. Questions are raised about updating the past and whether the past is only the past. Particular attention is paid to historical anniversaries and memorable dates.

For scientists, teachers, graduate students and undergraduates.

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-248-978-5-00948-0

© «Россиеведение: В поисках утраченного времени»: сб. науч. тр., 2019
© ФГБУН «Институт научной информации по общественным наукам РАН», 2019

Содержание

À la recherche du temps perdu: О сборнике. (От редактора) 8

УКРАИНА – РОССИЯ: К ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЙ

Ю.В. Никуличев

Как в 1654 г. не произошло воссоединения Украины с Россией 15

ДЕКАБРИСТЫ И ЮБИЛЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ

Д.И. Булдакова, О.И. Киянская

Юбилей восстания декабристов в советской исторической науке и периодике первой трети XX в. 47

Д.М. Фельдман

Термин «декабрист»: В преддверии 180-летнего юбилея возникновения 55

1914–1917–1929–1937: ИСТОРИЯ И ЮБИЛЕИ

И.И. Глебова

Петербург–XX: О городе и революции 81

И.К. Богомолов

Август двадцать четвертого: Десятилетие Первой мировой войны и советская печать 123

А.К. Сорокин

О сталинской триаде: Индустриализация / коллективизация – к 90-летию «Великого перелома» 139

Ю.С. Пивоваров

Девяносто лет «коллективизации». (Убийство русского крестьянства) 156

Ю.С. Пивоваров

Почему Сталин не выиграл войну 164

О.В. Большакова

1917–2017: Американский взгляд на русскую революцию 169

М.М. Минц

Столетие революций 1917 года и российская историческая наука. (Обзор) . 180

РОССИЯ – ЕВРОПА: ЕВРОПЕЙСКИЕ ЮБИЛЕИ – ОБЩАЯ ИСТОРИЯ

В.Н. Чернега

К 75-й годовщине высадки союзных войск в Нормандии: Западные союзники во Второй мировой войне 213

И.Г. Шаблинский

Финляндия: Вехи истории, формы правления (К 75-летию Соглашения о перемирии 1944 г.) 224

О ЛЮДЯХ, КНИГАХ, ЖИЗНИ

Ю.С. Пивоваров

«И образ мира, в слове явленный, И творчество, и чудотворство» (К 150-летию «Войны и мира») 243

Ю.С. Пивоваров

«...Будущая настольная книга для всех русских надолго...» 246

Ю.С. Пивоваров

Анти-Ленин: Петр Струве – теоретик ревизионизма, либерал-государственник, религиозный мыслитель, крестоносец русской свободы 252

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ЮБИЛЕЕВ

М.А. Краснов

Отвергнутая конституция. (Этюд в духе альтернативной истории) 275

Ю.С. Пивоваров

«Чудо А.Д. Сахарова» 295

И.Г. Шаблинский

30 лет самой массовой забастовке в России: Как это было. Что это означало 299

P.S.

Ю.С. Пивоваров

«Будет ничего» 305

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СБОРНИК

Аннотации статей 329

Сведения об авторах 344

Contents

À la recherche du temps perdu: About the collection. (From the editor) 8

UKRAINE - RUSSIA: THE HISTORY OF REUNIONS

Yu.V. Nikulichev

There was no reunification of Ukraine with Russia in 1654 15

DECEMBRISTS AND THE JUBILEE TRADITION

D.I. Buldakova, O.I. Kiyanskaya

Anniversaries of the Decembrist uprising in Soviet historical science and in the periodicals of the first third of the 20th century 47

D.M. Feldman

«Decembrist»: On the eve of the 180th anniversary of the emergence..... 55

1914–1917–1929–1937: HISTORY AND ANNIVERSARIES

I.I. Glebova

Petersburg – XX: the city and revolution 81

I.K. Bogomolov

The tenth anniversary of the First World War and the Soviet press..... 123

A.K. Sorokin

Stalin's Triad: Industrialization / Collectivization – on the occasion of the 90th anniversary of the «Great Breakthrough» 139

Yu.S. Pivovarov

Ninety years of collectivization (The Killing of the Russian Peasantry)..... 156

Yu.S. Pivovarov

Why Stalin did not win the war? 164

O.V. Bolshakova

1917–2017: American view on the Russian revolution..... 169

M.M. Mints

Centenary of Revolutions of 1917 and Russian historical science (Review) 180

RUSSIA - EUROPE: EUROPEAN ANNIVERSARIES - A COMMON HISTORY

V.N. Chernega

- 75th anniversary of the landing of the Allied troops in Normandy.
Western Allies in World War II..... 213

I.G. Shablinsky

- Finland: Milestones in History, a form of Government (75th Anniversary of the
Armistice Agreement 1944)..... 224

ABOUT PEOPLE, BOOKS, LIFE

Yu.S. Pivovarov

- «And the image of the world, revealed in the word, / And creativity, and
miracles» (150th anniversary of Leo Tolstoy's «War and Peace»)..... 243

Yu. S. Pivovarov

- «... The future handbook for all Russians for a long time ...» 246

Yu.S. Pivovarov

- Anti-Lenin: Peter Struve – theorist of revisionism, liberal statesman, religious
thinker, crusader of Russian freedom..... 252

MODERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF ANNIVERSARIES

M.A. Krasnov

- Rejected Constitution (Alternative story) 275

Yu.S. Pivovarov

- The Miracle of Sakharov..... 295

I.G. Shablinsky

- 30 years of the most massive strike in Russia: How it was, what it meant 299

P.S.

Yu.S. Pivovarov

- «There will be nothing» 305

- Article Annotations 329

- Authors list..... 344

***À LA RECHERCHE DU TEMPS PERDU¹: О СБОРНИКЕ
(От редактора)***

Настоящее издание несколько отличается от той «продукции», которую вот уже в течение десяти лет издает Центр россиеведения². Пожалуй, это самый «вольный» наш проект, посвященный вещам, вообще-то, эфемерным: прошлому, памяти, символам, идеям. Но у него все то же целеполагание – «найти» ту Россию, которую один из наших постоянных авторов (и создатель этого подразделения в ИНИОН РАН) Ю.С. Пивоваров определяет как «приемлемую».

Понятно, что название сборника идет от великой эпопеи Марселя Пруста. Используется и «метод» писателя. Он говорил, что его инструмент – не микроскоп, а телескоп, направленный на Время. Время у Пруста – индивидуальное время героя (героев). У нас – коллективное Время России. Это, возможно, немного высокопарно, но по существу точно.

Когда мы говорим об утраченном времени, то не имеем в виду нормативно-обыденное: что было – то прошло. Утраченное время для историка, обществоведа – это время, которое не включено в наше сознание либо включено в каком-то фальшивом виде: лживых мифов, неадекватных стереотипов и проч. Это история, которая случилась, но осталась непрочитанной, неосмысленной, непонятой – из нее не извлечен опыт. Это время, которое прошло для нации как бы впустую. Если такие пустоты накапливаются, общество теряет темпоральную перспективу: растрчивает свое историческое время – и не знает этого, не чувствует. Отсюда – странные

¹ В поисках утраченного времени (франц.).

² Свой «юбилейный» сборник мы издаем в юбилейное для нас время: в 2018 г. исполнилось десять лет Центру, в 2019 – десять лет «Трудам по россиеведению» (о нашем Центре и его изданиях см.: [2]). Это и юбилей Института, которому принадлежит наш Центр. Точнее, целая серия юбилеев: 2018 г. – столетие библиотеки, сначала послужившей его основой, а потом постоянно пополнявшейся и развивавшейся вместе с ним; 2019 г. – 50 лет ИНИОН и 45 лет его работе в здании на Нахимовском проспекте, поврежденном пожаром 30 января 2015 г.; 2020 г. – 5 лет пожару и серии уголовных дел, с ним связанных (использующих пожар в качестве повода для преследования одного из инионовцев – последнего выборного директора Института Ю.С. Пивоварова).

провалы в развитии: топтания на месте, пробуксовки (почти дословные повторения пройденного на новом историческом витке), жизнь короткими перспективами. Такого рода «неудачи» встречаются в истории любой нации, но нам более всего интересен и важен русский случай.

В современной России с прошлым – особая ситуация: о нем спорят, за него «воюют», на этом фундаменте строятся общественная идентичность и легитимность режима. «Ретроспективизмом» она отличается от СССР, делавшего ставку на будущее. Да, интерес к прошлому есть, но своеобразный. Более всего в отечественной истории россиян занимает Великая Отечественная война (таких у нас, как показали исследования 2017 г., 38%, а еще десять лет назад их было 55%, т.е. даже здесь произошло большое падение, и это притом что тема Победы всегда в «повестке», не покидает публичного пространства). За Отечественной следуют петровское время (оно интересно 31%), Древняя Русь (28%), «Серебряный век», т.е. эпоха конца XIX – начала XX в. (18%), и брежневский период (17%). В год столетия революции внимание к ней проявило всего 13% опрошенных; это чуть меньше тех, кого в отечественной истории не интересует ничего; их – 15%¹. А ведь это совсем недавнее прошлое (оно, по существу, было четыре поколения назад) – да и дата большая, в некотором смысле магическая. Символично: от 48 до 60% россиян не знают, как их предки (их семьи) участвовали в ключевых событиях XX в.²

В таком контексте увлечение прошлым кажется каким-то ненастоящим (фейковым, как сейчас говорят), а «ретроориентация» – всего лишь общественным настроением, ни к чему не обязывающим, никуда не ведущим. Это накладывает отпечаток на отношение ко всему «историческому», виртуальному и материальному³. Тема «утраченного времени» в современной России обретает, таким образом, совершенно особый смысл. Утраченное время – это несостоявшееся общество (общество, которого нет). Получается, нашему обществу, чтобы состояться, необходимо вос-

¹ Прошло и ладно? (опрос Левада-центра, март 2017 г.) // Огонек. – М., 2017. – 27 марта, № 12. – С. 7.

² См.: Огонек. – М., 2017. – 10 июля, № 27. – С. 5. Более ранняя часть семейных историй вообще погружена в забвение; для подавляющего большинства наших граждан своей истории попросту нет (у памяти – короткий горизонт, если и помнят что-то, то до Великой Отечественной). Поэтому история страны предстает как нечто отвлеченное, не близкое (к ней нет личных «привязок»). И борьба вокруг нее – в основном идеологическая (связана с проблемами сегодняшнего дня).

³ Символом отношения к прошлому может служить один из вологодских его остатков (точнее, останков): черный остов сгоревшего в 2017 г. здания дореволюционной электростанции перекрыт сейчас баннером «Сохраняя прошлое, строим будущее». Вологда еще и в позднесоветские времена была полна деревянной архитектурой последних трех столетий. Лет десять назад горожане рассказывали нам, приезжим, как горит это их прошлое. Теперь процесс его ликвидации перешел необратимую черту. А в целом в стране – ностальгические времена.

полнить временные утраты: создать проект будущего, заняться настоящим, понять прошлое.

В связи с этим задачу своего издания мы видим в том, чтобы, во-первых, указать на утраченное (т.е. выпавшее из национального сознания), во-вторых, по-новому прочесть некоторые факты русской истории и биографии ее великих людей. Следует объяснить, почему особое внимание мы уделяем юбилеям и памятным датам.

Прежде всего, XXI век оказался для России временем больших юбилеев. Сама наша эпоха как бы требует взглянуть на русскую историю с этой (юбилейной) позиции (предполагает возможность такого взгляда).

Затем, юбилеи – особый жанр, особая практика воспоминаний, т.е. актуализации прошлого. Это своего рода навигаторы в море фактов, эпох, судеб, модераторы в разговоре общества с историей; они ее форматируют (размечают в хронологическом и смысловом отношениях).

В эти моменты прошлое как бы пересекается (не перекликается, а именно пересекается) с настоящим. Это своего рода проверка: что мы знаем об истории, нужен ли и возможен ли пересмотр нашего знания, насколько актуальна история для настоящего времени. Иначе говоря, юбилеи – знаки нашей памяти. Или беспомытства. Это способ своеобразного тестирования общества: способно ли оно извлекать из истории – нет, не уроки – опыт, конвертировать его в социальную жизнь.

В юбилеи не столько говорят об истории, сколько сочиняют историю: иначе говоря, в значительной степени историю событиям, людям, эпохам делают юбилеи. Притом практикуют особое отношение к прошедшему: предполагают взгляд на него через «розовые очки» – не столько стремящийся к пониманию и уж совсем не разоблачающий, а прославляющий, утверждающий, примиряющий. Поэтому чрезвычайно важно, кто и для чего «делает» юбилеи – обращает внимание нации на ее прошлое, определяет, как именно она должна его видеть. Ведь таким образом задаются ориентировки в настоящем (мировоззренческие, политические и проч.), верность которым обосновывается «высшими» – историческими – счетами.

И наконец, склонность к такой «селекции» истории, юбилейная традиция воспоминаний чрезвычайно сильны именно в нашем отечестве. Причем особую роль в юбилейных сочинениях играет власть: она не просто в них участвует, но в основном имеет на них монополию. Юбилеи – инструменты власти, технология обеспечения политического и идеологического доминирования, нейтрализации конкурентов, оппонентов и проч. Под юбилейные фанфары «сверху» диктуются хронология и «философия» истории, «сочиняется» официальная Россия (иначе говоря, юбилеи служат сближению, примирению социума с властью). Если исторические юбилеи

превращаются у нас в конфликт мнений, позиций, интерпретаций, – значит, в России наступило время свободы.

В этом издании мы предлагаем посмотреть на юбилеи и памятные даты с определенной, возможно, несколько неожиданной точки зрения. Юбилейный жанр (юбилейная технология) представляется нам чем-то вроде археологии. Очень похоже: ты «достаешь» (извлекаешь из времени, потока эпох, людей и событий) «предмет» – и через него изучаешь историю. Юбилеи – это, конечно, особый тип археологии: не «вещный» (материальный), а смысловой (метафизический). Он нацелен на составление новой хронологии истории (содержательной) и на реконструкцию изучаемого времени (на поиск в нем связей, влияний, взаимообусловленностей и в конечном счете на понимание его значения)¹. То есть эта археология предполагает некоторое подведение исторических итогов – и определение перспектив.

Иначе говоря, юбилеи являются весьма удобным поводом для поисков утраченного. Пользуясь этим инструментарием, мы пытаемся решить весьма непростую и амбициозную задачу: воспроизвести адекватную картину ушедшего времени – ушедшего, но еще не утраченного. При этом, конечно, помним слова И. Бродского: «По безнадежности все попытки воскресить прошлое похожи на старания постичь смысл жизни» [1, с. 69].

Разумеется, мы не ставили перед собой задачу среагировать в одном издании на все исторические юбилеи в России-XXI. Да это и невозможно. Наша юбилейная подборка и случайна, и не случайна одновременно. Случайна в том смысле, что мы шли за интересами и выбором наших авторов. Не случайна, так как в ней оказались отражены некоторые главные для страны (эпохальные) юбилеи. Потому что посвящены они тем событиям, в которых отразилось (через которые выразилось) время, по которым мы и судим о своем прошлом. Но и не только. А потому выработка точки зрения на них представляет собой опыт национального самоопределения. Здесь ошибки в воспоминаниях очень дорого стоят.

¹ Собственно, социальная функция истории и состоит в выявлении *значений* прошлого, его критическом осмыслении и донесении этого знания до общества. Это – не популяризация истории, а критическая «проработка» и гуманизация общественной памяти. Не случайно известный французский исследователь П. Нора так формулировал задачу историка: превратить в историю спрос своих современников на память. Благодаря такого рода деятельности в общество вносится сознание историчности. А это дает культуре те внутренние напряжение и определенность, которые необходимы для развития. Французский историк А. Марру писал: человек освобождается от прошлого, давление которого он смутно ощущает не через забвение, «но через усилие, направленное на то, чтобы вновь обрести его, совершенно сознательно принять его, сделав своей составной частью» [3, с. 274]. История, таким образом, оказывается «школой, учебной площадкой и инструментом нашей свободы».

Работы, собранные в данном сборнике, строятся вокруг двух «тем» (по существу, это две возможности изучения юбилеев). В одних юбилеи представлены как «места памяти», т.е. как явление сегодняшнего дня, позволяющее увидеть некоторые важные его черты. В других – это повод поразмышлять над историческими темами, сюжетами, биографиями, текстами, важнейшими для самосознания нации.

Список литературы

1. Бродский И. Поклониться тени: Эссе. – СПб.: Азбука-классика, 2002. – 312 с.
2. Глебова И.И. О россиеведении и Центре россиеведения ИНИОН РАН // Россия и современный мир. – М.: ИНИОН, 2019. – № 3. – С. 37–52.
3. Marrou H. De la connaissance historique. – Paris, 1954. – 299 p.

И.И. Глебова

**УКРАИНА – РОССИЯ:
К ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЙ**

Ю.В. НИКУЛИЧЕВ

***КАК В 1654 г. НЕ ПРОИЗОШЛО ВОССОЕДИНЕНИЯ
УКРАИНЫ С РОССИЕЙ***

Н.И. Костомаров уже с четверть века как опубликовал свое фундаментальное исследование «Богдан Хмельницкий», когда ему в руки попал целый массив новых документов по истории хмельниччины. Об этой своей находке он по свежим следам напишет небольшую статью «Богдан Хмельницкий, данник Оттоманской Порты». «Недавно, занимаясь в архиве иностранных дел в Москве материалами для истории Малороссии в конце XVII и начале XVIII веков, – читаем здесь, – мы случайно наткнулись на значительное количество документов, относящихся к Богдану Хмельницкому, из которых многие оказались нам до сих пор неизвестными... Мы имели возможность просмотреть эти документы и с удивлением увидели там кое-что, долженствующее, при надлежащем сопоставлении и обсуждении, изменить не только личный наш, но и вообще принятый наукою взгляд на личность Богдана Хмельницкого и на характер его многознаменательной эпохи.

Его отношения к Турции представляются в ином свете, а не в том, в каком привыкли мы себе изображать их.

Знаменитый козацкий¹ вождь, которого мы считаем искренним слугою московского престола и одним из славнейших двигателей дела объединения Русской державы, был на самом деле данником Оттоманской Порты и не переставал считать себя таким и после Переяславского договора, когда, казалось нам, ничто не позволяло бы сомневаться в его верности России» [5, с. 332–333].

Итак, «Богдан Хмельницкий, данник Оттоманской Порты». «Данник» в данном случае слово не вполне точное: из статьи самого Н.И. Костомарова, а в ней приведены обширные фрагменты переписки Хмельницкого с османским султаном Мехмедом IV, следует, что с определенного момента отношения Хмельницкого к турецкому султанату точнее выража-

¹ Сегодня нормой является написание через *а* – *казацкий, казаки* и т.д.; в цитатах из старых источников ниже везде сохранено написание через *о* – *козаки, козацкий*. – Прим. авт.

лись бы понятием «подданство». Хмельницкий в этих корреспонденциях «отдает поклон» султану как «верный подданный», заявляет о своем и «всего войска» желании и впредь «пребывать верными подданными» Стамбула, султан еще раньше с глубоким удовлетворением пишет (приводим дословно с сохранением орфографии и стиля): «Вы, с верною искренностью откровенно высказавшись, отдаетесь под криле и под протекцию непобедимой Порты нашей, и мы сердечно и любовно принимаем вас и о верности и искренности вашей не сомневаемся». Последняя фраза – из послания султана Хмельницкому от декабря 1650 г.: к этому моменту, следовательно, переход Хмельницкого в османское подданство скорее всего уже совершился. (После чего отнюдь не кажется таким уж невероятным указание на то, что в эти же годы он, возможно, обратился в мусульманство, – указание, промелькнувшее в одном из польских источников и отмеченное у С.М. Соловьева¹.)

Остальные темы переписки – союзнические отношения с крымским ханом и организация совместных с ним военных действий против Польши, учреждение при Порте постоянной резиденции послов гетмана, необыкновенная его популярность в Стамбуле («при дворе падишаха все радуются союзу с козаками, а именитые сановники денно и ночью прославляют подвиги Богдана Хмельницкого») и, наконец, крайне неловкие попытки Хмельницкого объясниться по поводу своего перехода под протекторат Московии. Здесь в послании Хмельницкого все перевернуто с ног на голову, а Переяславская рада представлена как чисто тактический ход в борьбе с Польшей – ход, от которого Хмельницкий, по его словам, тут же и отказался. В послании этот момент изображен так. «Что касается Москвы, что мы с ней вошли в приязнь, то мы учинили так по совету вашей царской милости (???) (знаки вопроса мои. – Ю. Н.)... Что же наши посланцы намекнули перед вашим царским величеством, яко бы Москва нами овладеть имела, то такая у нас в то время пошла было ведомость (т.е. “разговоры”, “слухи”. – Ю. Н.), но теперь о том нет уже никакой речи».

Свою статью Н.И. Костомаров завершает следующим рассуждением. «Историческое значение личности Богдана должно представиться в ином свете. Его преемники – Брюховецкие, Дорошенки, Орлики и другие, преследуя идею самобытности Украины под верховною властью Оттоманской Порты, не действовали вразрез с политикой Богдана Хмельницкого: напротив, думали только следовать по указанному им кривому пути, а Юрий Хмельницкий, пожалованный от султана званием князя Малорос-

¹ С.М. Соловьев приводит это сообщение в контексте переговоров московских послов с польским королем Яном Казимиром в 1653 г. В тексте буквально следующее: «Паны отвечали, что Хмельницкий говорит всю неправду, что он поддается турецкому султану и принял бусурманскую веру; об этом они узнали недавно; только бусурманскую веру принял он один, Хмельницкий, чернь султану поддаться не захотела» [10, с. 565].

сийской Украины, был не “сын, недостойный славного родителя”, но вполне был его достоин» [5, с. 342–343].

К костомаровским оценкам со временем присоединилось сразу несколько историков конца XIX – начала XX в., включая, скажем, такую величину, как М.С. Грушевский. По логике вещей дальнейшая историографическая разработка темы войны 1648–1654 гг. должна была бы принять, как минимум, несколько иное по сравнению с прежним направление. К тому была еще и та серьезная причина, что «старая школа» (а потом и «новая» – советская) всегда испытывала известные неудобства при объяснении фактов участия громадных татарских отрядов в хмельниччине – фактов, хрестоматийно известных и без открытий Н.И. Костомарова. Изменись у историков взгляд на «турецкую дипломатию Богдана Хмельницкого», и все, казалось бы, вставало на свои места. Но нет, не успели! «Пришли иные времена, иные нравы» – и утвердился обязательный к исполнению канон в духе картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» и идеологемы о вековой дружбе двух братских народов. В этом каноне удалое запорожское казачество издревле противостоит татарам и туркам в охране южных границ христианского мира, время от времени оно также поднимается против «ляхов» – чужезерцев («латинян») и угнетателей, в 1648 г. оно во главе с Хмельницким начинает войну за независимость от польской короны, сбрасывает с себя чужеземное иго и наконец в едином порыве на Переяславской раде 1654 г. воссоединяется с единоверным народом Московского царства.

«Славного сына Украины» Богдана Хмельницкого при этом произвели во все степени, звания и ипостаси сразу – в «украинского Кромвеля», в «основателя украинского казацкого государства», «выдающегося государственного деятеля», «умелого полководца» и «тонкого дипломата». Своего апофеоза все это достигло в тезисах ЦК КПСС «О 300-летию воссоединения Украины с Россией» (1954), где директивно разъяснялось, что «исторической заслугой Богдана Хмельницкого является то, что он, выражая вековые стремления и надежды украинского народа к тесному союзу с русским народом и возглавляя процесс складывания украинской государственности, правильно понимал ее задачи и перспективы, видел невозможность спасения украинского народа без его объединения с великим русским народом, настойчиво добивался воссоединения Украины с Россией» [11, с. 8] – некая тайная пружина всей его деятельности в сознательном возрасте.

Оспаривать все эти цветы красноречия мы здесь не сможем уже по недостатку места: у того же Н.И. Костомарова, например, «Богдан Хмельницкий» занял два довольно-таки пухлых тома. Но сделаем вот что – выйдем и акцентируем несколько главных «смысловых точек» хмельниччины, наиболее точно характеризующих это движение от начала до конца.

Есть такое понятие – референтные значения: это всегда нечто такое, что позволяет измерить явление или процесс. Так вот, какими именно фактами – фактами абсолютно достоверными и всесторонне документированными – хмельниччина объясняется наиболее логичным, последовательным и непротиворечивым образом? Вся задача именно в этом – выявить логику процесса, логику перехода от одной фазы движения к другой. Порок всей традиционной историографии деяний гетмана в этом и заключается: за всевозможными историческими экскурсами, за подробными описаниями всякого рода перипетий – военных, политических, дипломатических и т.д. – в ней теряется из виду общая логика движения. Она под спудом, ее не видно, и вся традиция в конце концов разбивается о конечное противоречие: «основателем первого украинского государства» здесь оказывается человек, сдавший «украинский суверенитет» (случай беспримерный в деяниях человечества!) сразу двум соседним державам – вначале Оттоманской Порте, а потом Московии.

Король польский Владислав IV... как инициатор хмельниччины

У истоков «освободительной войны украинского народа» лежит одно обстоятельство, которое либо замалчивается в традиционно-апологической истории деяний Б. Хмельницкого, либо завуалировано так, что до его истинного смысла не докопаться, а именно: хмельниччина была спровоцирована и даже финансирована Владиславом IV – тем самым Владиславом, коего в бытность его еще королевичем московские бояре в 1610 г. приглашали на российский престол. Говоря коротко, Владислав замышлял то, что сегодня называется военно-государственным переворотом, – на одну из первых ролей в этой интриге и предназначался «гетман войска его Королевской милости Запорожского» Богдан Зиновий Михайлович Хмельницкий.

К середине XVII в. роль королевской короны в Речи Посполитой оказалось низведенной до значений почти символических. Шляхта усиливалась – прерогативы короля урезались. Говорили, что король подобен пчелиной матке без жала: ее могут жалить все, а она никого. Король не мог по собственному произволению вступать в брак и воспитывать своих детей, не имел права приобретать земельную собственность. В конце концов его лишили возможности выезжать за границу «без позволения республики» и нанимать войско не только из иностранцев, но и из своих подданных, не будь на то согласия «всей Речи Посполитой».

Другое дело жизнь шляхтича. «Царствование Владислава IV, – пишет Н.И. Костомаров, – было золотым веком личной шляхетской свободы. Тогда она дошла до такого предела, за которым, при тогдашних условиях жизни, понятиях и нравах, наступало для нее самоуничтожение. Шляхтич

достиг совершенной независимости от короля... В своем имени он был настоящий государь, полновластный, самостоятельный, самодержавный, со всеми принадлежностями верховной власти, мог на своей земле строить замки, города, содержать войско, вести с кем угодно сношения, даже войну, если сил у него хватало, а над своими подданными имел безапелляционное право жизни и смерти и мог управлять ими со всем произволом азиатского деспота» [5, с. 148].

На страже своих «республиканских свобод» шляхта стояла со всей возможной чуткостью и зоркостью, как и король переживал свое бессилие крайне болезненно. Собственно, у него оставалась одна прерогатива, по традиции принадлежавшая польской короне: в случае серьезной внешней опасности объявить общий сбор войска (так называемое посполитое рушение). Именно здесь-то и завязалась «интрига».

Возможно, ее задумал даже не король, а некий Тьеполо – посол Венеции, явившийся ко двору Владислава в 1644 г. Целью его миссии было вовлечь Варшаву в войну с Оттоманской Портой, которая к тому времени перекрыла Венецианской республике все морские пути торговли с Востоком и с которой Европа враждовала вот уже три века. Венеция и Ватикан деятельно сколачивали антитурецкую коалицию (в нее приглашали и Москву), но в Западной Европе дело шло туго и взоры «всего христианского мира» в конце концов обратились к Польше.

Владиславу визит Тьеполо должен был представиться чем-то вроде неожиданного стечения самых благоприятных обстоятельств и предзнаменований – счастливым знаком судьбы, обещающим разрешение сразу всех проблем его правления. С одной стороны, конечно же, манил вдруг появившийся шанс стать победителем османов и снискать себе ту славу, что столь многим кружила головы в правящих дворах по всей Европе; с другой – при успехе предприятия он мог бы поправить свои дела и в родной Польше. Но войну надо было начать, а Владислав этого сделать не мог: по традиции посполитое рушение собиралось лишь тогда, когда стране угрожала серьезная внешняя опасность. И взоры Владислава обращаются к запорожским казакам – начинается «тайная дипломатия» с далеким прицелом на то, что войну с Турцией спровоцируют именно они. «Самые разнообразные источники свидетельствуют, – подчеркивал П.Н. Буцинский, один из последних дореволюционных исследователей хмельниччины, – что Владислав IV хотел произвести переворот в Польше посредством иностранных наемных солдат и в особенности надеялся в этом деле на казаков» [2, с. 18].

Подчеркнем и мы: «запорожская интрига» Владислава – не «конспирология» и не гипотеза из тех, которые «требуется еще доказать». Это многократно удостоверенный факт. И самый авторитетный источник в данном случае – не кто иной, как Богдан Хмельницкий собственной пер-

соной. В своем так называемом белоцерковском универсале 1648 г. он так и возвестил: «Мы должны были начать с поляками это военное дело... так как начали мы эту войну с поляками с его королевского согласия, поскольку поляки, не считаясь с его высокой королевской персоной, манда-там и приказам его не подчинялись...» [3]. Еще яснее в простоте душевной изъяснились казацкие депутаты, явившиеся в 1848 г. на Сейм Речи Посполитой: «Казаки взяли оружие по приказанию короля; нам дали деньги для постройки чаек, приказали готовиться к войне, обещали восстановить наши права, а после того тотчас же паны стали нас жестоко угнетать – так мы, получивши силу, и стали защищаться» [4, с. 263].

Расчеты Владислава были, казалось, беспроегрешными. При всех своих вольностях Запорожская Сечь входила в пределы королевства и ее обитатели, формально говоря, были подданными польской короны. Более того, существовали так называемые реестровые («списочные») казаки – казаки, занесенные в особый список, несшие службу по охране украинских границ Польши и за это получавшие жалование: эти находились уже в прямом подчинении у Варшавы. (В реестре, попутно заметим, находился и сотник Чигиринского полка Богдан Хмельницкий: по прошлой своей службе, включая войну с Турцией 1620–1621 гг. и с Московией в 1634 г., он был лично известен Владиславу и даже имел перед ним какие-то особые заслуги.) Одновременно при отдаленности Запорожской Сечи и легендарном своеволии «вольных казаков» Варшава прямой ответственности за них вроде как бы и не несла: те чуть не ежегодно на своих «чайках» (легких суднах) являлись на земли Крымского ханства и грабили здесь всех подряд. Собственно, они и без всякой «тайной дипломатии» постоянно держали Польшу и Турцию на грани войны, так что поднять их на новую авантюру было, казалось, проще простого. Тем более посланец богатых венецианских дождей с самого начала налево и направо сыпал обещаниями (в том смысле, что сегодня называется спонсированием и финансированием).

Наконец, успех казался тем более верным, что к «священной особе монарха» казаки и всегда-то относились с величайшим пиететом, а Владислава IV разве что не боготворили. И на то у них были свои особые резоны. Казакам он благоволил еще со времен походов против Москвы, потом неоднократно выступал ходатаем по их делам перед отцом-королем и сенатом. Приняв в 1632 г. корону, Владислав тут же заявил о намерении обеспечить права и вольности украинцев, а через три года выдал казацким депутатам «привилей» (нечто вроде закона), подтверждавший все «войсковые и малороссийские права и вольности давние», в особенности же, как будет написано в одном из позднейших универсалов Хмельницкого, «особливое утверждение веры нашей православной». Годы его правления – это отход от рьяного католицизма прежнего правления и время широчай-

шей веротерпимости в отношении вообще всех конфессий, исповедуемых в Польше. Бывали в польской Украине, спору нет, тяжкие времена для крестьянства, казачества и православной веры, но не было лет более благополучных, чем преддверие «освободительной войны украинского народа».

Дальнейшие события развивались в духе ныне столь популярного «средневекового детектива». В начале 1646 г. специальным гонцом в Варшаву затребовали нескольких казацких старшин, в том числе Хмельницкого. Во время тайной ночной встречи Владислав дал им специальную грамоту, велел строить флотилию «чаек» для войны с Турцией и выдал 6 тыс. талеров; на ближайшие два года было обещано общим счетом 60 тыс. талеров. Дальше – больше. В Запорожскую Сечь отправляются эмиссары Владислава; Хмельницкому официально и с большой помпой передают знаки гетманского достоинства и обсуждают возлагаемую на него задачу. Речь шла о том, что сегодня называется диверсией и провокацией: требовалось «побеспокоить» черноморские побережья до такой степени, чтобы Порты пошла на Польшу войной. Владислав в этом случае собирает посполитое рушение и...

Нам не дано знать, что именно он намеревался делать дальше, потому что столь далеко рассчитанным планам не суждено было сбыться. Шила в мешке не утаишь, и скоро все польское шляхетство знало о тайных намерениях короля. Среди прочих это засвидетельствовал француз Пьер Шевалье, в то время бывший секретарем французского посла в Варшаве. В своей книге «История войны казаков против Польши» он писал: «Кое-кто убежден, и не без основания, что король Владислав, желая вернуться к своему плану войны против татар, поддерживал с Хмельницким тайные связи и помог казакам восстать с тем, чтобы Речь Посполитая была вынуждена дать королю войско...» [12, с. 76–77].

Речь Посполитая войска королю не дала. На Сейме в конце 1647 г. было постановлено: королю войска не собирать, казаков в морские походы не допускать, а с Турцией и Крымом сохранять мир. Владислав IV постановления Сейма принял беспрекословно. Через полгода его не стало. За несколько дней до своей кончины, когда уже началась польско-казацкая война, «король прислал в войско комиссаров и изъявлял неудовольствие, что войско показывает неприязненные действия против украинцев. Слыша, что Хмельницкий на Запорожье, он полагал, что побег туда сделан с целью учинить нападение на турок, и уверял гетманов, что самое лучшее средство утишить козаков – оставить их в покое плавать по морю» [5, с. 205].

Татары в польско-казацкой войне

Верховный патрон и благодетель Хмельницкого, «его милость король Владислав» был еще жив, когда новоиспеченный запорожский гет-

ман предпринял ряд шагов с точки зрения известной проблемы – «политика и мораль», – еще не вполне оцененных в позднейшей нравоучительной литературе. С начала 1647 г. он отправляет одно за другим два посольства в Бахчисарай, а в марте сам является пред очи крымского хана Ислам-Гирея и здесь выкладывает на стол все доказательства, включая письменные, враждебных намерений Владислава относительно Турции и Крыма. У Н.И. Костомарова его речь перед ханом воспроизведена со ссылкой на польский источник следующим образом. «До сих пор мы были врагами вашими, но единственно оттого, что находились под ярмом ляхов. Знай же, светлейший хан, что козаки воевали с тобою поневоле, а всегда были и будут друзьями подвластного тебе народа. Мы теперь решились низвергнуть постыдное польское иго, прервать с Ляхистаном всякое соединение, предложить вам дружбу, вечный союз и готовность сражаться за мусульманскую веру. Враги наши поляки – враги ваши; они презирают силу твою, светлейший хан, отказываются платить тебе должную дань и еще подушают нас нападать на мусульман; но да ведаешь, что мы поступаем искренно: мы извещаем тебя о их замыслах и предлагаем тебе помогать нам против изменников и клятвопреступников» [5, с. 200].

Изъявив столь большую «готовность сражаться за мусульманскую веру», Хмельницкий легко добился своего. (В новейшей литературе, правда, высказывается предположение, что «тонкий дипломат» Хмельницкий мог, среди прочего, намекнуть хану в духе «или вы с нами против поляков, или мы с поляками против вас», тем более что в это время как раз и строилась флотилия «против турок».) Заключили договор: между Войском Запорожским и Крымским ханством устанавливаются отношения союзничества и военной взаимопомощи, татары не будут опустошать украинские земли и брать с них ясырь (пленных для дальнейшей продажи или использования в хозяйстве), за свое участие в предстоящей войне они от Хмельницкого будут жалованы деньгами, продовольствием, фуражом и частью военной добычи, для совместных действий с Хмельницким на Украину отрягается корпус перекопского мурзы Тугай-бея, под командованием которого тогда находилось от 6 тыс. до 20 тыс.

Возникает вопрос, как точнее всего определить роль татар в казацко-польской войне: как вспомогательную, как важную, как решающую?

Понятно, что за давностью лет и отсутствием надежных данных однозначного ответа на этот вопрос быть не может, и измерить удельный вес и значение татарских отрядов в общей картине войны едва ли возможно. Попробуем поэтому найти не только и не столько «количественные», сколько «качественные» ответы.

Начнем с того, что все предшествующие казацкие возмущения в Польше всегда подавлялись достаточно легко, пусть и не сразу: «с косами и вилами», в лучшем случае с самопалами, казаки попросту не могли про-

тивостоять профессиональной или полупрофессиональной кавалерии¹. В противоположность этому Хмельницкий, имея за собой эту самую величину «икс» – отряды крымских татар, – выигрывает все сражения периода 1648–1649 гг. Источники и последующая литература оценивают численность татарской конницы в первых столкновениях Хмельницкого с поляками примерно в 4 тыс. человек, «загон» (отряд) казаков при этом составлял 8 тыс.; этими силами под Желтыми Водами был разгромлен 10-тысячный отряд поляков, где ядро составляли так называемые «кварцянне жолнеры» (получавшие жалование по четвертям года), т.е. профессиональная часть армии. Через месяц, если верить источникам, украинское войско у Хмельницкого увеличилось примерно до 15 тыс., татарское – до 8 тыс.; при такой «статистике» они наголову разбивают 20-тысячную армию во главе с двумя польскими гетманами (а татары, по некоторым данным, уводят в полон 200 тыс. пленных).

Трудно отделаться от впечатления, что в этих цифрах «что-то не так»: уж не занижена ли в них численность татарской конницы? Вполне ожидаемо у С.М. Соловьева о начальном этапе войны поэтому читаешь (с отсылкой на донесение московского воеводы из Путивля), что «татары запорожским козакам становятся сильны, потому что их вдвое больше, чем козаков; и Хмельницкий пишет по городам, чтоб уездные люди от татар береглись и бежали из уездов в города» [10, с. 510]. В другом месте С.М. Соловьев со ссылкой на архивные документы дает следующие цифры по начальному этапу войны: казаков – 8 тыс., татар – 20 тыс. [10, с. 614]. В «Летописи Самовидца» (очевидца) – одном из наиболее важных первоисточников для историографии хмельниччины – сказано, что к Хмельницкому «хан сразу послал с ордами великими Тугай-бея» [8, с. 8]; описывая перемещения и сражения казацких отрядов, Самовидец везде говорит, что все это происходило при участии «орд немалых». Летом 1649 г., согласно польским источникам, на Украине уже было 100 тыс. ордынцев [5, с. 374]: цифра скорее всего несколько завышена, но при ее оценке следует исходить из того, что здесь на стороне Хмельницкого уже действовал не перекопский мурза со своими 4 тыс., а собственной персоной крымский хан, армия которого наверняка была немалой. Перед зборовским сражением 1649 г. «союзная армия» Хмельницкого, по польским источникам, насчитывала 100–120 тыс. татар и 50–80 тыс. казаков [5, с. 379].

¹ И очень похоже на то, что тяжкие поражения поляков в начале войны во многом и шли от того, что выступление Хмельницкого было воспринято как очередной казацкий бунт, с которым легко справиться, т.е. для данного случая крайне легкомысленно. «Лениво собирались паны с своими надворными командами, – пишет об этом Н.И. Костомаров. – По обычаю польских панов, сбор их подал повод к пирушкам и угощениям. Так проводили они время, сами не зная, что делать, хотя пренебрегали замыслами мятежников и надеялись разом их уничтожить» [5, с. 205].

Летом 1650 г. к Хмельницкому прибыл посланник турецкого визиря: при условии, что гетман признает над собой «покровительство» турецкого султана, ему обещали «сто тысяч войска, кроме орды» (надо полагать, кроме крымской орды) [5, с. 454]. Летом 1651 г. про татар в армии Хмельницкого уже говорится как об «огромной орде». Численность татарской конницы в битве под Берестечко, с которой начался резкий спад «национально-освободительной войны украинского народа», историки оценивают в 30 тыс. человек.

Собственно, Берестецкая битва как раз наиболее наглядным образом и показывает, до какой степени Хмельницкий зависел от татар. Он и раньше, как читаем в описаниях предшествующих сражений, «не начинал наступления, дожидаясь подхода татар», но в битве под Берестечко (июнь 1651 г.) по причинам, до сих пор непонятым и в научной литературе не объясненным (так называемая «загадка берестецкой битвы»), татары вдруг снялись с поля боя и в панике бежали. Результат – почти полное уничтожение казацкого войска: из армии более чем в 100 тыс. человек спаслось едва несколько тысяч; сам Хмельницкий оставил войско, догнал татар и будто бы умолял их вернуться. Не вернулись. «Видно, что Хмельницким овладела трусость, – пишет его биограф, – он не надеялся с одним казацким войском управиться с поляками и боялся, в случае поражения казаков, чтобы не попасть в плен» [2, с. 96].

Но в вопросе о том, сколь велико было значение татарской конницы в польско-казацкой войне, есть еще одна – более широкая – линия анализа. Проблема, если кратко, в следующем. С 1649 г. начинается не вполне понятное по своим причинам, но явственно видимое по источникам охлаждение отношений между Хмельницким и Крымом. Хан вдруг пошел на сближение с Речью Посполитой: по существу, под диктовку Ислам-Гирея был заключен Зборовский мирный договор поляков с Хмельницким (август 1649 г.). Это еще один довод в пользу того, что татары были хозяевами положения и могли позволить себе действовать с позиции силы.

Тем временем на Украине начинается «показачение» – массовый переход «хлопов», прежде работавших на панов, в «вольные казаки» и в армию Хмельницкого. В итоге под началом гетмана скоро оказалось войско, численность которого по тем временам достигла фантастических 250–300 тыс. человек: формально говоря, на середину XVII в. это была самая большая армия в Европе. И что же? Именно на это время и приходится перелом войны, вначале еще слабый, в пользу Речи Посполитой. В том же 1649 г. гетман литовский Януш Радзивилл во главе небольшого войска последовательно разбил несколько казацких полков, дошел до Киева и выбил оттуда силы Хмельницкого. Подавляющее – просто неимоверно колоссальное! – численное превосходство казацкого войска, следователь-

но, никак не компенсировало падения военной активности со стороны татар.

Скажем еще раз и несколько по-иному: самыми успешными у Хмельницкого были всего лишь несколько сражений начального периода войны, т.е. той ее фазы, когда на его стороне были перекопская и крымская орды.

Все эти предварительные и очень осторожные соображения (в литературе ведь вопрос о военном значении татар в хмельниччине, по существу, не исследован) сводятся к следующему: татары составляли значительную и самую боеспособную часть армии Хмельницкого; это отнюдь не вспомогательная сила – это сила, решавшая исход сражений. В какие-то моменты, похоже, они даже численно превосходили силы казаков. Из разных источников мы знаем, как они действовала: всадники на двух или трех конях появлялись перед противником как из-под земли, накрывая его тучей стрел; кроме того, им не было равных в разведке; при перемещениях они выполняли функции передового отряда, а при сражениях – авангарда¹. Польское войско они начисто лишали каких бы то ни было преимуществ в кавалерии – его самой сильной стороны. Кстати, именно в татарах поляки видели своих победителей – не в казацких «скопищах».

Но наведя на Украину татар, Хмельницкий открывал бездонный ящик Пандоры как для самого себя, так и для страны в целом. Первоначально носители того экономического менталитета, который сегодня мы определяем как «набеговый тип хозяйства», ударились в грабеж и угон людей в полон: сначала стали угонять поляков, затем, по мере усугублявшихся разногласий с Хмельницким и в прямое нарушение изначальных соглашений с ним, и казаков тоже. Современник тех событий даже предполагал, что хан в это время перешел к политике равного удаления от воюющих сторон, чтобы те возможно более ослабляли друг друга – к вящей выгоде Крыма. Московские информаторы (по тогдашнему «посыльные для доставления вестей») сообщали, что после Зборовского сражения на возвратном пути в Крым татары начисто разграбили 15 городов с уездами; ходили слухи, что польский король, не имея чем платить наложен-

¹ По польским источникам, Н.И. Костомаров следующим образом воспроизводит такое типичное сражение. «Вдруг завидели поляки пыль, потом показались люди, послышались дикие голоса, и они увидели передовое татарское полчище... К вечеру гуще становились ряды воинов и, наконец, на закате солнца, на пространстве, сколько глазами могли окинуть поляки, растянулось пред ними неисчислимое войско; татарских ратников, говорит современник, было более в этом войске, чем воинов у Тамерлана» [6, с. 353–354]. Или (также по польскому источнику): «Татары появились пред глазами польского войска. Они сначала выступили из леса кучками, потом число кучек умножилось, наконец, они все разом сложились в густую массу, походившую издали на громовую тучу; она все ближе и ближе подходила и появилась перед польским войском страшным полчищем. Вслед за тем посыпали и казаки из лесу и с возвышенностей в долину» [6, с. 384].

ную на него Крымом дань, отдал им на разграбление 70 городов. «Но и с своими союзниками, – пишет Н.И. Костомаров, – поступали татары не лучше и забирали в ясырь многих из тех южноруссов, которые с ними ходили в загонах и им содействовали» [5, с. 189].

Хмельницкому собственной персоной пришлось выдать крымскому хану из своей казны умопомрачительную по тем временам сумму – 500 тыс. талеров, но и этого не хватало, и пришлось обложить украинские земли еще дополнительным налогом. (Еще раз вопрос, можно ли при всем этом говорить о малочисленности татарских отрядов в польско-казачьей войне – были ли это отряды или все-таки орды?) Словом, как говорилось в старинной украинской думе, «тогда зажурилась Украина и увидела, что некуда ей деться; тогда орда топтала конями маленьких детей, рубила старых, брала в плен молодых».

Естественным образом все это повлекло за собой то политическое последствие, что в казачестве авторитет Хмельницкого резко упал, особенно после катастрофы при Берестечко. Отныне он уже не «батько». «Навел татар, бросил войско под Берестечко...». По всей Украине собирались сходки, на которых его осуждали как изменника и выбирали себе иных предводителей. К самому гетману являлись тысячные депутации, и дело доходило до угроз убить его. Вдруг начались конфликты внутри казачества: против Войска Запорожского поднималась Запорожская Сечь! В других местах крестьяне и городские жители расправлялись с казацкими семьями в отместку за своих родных, уведенных в полон татарами. Острейшие противоречия раздирали и самое ближайшее окружение Хмельницкого: одни хотели мириться с поляками, другие – уходить в Московию.

«Его положение было не превосходное, – пишет, ссылаясь на первоисточники, Н.И. Костомаров. – Власть его колебалась; полковники действовали от него отдельно... на татар не было надежды; крымские отряды, которые пришли на помощь, занимались только грабежом самих союзников. Хмельницкий боялся не только врагов, но собственных подчиненных»; «чернь была недовольна гетманом... он должен был зависеть от воли пьяной толпы, которая за малейшее неудовольствие готова была сменить его или даже отдать полякам»; «Положение Хмельницкого было час от часу опаснее. Вооруженные толпы готовились идти на Чигирин и растерзать предводителя» [5, с. 85, 99, 114]. После сражения при Берестечко был заключен с поляками т.н. Белоцерковский трактат (1651), возвращавший казачество ровно к тому положению, которое было до войны. Четыре военных года окончились ничем. Нет, хуже, чем ничем: в конце концов «татарская карта» легла таким образом, что после перехода Хмельницкого под протекцию Москвы татары соединились с поляками и обе силы обрушились на Украину.

Цели и характер «национально-освободительной войны украинского народа»

За все время активных военных действий (подчеркнем: именно активных военных действий, т.е. в период с 1648 по 1651 г.) война казаков против Речи Посполитой не носила национально-освободительного характера ни одного дня. Ни сам Хмельницкий, никакие иные шедшие с ним силы в этот период не ставили перед собой задачи выйти из подчинения польской короне. Освобождение Украины от Варшавы совершилось де-факто в результате русско-польской войны 1654–1667 гг. Но даже и при этом часть казачьей старшины приняла сторону Польши. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

От времен Хмельницкого до нас дошла масса документов – универсалы самого гетмана, тексты мирных договоров, обширные корреспонденции. Нет во всем этом ни одного источника и ни одного текста – буквально ни единой строчки, – откуда следовало бы, что воюющее казачество стремилось выйти из состава польского королевства. Если всю проблему свести к простой формуле: казаки воевали не против «короля», а против «панов», преимущественно польских, – в этом смысле все движение приближается к типу крестьянской войны вроде восстаний Разина и Пугачева. Естественной оговоркой при этом, конечно, будет то, что в массе своей «паны» являли собой пусть очень близкий, но все-таки иной, нежели казаки, этнос. (Впрочем, этничность самих казаков, особенно на Сечи, – это тоже еще вопрос.)

Наиболее авторитетный для уяснения целей движения источник – это, конечно же, тексты договоров Хмельницкого с польской стороной. Центральным из них был Зборовский договор лета 1649 г. – времени самых больших военных успехов казачества и татар (Ислам-Гирей выступал полноправным участником договора). Ситуация следующая: польское войско разгромлено в пух и прах, Речь Посполитая полностью обескровлена, – но каковы требования казачества? Простираются ли они до идеи независимости или хотя бы более широкой, чем прежде, автономии казачьих земель? Вот центральный пункт договора: «Его королевское величество оставляет войско свое запорожское при всех старинных правах по силе прежних привилегий и выдает для этого тотчас новую привилегию»; количество реестровых казаков увеличивается до 40 тыс. (о реестровых казаках ниже); польские войска не квартируют на Украине и в центральных украинских уездах (разве что в этом есть какой-то слабый намек на автономию), король раздает должности исключительно местным православным дворянам. Оригинальное название договора (показателен сам этот язык!) – «Объявления милости его королевского величества войску запорожскому на пункты, предложенные в их челобитной».

Отсутствие «освободительности» в целях казачества имеет под собой простое объяснение – близкое к тому, что на русском материале называлось царистскими иллюзиями крестьянства. «Царь (король) хорош – бояре (паны) плохие» – вот квинтэссенция такого менталитета. «Король у них, хлопов, что-то божественное», – говорил по этому поводу киевский воевода времен той войны. Мог ли Хмельницкий выйти за пределы понятий своего времени?

В свое время этот вопрос был основательно рассмотрен М.С. Грушевским. Подчеркивая, что «ни Хмельницкий, ни козачество, подымая восстание, не думали еще о каком-нибудь коренном переустройстве украинских отношений», он в этой связи указывает на такой показательный момент, как «география» сражений польско-казачьей войны. После первых страшных поражений польского войска, пишет историк, «Хмельницкий мог бы вдоль и поперек перейти не только всю Украину, а и Белорусь, Литву и самую Польшу, и не встретил бы сколько-нибудь серьезного сопротивления». Но нет, «его и без того тревожило, что он так сильно оскорбил “маестат Речи Посполитой” (величие польского государства)» [4, с. 296]. При этом он не раз сносится с королем (уже не с Владиславом, а с унаследовавшим ему Яном Казимиром) и твердит все одно и то же: казаки воюют против панов, а не против короны.

Кстати заметим, что с Яном Казимиром у Хмельницкого в апогее его успехов вообще были какие-то совершенно особые отношения, дающие повод для интереснейшей «конспирологии» относительно польско-украинских отношений того времени. Н.И. Костомаров нашел основания думать, что Хмельницкому принадлежала какая-то особая роль в «элекции» (выборах) короля в 1648 г. (Нас же здесь интересует все тот же вопрос – гетман не только не выступает против установившегося порядка вещей в Польше, но и бросает весь свой тогдашний политический вес на чашу весов, чтобы был избран именно Ян Казимир, а не кто-либо иной.) Н.И. Костомаров пишет следующее: «Самое неразгаданное до сих пор обстоятельство в истории этих дней – то, что нам остаются неизвестными причины, побуждавшие Хмельницкого поддерживать с таким напряжением кандидатуру Яна Казимира. Несомненно, что этот король обязан был достижением престола более всего Богдану Хмельницкому, так как между панами Речи Посполитой число его сторонников было тогда невелико. Странно во всяком случае, что Богдан Хмельницкий, объявивший себя защитником южнорусского народа и исповедуемой этим народом православной религии, стоял за избрание в короли бывшего иезуита и кардинала: ничто не подавало Хмельницкому надежды, чтоб такой король сочувствовал стремлениям православного народа и вождя его... Надобно думать, что между Хмельницким и Яном Казимиром до избрания послед-

него в короли существовало, посредственно или непосредственно, что-то тайное, нам теперь неизвестное»¹.

То есть на выборах 1648 г. Хмельницкий снова «за короля», только на сей раз уже прямым и непосредственным образом – за избрание Яна Казимира. «Был избран брат Владислава, Ян Казимир, за которого высказывался также и Хмельницкий, – подводит итоги этого периода М.С. Грушевский. – Новый король прислал ему письмо, в котором извещал об избрании, обещал козачеству и православной вере различные льготы, просил прекратить поход и ожидать королевских комиссаров. Хмельницкий ответил, что исполнит королевскую волю – возвращается обратно, и действительно направился с войском к Киеву» [4, с. 298].

В дальнейшем они не раз сносились посланиями; Ян Казимир говорил о своей готовности «оказать милость», лишь бы Хмельницкий принес ему «свое правдивое сердце, искреннюю верность и почтительное подданство», а тот в очередной раз уверял, что ничего не имеет против короля и каждый раз тяжело каялся в содеянном.

Читаем одно из таких писем: «Бог свидетель, что я всегда был низжайшим слугою вашего королевского величества и никогда, от колыбели до седин, не замышлял мятежа против вашего величества... Не напыщенный гордостью, но вынужденный безмерными бедствиями, угнетенный, лишенный всего имущества отцовского, я прибегнул к ногам великого хана крымского, чтобы при его содействии возратить милость и благосклонность вашего королевского величества... Я скорее откажусь от жизни, чем решусь не исполнить малейшего мановения вашего королевского величества, милостивого моего государя» [2, с. 68].

Можно было бы подумать, что в этом своем послании Хмельницкий, мягко сказать, дипломатничает, а если выразиться проще, водит «милостивого своего государя» за нос (интересно, каким таким образом, припадая к ногам хана крымского, он надеялся вернуть себе монаршую благосклонность?). Но вот другая ситуация, привносящая показательный штришок в тему «монархических иллюзий» украинского казачества. Во время Зборовской битвы, пишет летописец, гетман «строго приказал своему воинству, чтобы никто во время сражения не дерзал поднять убийственной руки на короля и прикасаться к нему, как особе священной, т.е. помазаннику Божию, но при всяком случае чтит бы его с благоговением». «Сам король был несколько раз окружен казаками, но к нему никто не

¹ Н.И. Костомаров продолжает: «Действительно, ездивший в Варшаву в это время гонимом московского царя дьяк Григорий Кунаков сообщает, что Ян Казимир, будучи еще только королевичем, посылал к Хмельницкому какого-то Юрия Ермолича с грамотою и давал обещание, если его выберут на престол, успокоить возникшую войну, не мстить войску запорожскому за прежнее и вольности русского народа подкрепить паче прежнего» [5, с. 317].

прикасался и даже ничем на него не метал, а пропускали его с почтением, и он бросил от себя в одну партию кошельки с деньгами, а в другую партию дал часы золотые ее командиру, который принял их, снявши с себя шапку и с великим почтением, уверив при этом короля, чтобы он изволил ехать спокойно и ничем не тревожась, ибо его никто не тронет, а всяк чтит с благоговением, как особу священную» [2, с. 79].

Конечно, отдельные ситуации мало о чем говорят, но был в отношениях Сечи и короны один вопрос, так или иначе стоявший в продолжение всей войны. Именно его рассмотрение позволяет расставить в теме «освободительности» очень важные точки над *i*. Речь идет о численности реестрового казачества.

Реестровое войско – это часть казаков, особым списком (реестром) принимавшихся Польшей на государственное обеспечение для обороны южных границ королевства и выполнения полицейских функций преимущественно против всего остального казачества. Его история начиналась во второй половине XVI в. со скромной цифры 300 человек, набранных из зажиточных крестьян и мелкой украинской шляхты. Позже цифра колебалась: когда в реестровом казачестве появлялась нужда, его численность увеличивали, когда отпадала – сокращали. Так, в начале XVII в. число «реестровцев» подскочило с 4 тыс. до 50 тыс. при осаде поляками Смоленска в 1609 г.; в 1617 г. Сейм выделил средства на реестр всего лишь в одну тысячу человек, но в 1620 г. для похода гетмана Сагайдачного на Московию – уже на 20 тыс. К началу польско-казачьей войны реестровое казачество насчитывало примерно 6 тыс. человек. Владислав IV, готовя свою антитурецкую авантюру, обещал казакам увеличить реестр до 12 тыс.

Сословие это было привилегированным, и своим благополучием резко выделялось на фоне казацкой «голоты». По своему социальному статусу оно было приравнено к шляхте, пусть и не обладало всей полнотой политических прав шляхетства польского. Реестровцу полагалось два человека в услужение (в количественном отношении, следовательно, фактическую численность реестрового войска нужно умножать на три); они были освобождены от всех налогов и повинностей, кроме военной; им отводили землю и платили деньгами, одеждой и припасами. Службу реестровцы отбывали в Южном Поднепровье («за порогами»), величались Войском его королевской милости Запорожским (или просто Войском Запорожским) и при этом резко отделялись от собственно Запорожской сечи. Хмельницкий, напомним еще раз, был гетманом именно этого войска.

Так вот, приверженцы теории польско-казачьей войны как войны национально-освободительной как-то всегда уж очень невозмутимо проходили мимо одного обстоятельства, крайне неудобного с точки зрения их теории, а именно: одним из центральных вопросов в мирных переговорах

между воюющими сторонами и обязательным пунктом каждого очередного мирного договора был вопрос о численности реестра. Когда сила была на стороне казаков – они добивались увеличения реестра, когда ситуация менялась, польский Сейм сокращал его. Крупных договоров, собственно, было два – Зборовский 1649 г. и Белоцерковский 1651 г.: по первому реестр был установлен в количестве 40 тыс. человек, по второму – 20 тыс. С переходом под московский протекторат Хмельницкий навязет царю Алексею Михайловичу реестр в 60 тыс. человек. Характерно, что вопрос о численности «реестровцев» будет стоять в договоре казаков с Москвой вторым пунктом – после первого «общедекларативного» (подтверждение всех казацких вольностей). «Обычай тот бывал, – объясняли они при этом, – что всегда войску запорожскому платили».

Так вот, находясь «на жаловании» у Варшавы, могло ли Войско его королевской милости Запорожское исповедовать идею независимости Украины от Польши? Ровно наоборот! Требуя увеличения реестра, казаки ставили себя не в независимость, а в зависимость от польской казны. Вот здесь-то она и вырисовывается – логика всех дальнейших событий. Будем, следовательно, рассуждать логически.

Воюя с Польшей и истощая ее, Войско Запорожское прямым образом рубило сук, на котором сидело. Ситуация в этом смысле стала совсем безнадежной, когда татары после Зборовской битвы обложили Варшаву громадной данью, после чего оплачивать еще и реестровое казачество (против нее воевавшее!) Польша уже никак не могла, даже и возникни у нее столь противоестественное желание. Сословие это испокон веку жило военным делом (литературная параллель – гоголевский «Тарас Бульба», где этот самый Тарас Бульба с глубоким презрением отзывается о «домоводстве» и какой бы то ни было работе на земле¹): «бюджетники» своего времени, они привыкли существовать за счет государственной казны. С ослаблением Польши, следовательно, реестру нужно было искать новые источники жалования.

Выбор – с учетом геополитических ситуаций – был крайне ограничен; по существу, выбора не было. Польша «ушла», у турок и татар в Войске Запорожском никакой надобности не было (между казаками и татара-

¹ Вспомним этот фрагмент. К Тарасу приезжают сыновья и он, «прежде всего выпив горилки», решает отправить их «для науки» на Сечь. Печалит его лишь то, что «сейчас войны нет». Далее по тексту: «Да когда на то пошло, то и я с вами еду! Ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать? Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, поеду! – И старый Бульба малопомалу горячился, горячился, наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. – Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам все это? На что эти горшки? – Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки».

ми уже начинались военные столкновения); в сравнительно небольшом отдалении находилась еще Валахия, но она была вассалом Османской империи и в военных услугах казаков тоже не нуждалась. Далее подчеркнем: *единственной внешней силой, способной принять Войско Запорожское на жалованье и в достаточной мере заинтересованной в пограничном войске, была Московия*. Хмельницкий осознал это чуть ли уже не в 1648 г. (см. так называемое письмо из Черкасс). И вот уже московский воевода доносил царю Алексею Михайловичу, что послы Хмельницкого собираются в Москву просить жалования Войску Запорожскому. «А если ты, государь, не укажешь давать им жалования, то черкасы (казаки. – Ю. Н.), соединяясь с татарами, решили идти на московское государство; гетман уже велел собираться в поход и готовит ружья и всякие запасы; он же приказал воротить татар, чтобы они в Крым не уходили» [2, с. 119]. То же самое царю доносили и другие воеводы пограничных областей.

Приближалось «воссоединение двух братских народов». Но к этой теме еще вернемся.

Итак, если наши соображения верны и казаки во главе со своим гетманом в период активных военных действий против Польши не стремились к отделению от Варшавы, то ничего не остается, кроме как принять во внимание многократные их заявления о том, что «воюют они не против короля, а против панов».

Что, собственно говоря, это означало – «воевать против панов»?

По великому множеству источников (тщательно заретушированных в апологетике Хмельницкого) мы это знаем. Это означало разбой, грабеж и физическое уничтожение польско-украинской шляхты. Украину наводнили «загоны» (отряды, шайки) «показавшихся» крестьян, подчинявшихся Хмельницкому или действовавших сами по себе. Показачение носило в прямом и буквальном смысле поголовный характер. По выражению летописца, «усе що живо, поднялось в козацтво» [8, с. 20]. «Пустели хутора, села, города; покидали ремесленники свои мастерские; купцы – свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевых курганов), банники, всякого рода промышленники бежали в казаки; трудно было по всей Украине нанять работника; недоставало даже могильщика вырыть могилу для калеки или старого деда. Даже в тех городах, где было Магдебургское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли в казаки... Презрение и насмешки ожидали того, кто не участвовал в восстании; поэтому иной нехотя должен был менять весы или чернильницу на саблю и ружье. Только дома, но и то по большей части больной или бездетный старик, не желая или стыдясь оставаться без участия в деле освобождения отечества, ставил вместо себя наемщика» [5, с. 266]. «Вся степная удаль юга России грянула в Украину, почуяв, что Польской Короне угрожает

гибель и для всех будет пожива, – пишет Н.И. Костомаров. – Это войско было столь велико, что, по выражению польского историка, подобного Европа не видывала со времен Тамерлана» [5, с. 349].

Сам Хмельницкий стал обладателем богатств поистине сказочных: достаточно сказать, что только после одной-единственной битвы 1648 г. (под Пилявцами, в сентябре) казацкому войску, по известиям современников, досталось до 120 тыс. возов со всяческим добром.

То, что шляхту грабили подчистую, резали и убивали, – это, как говорится, предсказуемо; отдельный вопрос – как грабили и как убивали? У Н.И. Костомарова читаем: «Они резали, вешали, топили, распиливали пополам, вырывали кусками мясо, буравили глаза или обматывали голову по переносице луком, воротили голову и потом спускали лук, так что у жертвы выскакивали прочь глаза, сдирали с живых кожи, разбивали о стены младенцев, насиловали женщин» [5, с. 239–240]. «Обыкновенно, как скоро казацкий загон появлялся в панском местечке и селе, подданные принимали гостей как избавителей, соединялись с ними и устремлялись на палац или на двор своего владельца. Тогда не было пощады ни старцам, ни грудным младенцам; истребляли и домашних слуг, если они были католики или униаты и заранее не пристали к ним, сжигали панское жилье, а имущество разделяли с крестьянами» [5, с. 239]. Описывая разгром одного из местечек, очевидец писал: «С некоторых содрали кожу заживо, а тела бросили собакам; некоторым отрубили руки и ноги и бросили на дорогу, потом ехали по ним экипажами и растоптали их; некоторым нанесли множество несмертельных ран и бросили на площади, дабы они мучились в предсмертной агонии, пока не испустят дух; многих закопали живыми в землю, резали детей на лоне матерей, множество детей разорвали в куски, беременным женщинам распарывали живот, вынимали недоношенный плод и бросали им же в лицо, а некоторым, распоровши живот, впускали туда живую кошку и живот зашивали, а им рубили пальцы, дабы не могли вынуть кошку; некоторых детей привязывали к сосцам матерей, некоторых насаживали на вертела, жарили их на огне, а потом заставляли матерей есть их» [5, с. 306].

Казаки, твердил Хмельницкий (и все последующие его апологеты) сражались за веру, т.е. за православие, против католичества и униатства. Как с точки зрения христианских добродетелей одно перетекало в другое и почему это делалось бок о бок с ордой крымского хана, уяснить непросто, но вот что следует учесть. «Римско-католическая святыня предавалась поруганию; костелы грабили и “сжигали”; образа католических святых простреливали, рубили, уродовали; ксендзы и монахи были обречены на муки без милосердия и без исключения. Их топили, вешали, сдирали с них кожу; нередко нападали на них среди богослужения и засекали до смерти перед алтарем, насиловали монахинь в храмах, топтали ногами святыни и

кормили лошадей, привязавши к алтарям. Народная месть преследовала и мертвых: ожесточенные восстанцы врывались в усыпальницы, извлекали тела и кости и разбрасывали; остервенение их было до того велико, что, по словам очевидца, многие снимали с мертвых одежды, надевали на себя и ходили в них без страха» [5, с. 241]. И таких зверств, говорит летописец, было «безлич» – неисчислимое множество.

Тотальное показачение населения Украины тоже сыграет свою роль в «воссоединении Украины и России»: великое множество народу сделает это даже раньше Хмельницкого.

На пути к Переяславской раде

Чтобы не работать с изначально неверными понятиями вроде «воссоединение Украины с Россией», введем новый термин – «переяславский процесс». Под ним будем понимать вызревание предпосылок для того решения Переяславской рады 1654 г., которое на тогдашнем языке называлось «переходом Украины под высокую руку московского царя». В противовес традиционной историографии, акцентировавшей политическую сторону переяславского процесса (дипломатические устремления самого Хмельницкого и казацкой старшины, реакция Москвы на эти поползновения и т.д.), выделим в качестве равноправного или в чем-то даже первоосновного его социальный фактор, – точнее, «фактор социально-экономический».

Польско-казацья война, естественно, сопровождалась запустением огромных территорий. Про Волынь, находившуюся на пограничье между польской и казацкой армиями, очевидец, например, писал: «Край этот был так безлюден, что о нем можно было произнести: земля была пуста и неупроена; мы не видели ни городов, ни сел; только поле и пепел; не было ни людей, ни животных, только птицы кружились в воздухе. Бурьян подымал по полям высокие свои маковки, так что лошади тонули в нем и едва виднелись всадники» [5, с. 64]. Такие местности, как Волынь, но также Брацлавщина, Галичина и другие, потеряли до половины жителей; вообще же, как считают исследователи, в эти времена численность населения Украины откатилась к уровню конца XVI в.

Но отдельные области – это все-таки более или менее частные случаи; куда серьезнее оказались последствия показачения, спровоцированного войной. Что, собственно говоря, означал массовый переход вчерашних «хлопов» в «вольные казаки» с экономической точки зрения? Экономическую катастрофу! В 1649 г. на Украине местами начинается голод, а через год, по словам летописи Самовидца, люди уже лежали вдоль дорог, «как дрова».

Резко разросшееся казачье войско нужно было кормить – цены на хлеб поднялись до небес! Татары десятками тысяч уводили пленных – работников становилось все меньше и меньше. Крупное шляхетское хозяйство было изведено под корень. Начались эпидемии. Говорили о случаях людоедства.

Войско «выедало» вокруг себя все и вся. Возникал порочный круг: при сложившихся условиях казачья масса могла жить только войной и новой добычей (и Хмельницкий в это время направляет одну за одной три армии на Молдавию, а сам – в ближайшем преддверии «воссоединения двух братских народов» – начинает строить планы войны с Москвией), но чем больше казачество воевало, тем экономическая ситуация становилась безнадежнее. Простой люд и даже часть казаков разрывают этот порочный круг единственно возможным способом: начинается массовый исход украинцев на Левобережье и дальше – уже на земли России.

«Проезжая через малороссийские города, – читаем у С.М. Соловьева о миссии царского посла Неронова к Хмельницкому в 1649 г., – Неронов прислушивался к народному говору и вот какие вести привез в Москву: всяких чинов люди говорят, что они от войны и разоренья погибают, кровь льется беспрестанно, за войною хлеба пахать и сена косить им стало некогда, помирают они голодною смертию и молят бога, чтоб великий государь над ними был государем; а иные многие хотят и теперь в государеву сторону перейти» [10, с. 533].

Крайне интересно при этом, что московские послы услышали не от «людей всяких чинов», а лично от Хмельницкого. Это 1649 г. – время самых больших военных успехов гетмана, апогей его политического могущества и влияния. Посланцы Алексея Михайловича были приняты, по выражению С.М. Соловьева, «не очень учтиво» и услышали следующее. «Пусть ваши воеводы ждут меня к себе в гости в Путивль скоро; иду я войною тотчас на Московское государство... Все города московские и Москву ломаю; кто на Москве сидит, и тот от меня на Москве не отсидится за то, что не помог он мне ратными людьми на поляков». Послы потом сообщали, что «во всех городах козаки явно толкуют о войне на Московское государство» [10, с. 531].

Но пока одни готовились воевать с Москвией, другие в сторону Московии бежали. Сегодня этот массовый исход людей с правого на левый берег Днепра легко реконструируется по датам создания поселений (скажем, таких крупных, как Харьков или Сумы, основанных в 1651 г.): наиболее интенсивным он был в 1651–1654 гг. Первыми после разгрома казачьей армии под Берестечко бежали казаки: ими и был основан Острогожск, где со временем сформировался первый и самый большой на Левобережье Острогожский полк – в дальнейшем важное звено Белгородской

пограничной черты Московского государства. Ровно в эти же годы начали формироваться Сумской и Харьковской полки.

Получая боеспособные пограничные силы, Москва проводила здесь максимально либеральную политику, что, собственно говоря, и отразилось в понятии «слобода» (от «свобода»), определявшем доминирующий тип поселения. Соответственно вся область таких слобод со временем получит собирательное название Слобожанщины – территория современных Харьковской, Сумской и Белгородской областей. Здесь изначально укоренилось самоуправление; от Москвы слобожане получили подтверждение всех своих казачьих вольностей, переселенцам выделялось по 10–16 десятин на душу, хозяйства освобождались от налогов, а полки пользовались правом беспошлинной торговли. В некоторых местах переселенцам для первоначального обустройства предоставлялись даже готовые дома и посевной материал. Интересно, что в противоположность Запорожской Сечи, где семейных казаков, как правило, не было, к слобожанам причислялись именно семьи: казаков бессемейных правительство спроваживало на Дон. Будущее этой области сложится благополучнейшим образом: достаточно сказать, что к концу XVIII в. здесь насчитывалось порядка 270 ярмарок – верный показатель развитой местной экономики. За несколько десятилетий Харьков, Полтава, Переяслав, Нежин, Чугуев, Чернигов, Ромны и Сумы превратились в крупнейшие центры ремесла и торговли. По темпам роста населения регион стал одним из первых в империи.

Хмельницкий всячески препятствовал уходу людей с Правобережья (а с другой стороны, в 1652 г. предлагал царю Алексею Михайловичу оригинальнейший проект переселения всех казаков на левый берег). Переселенцам заступали дорогу, их казнили, «чтоб другим неповадно было», вешали и сажали на кол, но те снимались целыми селами, жгли свои хаты и оружием пробивали себе путь на «другую Украину» – туда, «под руку московского царя».

Тем временем «переяславский процесс» вызревал и в соображениях Хмельницкого. Противоречив был сам этот процесс – и крайне противоречива была общая политическая ситуация вокруг него.

Самое главное: официально стороны – Москва и гетманат Хмельницкого – находились в противоборствующих военно-политических союзах. Москва была в оборонительном союзе с Варшавой против татар, Войско Запорожское как раз в союзе с татарами воевало против Польши. В этой ситуации Москва могла и должна была бы идти походом против Хмельницкого. (Тому, правда, все это нимало не мешало регулярно обвинять Московию в том, что она не помогает ему против поляков.) Собственно, такой поход уже и готовился, но именно в это время завязался обмен посланиями между Хмельницким и Алексеем Михайловичем. Гетман «объективно информировал» царя о том, что польский король Владислав

умер насильственной смертью от рук панов (вот как!), поляки воюют не против татар, а против запорожцев, и что сам он, Богдан Зиновий Хмельницкий, готов жизнь положить за православную веру (мусульманство он примет несколько позже), а татары в его войске тоже сражаются за святые Божии церкви и православную веру.

Тут, среди прочего, выяснилось и то, что поляки потерпели несколько сокрушительных поражений подряд, так что Москве уже и помогать было некому.

Итак, «Владислав умер насильственной смертью от панов» и приближались выборы нового короля. Что же делает Хмельницкий? Алексею Михайловичу он обещает поддержку в его претензиях на польскую корону, в Варшаву на Сейм отправляет депутатов с наказом поддерживать кандидатуру Яна Казимира, деятельно сносятся с турецким султаном на предмет принятия оттоманского подданства. Тем временем казаки в один голос говорят московским послам: «Будет у нас с вами, москали, большая война за то, что от вас нам на поляки помощи не было» [5, с. 445].

В разговорах с московскими послами в ход шел давно испытанный прием – смесь раболепной лести, далеко идущих посулов, угроз и шантажа. «Истинно скажу, – внушал писарь Хмельницкого московскому подьячему, – если государь, приняв нас, пошлет своих ратных людей на Польшу, то вся Польская Корона и Великое княжество Литовское без войны учинятся у государя в подданстве и будут под его государевою рукою... Если же государь нас скоро не изволит принять под свою высокую руку, так мы, видя, что государь нас не жалует, станем подданными польского короля, и король и паны прельстят нас, и приведут к тому, что мы пойдем с поляками на Московское государство разорять православных христиан» [5, с. 75]. В минуты особо экстатического возбуждения (с какого-то времени гетман впадал во все более тяжкий алкоголизм) царю адресовались обещания подвести под его руку не только польские и литовские города, но даже Константинополь, весь Крым и «другие города до самого Иерусалима» [2, с. 120]. У «тишайшего» Алексея Михайловича все это, конечно, особого воодушевления и доверия не вызывало.

Но вода камень точит, тем более со временем и у Москвы появились свои противоречия с Польшей. Сверх того, Алексею Михайловичу доносили, что Хмельницкий и в самом деле, не только на словах, готовит поход на московские земли: в 1650 г. завершился его переход под протекцию турецкого султана, и теперь он был готов «идти на всякого неприятеля» нового своего патрона [2, с. 122]. Поэтому, когда в 1652 г. в Москву прибыли послы от Хмельницкого с просьбой «умилосердиться над ними», «пожаловать», «не отдалить от своей милости» и «под свою государеву руку изволить принять», московские бояре уже сочли за благо допытаться, что бы это могло значить – «перейти под государеву руку» (но из объяс-

нений так ничего и не поняли). Хмельницкий тем временем внушал московским гонцам: «Если государевой милости мне не будет, то я слуга и холоп турецкому» (т.е. турецкому султану. – Ю. Н.)» [2, с. 139].

«Воссоединение»

Дальнейшее известно по общедоступным хрестоматиям. В октябре 1653 г. в Москве собрался Земский собор, постановивший: «Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять». 8 (18) января 1654 г. в Переяславле, тогдашней столице Войска Запорожского, Хмельницкий созвал Раду подначальных ему казаков и городских мещан, и она возгласила: «Волим под царя восточного!» Тут же была дана присяга на верность Москве.

Тому предшествовало следующее.

Незадолго до Рады Хмельницкий совещался с генеральной старшиной по вопросу о том, кого впредь держаться – Польши, Турции или Москвы. Голоса разделились: половина собравшихся высказались за соединение с Турцией: «У них воинский народ в нарочитом уважении и почтении... а что всего важнее, нет у них крепостных и продажных (т.е. продаваемых. – Ю. Н.) людей, или крестьянства, как в Московщине это водится» [2, с. 148]. Зерна будущего раскола...

Но пока что обсуждали условия объединения с Москвой. Составленное «челобитие великому государю» предполагало максимально широкую автономию гетманата¹. Челобитную повезли в Москву; здесь ее согласовали по 23 пунктам. За исключением нескольких статей договора, которые вызвали у царя вопросы и требовали специальных разъяснений, все они были удовлетворены.

Итак, гетманат Хмельницкого перешел под начало московского монарха. И возникают вопросы, центральные для нашей темы: как именно понимать это событие; в чем его действительный исторический смысл и масштаб? Какими понятиями оперировать: «воссоединение», «присоединение», «военно-политический союз», «вассалитет», «временный альянс»? Как точнее всего истолковать решения московского Земского собора 1653 г. и Переяславской рады 1654 г.? Вопросы не надуманные. Мало того что они имеют всем нам понятное «метаисторическое» (идеологическое) значение,

¹ По условиям «перяславского договора» гетман полностью сохранял свою административную власть; за казацкой старшиной, шляхтой и духовенством оставались их наследственные земли, а за городским населением – права самоуправления. Казачий реестр был не просто сохранен, но расширен до 60 тыс. человек, т.е. в 10 раз, если за точку отсчета брать ситуацию начала казацко-польской войны. За казачеством было сохранено право избирать старшину и гетмана (с последующим уведомлением Москвы). Гетман был вправе принимать «хорошие» (дружественные Москве), но не «плохие», иностранные посольства. Доходы с малороссийских городов и сел направлялись в гетманскую казну.

не решены они и в историографии. «Число различных мнений по этому поводу, – подчеркивал зарубежный исследователь и автор широчайшего обзора исследований и источников по XVII в., – почти необозримо» [7, с. 136–137].

Полагаем, что все разноречия проистекали и проистекают прежде всего из одного – из недостаточно внимательного прочтения исторических документов. С них и начнем, специальное внимание уделяя конкретным формулировкам.

Собор рассматривал то, что понималось как «челобитье государю в подданство Богдана Хмельницкого и всего Войска Запорожского». Было записано: «А о гетмане о Богдане Хмельницком и о всем Войске Запорожском бояре и думные люди приговорили, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку» [9]. Остальную (и основную) часть текста занимало подробное исчисление претензий к польскому королю – в объяснение того, почему именно Москва переподчиняет себе «Войско его королевской милости Запорожское».

Теперь Хмельницкий... Гетман выступает в Переяславле: место действия – «круг пространный» (слово «круг» существенно для понимания количества присутствующих). Прочитаем его речь в наиболее значимых извлечениях.

«Паны полковники, есаулы, все Войско Запорожское и все православные христиане! ...

Вот уже 6 лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими... и видим, что нельзя нам жить больше без царя. Для этого собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя из четырех, кого хотите: первый царь – турецкий, который много раз через послов своих призывал нас под свою власть; второй – хан крымский; третий – король польский, который, если захотим, и теперь нас еще в прежнюю ласку принять может; четвертый есть православный Великой России государь и великий князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец восточный, которого мы уже 6 лет беспрестанными молениями нашими себе просим; тут которого хотите выбирайте! Царь турецкий – бусурман: всем вам известно, как братья наши, православные христиане, греки беду терпят и в каком живут от безбожных утеснения; крымский хан тоже бусурман, которого мы, по нужде в дружбу принявши, какие нестерпимые беды испытывали! Об утеснениях от польских панов нечего и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса, нежели христианина, брата нашего, почитали. А православный христианин великий государь восточный единого с нами благочестия, греческого закона, единого исповедания, едино мы тело Церковное с православием

Великой России, главу имея Иисуса Христа. Это великий государь, царь христианский... Если мы его с усердием возлюбим, то, кроме его великой царской руки, благодатишайшего пристанища не обрящем; если же кто с нами не согласен, то куда хочет – вольная дорога» [10, с. 573–574].

Известно, что после этого выступления присягу на верность московскому царю в Переяславле дали 284 человека, на самой же Раде, – «в просторном кругу», – можно полагать, было и того меньше. Вывод (вполне очевидный): гетман обращался к верхушке своего войска, что и выражено в адресации «паны полковники, есаулы, все Войско Запорожское». Известно также, что представителей мещан от каких-либо других городов и от духовенства на Раде не было. В любом случае «круг просторный», образованный для выступления Хмельницкого, – это исключительно «свои»: близкие к особе гетмана люди, генеральная старшина, почти свита.

О чем конкретно Хмельницкий говорил этим людям? В чем прямой и буквальный смысл сказанного им?

«Вот уже 6 лет живем мы без государя», «видим, что нельзя нам больше жить без царя», «собрали мы Раду, явную всему народу, чтоб вы с нами выбрали себе государя». Очень странно, что в традиционной историографии – в той, на страницах которой «Украина воссоединилась с Россией», из этого фрагмента никаких особых выводов сделано не было (как, по сути, не «прочитана» и вся речь Хмельницкого, даром что воспроизведена в сотнях хрестоматий). Что это за царь-государь, без которого войско гетманата жило шесть лет и необходимость в котором оно столь остро почувствовало в 1654 г.? 1654 минус 6 равняется 1648 – год начала польско-казачьей войны, перед которой казаки от тогдашнего своего «государя», короля Владислава IV, получили средства на постройку флотилии чаек; после этого Войско его королевской милости Запорожское, естественно, уже никакого жалования не получало. И вот теперь Хмельницкий призывает выбрать нового «государя». Есть четыре альтернативы, нет лишь еще одной – какой бы то ни было мысли о независимости Украины (Малороссии, Запорожской Сечи, территории гетманата, любых иных этнически украинских земель). О «самостийности» здесь ни слова: «Вопрос даже не обсуждается».

Стоит весь этот способ рассуждения извлечь из контекста традиционного истолкования в духе «воссоединения», с очевидностью видно, что перед нами украинский вариант кондотьеров и они, эти украинские кондотьеры, хотят подписания «кондотты» (договора) с новым господином. Да, они несколько на польский манер называются здесь реестровым казачеством; да, речь шла не о подписании кондотты, а об удовлетворении челобитной – суть дела от этого несколько не меняется.

Практика наемничества в тогдашней Европе уже настолько устоялась, что перед нами, может статься, совершенно типичный случай – с типичными для него «технологиями принятия решений».

Итак, еще раз общая формула соглашения: Москва принимала «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями» (впредь Хмельницкий будет титуловаться «гетманом его царского пресветлого величества Войска Запорожского»), а Войско Запорожское со своей стороны «переходило под высокую руку» московского царя... По условиям последнего договора Хмельницкого с поляками (Белоцерковский 1651 г.) за гетманатом де-юре оставалось единственно Киевское воеводство и то с призрачной автономией. Непонятно, откуда после этого вообще могла взяться мысль о том, что в 1654 г. Украина воссоединилась с Россией (если только не из тезисов ЦК КПСС 1954 г.)? Некоторым основанием для странной этой теории, конечно, могла стать вот эта часть формулировки – «з городами их и з землями», но и она совершенно ничего не говорит в пользу «присоединения», «воссоединения» или чего-либо подобного. Гетманат структурировался по военно-территориальному принципу; его полки (на то время общим счетом порядка 20) представляли собой род военных поселений; с тех городов и земель военное казачество кормилось, получая их «на жалование»: полк в этой системе как будто сливался с городом (и его именем назывался), при этом не полки были приписаны к городам, а города к полкам. Другое дело, что земли полка могли быть обширными, как, скажем, у Киевского, за которым числилось свыше 20 тыс. квадратных километров, но это опять-таки принципиально ничего не меняет: оторвать полк от его земли в тех условиях было невозможно.

Характерным выражением «кондотьерства» переходящей под начало Москвы силы стал тот способ, которым население гетманата приводилось к присяге царю в других городах – уже после Переяславля: присягали полками. Четыре полка не только отказались присягать, но и подняли бунт; Запорожская Сечь не присягала (ее представителей и на Раду-то не пригласили); в Киеве, Чернобыле и даже в том же Переяславле часть народа привели к присяге насильно; в Киеве отказалось присягать православное (!) духовенство. Московские послы были в 177 городах и поселениях: присягу дали точным счетом 127 328 казаков и «вольных войсковых поселян» [1]. С территориальной стороны к Москве переходил номинальный контроль над частью Северной и Центральной Украины до границы с Запорожской Сечью (которая Хмельницкому подчинялась лишь номинально), т.е. земли гетманата, расширенные до Брацлавского, Киевского и Черниговского воеводств. Но и эти земли «воссоединенными с Россией» оставались очень недолго.

После Переяславля

С Войском Запорожским царю Алексею Михайловичу повезло не больше, чем в свое время польским королям Владиславу и Яну Казимиру.

Всего лишь через три года по смерти Хмельницкого (1657) его гетманат погрузится в острейший внутренний конфликт – почти в гражданскую войну, и гетманщина разделится на Правобережную и Левобережную части. Правобережье уйдет под Польшу, а еще через несколько лет здесь же, на правом берегу Днепра, произойдет еще один раскол: один новообразованный гетманат останется под властью Польши, другой примет протекторат Османской империи. Турки тогда дошли до Чигирина, бывшей резиденции Хмельницкого, и вконец разорили эту часть Украины. Некогда благодатная страна все глубже и глубже погружалась в тот распад, что вошел в ее историю под названием Руины (разрушения).

«До восстания Хмельницкого, – пишет биограф гетмана, – Малороссия представляла самый цветущий край из всей обширной российской равнины. Поляки справедливо называли его своим раем, второю обетованною землею, текущею медом и млекою; после же Хмельницкого?..» [2, с. 237].

Что было после, опишет некто Самуил Величко – автор летописи, входящей в круг основных и базовых источников по хмельниччине. «Проходя малороссийскую Украйну, – читаем здесь, – я видел много городов и замков безлюдных и пустых, сделавшихся только прибежищем диких зверей; видел малороссийские поля и широкие долины, леса, сады, реки и озера запустелые, мхом и другою непотребною травною поросшие; видел еще на разных местах человеческие кости, сухие и нагие, только небо себе покроем имеющие – и рекох в уме, кто суть сия? И так красная и великими благами изобиловавшая земля и отчизна украинская превратилась в пустыню, а насельницы ее – славные предки наши, безвестны стали» [2, с. 238].

Но и по сей день стоят по городам и весям Украины памятники Богдану Хмельницкому и своей булавой он все указывает и указывает куда-то туда, на Восток – в сторону России.

Список литературы

1. Белоцерковский универсал Богдана Хмельницкого. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Белоцерковский_универсал_Богдана_Хмельницкого (Дата обращения: 08.08.19.)
2. Буцинский П.Н. О Богдане Хмельницком: Исследование на основе архивных материалов. – М.: Либроком, 2013. – 247 с.
3. Гоголь Н.В. Тарас Бульба. – М.: АН СССР, 1963. – 256 с.

4. Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины. – СПб.: Книгоиздательское товарищество «Просвещение», 1913. – 556 с.
5. Костомаров Н.И. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Книжный клуб Книговек, 2010. – Т. 5. – 512 с.
6. Костомаров Н.И. Собрание сочинений: в 12 т. – М.: Книжный клуб Книговек, 2010. – Т. 6. – 512 с.
7. Кристинсен С.О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников: пер. с датского. – М.: Прогресс. 1989. – 256 с.
8. Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. – М.: Университетская тип., 1846. – 138 с.
9. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 3: Акты Земских соборов. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/> (Дата обращения: 08.08.19.)
10. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. – М.: Мысль, 1990. – Кн. 5, т. 8/9: История России с древнейших времен. – 718 с.
11. Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654–1954). Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1954. – 29 с.
12. Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі. Переклад з французького видання 1663 року. – Киев: Томіріс, 1993. – 224 с.

**ДЕКАБРИСТЫ
И ЮБИЛЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ**

Д.И. БУЛДАКОВА, О.И. КИЯНСКАЯ

***ЮБИЛЕИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ПЕРИОДИКЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.***

Юбилеи всякого рода исторических событий широко отмечались в СССР. На «юбилейные» темы издавались монографии, собирались научные конференции, снимались документальные и художественные фильмы, переименовывались улицы, высказывались партийные и советские руководители. Важную роль в праздновании «круглых дат» играла пресса: именно она формировала отношение широкой аудитории к юбилею или юбилейному событию. Одним из первых советских «юбилеев» было столетие восстания декабристов.

Декабристы и советский официоз: поиск места

В первые годы советской власти официальное отношение к декабристам и их роли в истории России еще не было окончательно определено.

С одной стороны, существовали написанные еще до революции статьи В.И. Ленина «Памяти Герцена» (1912) и «Из прошлого рабочей печати в России» (1914). Ленин утверждал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию» [4, с. 255].

Ленин считал, что «освободительное движение в России» в своем развитии прошло «три главных этапа». Первый этап (период) он назвал «дворянским» и предложил датировать его начало 1825 г. «Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен», – писал Ленин [3, с. 93].

Однако его точка зрения не была общепризнанной. Так, в 1923 г., в преддверии декабристского юбилея, в печати выступил историк М.С. Оль-

минский – старый большевик, партийный журналист, много лет проведенный в тюрьме и в ссылке. В момент написания статьи Ольминский руководил Истпартом – Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б), собиравшей, публиковавшей и изучавшей партийные и советские документы. Мнение Ольминского, по сути, направляло работу Испарта по определению «родоначальников» революции в России.

Ольминский утверждал, что праздновать столетие не нужно: «Собираются праздновать столетний юбилей декабристов, собираются ставить им памятник и т.д. За что? Кто такие были декабристы? Это были помещики, которые обманом увлекли солдат на Сенатскую площадь и постыдно бросили их, когда царь начал этих солдат расстреливать. Это были представители чисто помещичьих интересов, которые заботились только о помещичьей выгоде. <...> И вот, что же мы будем праздновать в декабре 1925 года: 20-летие нашей первой пролетарской революции или же столетие обмана помещиками солдат?» [7].

С Ольминским вступил в спор М.Н. Покровский, родоначальник советского декабристоведения, в 1923 г. – заместитель народного комиссара просвещения, влиятельный марксист, близкий к Ленину. «Декабристы, – утверждал Покровский, – отнюдь не все были помещиками, обманно увлекшими солдат на Сенатскую площадь, а были в своей известной части... настоящими революционерами» [11, с. 20]. Столетие восстания, по его мнению, обязательно нужно отметить.

Покровский – поистине отец советского декабристоведения – создал в своих работах стройную марксистскую концепцию движения, опирающуюся на ленинские постулаты. «“Страшно далеки они от народа”, – сказал о декабристах Ленин. Далеки не географически. Народ был подле, у их локтя, в лице рабочих Исаакиевского собора, бомбардировавших Николая Палкина камнями и поленьями... Но сами восставшие, руководившее движением офицерство, всего этого не видели, не желали видеть», – утверждал он [10, с. 69].

Покровский выстраивал декабристские организации по степени их «революционности», обусловленной имущественным положением участников той или иной организации. Северное общество, организовавшее Сенатскую площадь, было, по его мнению, наименее революционным, «рыхлым», действующим «без определенного плана и определенной цели», поскольку в его составе были крупные землевладельцы и душевладельцы. Когда же «безжалостная история поставила нос к носу с немедленным выступлением именно в Петербурге», у столичных заговорщиков «началась истерика, подбадривание друг друга революционными фразами, искусственное подогревание революционного энтузиазма, которого хватило на несколько часов – и то не у всех». Глава заговора, «диктатор» восстания

Сергей Трубецкой «не нашел в себе мужества» прийти на площадь [10, с. 70].

Южное общество, по мнению Покровского, было гораздо «революционнее» Северного, поскольку им руководил «безземельный дворянин» Павел Пестель, «монтаньяр в полковничьем мундире». Южане «годами» вели «серьезную конспиративную работу» и имели четкий «план действий». Пестель, кроме того, понимал, что «низвержение самодержавия может быть делом только массовой революции» [10, с. 71].

Наиболее последовательными революционерами в рядах декабристов Покровский считал членов Общества соединенных славян: «Это была наиболее обделенная судьбою часть дворянства, уже выпадающая из “правлящего сословия”, близкая к тому, чтобы превратиться в “разночинца”, и питавшая такую острую ненависть к господствовавшему порядку, какой напрасно было бы искать в богатых усадьбах, где собирались “управы” “Южного общества”» [10, с. 75]. По мнению Покровского, «славяне» «дошли до той крайней грани революционности, которая возможна для непролетарских классов, которая возможна для буржуазии крупной и мелкой» [11, с. 20].

Историк причислял к декабристам и «народную» группу – солдат и сочувствовавших восставшим крестьян. «На поле первой революционной биты их не завлекли обманом... их привлекла туда острая социальная несправедливость, ненависть к крепостничеству, более сильная, чем все, что могли чувствовать к старому порядку самые захудалые и разоренные дворяне. Имена этих людей никому пока не известны – наша обязанность сделать их более знаменитыми, чем их чиновные вожди. Ибо только гибель этих людей дает нам право сказать: в 1825 году начиналась революция» [10, с. 75].

Кампания, проходившая в связи со столетием восстания, не была организована на государственном уровне: по крайней мере никаких постановлений по этому поводу центральные партийные и государственные органы не принимали. Ленин к тому моменту уже умер, а для остальных «вождей» этот юбилей оказался не столь актуален. Первый советский юбилей декабристов поначалу отдали на откуп журналистам и историкам.

Концепция Покровского, конечно, была скорее пропагандистской, чем научной: она была призвана упрочить в исторической науке идею «трех этапов» освободительного движения. Построения заместителя наркома опровергаются уже тогда хорошо известными фактами: главное декабристское восстание, заставившее императора Николая I пережить много неприятных минут, организовало именно «неревлюционное» Северное общество, оба восстания – на Сенатской площади и под Киевом – потерпели поражение, северный «диктатор» Трубецкой с одинаковым основанием мог бы быть назван членом как Северного, так и Южного обществ, а

«соединенные славяне» – за редким исключением – участия в конкретных восстаниях вообще не приняли. Утверждение же о том, что Пестель стремился к «массовой революции», опровергается всеми известными и Покровскому, и современным историкам источниками.

Декабристы в советских СМИ

Советская пресса не могла не заметить юбилея восстания «первых русских революционеров». Причем в прессе отметились как собственно журналисты, так и профессиональные историки. Для тех, кто писал о декабристах в газетах и общественно-политических журналах, историческая конкретика была не столь важна, важнее была пропагандистская составляющая юбилея. Поэтому в журналистике 1925 г. возобладала точка зрения Покровского.

Так, например, В. Плесков, автор статьи «Страничка прошлого. Декабристы», опубликованной в газетах «Беднота» и «Красная Татария», отзывается о Южном обществе с куда большим уважением, чем о Северном. Причина этого кроется в нерадикальности позиции «северян», согласных на конституционную монархию, – в сравнении с теми же «южанами», которые замыслили не только установление республики, но и царевубийство. Подобные различия во взглядах автор объясняет разницей в социальном происхождении участников обоих обществ: «В Северном обществе было больше родовитого знатного дворянства, а в Южном членами состояли офицеры, происходившие из среднего дворянства, не столь знатного и родовитого» [9].

Газета «Гудок» также отчетливо противопоставляла Северное общество Южному, утверждая, что разница в происхождении членов обоих обществ серьезно сказалась и на их программах, и на их поведении в момент восстаний. В редакционной статье, опубликованной 25 декабря 1925 г., руководители Северного общества предстали «кучкой петербургских офицеров», не способных «объяснить толком своим солдатам, в чем дело». Восстание же на Сенатской площади, по мнению автора статьи, состояло сплошь из упущенных возможностей. В отличие от северных заговорщиков, «южане» «были разбиты, но в бою» [7].

По мнению С.Я. Штрайха, автора очерка «О пяти повешенных», опубликованного одновременно в газете «Красная Татария» и журнале «Огонек», «славяне», бедные армейские офицеры, были «самым революционным элементом в среде заговорщиков». Тем не менее ни одно из обществ не было революционным по-настоящему: «Плохая организованность руководителей заговора <...> недостаточное понимание целей и планов переворота со стороны народных масс не дали декабристам воз-

возможности использовать первоначальный испуг Николая Павловича и полную растерянность его окружения [7].

Впрочем, для Штрайха декабристы – «первомученики русской революции» [7].

Л. Войтоловский, автор опубликованной в журнале «Красная новь» большой публицистической статьи «Декабристы», пишет об «уступчивой» природе и «политическом младенчестве» участников Северного общества, больных «аристократической спесью». По мнению автора статьи, «северяне» «мечтали о революции с помощью бумажных приказов, без пролития крови и без значительных перемен» [17, с. 124–126]. Собственно, именно поэтому на площадь не вышли «диктатор» С.П. Трубецкой и главный организатор восстания К.Ф. Рылеев, из трех потенциальных цареубийц на площадь пришел лишь П.Г. Каховский. Однако и «южане» недалеко ушли от петербургских заговорщиков: под кажущейся революционностью они скрывали затаенное недоверие к демократии.

Больше других Войтоловский уважал П.И. Пестеля, решительного сторонника диктатуры. И даже позволил себе отклониться от концепции Покровского: «Цареубийственные планы с гильотинами, равенством и национализацией земли не помешали ему отстаивать чисто офицерскую революцию – безо всякого участия народа» [1, с. 132].

Настоящие революционеры были опять-таки только в Обществе соединенных славян, «навербованном» из «молодого пехотного офицерства, весьма незаметного по своему служебному рангу, но уже с некоторыми революционными заслугами в прошлом». При этом Войтоловский был убежден, что «славяне» не боялись народа, напротив того, они надеялись на «всемощное содействие масс» [1, с. 133, 135, 137]. Трудно сказать, какие именно документы позволили автору столь высоко оценить революционный потенциал молодых армейских офицеров.

Историки – о декабристах

Историки тоже активно включились в «юбилейную» деятельность. При Центральном архивном управлении РСФСР (Центрархиве), которым руководил Покровский, была создана декабристская комиссия. Именно под ее эгидой печаталось большинство посвященных декабристам юбилейных изданий. В 1925 г. – под редакцией опять-таки Покровского – начала выходить серия «Восстание декабристов. Документы и материалы», где публиковался основной источник по истории движения – следственные дела участников тайных обществ. Предполагалось, что со временем в этой же серии станут выходить и научные монографии. Эпиграфом к каждому тому служила цитата из Ленина – про «три поколения» русских революционеров.

Публиковались и републиковались мемуары декабристов. Увидели свет сотни научных работ; их авторы, оценивая декабристов, не повторяли бездумно ни схему Ленина, ни концепцию Покровского.

Так, например, Г.Б. Сандомирский, автор предисловия к вышедшему в 1925 г. сборнику «Декабристы на каторге и ссылке», вообще отказался от «классового» подхода в описании декабристов. Он утверждал: декабристы – «блестящая плеяда красочных и неясно-бледных образов, пылких народных трибунов и умереннейших кабинетных “революционеров”, рядовых обывателей, случайно вовлеченных в водоворот разыгравшихся политических страстей, и смелых одиночек, поражающих классической силой своих характеров» [13, с. 8]. А известный профессор-декабристовед А.Е. Пресняков утверждал в подготовленной в 1925 и вышедшей в 1926 г. книге «14 декабря 1825 года», что декабристы – ни на севере, ни на юге – вовсе не искали «поддержки масс», ориентируясь прежде всего на «военную среду» и «верхи русской общественности». «По всему складу своих воззрений и настроений, по своему классовому составу они искали пути к “благоденствию” через “спасение” страны и от деспотизма, и от революционной “анархии” путем государственного переворота – захвата власти военными “пронунциаменто” по испанскому образцу» [12, с. 24].

Начало развиваться «региональное» декабристоведение. Суть, например, «украинского декабристоведения», состояла в поисках среди участников тайных обществ лиц с украинской идентичностью. Декабристов изучали и методами краеведения [16].

1930-е: декабризм как ненужное прошлое

Выступая 26 декабря 1925 г. на II Всесоюзном съезде Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, о декабристах высказался Л.Д. Троцкий. Он утверждал: «Декабристы были первой попыткой дворянской интеллигенции, приобщившейся к истокам Великой Французской революции, дать царизму отпор и пробить окно в Европу. <...> Мы полученный нами от Европы дар – революционную мысль – не принизили, не издержали: наоборот, мы ее обогатили опытом 1905 и 1917 годов и готовы теперь, с этим огромным наращением, поделиться ею с европейским пролетариатом» [15, с. 105].

В конце 1925 г. Троцкий уже находился в конфликте со Сталиным; конфликт этот с годами только усиливался. Высказывание опального организатора «мировой революции» на долгие годы определило официальный взгляд на декабристов: их не замечали и вовсе не считали «предками» большевиков. А сам Троцкий в 1928 г. был сослан в Алма-Ату и год спустя выслан из СССР.

Статьи о декабристах быстро исчезли со страниц газет и общественно-политических журналов, декабристоведение стало уделом узких специалистов-историков и больше не вызывало острого общественного обсуждения. Статьи и монографии о декабристах внезапно столкнулись с трудностями при публикации. Так, например, начинающий историк М.В. Нечкина, ученица Покровского, чья первая монография «Общество соединенных славян» была «закончена летом 1925 г.» и должна была быть опубликована в серии «Восстание декабристов», смогла опубликовать ее только в 1927 г. и вне серии – по «условиям печати» [6, с. 6]. А том VII этой серии, содержащий «Русскую Правду» Павла Пестеля, был «подготовлен и отчасти сверстан» в 1930 г., но по обстоятельствам, «от редакции совершенно не зависевшим», увидел свет только в 1958 г. [8, с. 7].

В 1932 г. умер Покровский, и очередной «юбилей» – 110-летие со дня восстания – прошел практически незамеченным прессой. Год спустя, в 1936 г., вышло Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР: «Среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку. Совнарком и ЦК ВКП(б) подчеркивают, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных исторических взглядов, свойственных так называемой “исторической школе Покровского”» [2, с. 20–21].

В конце 1930-х годов о декабристах вспоминали прежде всего тогда, когда нужно было разоблачать «вульгарный» подход к истории «школы Покровского» [5, с. 313–329]. Их место в «пантеоне» борцов за свободу прочно занял Пушкин, столетие смерти которого в 1937 г. праздновалось с государственным размахом.

Список литературы

1. Войтоловский Л. Декабристы. 1825–14 декабря – 1925 // Красная новь. – М., 1925. – Т. 10: Декабрь. – С. 122–142.
2. К изучению истории. – М.: Партиздат, 1937. – 38 с.
3. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 25. – С. 93–101.
4. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 21. – С. 255–262.
5. Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против исторической концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. – Т. 1. – С. 313–329.
6. Нечкина М.В. Общество соединенных славян. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – 246 с.
7. Ольминский М.Н. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Рабочая газета. – 1923. – 18 декабря.
8. От Главного Архивного управления // Восстание декабристов: Документы и материалы. – М.: Наука, 1958. – Т. 7. – С. 7–8.

9. Плесков В. Страничка прошлого. Декабристы // Беднота. – 1925. – 26 июля.
10. Покровский М.Н. Декабристы. – М.; Л.: Государственное издательство, 1926. – 96 с.
11. Покровский М.Н., Мицкевич С.И. Нужно ли праздновать юбилей декабристов? // Декабристы. 1825–1925.: Сб. статей и материалов. – М.: Молодая гвардия, 1925. – С. 19–32.
12. Пресняков А.Е. 14 декабря 1825 года. – М.: Госиздат, 1926. – 226 с.
13. Сандомирский Г.Б. Предисловие // Декабристы на каторге и в ссылке. – М.: Прибой, 1925. – С. 5–8.
14. Столетие восстания декабристов // Гудок. – 1925. – 25 декабря.
15. Троцкий Л.Д. Сочинения. – М.; Л.: Госиздат, 1927. – Т. 2, ч. 2. – 447 с.
16. Ченцов Н.М. Восстание декабристов. Библиография. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 794 с.
17. Штрайх С.Я. О пяти повешенных // Красная Татария. – 1925. – 25 декабря.

Д.М. ФЕЛЬДМАН

***ТЕРМИН «ДЕКАБРИСТ»:
В ПРЕДДВЕРИИ 180-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ¹***

Очевидный парадокс

События, связанные с восстанием декабристов, В.О. Ключевский охарактеризовал как историческую случайность, обросшую литературой [цит. по: 20, с. 218]. Это была, конечно, шутка. Но известно, что в каждой шутке лишь доля шутки, все остальное – правда.

Действительно, был заговор, был военный мятеж. И если судить по очевидным последствиям заговора, ничего декабристам не удалось. На русский престол взшел император Николай I. Заговорщики не смогли ему помешать. Причем в российской истории декабристы не были первыми заговорщиками, и другим заговорщикам порой удавалось многое. Однако им отечественные историки и литераторы не уделяли и не уделяют столько внимания.

Со времен Ключевского тенденция не изменилась: количество литературы в XX в. росло лавинообразно. Сотни книг, тысячи статей. По истории движения декабристов опубликовано более десятка библиографических указателей [4; 5; 6; 8; 9; 13; 14; 31]. Правда, справедливости ради следует отметить, что в начале XXI в. количество работ о декабристах резко сократилось.

В задачу данной работы не входит анализ причин, по которым движение декабристов стало значимым для русской культуры. Но можно отметить, что задолго до создания Советского государства сформировались два полярных мнения о тех, кого называют декабристами. С одной стороны, декабристы – «святые мученики за дело свободы», «жертвы деспотизма», «первенцы свободы» и т.д. А с другой – преступники, изменники, жестокие честолюбцы.

Подобного рода споры, прежде всего об оценках движения, продолжают по сей день. Но характерно, что до сих пор не удалось договорить-

¹ Впервые опубликовано: [30, с. 443–446]. В данном издании печатается с изменениями и дополнениями.

ся о базовом термине. Определить, кого и почему считать или не считать декабристами.

Версии происхождения

Даже о том, где и когда возник термин «декабрист», нет единого мнения.

С.Е. Эрлих, систематизировавший материалы полуторавековой полемики, выделил четыре основные версии [32].

Первая, условно говоря, «петербургская». Согласно этой версии, слово «декабрист» появилось в Петербурге на исходе 1820-х годов [27].

Источник – дневник литератора и цензора А.В. Никитенко. Там новый термин использован 30 января 1828 г., 9 апреля и 1 августа 1834 г. [22, с. 246, 325, 339]. Правда, документ был опубликован много лет спустя, рукопись не сохранилась, кроме того, известно, что дневник в 1880-х годах редактировала дочь Никитенко. Похоже, что именно она и ввела в текст дневника термин «декабрист». Иначе он был бы обнаружен в других источниках.

Вторая версия – «московская». Согласно этой версии, термин «декабрист» к началу 1840-х годов был известен в Москве.

Обосновывая «московскую» версию, С.Ф. Коваль, главный редактор мемуарной серии «Полярная Звезда», ссылаясь на письмо Н.С. Зыкова, адресованное Н.Д. Фонвизиной, жене сосланного за участие в деятельности, именуемой декабристской.

Зыков, рассуждая о настроениях московской молодежи 1840-х годов, использовал термин «декабрист» без пояснений. Стало быть, в качестве общепринятого. Но Зыков писал Фонвизиной в 1852 г. И не из Москвы: он тогда в Тобольской тюрьме был. Потому не исключено, что о термине «декабрист» узнал в Сибири.

Третья версия – «сибирская». Она выдвинута в 1920-е годы.

По мнению С.Я. Штрайха, в документах сибирской администрации термин «декабрист» употребляется без пояснений, как общепринятый. Первый известный случай такого словоупотребления фиксируется в 1841 г. [7, с. 104].

Уместно предположить, что термин «декабрист» возник еще раньше, а к 1841 г. стал обиходным элементом профессионального сленга сибирских чиновников. Использовался для краткого обозначения осужденных по «делу о заговоре 14 декабря 1825 г.» и делам, с этим заговором связанным [10; 21; 29].

Соответственно, слово «декабрист» изначально было эмоционально окрашенным. Причем окраска негативная, ведь речь шла о преступниках. Более того, совершивших так называемые государственные преступления.

Уместно вновь подчеркнуть: сибирские чиновники называли декабристами только бывших дворян, которые находились под особым надзором. Об участвовавших в мятеже «нижних чинах» речь в данном случае не шла.

Для логико-семантического анализа понятия целесообразно использовать методику, предложенную Г. Фреге, правда, отчасти модифицированную. Таким образом, можно выделить **значение** и **смысл** термина «декабристы».

Значение – проживающие в Сибири бывшие дворяне, осужденные по «делу о заговоре 14 декабря 1825 г.» и другим аналогичным, с ним связанным. А **смысл** – государственные преступники, находящиеся под особым надзором (см. рис 1).

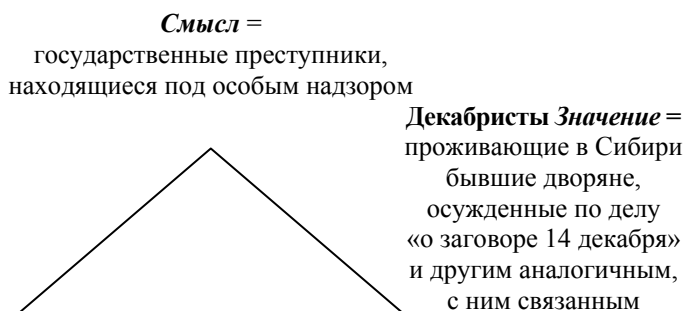

Рис. 1

Однако «сибирскую» версию Эрлих тоже не считает вполне обоснованной. С его точки зрения, Штрайх перепутал документы, допустил ошибку – из-за «присущей Штрайху неаккуратности при работе с документами» [34, с. 208]. Такое, по мнению Эрлиха, было возможно, ведь известны свидетельства современников, подтверждающие, что Штрайх обращался с документами очень вольно. С другой стороны, специалисты не раз убеждались, что документы, которые Штрайх пересказал, приведя ошибочную ссылку или вообще обойдясь без ссылок, все же существуют. Потому и отвергать «сибирскую» версию нецелесообразно.

Четвертую версию условно можно назвать тоже «московской», но эта версия, в отличие от прочих, бесспорно обоснована. С.А. Рейсер обнаружил, что слово «декабрист» употребляется А.И. Герценом в дневниковой записи 26 марта 1842 г. [26, с. 248]. Причем без пояснений, как обиходное. И в печати, по мнению исследователя, впервые использовал термин «декабрист» именно Герцен [26, с. 250; 34, с. 204–205].

Возможно, Герцен, как полагает Эрлих, не только первым употребил слово «декабрист» в печати, но и сам его придумал [34, с. 205]. Не исключено также, что придумал не Герцен, а кто-либо иной в начале 1840-х годов, или же придумал не только Герцен. Несомненно лишь то, что в гер-

ценовском кругу к 1842 г. слово «декабрист» стало обиходным, и позже Герцен использовал его в публикациях.

Таким образом, в начале 2020-х годов этому термину исполнится 180 лет. Со второй половины 1850-х годов благодаря герценовским публикациям слово «декабрист» – термин общепринятый, не нуждающийся в пояснениях [18].

Судя по материалам герценовского «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии, *декабристы* – предшественники Герцена и его товарищей в борьбе с крепостничеством и самодержавием. Герцену особенно важно было, что предшественники – дворяне, по собственной инициативе выступившие против государственного строя, который и обеспечивал дворянские привилегии.

Конечно, дворяне были и среди лидеров Великой французской революции, уничтожившей сословное неравенство. Однако вовсе не они – большинство. Франция шла к революции несколько лет. Численно противники дворянских привилегий многократно превосходили дворянство. Их становилось все больше. Да, современники не предвидели, каковы будут масштабы событий и последствий. Но вполне могли предвидеть крах монархии, отмену дворянских привилегий. И это обсуждали. Дворяне, торопившие революцию, присоединились к большинству – противникам дворянства.

Если задним числом предполагать, что неизбежность перемен осознавали готовые жертвовать своими привилегиями дворяне, их действия не кажутся безрассудными. Разумно пожертвовать тем, что сохранить нельзя, ради сохранения большего. Да, немногие планировали будущее подобным образом. Однако гипотетически – **могли** бы планировать.

В России же, согласно Герцену, все складывалось иначе. О настроениях большинства тогда судить было трудно. Империя казалась нерушимой. Ситуация выглядела стабильной. И революцию готовили только дворяне. Те, кто и далее мог бы пользоваться привилегиями, но отреклись от них. И от имущества тоже. А еще и собой пожертвовали.

Так ли было – неважно в данном случае. Важно, что у Герцена – так. Жертвенность, героизм – главные мотивы его рассуждений о декабристах. Этот термин Герцен, как и сибирские чиновники, использовал в качестве эмоционально окрашенного, но – положительно.

На первый взгляд, в герценовской трактовке *значение* термина «декабристы» не изменилось. Герцен, казалось бы, тоже рассуждал о бывших дворянах, осужденных по «делу о заговоре 14 декабря 1825 г.» и другим аналогичным, с ним связанным. Но различие все же существенно.

В узусе сибирских чиновников декабристы, условно говоря, множество, задаваемое списком. Причем закрытым. Это перечень так называе-

мых поднадзорных. Их столько там, сколько есть, не больше, не меньше. Известны все имена.

Герцену же перечень вообще не интересен. Важны лишь имена-символы. Например, «пятеро повешенных».

Логика определена прагматикой: Герцен рассуждал не только об осужденных. Речь шла о поколении первых русских революционеров. Таков **смысл** термина «декабристы».

Герцен использовал термин «революционер» в значении, что сложилось на исходе XVIII в. Так именовали тех, кто ставил цель уничтожения государственного строя, признаваемого ими несправедливым, ради создания нового – где граждане равны перед законом [23, с. 86–125].

Выбранный Герценом идеологический критерий удобен в аспекте пропагандистской прагматики. Русская революционная традиция должна была начинаться событиями, участники которых не о личной выгоде помышляли, а пренебрегали ей, жертвовали собой ради свободы всех.

По Герцену, первыми русскими революционерами должны были стать бескорыстные герои, мученики. Это и формировало репутацию последователей.

Солдат, «нижних чинов», участвовавших в мятежах, Герцен не причислял к декабристам. На то были причины. Солдаты, во-первых, не жертвовали дворянскими привилегиями. Во-вторых, после подавления столичного мятежа было официально объявлено, что заговорщики обманули солдат. Убедили их, что поддерживают «законного монарха» – Константина, которому гвардейцы уже присягнули до объявления о присяге Николаю.

Получалось, что «нижних чинов» нельзя признать революционерами, осознанно сделавшими выбор. Не делали.

У Герцена же декабристы – в первую очередь революционеры. Сделавшие выбор осознанно.

Итак, новый **смысл** термина «декабристы» – первые русские революционеры. И ему соответствовало иное **значение**: дворяне, отказавшиеся ради революции от сословных привилегий (см. рис. 2).

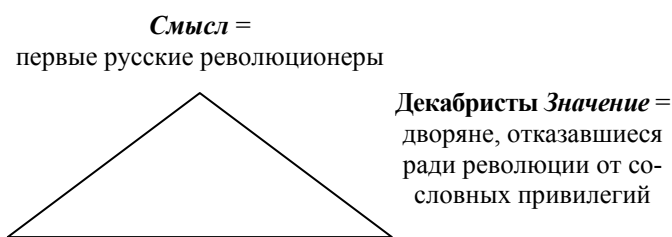

Рис. 2

Термин «декабристы» у Герцена – элемент идеологии. Сам Герцен акцентировал *смысл* термина, ставшего идеологемой, *значение* же не конкретизировал. Оно вроде бы само собой подразумевалось.

На самом деле – отнюдь не само собой. Противоречия возникали, полемика была неизбежна.

Спор о прошлом и настоящем

Полемику инициировали те, кого называли декабристами. Единого понимания термина у них не было, но когда он стал общепринятым, ссыльные уже возвращались из Сибири.

В России начиналась «эпоха великих реформ». Почетным оказался статус декабриста. И надо полагать, что первым из тех, кто пытался определить значение термина, стал И.Д. Якушкин. Его – в некрологе 1857 г. – Герцен безоговорочно причислил к декабристам. Но сам Якушкин успел высказать противоположное мнение. Осужденный «по первому разряду», он все же подчеркивал, что себя декабристом не считает. Такой критерий, как участие в деятельности тайного общества, Якушкин отверг. По его словам, «называться декабристом имел право лишь непосредственно участвовавший в восстании 14 декабря». Якушкин – не участвовал. И свои мемуары назвал не «Записки декабриста», а просто «Записки» [36, с. 5–6].

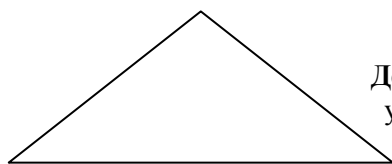
Можно спорить, было ли это принципиальностью, нежеланием приписывать себе чужие заслуги или своего рода кокетством ветерана, подчеркивавшего таким способом заслуги истинные. В любом случае свое понимание термина Якушкин описал четко.

Тот же критерий – личное участие в мятеже – использовали и некоторые товарищи Якушкина. В первую очередь – участники восстания 14 декабря 1825 г. Например, М.А. Бестужев в 1869 г. констатировал, что осталось только три «настоящих декабриста». Имелись в виду участники событий 14 декабря 1825 г. «Настоящими декабристами» – из тогда здравствовавших ссыльных – мемуарист считал себя, А.П. Беляева и А.Е. Розена [3, с. 245].

Характерно, что Розен дал своим мемуарам название «Записки декабриста», хотя, если верить документам, не состоял в тайном обществе. Узнал о его существовании лишь за четыре дня до восстания.

Рассматривая якушкинский вариант, можно отметить, что *значение* термина «декабристы» – *участники восстания 14 декабря 1825 г.* Ну а *смысл* термина, соответственно, – *противники тиранни, действием доказавшие верность своим убеждениям* (см. рис. 3).

Смысл = противники тирании, действием
доказавшие верность своим убеждениям

Декабристы Значение =
участники «восстания
14 декабря 1825 г.

Рис. 3

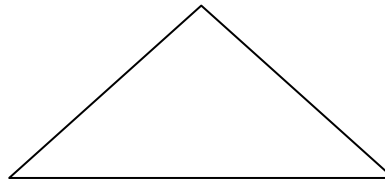
Однако не все тогда сочли уместным «якушкинский» подход – использование лишь такого критерия, как личное участие в мятеже. Явными были противоречия. Если понятием «декабристы» охватываются лишь участники столичного восстания и мятежа Черниговского полка в январе 1826 г., получается, что возглавлявший Южное общество П.И. Пестель – не декабрист. Он был арестован за месяц до событий в столице. Аналогично, получается, что не декабристы и другие южане, в мятеже Черниговского полка не участвовавшие. Между тем они были осуждены именно как заговорщики.

П.Н. Свистунов предложил иной подход к термину «декабрист». Тут полемические интенции очевидны. Автор новой трактовки состоял, если верить документам, в тайном обществе, принимал в него других, но участником мятежа не был. Более того, пытался отговорить С.П. Трубецкого и К.Ф. Рылеева от их «предприятия», а когда убедился, что отговорить не удастся, 13 декабря уехал из Петербурга.

Осужден «по второму разряду» – 20 лет каторги. После 30-летнего пребывания в Сибири он гордился статусом декабриста. Полемизируя с Розеном, Свистунов писал: «Вероятно, автор не без умысла присваивает это прозвище («декабристы») исключительно лицам, участвовавшим в возмущении 14 декабря, но не логичнее ли общепринятое применение этого термина ко всем лицам, пострадавшим вследствие возмущения?» [28, стб. 1642]. Свистунов называл «пострадавшими» тех, кто был осужден. Критерий – наказание за участие в мятежах и / или деятельности тайных обществ.

Можно отметить, что в данном случае **значение** термина «декабристы» – *осужденные по делу о «заговоре 14 декабря 1825 г.» и аналогичным, с ним связанным*. Ну а **смысл** термина, соответственно, *противники тирании, пострадавшие за свои убеждения* (см. рис. 4).

Смысл = противники тирании,
пострадавшие за свои убеждения

Декабристы *Значение* =
осужденные по делу
о «заговоре 14 декабря»
и аналогичным, с ним
связанным

Рис. 4

Свистуновский критерий не стал общепринятым. Он тоже не избавлял от явных противоречий. В Сибирь ведь отправились не только мятежники и заговорщики. Лейтенант Д.И. Завалишин, к примеру, в мятежах не участвовал, да и в принадлежности к тайному обществу следователи уличить его не смогли. Уличен лишь в том, что о заговоре знал, в кругу заговорщиков объявил себя «сторонником республиканского правления». Осужден «по первому разряду». В Сибири поссорился едва ли не со всеми товарищами и весьма нелестно характеризовал их в мемуарах. Что, кстати, на репутациях осужденных не отразилось: мемуарист пренебрегал доказательствами, очевидна была его предвзятость, тогда как психическое здоровье вызывало у современников сомнения, усиливавшиеся из-за странностей поведения в быту. Вот почему специалисты крайне редко ссылались и ссылаются на его мнения. Тем не менее, статус декабриста был важен и Завалишину. Мемуары свои он тоже назвал «Записками декабриста».

Написал он и статью «Декабристы», где полемизировал с теми, кто рассуждал о термине. Завалишин утверждал, что такой критерий, как личное участие в мятеже 14 декабря 1825 г., вообще неуместен, когда речь идет о статусе декабриста. Если верить статье, критерий постольку неуместен, поскольку мятеж – сам по себе – не прибавил славы участникам. Организован был из рук вон плохо, да и поражением закончился. Допустим, писал Завалишин, что «собственно декабристами могли быть названы только участвовавшие в бунте 14 декабря, но в таком случае это название не будет иметь того почетного звания, которое ему втайне приписывали, а напротив, должно служить укоризной по бессмысленности предложения к восстанию, по безалаберности ведения дела, по недобросовестности отношения к солдатам».

В итоге Завалишин предложил новые критерии. Декабристы, по его словам, «это – члены тайных обществ, пожалуй, даже революционеры эпохи Александра I» [11, с. 822].

Можно отметить, что *значение* термина «декабристы» в данном случае – *все, кто по идейным соображениям участвовал в заговоре или*

сочувствовал заговорщикам. Ну а *смысл* термина, соответственно, *революционеры эпохи Александра I* (см. рис. 5).

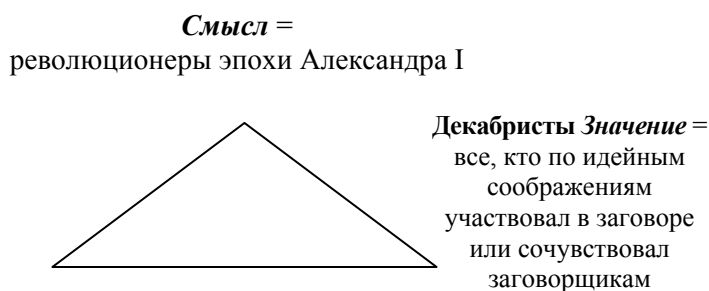

Рис. 5

Главный критерий здесь – опять идеологический.

Согласно Завалишину, декабристов объединяли прежде всего идеи, а не тайная организация. Можно спорить о том, как сам он понимал слово «революционеры». Но предложенный им критерий был удобен едва ли не каждому, кто считал себя революционером или по убеждениям к революционерам близким.

Словарное осмысление

Характерно, что досоветскими справочными изданиями были использованы все критерии. Предложенные и сибирскими чиновниками, и осужденными по «делу о заговоре 14 декабря 1825 г.» Это убедительно доказал Эрлих, исследовавший материалы справочных изданий [32; 33].

Термин впервые пояснил в 1863 г. В.И. Даль. Согласно «Толковому словарю живого великорусского языка», «декабристами называют бывших государственных преступников по заговору 14 декабря 1825 г.» Воспользовался Даль критерием, предложенным сибирскими чиновниками. Однако мнение лексикографа не противоречило свистуновскому: имелись в виду осужденные, «пострадавшие».

Год спустя Ф.Г. Толль опубликовал «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания», где сообщалось, что декабристы – «люди, хотевшие произвести переворот 14-го декабря и поплатившиеся за него ссылкой в Сибирь в каторжную работу, а некоторые жизнью». В данном случае важным стало не столько наказание, сколько личное участие. И тут очевидна имплицитная ссылка на «якушкинский» подход.

Толлевское определение, пусть и с несущественными изменениями, воспроизводили авторы большинства справочных изданий. Однако в 1894 г. был издан 12-й том знаменитого Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, где автор статьи «Заговор декабристов» Н.К. Шильдер писал:

«Наименование декабристов присвоено в русской истории членам различных тайных обществ, которые образовались в России в царствование Александра I, с 1816 г., и существование которых обнаружилось открытым восстанием в Петербурге 14 декабря 1825 г.» У Шильдера главный критерий – участие в деятельности тайных обществ. Соответственно, деятельность антиправительственная.

Авторами других справочных изданий шильдеровское определение тоже использовалось как образцовое. Но вскоре введен и завалишинский критерий. В 1898 г. издан «Научно-энциклопедический словарь», где сообщалось: «Декабристы – участники революции 1825 г.». Тут важна оценка политическая. Речь шла не о «мятеже» или «бунте», но – «революции».

По мнению Эрлиха, за 30 лет – с 1863 г. – определения становились все шире. И все-таки вопрос о солдатах не рассматривался в справочных изданиях. «Нижние чины» не причислялись к декабристам. Что называется, по умолчанию.

Ситуация изменилась после 1905 г. Наконец историкам было разрешено ознакомиться с материалами следствия. Похоже, что правительство уже осознало: есть вопрос, значит, нужен ответ. Ну, хоть какой-то.

В 1914 г. был издан седьмой том «Русской энциклопедии», где указывалось, что декабристы – «участники возмущения 14 декабря 1825 г. при воцарении императора Николая I, привлеченные по поводу него к следствию (исключая нижних чинов)».

Как известно, под следствием оказались и участвовавшие в мятежах солдаты. Их допрашивали в нескольких следственных комиссиях. Но автору статьи не это было важно. Он сформулировал, пусть и неуклюже, главный тезис: «нижние чины» – не декабристы. Прагматика очевидна. Те, кого именовали декабристами, ставили конкретные политические цели, а «нижние чины» были введены в заблуждение.

Обычно авторы энциклопедических статей избегали споров политического характера. И все же большинством оппозиционных режиму публицистов, литераторов, историков был принят герценовский подход. Идеологический: декабристы – это дворяне, отрекшиеся от сословных привилегий, революционеры, сторонники справедливого государственного устройства. Такова была пропагандистская прагматика.

На исходе XIX в. в России окончательно сложилось противопоставление либералов революционерам. Его не было изначально, однако утвердилось оно стараниями радикалов. Себя в качестве «революционеров», готовых и стремящихся насильственно изменить политический режим, противопоставляли радикалы так называемым либералам – как «эволюционистам», не готовым к применению насилия. Прагматика, разумеется, пропагандистская.

Герценовские установки и для радикалов были актуальны. Например, в 1912 г. газета «Социал-демократ» поместила статью В.И. Ленина «Памяти Герцена», написанную к 100-летию со дня рождения знаменитого публициста. У Ленина декабристы – революционеры-дворяне. И, конечно, предшественники большевиков: «Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию» [19, с. 255]. После создания Советского государства в историографии постепенно утверждался единственный подход: декабристы – революционеры [32, с. 299].

Тенденция была задана. Предшественники большевиков – герои, мученики, бескорыстно жертвовавшие собой ради народа. Вот зачем понадобилась герценовская традиция. Соответственно, едва ли не первое советское определение термина содержит изданный в 1924 г. пропагандистский справочник – «Карманный словарь. В помощь читателю газеты». Там сказано: «Декабристы – дворяне-революционеры, главным образом военные, поднявшие восстание 14 декабря 1825 г. с целью добиться конституции и освобождения крестьян».

Автором статьи в справочнике не использован оборот «дворянские революционеры». Но суть почти та же. Вскоре оборот «дворянские революционеры» стал официально утвержденным. Использовался почти во всех отечественных справочных изданиях 1920–1930-х годов.

Разумеется, были варианты. Их немного – «первые русские дворянские революционеры», «первые русские революционеры-дворяне».

К 1940-м годам определения стандартны. Воспроизводятся от издания к изданию. Оборот «русские дворянские революционеры» обязателен.

Ситуация – на уровне справочных изданий – не изменилась и в постсоветскую эпоху. Например, Большой энциклопедический словарь, изданный в 1998 г., сообщал: «Декабристы – русские дворянские революционеры, поднявшие в декабре 1825 г. восстание против самодержавия и крепостничества».

Постсоветская полемика

В первое десятилетие XXI в. споры о понимании термина «декабристы» вновь актуализовались.

Надо полагать, это реакция на идеологизированность, обязательную в советскую эпоху для исследований в данной области. Тогда сам факт признания кого-либо декабристом подразумевал идеологическую характеристику, а оборот «декабристы без декабря» уже стал привычным: доказательства в подобных случаях не требовались.

Вот почему многие историки стали искать критерии, не зависящие от идеологических установок. Предпринимались попытки обосновать вы-

бор критерия или совокупности критериев только документами, непосредственно связанными с заговором и мятежами.

Документальная основа, конечно, существует. Например, есть составленный в 1827 г. правителем дел Следственной комиссии А.Д. Боровковым «Алфавит членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам, прикосновенным к делу» [1].

Но давно известно, что далеко не все участвовавшие в деятельности «злоумышленных тайных обществ» учтены Боровковым. И далеко не каждого из попавших в боровковский перечень следователи признали виновными. К примеру, никогда декабристом не называли сенатского регистратора М.И. Васильева. Он тоже попал в боровковский перечень, однако по другой причине.

Васильев, если судить по боровковской справке, не имел отношения к заговорщикам. Вечером 14 декабря он «пришел в канцелярию Общего собрания Сената в нетрезвом виде с окровавленными руками и говорил, что был в драке за государя цесаревича».

Васильев называл «государем цесаревичем» Константина. Сенатский регистратор утверждал на следствии, что о заговоре не знал. И следователи пришли к выводу, что не лгал: он, будучи пьян, пришел на Сенатскую площадь, где находился в толпе горожан, наблюдавших за мятежниками, затем, «опрокинутый бежавшею толпою, упал между трупами и опятнулся кровию, но участия в мятеже не принимал». Потому и наказан был Васильев за поведение, неподобающее сенатскому чиновнику. Имелось в виду появление на службе в нетрезвом виде [1, с. 236].

Есть и более комичные случаи. Например, генерал-майор С.М. Трухачев оказался в боровковском перечне из-за того, что в письмах знакомым объявил мятежи в столице и на юге результатом деятельности евреев и масонов, которые, по его словам, готовили новые восстания и препятствовали наказанию уже арестованных мятежников.

Следователи пришли к выводу, что генерал-майор, вероятно, не вполне здоровый психически, к тайным обществам отношения не имел. А потому и «показание Трухачева оставлено без внимания» [1, с. 325–326; 16, с. 51–52].

В боровковском перечне оказались и однофамильцы заговорщиков, арестованные по ошибке, и те, кого следователи позже признали не имевшими отношения к преступной деятельности. Так что наличие фамилии в списке «прикосновенных» – не критерий.

Суть всех споров о термине можно условно свести к противопоставлению двух – полярных – точек зрения. Они и задают подходы к задаче. Первый – найти определение термина «декабрист». Сформулировать критерии. Второй – задать множество списком, т.е. перечислить всех декабри-

стов. Наиболее четко критерии сформулировал М.А. Рахматуллин. Характерный пример другого подхода – работы П.В. Ильина.

Рахматуллин предложил два критерия. Первый – документально подтвержденный факт участия в мятеже. Второй, соответственно, осуждение за участие в мятеже и / или деятельности тайных обществ. Соответственно, декабристы – не только офицеры или чиновники, но и участвовавшие в мятежах «нижние чины» [25, с. 240]. Эта точка зрения кажется вполне аргументированной. Отчасти противоречия сняты. Вот только не все.

Например, однозначно решается вопрос о статусе М.Н. Муравьева. В тайном обществе состоял, участвовал в его деятельности. Принят родным братом – А.Н. Муравьевым, одним из основателей Союза спасения. Это – с одной стороны. Но с другой – осужден Муравьев не был. До восстания вышел в отставку. Жил в имении. Приказ об аресте отставного подполковника подписан 27 декабря 1826 г. Арестованный доставлен в Петербург, содержался под стражей. Полгода спустя его освободили – «по высочайшему повелению».

Император не воспользовался формулировкой «вменить арест в наказание» или «оставить без внимания». Муравьев не только был признан невиновным, но и получил так называемый «очистительный» или «оправдательный» аттестат, удостоверяющий непричастность к заговору.

Вернувшись в службу, Муравьев быстро сделал карьеру, достиг генеральских чинов. К 1863 г. – виленский, ковенский, гродненский и минский генерал-губернатор, командующий войсками Виленского военного округа. За подавление польского восстания 1863 г. получил право именоваться Муравьевым-Виленским. В либеральных кругах его называли Муравьевым-вешателем. О себе он высказался не менее категорично. Заявил, что не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают.

Случай с Муравьевым-Виленским в общем-то ясен. Да, в тайное общество вступил. Но, похоже, лишь «за компанию», как вступали тогда в масонские ложи. Декабристом его и не считали. Вывод, сделанный с использованием описанных выше критериев, не противоречит традиции.

Несколько сложнее случай с А.С. Грибоедовым. Показания о нем заговорщиков разноречивы. Был арестован, содержался под стражей. Но тоже получил оправдательный аттестат после полугодового содержания под стражей. Кроме того, коллежский асессор был принят императором, приказавшим выдать недавнему арестанту «не в зачет годовое жалование и произвести в следующий чин» [1, с. 250–251].

Трудно сказать, ошибся ли император. Его решение не подтверждается и не опровергается судьбой автора комедии «Горе от ума». Прожил недолго. Если же использовать критерии, введенные Рахматуллиным, то –

не декабрист. Однако у других авторитетных исследователей мнение противоположное.

Не менее сложен и случай с корнетом лейб-гвардии Конного полка А.А. Суворовым, внуком А.В. Суворова. Тут противоречия очевидны.

Гвардеец в тайном обществе состоял. Не отрицал это. И все же следствие было прекращено – «по высочайшему повелению». Николай I якобы заявил, что «внук великого Суворова не может быть изменником отечеству».

Корнета отправили на Кавказ, и он тоже быстро сделал карьеру. В 1861 г. – петербургский генерал-губернатор. Но от прошлого не отрекался, прослыть либералом не боялся. Пытался помочь Н.Г. Чернышевскому. А когда представители петербургского дворянства пригласили его принять участие в чествовании Муравьева-Виленского, Суворов ответил, что людоеда чествовать не будет.

Впрочем, случай с «гуманным внуком воинственного деда» – так столичного губернатора иронически назвал Ф.И. Тютчев – все равно считается спорным. И критерии, предложенные Рахматуллиным, позволяют найти однозначное решение, которое в конце концов не отрицает традицию. Да, не декабрист. А вот случай с М.Ф. Орловым – совсем иной.

Герой войны 1812 г. и заграничных походов, подписавший акт капитуляции Парижа, генерал-майор Орлов не участвовал в мятежах. Но в тайном обществе состоял. Был одним из лидеров. Приказ о его аресте подписан 18 декабря 1825 г. Выручил брат – А.Ф. Орлов, друг юности императора, будущий шеф жандармов.

Орлов не попал в Сибирь, осужден не был, хотя карьера его закончилась. Да и служба тоже. Традиционно он считается декабристом. Если использовать критерии, предложенные Рахматуллиным, вывод явно противоречит традиции. А подобных случаев немало. Если признать их лишь исключениями из правил, то получится, что количество исключений соизмеримо с количеством случаев, относящихся к правилам. Тогда не ясен смысл введения правил.

С «нижними чинами» вопрос тоже очень сложный. Включение солдат в число декабристов можно рассматривать как отказ от сословного критерия, неуместного на исходе XX в. и тем более – в XXI в.

Однако в осмыслении событий 14 декабря 1825 г. это ничего не меняет. Не подтверждено документами, что в столице солдаты-гвардейцы знали о целях заговорщиков. Даже наоборот: есть достаточно оснований считать, что не знали. Коль так, «нижние чины» не были и революционерами – в традиционном понимании термина. Не ставили задачу изменения политического режима.

С точки зрения типологической солдаты действовали так же, как «нижние чины», участвовавшие в дворцовых переворотах XVIII в. Поддерживали «законного» претендента на престол.

Уместно отметить: Рахматуллин существенно изменил традиционное значение термина «декабристы». Изъял идеологическую компоненту, устранил ценностный аспект. В результате традиционный *смысл* утрачен (см. рис. 6).

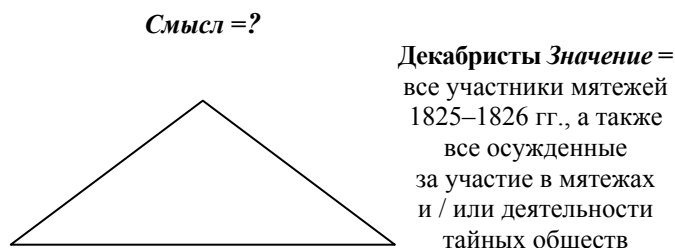

Рис. 6

Появились сотни новых декабристов, не имевших ранее такого статуса. Но и утратили его многие. В итоге противоречий больше, а не меньше. И дело не в том, что авторитетный исследователь неправильно выбрал критерии, поэтому и не решил задачу. Она принципиально не разрешима.

Именно это невольно доказал П.В. Ильин. Он попытался вовсе обойтись без определения термина, когда решал задачу, «кого считать декабристом». Не определял, а буквально считал. И составил списки. Они, судя по результатам, должны были обусловить научную новизну исследования. У изданной в 2004 г. итоговой работы Ильина характерное заглавие: «Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.» [12].

Новой – хотя бы отчасти – была и постановка задачи. По словам Ильина, он изначально стремился описать «персональный состав декабристских тайных обществ» [24, с. 11]. Если верить автору, такую задачу он решил. Причем игнорируя идеологические установки советской эпохи: «Теперь историк не скован необходимостью видеть в декабристах исключительно сторонников радикальных политических идей и “революционных” способов действия» [12, с. 8].

Используя методiku Фреге, можно сказать, что суть новаций – игнорирование такой компоненты, как смысл. Это и декларировалось: «Преодолев идеологические ограничения и порожденные ими критерии принадлежности к декабристам, в значительной мере деформировавшие содержание этого термина, современный исследователь стоит перед необходимостью пересмотра основополагающих фактов и обстоятельств, связанных идеологией и политической деятельностью конспиративных объединений декабристского ряда. Важной частью этого пересмотра являются

как теоретические, так и конкретно-исторические аспекты научной реконструкции состава участников «декабристского движения» [12, с. 9].

Надо полагать, имелись в виду деидеологизированные критерии. В соответствии с ними и надлежало описать *значение*, т.е. *совокупность объектов, термином охватываемых*.

Только не вполне ясно, каким же термином. Это не было указано. Сначала исследуемый термин – «декабристы». Но затем автор рассуждал о «составе участников «декабристского движения»». Возможно, объект в обоих случаях один. Допустимо, что два. Тут – как посмотреть. С одной стороны, аксиоматически принимается, что все декабристы были «участниками декабристского движения». Логике такой вывод не противоречит. А с другой стороны, уже давно принято считать, что не все состоявшие в тайных обществах или участвовавшие в их деятельности обществ, были декабристами. Примеры общеизвестны, некоторые приведены выше.

Следовало бы автору пояснить, полагает ли он, что «участники декабристского движения» – «декабристы», т.е. синонимичны ли термины. Пояснений, однако, нет.

Однако точка зрения автора легко устанавливается. И даже не тогда, когда Ильин говорит о конкретных критериях. Точка зрения устанавливается, когда автор невзначай проговаривается. Например, Ильин пишет: «Итак, персональный состав декабристских обществ и в, частности, те категории декабристов, что избежали судебного преследования, не являлись до настоящего времени предметом специального изучения в рамках монографического исследования» [12, с. 12].

Отсюда вроде бы вытекает, что «персональный состав декабристских обществ» – это декабристы. Кто включен в «персональный состав», тот и декабрист. Если нет, нужно было бы сказать об этом, но автор не сказал.

Аналогичным образом Ильин рассуждает о тех, кого, по его мнению, следует считать ««неизвестными» декабристами»: «Установление причастности к декабристской конспирации группы «неизвестных» декабристов наделено своими особенностями. Они обусловлены самими причинами появления указанной группы. В силу того, что большинство вошедших в нее лиц не были замечены официальным следствием, особое значение приобретает рассмотрение свидетельств, имеющих в других первоисточниках» [12, с. 386].

Ни о каких ограничениях здесь и далее речь не идет. Если, вопреки «официальному следствию», установлена Ильиным «причастность к декабристской конспирации», значит – декабрист.

Критерий, соответственно, мнение автора книги. Тем же манером вводятся прочие дефиниции. Так, Ильин постулирует: «Существует еще одна категория лиц, для выяснения участия которых в тайных обществах и

военных выступлениях декабристов требуются дополнительные разыскания, подтверждение и проверка другими данными и т.д. Свидетельства о причастности к тайным обществам лиц этой категории не могут быть признаны бесспорно устанавливающими их принадлежность к декабристам. Представителей данной группы следует считать вероятными или предполагаемыми декабристами».

О каких-либо ограничениях опять ничего не сказано. Значит, нашел бы автор книги достоверные – на его взгляд – «свидетельства о причастности к тайным обществам лиц этой категории», он бы счел бесспорно установленной «принадлежность к декабристам» [12, с. 481].

Соответственно, декабристы – состоявшие в декабристских организациях или участвовавшие в их деятельности. О чем автор и сказал несколько ниже: «Предполагаемые декабристы – это группа лиц, в отношении которых при изучении конкретных документальных свидетельств можно выдвинуть обоснованное предположение о принадлежности к декабристским союзам или участию в организованных ими выступлениях» [12, с. 487].

Ильин не включил «нижних чинов» в «состав участников декабристского движения». Зато ко всем остальным подход, как говорится, расширительный: «В настоящем исследовании “единицей учета” (или критерием определения участника декабристского движения) является достоверное свидетельство о причастности к тайному обществу, принадлежащее осведомленному лицу – участнику тайного общества, заговора и восстаний декабристов, либо человеку, фиксирующему такого рода свидетельства» [12, с. 12].

Оставим пока вопрос о характеристике тайных обществ, которые автор считает декабристскими. Не будем спорить и о том, кого можно считать «осведомленным лицом». Допустим, все безупречно определено. И все же практически невозможно установить, какое свидетельство – достоверное. Хотя бы потому, что «осведомленные лица» свидетельствовали обычно на следствии. Они давали показания следователям. Потому весьма часто лгали допрашиваемые. И это давно не тайна. К примеру, на основании свидетельств «осведомленных лиц» производились аресты, и нередко арестованных отпускали, не найдя достаточных подтверждений их виновности. А искали тщательно.

Главное, однако, даже не это. В данном случае главное, что декабристы – все, чья «причастность к тайному обществу» установлена автором работы на основании «свидетельства осведомленного лица». У Ильина в декабристы попали не только Грибоедов, Суворов, Муравьев-вешатель. Есть и случаи, полностью отрицающие традицию. Так, декабристом оказался услужливый доносчик И.В. Шервуд, добровольно ставший соглядатаем, награжденный императором и получивший право именоваться

«Шервудом-Верным». В декабристы попал и другой доносчик – А.И. Майборода. Он был тоже награжден императором.

Да и с организациями, которые автор исследования признал декабристскими, тоже не все ясно. Если точнее, ясность – случай редкий. Например, вряд ли стоит считать декабристской организацией «Всемирный орден восстановления». Учредителем его объявил себя Завалишин. Однако до сих пор не подтвержден факт существования «Всемирного ордена восстановления».

Допустимо, что Завалишин попросту выдумал эту организацию, как многое другое. Причастность же его к столичному заговору следствием не подтверждена. Он и в мятеже не участвовал. Значит, если использовать введенные Ильиным критерии, Завалишин вовсе не декабрист, либо «предполагаемый». На его счет у автора классификации есть сомнения, тут 14 лет каторги и 17 лет ссылки роли не играют.

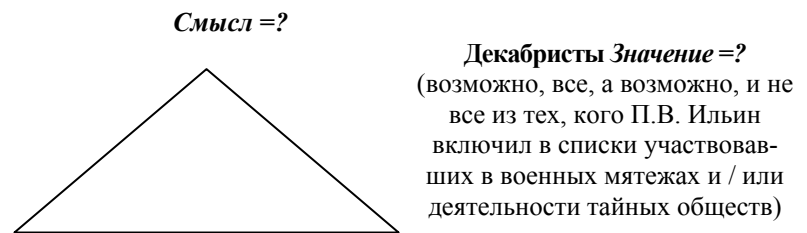
Зато Шервуд-Верный и Майборода – «безусловные декабристы», сомнений тут нет. Опять парадоксы. И подобных случаев, как отмечала О.И. Киянская, можно найти немало [17, с. 209].

Возможно, Ильин не собирался приходить к этим парадоксам. Но они ведь неизбежны, если пользоваться предложенными им критериями. Следует признать, что применение «расширительного» подхода, хоть и позволяет снять некоторые противоречия, зато обуславливает возникновение других.

Ильин, как и Рахматуллин, существенно изменил традиционное *значение* термина «декабристы». Он тоже изъял идеологическую компоненту, устранил ценностный аспект. Но – с другой целью.

В отличие от Рахматуллина, не ввел Ильин четкие критерии, позволяющие сократить список тех, кого традиционно называли декабристами. Он использовал «расширительный» подход, попытался заменить определение списком объектов, охватываемых термином.

Итог предсказуемый. Был утрачен традиционный *смысл* термина «декабристы», новый же – отнюдь не очевиден. Причем у Ильина, в отличие от Рахматуллина, неочевидно еще и *значение* термина «декабристы» (см. рис. 7).

Стоит подчеркнуть еще раз: дело не в том, что исследователь неправильно поставил задачу, почему и не сумел решить ее. Задача не разрешима в принципе.

Нельзя сформулировать определение термина «декабрист» внеидеологически, не противореча полуторавековой традиции. Однако любое определение, в основе которого идеологическая компонента, ценностная установка, не может быть непротиворечивым. Противоречия будут всегда.

Можно добавить, что неудача Ильина – локальная. Он ведь и не искал определение специально. Просто без определений – ну, хоть каких-нибудь – обойтись не смог. И при всех, мягко говоря, парадоксах, его исследование весьма значимо: введено в оборот много новых источников, критически осмыслены уже известные, найдены новые биографические данные и т.п.

Да и списки сами по себе – дело немаловажное, как их ни толкуй. Наконец, локальная неудача Ильина тоже ценна. По-своему. Он, как отмечалось выше, доказал, что нельзя найти идеальное определение, хотя и доказал это невольно.

Еще одна попытка сформулировать определение термина «декабрист» была предпринята совместно Эрлихом и Ильиным. В рецензии на сборник материалов международной конференции, посвященной 175-летию декабрьского восстания, соавторы предложили следующее определение: «Декабристы – все участники тайных обществ (Союз спасения, Военное общество, Союз благоденствия, Измайловское общество, Общество добра и правды, Общество Ф.Н. Глинки, Северное и Южное общества, Общество соединенных славян, Общество Гвардейского экипажа, Практический союз), а также те участники антиправительственных выступлений (события 14 декабря 1825 г. в Петербурге, выступления Черниговского полка, инцидент в Полтавском пехотном полку), которые, не будучи членами тайных обществ, были знакомы с их целями» [35, с. 530].

Правда, соавторы тут же и признали, что ясны далеко не все перечисленные ими критерии. Во-первых, «список декабристских тайных обществ должен быть уточнен». Во-вторых, «список антиправительственных выступлений также требует уточнений». Наконец, «наиболее серьезной проблемой представляется установление круга участников антиправительственных выступлений, знакомых с целями тайных обществ» [35, с. 530–531].

Однако из всего этого логически следует, что определение, предложенное соавторами, не может считаться определением, пока все критерии не станут ясными. Вряд ли это скоро случится.

Есть и другие проблемы. К примеру, прежде чем уточнять «список декабристских тайных обществ», надо бы дать определение самому термину «декабристское тайное общество». Что пока никому не удалось. Есть

лишь традиция, в силу которой декабристскими признаются некоторые организации.

Неясно также, что – кроме столичного мятежа и мятежа Черниговского полка – следует называть «антиправительственными выступлениями». Единого мнения тут нет. А что до «установления круга», то опять придется разбираться, насколько были «осведомленными» пресловутые «осведомленные лица», насколько достоверны их свидетельства. Опять тупик.

Но даже если удастся найти выход, все равно остаются противоречия, о которых речь шла выше: среди декабристов появляются сотни тех, кого ранее не считали декабристами, зато ранее считавшиеся декабристами статус теряют. В итоге Ильин и Эрлих доказали, причем тоже невольно, что задача поиска определения все-таки не разрешима.

Доказала это, опять же невольно, и В.М. Бокова, автор опубликованного в 2001 г. обзора декабриствоведения 1990-х годов. По мнению Боковой, противоречия легко снять: «Думается, один из путей решения проблемы лежит в разграничении понятий “декабрист” и “декабризм” и исключения из первого из них идеологической компоненты» [2, с. 526].

Каким образом можно исключить идеологическую компоненту из понятия «декабрист», оставив ее в понятии «декабризм», сразу не уяснить. Но, допустим. Временно примем результат в качестве аксиомы.

После этого, утверждает Бокова, остаются два критерия. Участие в мятеже и, конечно же, установленный строго научным способом факт участия в деятельности декабристских организаций.

Все здесь вроде бы логично, однако дальше, по предложению Боковой, нужно решать ту же двуединую задачу, неразрешимость которой Ильин доказал невольно. И Эрлих вместе с Ильиным тоже. Следует определить, какие организации считать декабристскими и почему, а затем выявить «персональный состав».

Таким образом, задача сводится к предыдущей.

Легче в итоге не будет. Попытка заменить идеологему «декабрист» идеологемой «декабризм» ничего не дает.

Иной подход предложила Киянская. По ее словам, если нельзя избавиться от противоречий, можно уйти от бесплодных дискуссий. Коль скоро нет общепринятого определения, а пояснять каждый раз, что именно обозначает термин «декабрист», неудобно, проще вовсе отказаться от термина, заменив его, в каждом случае, на соответствующее контексту «нейтральное словосочетание – “член тайного общества”, “участник выступления 1825/26 годов”» и т.д. [17, с. 209].

С этим отчасти можно согласиться. Но – именно отчасти.

Вряд ли удастся избавиться от термина «декабрист». Кстати, и нужды нет. А пояснять все равно необходимо. Причем в данном случае можно сослаться на традицию.

Сама Киянская действительно не употребляла этот термин в ранних работах. Но позже весьма часто использовала [15].

Если же выйти за рамки декабристovedения, очевидно, что подобного рода терминологические проблемы в науке – явление заурядное. До сих пор нет единого определения таких терминов, как «либерал», «социалист», «коммунист», «демократ» и т.д. Тем не менее специалисты договариваются о терминах.

Да, это приходится делать постоянно. Выбора нет.

Сегодня, в преддверии 180-летия появления термина «декабрист», можно констатировать, что споры о том, «кого считать декабристом», завершились безрезультатно. Участники постсоветской дискуссии к единому мнению так и не пришли. Соответственно, вывод напрашивается: нельзя сформулировать определение термина «декабрист» внеидеологически, не противореча полуторавековой традиции. Но и определение, в основе которого идеологическая компонента, ценностная установка, не может быть непротиворечивым. Противоречия будут всегда. Такова специфика идеологем.

Список литературы

1. Алфавит членам бывших злоумышленных обществ и лицам, прикосновенным к делу, произведенному высочайше учрежденною 17-го декабря 1825-го года Следственной Комиссией // Декабристы. Биографический справочник. – М.: Наука, 1988. – С. 215–345.
2. Бокова В.М. «Больной скорее жив, чем мертв» (Заметки об отечественном декабристovedении 1990-х годов) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2001. – Вып. 4. – С. 497–561.
3. Гессен С.П. Н. Свистунов и А.Ф. Фролов в борьбе с Д.И. Завалишиным // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. – Т. 2. – С. 227–247.
4. Движение декабристов: Указатель литературы. 1928–1958 гг. – М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. – 380 с.
5. Движение декабристов: Указатель литературы. 1960–1976 гг. – М.: Наука, 1983. – 302 с.
6. Движение декабристов: Указатель литературы. 1977–1992 гг. – М.: ГПИБ, 1994. – 360 с.
7. Декабрист М.С. Лунин: Сочинения и письма. – Пг.: тип. Коминтерна, 1923. – 151 с.
8. Декабристы: Библиографический указатель литературы. 1980–1983 г. г. – Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1985. – 45 с.
9. Декабристы: Библиографический указатель литературы. 1984–1986 гг. – Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1987. – 78 с.
10. Житомирская С.В. Еще о слове «декабрист» // Сибирь и декабристы. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. – Вып. 2. – С. 181.
11. Завалишин Д.И. Декабристы // Русский Вестник. – 1884. – Февраль. – С. 820–861.

12. Ильин П.В. Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 664 с.
13. Казьмирчук Г.Д. Движение декабристов: Юбилейная литература. 1975–1977 гг. – Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1982. – 44 с.
14. Казьмирчук Г.Д., Шлапак Ю.М. Декабристы: Библиографический указатель литературы. 1975–1980 гг. – Киев: Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1982. – 65 с.
15. Киянская О.И. Декабристы в отечественной истории и историографии // Россия и современный мир. – М., 2017. – № 2. – С. 42–56.
16. Киянская О.И. Еврейский вопрос в теории и практике Южного общества декабристов // Параллели: Русско-еврейский ист.-лит. и библиогр. альманах. – М., 2002. – № 1. – С. 32–52.
17. Киянская О.И. Кто такие декабристы и за что они боролись? // Отечественная история. – М., 2001. – № 5. – С. 207–213.
18. Колокол. – 1857. – № 5. – 1 ноября.
19. Ленин В.И. Памяти Герцена // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – Изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 21. – С. 255–262.
20. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. – М.: Наука, 1974. – 640 с.
21. Нечкина М.В. Когда и где возникло слово «декабристы» // Сибирь и декабристы. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1978. – Вып. 1. – С. 7–20.
22. Никитенко А.В. Записки и дневник (1826–1877). – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. – Т. 1. – 588 с.
23. Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора и новая административная ментальность: Очерки истории формирования. – М.: РГГУ, 1997. – 204 с.
24. Пушкина В.А., Ильин П.В. Персональный состав декабристских тайных обществ (1816–1826): Справочный указатель // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2000. – Вып. 2. – С. 9–77.
25. Рахматуллин М.А. Кого считать декабристом? (Историографические заметки) // Империя и либералы: Материалы международной конференции: Сб. эссе. – СПб.: Журнал «Звезда», 2001. – С. 230–242.
26. Рейсер С.А. Из разысканий по истории русской политической лексики. «Декабрист» // Труды Ленинградского государственного библиотечного института имени Н.К. Крупской. – Л.: ЛГБИ, 1956. – С. 244–254.
27. Рейсер С.А. О слове «декабрист» // Сибирь и декабристы. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1981. – Вып. 2. – С. 174–177.
28. Свистунов П.Н. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событиях 14 декабря и о декабристах // Русский Архив. – 1870. – № 8–9. – Стб. 1633–1668.
29. Тальская О.С. Откуда произошло слово «декабристы» // Сибирь и декабристы. – Иркутск, 1985. – Вып. 4. – С. 160–165.
30. Фельдман Д.М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. – М.: РГГУ, 2006. – 486 с.
31. Ченцов Н.М. Восстание декабристов: Библиография. – М.; Л.: Госиздат, 1929. – 794 с.
32. Эрлих С.Е. Декабристы «по понятиям»: определения словарей // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2000. – Вып. 2. – С. 281–302.
33. Эрлих С.Е. Кого считать декабристом? Ответ советского декабристоведения: (по материалам библиографических указателей 1929–1939 гг.) // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Библиография. – СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2000. – Вып. 3. – С. 258–313.
34. Эрлих С.Е. Россия колдунов. – СПб.: Алетейя, 2006. – 292 с.

35. Эрлих С.Е., Ильин П.В. Рец.: Империя и либералы: Материалы международной конференции. Сб. эссе. СПб., 2001 // 14 декабря 1825 года. Источники. Исследования. Историография. Библиография. – СПб.; Кишинев: Нестор-История, 2004. – Вып. 6. – С. 514–536.
36. Якушкин И.Д. Записки. – М.: Современные проблемы, 1926. – 191 с.

**1914–1917–1929–1937:
ИСТОРИЯ И ЮБИЛЕИ**

И.И. ГЛЕБОВА

ПЕТЕРБУРГ – XX: О ГОРОДЕ И РЕВОЛЮЦИИ

Бывшее и не сбывшееся.
(Ф.А. Степун)

Вижу город, которого нет...

О задачах работы

В 2018 г. – ровно сто лет с того момента, как Петербург (Петроград) перестал быть столицей России. Закончился петербургский период русской истории. Пятнадцатью годами ранее, в 1903-м, город отмечал свое 200-летие¹. Казалось, все впереди; он жил будущим, осваивался в XX в.

В феврале 1917 г. Петербург сошел с исторической дистанции. Что стояло за этим срывом, почему именно этот город стал «колыбелью» («месторазвитием») русской революции, отчего она приняла тотальный (тотально кровавый и тотально деструктивный) характер, приобрела форму гражданской войны, сокрушила страну (до оснований, до последней социальной клеточки), подобно природной стихии, – эти вопросы по-прежнему, как и 100 лет назад, актуальны, открыты.

Ответы – в Петербурге. Но не в том, военном, февральском², а в том, что едва перешагнул рубеж столетий (XIX и XX). Там, в «социологии» города, вообще в состоянии российского городского общества (обществ) начала XX в., следует искать истоки и причины, исторические начала нашей революции. В Петербурге 1900–1910-х рождался новый мир со своими отношениями, проблемами, со своей социальной «диспозицией», со

¹ Символично: с трехсотлетия Петербурга начался в России XXI век, отмеченный главными для страны юбилеями.

² Нет, конечно же, и в том, 1917-м; русская революция – это петроградский военный февраль. В 2017 г. мы, как и все исследователи революции, пытались разгадывать его загадку [28]. Однако Февраль 1917-го при всей его сложности (и недоосмысленности) – это *короткая* история. Чтобы быть понятным, событие должно обрести долготу. Революции – предельные моменты (выбросы времени – так выбрасывается лава при землетрясениях); в них в концентрированном виде проявляются и сталкиваются те силы, явления, тенденции, которые уже созрели, определились в обществе. А потому им следует искать долгие контексты, рассматривать их через призму *исторического* времени.

множеством сценариев развития, один из которых реализовался в феврале 17-го. Пристальное внимание к столице позволит, как мне кажется, иначе представить себе это событие (обогатить, усложнить наши представления о нем).

Я не ставлю своей задачей восстановление (воссоздание, реконструкцию) социальной атмосферы того мира, того города. Мне важно определить, каковы его главные деятели («акторы»), основные противоречия и конфликты, найти те разломы, по которым пройдет лава революции. Я хотела бы ощутить и представить тот Петербург как пространство идей, чувств, борений, конкуренции ценностей, социальных и культурных столкновений. Иначе говоря, этот текст – не столько о «физике», сколько о «метафизике» той эпохи российской столицы. Это попытка не столько выявить причины революции¹, сколько обнаружить те исторические контексты, в которых она оказалась возможной.

Следует сказать, что мой интерес к городу – не ретроспективный, не исключительно исторический. В XXI в. городская проблематика вновь обрела актуальность. Исследователи, политики, СМИ заговорили о том, что время национальных государств закончилось (или, во всяком случае, они подвергаются большим рискам), что их сменит эра мегагородов (сетевых городских агломераций, цивилизация «полисов»), что власть будущего – это мэры². Что города пока недостаточно представлены в политике (представительство не соответствует их ресурсам), что в них сосредоточены огромные запасы политической энергии (все больше граждан ощущают недоверие к существующим институтам, необходимость дополнить представительство участием, и если их не вовлекать в выработку и реализацию политических решений, они взорвут наличную систему) и ее игнорирование (тем более подавление) создает угрозы для демократии (явление лидеров-популистов, седлающих это недовольство, называют протототалитаризмом).

Стремление горожан участвовать (быть вовлеченными), ощущение непредставленности в политике, отчуждения от городских дел, подъем гражданского активизма со всей силой заявили о себе в Москве в июле-августе 2019 г. Этот мегаполис зовет, торопит новые времена; и воздух

¹ Сама постановка исследовательской задачи таким образом не вполне корректна – предполагает, что за событием стоят какие-то «объективные закономерности», «железные законы», предопределенности.

² Эти разговоры не новы. Достаточно вспомнить, например, о «пуантилистском мире» (идее цивилизации супергородов, в которых в основном будут сосредоточены национальные ресурсы, технологии, социальные возможности) Э. Баладюра. Однако их интенсивность говорит о том, что мы переживаем какой-то важный момент в жизни мирового города.

этого города, казалось бы, переполненного властью, рождает в человеке потребность в свободе.

То же стремление, ту же потребность мы видим в Петербурге 1900–1910-х годов. Тот столичный город стал ареной социальных процессов революционного значения; его переполняла освободительная энергия, он требовал прав, участия, желал определять стратегии развития. Всего этого в нем было неизмеримо больше, чем в нынешних российских городах. Они – *постсоветские* (результат советской истории). Петербург начала XX в. еще не знал тех ограничений, подавлений, репрессий, которые принес с собой век. Он был живее, свободнее, разно- и противоречивее, действовавшие в нем социальные силы – не в пример массовиднее, смелее, «бунташнее». Это город *другого* исторического времени – не того столетия, что мы получили в наследство от петроградской революции, не того, «результатом» которого мы являемся. Петербургско-петроградский опыт поэтому особенно интересен сегодня; нынешней России необходимо знать, что *этот* опыт у нас *был*.

XX век начинается: Образ времени – город

Принято считать, что XIX в. закончился для Европы Первой мировой войной (потому его и называют «долгим», в отличие от «короткого» XX). Тем же 1914 годом в России привычно завершают «долгое» пореформенное (постреформенное) время. Конечно, было бы странно утверждать, что рубежность Великой войны преувеличена. Однако, как колоссальное потрясение, она заслонила собой предшествующие десятилетия, нивелировала их революционное значение.

XX в. все-таки начался до нее и даже вовсе не запоздал – где-то пришел и раньше календарного¹. В 1900–1910-е годы рождался современ-

¹ Вопрос о том, когда стартовало столетие, по-прежнему открыт (что, впрочем, скорее типично, чем уникально). Существуют разные датировки: «физические» (привязанные к определенным событиям) и «метафизические», совпадающие и не совпадающие с календарными. Не будем говорить о политической истории или художественном творчестве – подобные рубежи давно стали общим местом. Приведем несколько иных примеров. XX в. начинался новой наукой – открытиями Фрейда, Эйнштейна и др., изменившими представления о материи и психике человека и имевшими вовсе не национальный, но всемирный характер. Наука (ученые) везде стала важным фактором общественной жизни, двигателем социального развития. И это касалось не только естественной, но и гуманитарной ее сферы. Символично: в 1900 г. в Германии умер Фридрих Ницше, а в России – Владимир Соловьев. Оба этих мыслителя совершенно по-разному подвели итог уходящему столетию. А их «заготовки» на будущее стали широко востребованными и во многом определили духовную ситуацию XX в., во всяком случае его первой половины. Некалендарным началом столетия можно считать (и считали) трагедии, кажущиеся сегодня незначительными – скажем, обрушение в 1902 г. колокольни Сан-Марко в Венеции и проч. Они воспринима-

ный, радикально новый мир – индустриализма, урбанизма, передовых технологий, массовых демократий, иных воззрений на человека и общество. Реформировались и / или ломались старые (XIX в.) порядки и старые режимы. Для масс людей повседневностью становились кинематограф, радио, газеты, что стандартизировало (глобализировало) представления о мире и образы повседневности. Менялись облик городов (перепланировка европейских столиц, появление массового транспорта, строительство небоскребов и проч. – возник новый тип города: мегаполис), городской уклад жизни. Развивались широкое народное образование, массовый культурный туризм, демократизировалось искусство. Все это формировало нового человека (модальные типы личности): иначе, чем прежде, воспринимавшего время и пространство, с другим ощущением своих возможностей (их пределов), собственной телесности¹, собственного «Я».

Это движение в Современность охватило и Новый, и Старый Свет. Всех манило *будущее* (именно это – темпоральный *гегемон* столетия, отодвинувший в тень прошлое, диктовавший свою «волю» настоящему), в поисках источников развития ревизовались «основы» (в экономике, праве, политике, культуре, быте, человеческих взаимоотношениях); отстающие бросились догонять лидеров. Мировая война в каком-то смысле и была ответом на эти бурные и лавинообразные изменения. Она трансформировала облик современности – из нее вышел *другой XX век*². Но не отменила важнейших тенденций, открытий, достижений и проблем, определивших столетие.

В России XX век экономически начинается с 1890-х, с деятельности С.Ю. Витте и бурного экономического роста, политически – с 1904–1905 гг., с Русско-японской войны³ и Первой российской революции (то-

лись мистическими умами как знаки-предостережения, предвестники будущих бед. Но до 1914 г. казалось, что именно это – масштаб катастроф нового века.

¹ Отношение к человеческому телу менялось под влиянием не только искусства, моды. Особое значение имел приход в социальную жизнь спорта – это вообще примета столетия. Человек, вовлеченный в эту революцию XX в., – это исторически *другой человек*. Не случайно тоталитарные движения брали за основу молодость и спорт (массовизировали и военизировали спорт, с помощью этого инструмента «форматировали» молодежь).

² Точное определение Ф.А. Степуна: *бывшее и несбывшееся* [24] – относится не только к России. Европейские 1900-е и 1910-е вызывают естественную меланхолию, тоску об утраченном – как всякое отмененное будущее (то, что не случилось, не состоялось – будущее, которого не было).

³ Вот странная для России война – за пределами империи, на совершенно новых пространствах, с незнакомым врагом. Может быть, поэтому она совершенно не запечатлелась в национальной памяти (осталось только «На сопках Маньчжурии»). Почему-то напрашивается сравнение со столь же странной для Великобритании англо-бурской; она ведь тоже завершила эпоху (викторианства). В одном они точно похожи: как маленькие *войны нового типа* (с применением оружия массового поражения, современных способов ведения военных действий) – предвестники 1914 г. Кроме того, Русско-японская имела важнейший

гда же, заметим, *завершилась пореформенная эпоха*). Но вот что интересно: многие историки полагают началом столетия события в деревне – крестьянские волнения 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях¹. Это не случайно. Век урбанизма (всеобщей тотальной урбанизации) явился вызовом для крестьянских социумов, традиционных образов жизни, культур, ментальностей, для аграрного сектора хозяйства. Здесь показательны примеры Италии, восточноевропейских государств. Россия в этом смысле изначально была «слабым звеном»: она и в новый век вошла как самая крестьянская из европейских стран (в том числе из-за демографического взрыва в деревне²); горожане к 1914 г. составляли около 15% населения³.

Приобщение к Современности⁴, да еще в форсированном режиме, представляло для социальности этого типа чрезвычайно сложную, затратную, рискованную задачу. Требовалось изменить естественно-исторический, столетиями складывавшийся способ существования большинства народонаселения, а значит, произвести культурную, ментальную, правовую, экономическую, социальную революцию (что гораздо шире, чем смена политического строя). То, что страна (управляющие и управляемые, власть и общество, крестьянство и горожане) откликнулась на этот вызов, свидетельствует о том, как много в ней было энергии, динамизма, ресурсов для развития. Но и ее проблемы, и катастрофы, ее страшный XX в. во многом также связаны с этим⁵.

внутренний эффект: в ней сработала традиционная для России схема – неудачная война-реформа.

¹ С южнороссийского бунташного всплеска 1902 г., этих предгрозовых раскатов пугачевщины XX в., некоторые исследователи ведут и отсчет русской революции.

² Его результаты по-настоящему сказались как раз в то время, в начале XX столетия.

³ Для сравнения: к 1910 г. доля городского населения составляла в Италии 26%, во Франции – 41, Германии – 55, а в наиболее промышленно развитой Великобритании – 77%.

⁴ Иначе говоря, модернизация, формула которой – урбанизация, индустриализация, культурная революция. В России 1900–1910-х она была явлением абсолютно европейским – как частный (хотя и очень особый) случай в рамках общего европейского пути. Солидаризируемся здесь с М. Конфино: тогдашняя российская модернизация вписывалась в «континентально-европейскую» и вопреки мнению некоторых исследователей не похожа на модернизацию «третьего мира» [33, с. 15–16]. Она предполагала усложнение, гуманизацию социума, расширение возможностей для самореализации человека. Модернизация в России вообще возможна только как европеизация (форсированная вестернизация, форсирование вестернизации). Лучше всего это доказывает сталинский «случай»: техническая (по преимуществу милитарная) модернизация – и нарастание архаики во всем, что связано с обществом, управлением им. Такого рода опыты внеположны социальной модернизации; их существо – диктатура, террор, война.

⁵ Исследователи отмечают, что в 1900-е и особенно в 1910-е годы значительная часть аграрного сектора была подключена к промышленному развитию – в отношении производственном, социальном, психологическом, что крестьянство в целом успешно интегрировалось в процесс модернизации – без упадка сельского общества [33, с. 15, 26]. И это действительно так. Однако верно и другое: переход к индустриальному, урбанистиче-

Казалось бы, урбанистическая Россия была столь мала и незначительна, так очевидно отставала от Европы / Америки (количественно и качественно, т.е. «физически» и «метафизически»), что этот «фактор» нельзя всерьез принимать в расчет: он попросту не мог влиять на социальную ситуацию¹. Это, однако, не так. В аграрно-крестьянской стране именно город стал главным полигоном («лабораторией») Современности. Этим путем (через города) в страну проникал XX в., стремительно меняя их облик, внутреннее устройство, социокультурные контексты. Иначе говоря, «фактор города» оказался для России 1900–1910-х решающим. И русская революция (как в 1905-м, так и в 1917-м) поначалу была исключительно городским явлением.

На рубеже XIX–XX вв. в жизни российских городов произошел перелом (переворот) такого качества, чреватый такими последствиями, которые только раз случаются в истории любой нации. Взрывной рост² сопровождался разительным внутренним преображением (здесь социальные «физика» и «метафизика» совпали). В отличие от европейского, русский город столетиями строился как административный и военный центр, и

скому миру – самый тяжелый момент в истории крестьянства; он наиболее затронул именно для этой категории населения. В России это наложило на «аграрный кризис», который привел к «оскудению» сельскохозяйственного центра страны. Здесь истоки крестьянского протеста против города, бывшего источником перемен («врагов» деревня видела там); против «городских» – «бар», чиновников (иначе говоря, государства). Он разрядился в «общинной революции» 1917–1918 гг., разразившейся вслед революции в городах и имевшей особенно яростный и жестокий характер. В Гражданскую деревня наказала город – голодом, войной против всех его «агентов». Крестьянская революция победила: в 1920 г. около 95,5% земли в деревне принадлежали общине; связи с городом были минимизированы, примитивизированы (переходом на прямой товарообмен); крестьянство зажило по-своему (так, как мечталось столетиями). Реванш был страшным. В индустриальную эпоху могла быть только одна государственная стратегия в отношении деревни: гасить страхи и ненависти, раскрывать потенциалы развития – просвещением и реформой (что и делалось в царской России). Другая – варварская: победить (полностью и окончательно), уничтожив деревню в прежнем виде – как самостоятельную силу (мир). Это сделали большевики. Притом в качестве главных инструментов государственного насилия использовали не столько карательные силы (их попросту не хватило бы), сколько голод / эпидемии. Тем самым, как считают историки, ленинско-сталинский большевизм переломил хребет не только тому «классу», который и был Россией (во всяком случае, количественно), но и массовому протесту в стране в принципе).

¹ А такая точка зрения в науке существует; более того, долгое время она была очень влиятельной.

² В 1863 г. только Петербург и Москва насчитывали более 400 тыс. жителей; еще в десяти городах их численность превышала 50 тыс.; население других городов редко достигало 5 тыс., причем значительная его часть кормилась от земли [14, с. 11]. Между 1858 и 1897 гг. городское население Центральной России выросло с 9,41 до 13,4%; по показателям его ежегодного увеличения Россия обгоняла Англию [13, с. 352]. По данным первой общероссийской переписи (1897), в Санкт-Петербурге насчитывалось 1 264 900 жителей, в Москве 1 038 600, а в третьем по величине городе империи, Варшаве, – 684 тыс.

жизнь в нем была бюрократической и гарнизонной¹. Притом представлял собой не смешение сословий, а торжествующую сословность (точнее, являл собой торжество сословия – дворянского). Москва и Петербург, служившие моделью города для России, задававшие моды, стили, образцы, были дворянскими столицами, которые обслуживала деревня. По своему внутреннему устройству дореформенная Москва (и даже шире: Москва XVIII–XIX вв.) в особенности сравнима с большим поместьем, где крестьяне играли роль сервисной службы². Во многом отсюда исторически навязчивые патриархальность, традиционность наших городов, иначе говоря, низкая интенсивность социальной жизни³. И эта образность «города / села» (сравнимая, скорее, с допетровской Россией, чем с Европой) была мила и сердцу, и глазу русского человека: именно так он и мыслил город. Поэтому был столь мягок к Москве (в Москве) и суров к Петербургу.

С эпохи Освобождения, взломавшей сословные перегородки, прежние образы жизни, город стал демократизироваться, наполняться разночинным элементом и новым содержанием: индустриальным, финансово-экономическим и интеллектуально-культурным. Собственно, тогда у нас и появился город в подлинном смысле этого слова (воздух которого, может, тяжел и не чист, но приносит свободу). С учреждением городской системы

¹ Города учреждались верховной властью, содержательно наполнялись ею (это имел в виду Н.П. Огарев, называя их насильственной случайностью). В отличие от Европы, русские города – «месторазвития» государства, их назначение – служба (весь этос – служилый), они предназначены для служилых людей. Ремесла, торговля и прочие основы европейской городской жизни, рождавшие бюргерский дух, буржуа и буржуазность, здесь вторичны, функциональны. По существу, русский дореформенный и современный ему европейский город – это два разных явления.

² В социальном отношении Москва состояла из сословий, которые русские националисты в начале XX в. называли «настоящими русскими классами», противопоставляя их космополитической интеллигенции: дворянство, крестьянство, чиновничество и купечество [35, с. 200]. Жили розно, но даже в этой отдельности была своя органика. Соседство с дворянскими усадьбами купечества было вполне естественным (оно и рекрутировалось из «поместного сервиса»), а чиновничество никогда не было всесильным (такой силой, как в Петербурге). Мирность (социально-политическая «тишина» при чрезвычайной бытовой суетности) и «натуральность» патриархально-традиционной стилистики и образности, отсутствие катастрофизма и космополитизма, которым просто веяло от Петербурга, делали Москву идеальным русским городом. В это национальное прокрустово ложе укладывалась вся дореформенная городская Россия – она больше московская и очень мало петербургская.

³ Это проявлялось по-разному: многочисленностью сельских элементов населения, неразделенностью городской и сельскохозяйственной деятельности (как бы застывшей незавершенностью этого процесса), особой внешностью города – с хаотической, в значительной степени деревянной и одноэтажной застройкой, с множеством садов и огородов, со слаборазвитой инфраструктурой (мостовые, система канализации, освещение – все проблема). Скопления разнообразных поместий / усадеб, сословных анклавов, районов и райончиков и т.п., из которых состоял дореформенный русский город, очень плохо поддавались модернизации, с трудом соединялись в единство, целостность – мегаполис.

власти (самоуправления) он получил своего рода легитимацию. В России формировалась современная городская цивилизация (точнее, *цивилизация как современная, городская*) – вслед за европейской, по ее следам.

XX век придал новый импульс этому процессу, отформатировал его¹. Русский город стал обретать формы – политико-правовые (институционализировался), инфраструктурные, архитектурные². Рождались городское общество (всесословное, «открытое», самоорганизующееся), городской тип идентичности, горожанин как субъект городской жизни (в политико-культурном отношении это уже не подданный – скорее, гражданин, даже притом что буржуазно / мещанско-обывательское соединялось с гражданственным в разных пропорциях и чаще в ущерб последнему) – разительная «социологическая», экономическая, культурная, ментальная перемена. Для аграрно-крестьянской страны, еще вчера крепостнической и самодержавной, это имело революционное значение.

Надо сказать, что в науке эти перемены оцениваются не слишком высоко. Устойчиво мнение: традиционная русская цивилизация не могла выделить из себя городской (соответственно, и буржуазный) «субстрат». Процесс урбанизации в России не органичен, вторичен; те современные политико-правовые формы, которые приданы городам в пореформенный период, были для них неестественны, чужды [34, с. 570]³. Это мнение имеет под собой исторические основания. Вроде бы имеет. Так что же, это еще один признак отсталости, вечного русского отставания; русская урба-

¹ Здесь следует иметь в виду: *в Европе рождение города и формирование города XX в. – это исторически разные процессы; в России они совпали*. Этим во многом объясняются особые напряжения отечественной урбанизации, ее своеобразия (при чрезвычайной интенсивности – впечатление постоянного отставания, малости / недостаточности изменений, навязчивое ощущение непреодолимости отсталости, ущербности и проч.).

² В долгом неприятии Петербурга русским человеком (не только мужиком, простолюдином, но и образованным, т.е. отчасти и европейцем) большое значение имели внешность – природа и, конечно, архитектура. Стилистически это был не его город: он «изъялся на заемном архитектурном языке, непонятном для страны» [3, с. 8]. Вроде бы и Россия, но чужая и чуждая (другая). Именно XX в. (1900–1910-е) с эстетикой модерна поменял ситуацию: все русские города становились отчасти и космополитично-всемирным Петербургом – прежде всего образно, архитектурно. В них утверждался единый европейский стиль, они благоустраивались (нацелились на благоустройство) на европейский лад. Притом не теряли своей самобытности. Столетие назад российские города самой своей внешностью манифестировали, что у России хоть и особый путь, но в рамках европейского.

³ Тем самым дореволюционный урбанизационный процесс как бы ставится под вопрос, деурбанизация времен Гражданской кажется совсем не случайной, а взрывной рост населения городов в 1930-е – единственно возможным способом построить на наших пространствах современную урбанистическую страну. Последнее допущение поражает своей неадекватностью («сталинская урбанизация» – это перенасыщение / варваризация города за счет подавления / обескровливания деревни), но именно оно утвердилось не только в национальной памяти, но и в исторической науке, российской и международной (оно и доминирует).

низация – плохая копия европейской (простой повтор, реплика); здесь не было субъекта – потому не получилось города? Наверное, все же не так. У России и Европы разные истории – поэтому разные города. Однако особенности нашего «особого пути» не стоит преувеличивать – он сравним со многими восточноевропейскими. Кроме того, наша социальность столетие назад показала себя чрезвычайно адаптивной; стоило ей только получить толчок (вызов), как рядом с крестьянской Россией стала утверждаться городская.

Да, новые времена шествовали обычным для России путем: с запада на восток. Но процесс созидания «больших городов» (города нового типа) вовсе не был тавтологией (эхом) европейского. Не случайно Петербург оказался здесь вовсе не первым. По техническим новациям впереди шли Варшава, Рига, Лодзь, Харьков, Одесса. Москва, более дворянская и купеческая, с сильным самоуправлением, образованием, благотворительностью, меценатством, на переломе столетий в некоторых отношениях опережала столицу¹. Притом эстетически и стилистически она становилась совершенно европейским городом². Еще один пример органичного соединения традиционно-русского с европейским являл собой конгломерат поволжских центров: Нижний, Саратов, Самара (напоминания об этом – не о

¹ «В девятидесятых годах Москва еще сохраняла свой облик живописного до сказочности захолустья с легендарными чертами третьего Рима или былинного стольного града и всем великолепием своих знаменитых сорока сороков. Были в силе старые обычаи... С наступлением нового века на моей детской памяти мановением волшебного жезла все преобразилось, – вспоминал Борис Пастернак. – *Москву охватило деловое неистовство первых мировых столиц.* Бурно стали строить высокие доходные дома на предпринимательских началах быстрой прибыли. На всех улицах к небу поднялись незаметно выросшие кирпичные гиганты. Вместе с ними, обгоняя Петербург, Москва дала начало *новому русскому искусству – искусству большого города, молодому, современному, свежему*» [20, с. 11]. «Горячкой девятисотых» называл это Борис Леонидович. С последним его утверждением (о культурном первенстве) можно спорить, но Москва действительно была равна Петербургу – в том смысле, что тоже была столицей России (к слову, и сейчас эта ситуация сохраняется – с точностью до наоборот: качество «столичности» свойственно и Петербургу), и в том, что на рубеже XIX–XX вв. в большей степени казалась воплощением идеи городской самостоятельности (городское самоуправление здесь было более представительным, независимым, инициативным, «общественным» – больше радело о благе городского общества, городском благоустройстве, репутации города). В Москве просто было меньше власти; незанятое пространство заполнял город – и расширялся, экспандировал.

² XX в. с его «горячкой» – и городской (деловой, промышленной, культурной), и сельской («стольпинской», отрубной и хуторской, землеустроительной, кооперативной) – утверждал: Россия не вне Европы, но вместе с Европой, часть Европы. Да и традиционное (для европейцев и самих русских) представление о ее окраинности (если не о варварстве, то о провинциализме) опровергал XX в. «Гениальная провинция», – реагировали немецкие критики на работы М.В. Нестерова, выставленные в 1898 г. в Мюнхене [18, с. 133]. Русский гений показал – и не только культурно, интеллектуально, но экономически, даже и политически, что этот ярлык не соответствовал сути: узковат.

прошлом, а о возможном будущем – в них еще сохранились). По богатству и разнообразию жизни они отчасти схожи с рейнскими городами. Пожалуй, из больших русско-европейских городов только Киев оставался несколько старомодно-патриархальным – дворянским, деревенским. Столетие взяло в проработку и неевропейскую Россию, темпорализуя эти пространства. Роль машины времени здесь в значительной степени выполнял Транссиб¹. Сибирь прирастала городами; старые центры наполнялись приметамы эпохи.

Конечно, постижение азбуки современной городской цивилизации давалось России нелегко. Российская урбанизация испытывала двойные обременения и проблемы – те, с которыми сталкивалась в ходе подобного процесса Европа, и свои, «особые»². Города стали полем напряженного столкновения современности и традиции, конфликта общества и власти, капитала и промышленных рабочих и т.д. И при этом ощущали себя пасынком русской современности [3, с. 263]³. Города (городское самоуправление) исторически были слабее и обладали гораздо меньшим политическим весом, чем земства / земцы (представители поместного класса), гордившиеся своей связью с землей и имевшие огромный опыт участия в местных делах. Здесь еще только разгоралась борьба за демократизацию представительства, перестройку на современный лад городского дела, эффективное ведение городского хозяйства – борьба за город.

Русский город еще только «начинал просыпаться», самоопределяться и самоутверждаться; его образ еще только проявлялся. Эти процессы, однако, шли чрезвычайно быстро. В период между революцией и войной (1906/7–1914) городская Россия перестала быть лишь придатком к России-

¹ Эта дорога, имевшая для Сибири (для страны) значение дороги жизни, могла бы стать символом российского XX в. (одним из его начал). Да, собственно, то был универсальный знак времени: дорога, связывавшая воедино Европу и Азию, имела мировое значение.

² Россия в полной мере испытала дестабилизирующие и дегуманизирующие последствия модернизации / урбанизации; форсированные темпы этих процессов «форсировали» и последствия. Что же касается «особостей», следует сказать о той, что является для этой эпохи одной из центральных (добавить к сказанному). В ходе индустриализации / урбанизации в России произошел стремительный и потому особенно болезненный разлом по линии «город / деревня». В сознании современников они вдруг «явились» как две совершенно разные субстанции – во всех отношениях, но прежде всего в темпоральном: «настоящее / будущее» олицетворял город, в «настоящем / прошлом» оказалась деревня. Город выступал в роли цивилизатора / колонизатора, эксплуатируя и одновременно просвещая / осовременивая деревню. Негативные последствия этого «конфликта» (конфликт своей негативной стороной) раскроются в революции и станут не последней причиной сползания страны в Гражданскую войну.

³ Так характеризовал их место в журнале «Городское дело» в 1909 г. Л.А. Велихов, создавший в Государственной думе Четвертого созыва внепартийную городскую группу.

деревне, сознавала себя чем-то действительно самоценным¹. Мировая война придала этим процессам новое ускорение; произошло объединение городских общественных сил, политическое и гражданское (создан Всероссийский союз городов); городская Россия заключила союз с земской (Земским союзом)² – для помощи фронту и послевоенного переустройства (обновления) страны на началах свободного гражданского самоопределения [29; 30].

Иначе говоря, в это время была предпринята попытка построить современную городскую Россию (современный русский город). Не случайно именно тогда было сказано: «После войны будущее принадлежит городам», «городской демократии», «просвещенной», «подвижной» и «деятельной»³.

Расколотый город: Петербург против Петербурга

XX век заявил о себе во всей России. Однако символом этого общероссийского движения: вперед, в будущее – стал именно Петербург. Исторически крупнейший и наиболее урбанистический центр империи, он всегда был в большей степени городом – в европейском смысле слова, – чем другие русские центры (в том числе и Москва)⁴. Именно Петербург являлся в России «архетипом» большого города, а это и есть «месторазвития» XX в. Поэтому он и стал ареной особенно ожесточенной борьбы за новое столетие.

На рубеже XIX–XX вв. Петербург стремительно рос: если в 1900 г. в нем жило около 1 млн 400 тыс. человек, то накануне Первой мировой – около 2 млн 200 тыс., а в 1917-м – около 2 млн 400 тыс. (темпы этого роста были сопоставимы с другими мировыми столицами – Римом, Веной, Бер-

¹ На исходе 1900-х тем же Л.А. Велиховым были сказаны символические слова: «Русская цивилизация может быть осуществлена только через города» [3, с. 263]. А на излете русских 1910-х (*после 1917 г. в стране начнется другое время*) произошло символическое событие. В марте 1916 г. правительство внесло в Государственную думу проект нового Городового положения, где вместо «городского поселения» (в эту категорию Положение 1892 г., в полном соответствии с реалиями XIX в., относил не только собственно города, но «посады» и «местечки») появился «город» [3, с. 268]. Будущее послевоенной России должно было принадлежать городам – в прямом смысле этого слова.

² О консолидации городского движения (создании координирующего его всероссийского органа, созыве съездов представителей городов) и союзе с земцами городские деятели мечтали и накануне Первой революции, и в 1910-е годы. Поэтому и восприняли Февраль 1917-го, воплотившего в жизнь эти мечты, как праздник.

³ Так видели будущее либеральные политики, общественные деятели; эти взгляды транслировали московские «Русские ведомости», «Русская мысль».

⁴ И мифология столицы исключительно городская – ничего сельского, патриархального.

лином; впереди были, пожалуй, только Париж и Нью-Йорк) [12, с. 10]¹. Притом представлял собой город именно *нового* времени – устремлен в будущее, предлагал стране разные его сценарии. Городское пространство было насыщено всем тем передовым, что несла современность: от трамваев, кинотеатров, электричества, телефонов и лифтов – до кафе, ресторанов, гостиниц, клубов (новой публичной среды), модных магазинов и журналов, взорвавшегося в архитектуре модерна (пестрого, наглого стиля, как определил его В. Брюсов)² и т.д. Петербург 1900–1910-х – одна из запаздывающих столиц (наряду с Веной, отчасти и Берлином), рвавшихся в Современность.

В этом городе столкновение времен (раскол на XIX и XX) оказалось выражено четче, резче, болезненнее, чем в остальной России. Здесь всегда была тяжелая атмосфера (не в последнюю очередь, кстати, связанная с климатом), много истерики, надрыва; переходная эпоха ее сгущала³. Город был многолик, многообразен, сложно устроен; самое передовое соединилось в нем с самым отсталым (это вообще национальный «спецификат»; такого рода *mixt*, странные и с социальной точки зрения чрезвычайно опасные, для нее характерны – и тогда, и теперь)⁴. Новый век умножал контрасты, утяжелял противоречия.

¹ Нужно учитывать и динамику: между 1863 и 1910 гг. численность петербургского населения утроилась (с 668 тыс. до 1,9 млн человек). Сравним: за вторую половину XIX в. в Лондоне население более чем удвоилось (с 3,9 млн до 7,3 млн человек), в Париже выросло с 2,5 млн до 4 млн (приблизительно таким же – более 4 млн – оно было и в Нью-Йорке), в Берлине – с 800 тыс. до 3,2 млн человек [26].

² Скажем еще несколько слов о «внешности» городов, т.е. об архитектуре, потому что в ней и проявляется время. Некоторые специалисты считают несвоевременной образность урбанистической России в начале XX в., которую определяли эклектика и модерн. Возможно, эта стилистика и кажется традиционной, но только в сопоставлении с многоэтажной Америкой. В Европе же эпоха 1900-х запечатлелась именно в модерне. «Авангард» (конструктивистский, баухаузный стиль, которому в 2019 г. – 100 лет) утвердился здесь после Первой мировой. Он соответствовал времени: массы окончательно завоевали города – потребовались радикально другие способы организации / наполнения городского пространства, массового строительства. Не случайно баухауз называют архитектурным образом современного демократического общества, а скептики утверждают, что мир в этой архитектуре как бы примитивизируется. Это хоть и резко, но точно: тираж, на котором строится массовый социум, неизбежно упрощает. XX в. с его «спальными районами» был в этом смысле радикальным упрощением. Крайний пример такой «простоты» представляет собой советский город. В нем не на чем остановить взгляд; он пугает своим примитивным однообразием, своей безликостью. И систематическое удаление из него исторического центра (образа старого города), которое продолжается и сейчас, делает его каким-то уж совершенно безнадежным.

³ Эта атмосфера, нервическая, неустойчивая, передана в «Петербурге» Андрея Белого, самом современном русском романе.

⁴ Крупнейший промышленный и торговый центр, город капитала и интеллекта, литературы, наук и искусства, город-памятник и город-порт, город – университет, издательство, редакция, бюрократическая, гвардейская – и пролетарская столица, город аристократии, больших амбиций – и бедности, неустроенности, в одной своей части

Сама столичность Петербурга была источником (и мультипликатором) его проблем: здесь как нигде в стране ощущалось (и действительно было сильно) давление официоза – мира власти, чиновного, аристократического, военного. На рубеже веков еще казалось, что Петербург – именно *это*. Собственно, так тот город видится и теперь. Вот характерное замечание, касающееся, вроде бы, его «внешности»: «Центр всегда оказывается сценой, жизнь в нем имеет качество зрелища, это место про “людей посмотреть, себя показать”. Несколько задирая планку, можно сказать, что *это место рефлексии города, его самосознания, предъявления ценностей, которыми он живет...* На <Дворцовой площади в Петербурге>... был спектакль имперской власти, действие огромной пустоты. Такое понимание центра... унаследовано советским градостроительством, где весь город стекался к площади перед обкомом, которую редкая птица отваживалась перелететь» [22, с. 15]. Этот образ, где советское уподобляется досоветскому (из него выводится), где властно-диктаторское предстает как универсализм (национальная специфика, неизбывная на этом пространстве), вроде бы, настолько очевиден, так засел в памяти нашего (да и не только нашего) человека, что совершенно не ставится под сомнение – принимается автоматически, почти бессознательно. Он, однако, не адекватен.

Эта проблема: дворец в центре города (центр присвоен властью) – была тогда вовсе не национальной. Петербург / Россия в этом смысле не исключение; то же – в Берлине, едва ли не во всех европейских городах¹. Однако, как и везде в тогдашней Европе, символическую топографию российской столицы (*центра – собственно Петербурга*²) 1900–1910-х годов нельзя свести к местам власти, Дворцу / Дворцовой площади, просто потому, что власть тогда уже перестала быть единственным субъектом (мо-

космополитичный (как мировые столицы), в другой («за фабричной заставой») – индустриальный, но локалистский (по организации жизни и социальному кругозору населения), Петербург был, безусловно, самым сложным городом России.

¹ В Германии, к примеру, конфликт монархии и общественной, городской, фабричной, современной страны тоже был очень серьезным. Однако дальше все определяли атмосфера, среда, последствия национальной истории (контекст – исторический и актуальный). В Германии, с которой дореволюционную Россию часто сравнивают, гораздо раньше появились общество, партии (новые субъекты, создавшие политическое пространство), были сильны рабочий класс, профсоюзы. В начале XX в. там – самая мощная в Европе социал-демократия, влиятельные либералы. Да и капитал был политически активнее и умнее – просто потому, что старше. То есть это принципиально иной тип социально-властного устройства. Потому и революция в Германии типологически, вроде бы, подобная российской (антимонархическая – против кайзера / против царя), оказалась другой.

² Хотя Петербург исторически начинался с правого берега Невы (островов, Петропавловской крепости), центр расположился на левом. В этом смысле российская столица похожа на Париж с его интеллектуально-художественным (в культурном смысле аристократическим), политическим (наполненным госучреждениями) левобережьем. Характерно, что именно сюда (в город власти и буржуа, дворцов, салонов, дорогих магазинов) нацеливались (прорывались) «желтые жилеты» осенью / зимой 2018 – зимой / весной 2019 г. То есть вели себя так же, как петроградские рабочие в феврале 1917-го.

носубъектом) русской жизни. Столица была исключительно насыщена новыми силами, искавшими себя на иных, чем в XIX в., путях, способных и желавших делать новую (*свою*) историю¹. Для них «дворцовый Петербург» (город царя и двора, аристократии и бюрократии, гвардии) являлся своего рода «контрпроектом» (социальным, политическим, культурным), мишенью для критики, антиобразом. Им нужен был другой город.

XX век окончательно расколол столицу – по линии «общество / власть». Пожалуй, это один из главных конфликтов эпохи: Петербург против Петербурга². Он был непримиримым – мировоззренческим и, как бы странно это ни звучало, темпоральным: разворачивался (представлялся, осмыслялся) как противостояние двух разных сущностей – отжившего (России самодержавной) и грядущего (России, свободной от самодержавия). Этот конфликт, среди прочего, касался самого города: того, кто и как будет его устраивать в новую эпоху.

Петербургский транзит (из XIX – в XX): «Нужна реформа во всем»³

Петербург – самая молодая из европейских столиц; в том виде, в котором мы его знаем, он стал формироваться исторически совсем недавно (по существу, с пушкинских времен; можно сказать, что классический Петербург создавался параллельно с классической русской литературой и был ее важной темой). Но уже в начале XX в. стала вдруг остро ощущать-

¹ Надо учитывать и тот факт, что города, особенно столицы, – место повышенной оппозиционной и революционной активности.

² Он служил одним из самых ярких показателей напряженности, существовавшей в России между монархией и теми новыми силами, которые не хотели, чтобы ими правила «старая» власть, желавшими «сменить шофера» (знаменитый предфевральский «клич» общественников [31, с. 119]). Однако эти новые силы (новый Петербург) вовсе не были антигосударственными. Главным «отщепенцем» в России было крестьянство; оно – интуитивно самодержавно (за царя), но против государства (чиновников, господ – в этом смысле и против города как их «резиденции»). Общество же стояло против наличного (царского) государства, за другое (свое) – демократическое, правовое, им порожденное. Более того, его идеалом было сильное государство, сильные лидеры. В революцию 1917 г. это проявилось особенно отчетливо, приняло даже крайние формы (желание «сильной руки», общественной диктатуры).

³ Эта фраза принадлежит авторам проекта нового здания городской думы (1875). Самим фактом строительства они предполагали изменить дух этого учреждения: привести его в соответствие с положениями городской реформы 1870 г.; утвердить образно, в камне, тот факт, что дума представляет не одно только торговое сословие, но все городское общество [4, с. 178]. Места дислокации петербургского самоуправления так и не поменяло (осталось на Невском, у Гостиного двора), однако это здание в начале века постоянно перестраивалось. Символично: в конце концов оно превысило Зимний дворец – в нарушение тогдашних градостроительных норм [10, с. 71]. Что же касается слов, вынесенных в заголовок этого раздела, то они как нельзя лучше *передают настроение, господствовавшее в петербургском (и шире: российском) обществе на рубеже веков.*

ся необходимость в его обновлении. Везде в России вопрос: как модернизировать город (как создать современный – как тогда говорили, «большой» – город, «метрополис») был сложным, даже болезненным¹. Но для Петербурга он оказался особенно трудноразрешимым². Он болел всеми болезнями обычного европейского города индустриальной эпохи (перенаселение центра и обособление окраин, пролетаризация, слабость инфраструктуры, санитарно-эпидемиологическая уязвимость и т.п.)³. При этом имел и собственные («исторические») патологии. Бичом Петербурга было отсутствие современной инфраструктуры – водопровода и канализации⁴.

¹ «Демографический взрыв, стремительный рост пролетариата и среднего класса, новые стандарты гигиены и комфорта – все это требовало срочных и масштабных преобразований», – указывает Е. Берар [3, с. 10].

² Поразительно: превращению в большой город (модернизации) гораздо легче поддавалась Москва, символ русской патриархальности, чем классически европейский Петербург.

³ В специальной литературе рубежа XIX–XX вв. говорили о «кризисе большого города»: это тот клубок проблем, который возник прежде всего в европейских столицах в связи с быстрым ростом населения [26]. Город–XX столкнулся с целой серией кризисов, справляться с которыми не умел: жилищным (жилищное строительство не поспевало за ростом населения; не срабатывал тот инструментарий, которым в XIX в. добивались его более или менее рационального расселения), земельным (рост спроса породил земельные спекуляции, внутриквартальную, т.е. точечную, застройку), санитарно-эпидемиологический (из-за переуплотнения, нарушения норм ухудшалось санитарное состояние жилья), транспортным (отсутствием дешевых и удобных транспортных сетей, что особенно остро ощущалось в центральных районах). Это была общемировая проблема, и никто не знал, как с ней справиться. Видимо, мегаполисы периодически переживают такого рода кризисы, связанные с «толчками» развития (индустриального, технологического, информационного, культурного, в международной кооперации), переходами развитого мира в какое-то новое качество. Иначе говоря, это *кризисы роста*, которые со временем преодолеваются. Такой кризис переживал в начале XX в. и Петербург. По своей тяжести, масштабу проблем он *сравним с аграрным кризисом*, поразившим деревню.

⁴ Вот что петербургский градоначальник Н.В. Клейгельс докладывал последнему императору в 1895 г.: «...многие насущные городские нужды, каковы, например, устройство правильной системы очистки города, расширение и улучшение водоснабжения и освещения, возведение новых больниц и других общепользовательных сооружений, капитальный ремонт городских зданий и др., остаются неудовлетворенными, за недостатком средств, и работы отлагаются из года в год» [3, с. 48]. Притом неблагополучие в деле благоустройства столицы градоначальник ставил в вину городской думе. В 1901 г. столь же критически оценил состояние столицы министр внутренних дел Д.С. Сипягин: «С.-Петербург лишен... большинства удобств, которыми пользуются не только... иностранные столицы, но даже и некоторые собственные наши города; в нем нет ни канализации, ни пожарного водопровода, ни надлежаще устроенных способов сообщения, ни сколько-нибудь достойной врачебной и санитарной организации, и т.д.» [3, с. 130]. Реакция адресата (Николая II): «Жаль и стыдно для столицы», – явно адресовалось городу, его выборному («общественному») управлению. Однако Петербург находился и в ведении ведомств: МВД (градоначальник и Особое по городским делам присутствие), а также других министерств (двора и уделов, армии и флота, духовных дел, транспорта, народного просвещения), которые управляли значительной частью городского имущества – в основном той, что была освобождена от

Да и облик города (в основном классицистский, из прошлого – XVIII и XIX столетий) на фоне стремительно перестраивавшихся европейских столиц казался старомодным¹. Петербургу был необходим качественный рывок – в развитии городского хозяйства, благоустройстве, градостроительной политике². Это актуализировало вопрос об управлении – причем не только о соотношении в нем общественного и бюрократического начал, но и о характере представительства в столичном самоуправлении.

В петербургской думе с момента ее создания преобладали крупный капитал и владельцы недвижимости, чей городской кругозор был ограничен. Они не представляли нужд большинства горожан; более того, некоторые необходимые для города проекты входили в противоречие с их интересами, поэтому реализовывались с большим трудом или не реализовывались вовсе³. С переходом в новое столетие стало особенно очевидно, насколько малопредставительно (количественно и качественно) петербургское представительство. Столицу в массе ее составляли чиновники, буржуазия, интеллектуалы / интеллигенция (лица свободных / «либеральных» профессий), средние городские слои («интеллигентные работники в области торговли и промышленного предпринимательства»)⁴. Их появления нельзя

налогов в пользу города. Поэтому проблемы столицы были в первую очередь проблемами государственными, и то, что государство не могло их решить, служило для общества (прежде всего петербуржцев) доказательством его неэффективности.

¹ Воображение современников особенно поражал обновленный (османовский) Париж: он служил примером новой европейской столицы, готовой вступить в XX в. На переходе из XIX в XX многие представители петербургской бюрократической элиты загорелись идеей превращения Петербурга в престижную, современную столицу по парижским образцам. И общественные планы реконструкции города, о которых мы еще скажем, тоже имели в виду этот опыт. Однако менялись и другие мировые столицы: в Вене полностью реконструировалась транспортная система, с 1903 г. перестраивался Вашингтон, в 1910 г. в Риме начали «прореживать» старый центр, а в Берлине объявили конкурс на план расширения [3, с. 242]. То есть это был общеевропейский процесс – и в этом смысле мощный фактор «давления» на Санкт-Петербург.

² Можно сказать, что *Петербург остро нуждался в революции – в благоустройстве, санитарии*. Это важнее политики – ведь это-то и определяет жизнь людей.

³ Так, модернизация транспортной системы грозила оттоком дешевой рабочей силы и падением стоимости жилья в центре города, канализационной системы – неприкосновенности частной собственности. Петербургские гласные имели основания сопротивляться этим большим проектам. Но это было эгоистическое сопротивление (эгоизм больших денег), препятствовавшее развитию города – разумному и постепенному, реформистскому. С.Ю. Витте (вслед, кстати, за Н.В. Клейгельсом и др.) имел основания говорить: «В составе городского населения лица, в руках коих сосредоточено городское хозяйство, являются крайне незначительным меньшинством, и притом таким меньшинством, которое отнюдь не может считаться ни наиболее образованным, ни ближе всего заинтересованным в удовлетворении городских нужд» [3, с. 124].

⁴ Иначе говоря, это средний городской класс – те горожане, что не принадлежали ни к владельцам недвижимой собственности (не являлись домовладельцами / собственниками

было избежать в стране индустриализирующейся и демократизирующейся, в городе XX в. Они (их самосознание и вес) росли вместе с городом (его вращением в новый век, принятием его в себя); претензии были вполне предсказуемы (потому что универсальны) – на публичное пространство (свое место в городе, право быть горожанином¹), на «участие» (точнее, на соучастие – в городских делах, управлении²).

Практически все они принадлежали к той (многочисленной и устойчивой) категории петербургских жителей, которых называли «квартиронанимателями». Эта фигура для Петербурга характерная – здесь исторически преобладали не владельцы, а наниматели³; в этом смысле Петербург

жилья), ни к торгово-промышленному «сословию». Но они платили налоги, а именно создание налогоплательщика рождает образ мыслей горожанина-гражданина. Сейчас эти городские слои («элементы знания и труда» в городе, как определяли тогда) назвали бы «креативным классом».

¹ Городские движения (за права горожан) не «привязаны» к какому-то определенному времени – мы видим их и сейчас, в XXI в., в разных частях света. Так, свое право быть горожанами (свое место в городе) отстаивали жители Стамбула, протестуя в мае-июне 2013 г. против строительства торгового центра в парке Гези; екатеринбуржцы в борьбе за сквер у Театра драмы с местными властями и капиталом в мае 2019 г., участники движения «МыЕсть» в Москве в июле-августе 2019 г. (начавшись с требования регистрации независимых депутатов на сентябрьские выборы в Мосгордуму, оно превратилось в гражданское сопротивление, имеющее общероссийское значение). И т.д. Все эти движения – об одном: это – *наш* город. Их составляют в основном средний класс и интеллигенция, жители состоятельных районов, светские и либерально настроенные. Политизация такого рода движений, имеющих протестную основу, неизбежна; именно они порождают (становятся источником) оппозицию как массовое политическое явление. Иногда они одерживают поразительные победы, за которыми – мужественное упорство, большая работа тысяч и тысяч людей. Совсем недавно поразила Турция: силы, начавшие с экологического протеста, 31 марта 2019 г. победили на муниципальных выборах в крупнейших городах (в том числе в Стамбуле – город даже вынудили переголосовать, но своей позиции избиратели не изменили) казавшуюся непобедимой правящую партию. Что касается России, то чрезвычайно важен сам *факт появления современных городских движений в начале XX в.*

² Имеется в виду демократия участия (партиципаторная демократия), но не политическое, а социальное ее измерение. Центральный вопрос социальной демократии – соучастие в управлении (заводом, университетом, школой, железной дорогой, городом). Это позволяет пронизать участием всю социальную сферу и тем самым укрепить «верхнюю» (политическую) демократию. Потребность в соучастии стала особенно активно ощущаться и проявлять себя в России после Первой революции. Симптоматично: спустя почти столетие, в России посткоммунистической (которая считает себя вполне современной, а Россию царскую – отсталой, исчерпавшей себя) этот вопрос не то, чтобы не решен, но даже и не был поставлен.

³ Когда в 1880-е годы противники предоставления «квартиронанимателям» избирательного права называли их «случайным», не «коренным» населением города, в этом была только одна правда: горожане, не являющиеся собственниками своего жилья (квартирующие в доходных домах – основном виде петербургского жилья), – это кочующие в городском пространстве жители, свободные в своем выборе. Не случайно В.Г. Белинский называл самое многочисленное «петербургское сословие»: чиновников, военных – «бездомными людьми»

ближе к современным европейским городам (современному мобильному городу), чем даже нынешняя Россия¹. Этот образованный и деловой «элемент» в социально-экономическом отношении в основном (исключая государственных служащих) не зависел от государства, т.е. являлся в прямом смысле слова «общественным». Стремясь не столько к демократизации, сколько к интеллектуализации городского самоуправления (созданию «умных» дум), правительство десятилетиями (с 1880-х годов) обсуждало вопрос о расширении избирательных прав в пользу этих слоев, о введении образовательного ценза для гласных городских дум². Притом что этот «элемент» в Петербурге постоянно расширялся³, его невовлеченность в муниципальное управление все больше становилась нонсенсом.

«Квартиронаниматель» начала XX в. – социально-экономический псевдоним среднего петербуржца (коренного горожанина, налогоплательщика, занятого умственным трудом, модального петербургского типа). Вопрос о его представительстве был для столицы не только хозяйст-

[1, с. 32]. Но они-то и были источником настоящего города (в финансовом и культурном отношениях), соответствующего жизненного уклада.

¹ Наши граждане, вкусившие за более чем 70 лет всех плодов советской власти и потому боявшиеся потерять единственное, чем владели, стали в 1990-е собственниками своей городской недвижимости; сейчас несут на себе все бремя владения.

² В 1898 г. городской вопрос был предметом обсуждения двух ключевых министров: внутренних дел (И.Л. Горемыкин) и финансов (С.Ю. Витте). Горемыкин видел корень проблем русского города в скудности городских финансов и предлагал передать думами (общественному управлению) государственный квартирный налог. Не отрицая необходимости такой меры, С.Ю. Витте настаивал на признании за его плательщиками («квартиронанимателями») избирательного права, потому что считал их «именно той группой городских обывателей, которые как по достатку, так и по образованию и роду занятий, представляются наиболее способными стать выше узких интересов отдельных слоев населения» [3, с. 125] и развивать город с учетом интересов всех его жителей. Городские бюджеты получили только половину квартирного налога (остальное, как и прежде, шло в государственную казну). Надо, однако, сказать, что позиция государства гораздо более адекватна и современна, чем столичной думы, всячески сопротивлявшейся избирательной реформе (т.е. ее, думы, демократизации и интеллектуализации) [14, с. 181–220].

³ В пореформенное время и в начале XX в. российская столица прирастала населением, занятым в промышленности, торговле, науке, образовании, разного рода интеллектуальным трудом. Конечно, этот прирост не сопоставим с взрывным распространением пролетарской массы (темпами пролетаризации Петербурга), но образ, настроение, перспективы города определял именно «креативный класс». (Подчеркнем: такое «наименование» можно в равной степени отнести и к обществу, и к «царской» бюрократии – это люди одной культуры, схожих стилей и образов жизни; они говорили на одном языке, там была почва для взаимодействия (тем обиднее их лобовое столкновение в феврале 1917-го – поражение в результате потерпели обе стороны.) В этом – *принципиальное отличие тогдашней ситуации от нынешней*. Модальные типы личности, возобладавшие сейчас в политических «верхах» и среди «общественников», – это антагонисты, мировоззренчески, поведенчески, «стилистически», всячески. Это со всей очевидностью (буквально – на экране) показали московские события лета 2019 г.

венным и даже не только политическим, но бытийственным. Речь шла о том, кто является субъектом городской жизни – точнее, признана ли субъектность горожанина. Без его решения невозможно было превратить Петербург в «метрополис» – ведь только образованный, деловой, производительный, платежеспособный, общественный «элемент» и был способен создать современный город. То, что в Петербурге этот вопрос стоял так остро, и делало его авангардом общероссийского городского движения (борьбы за город).

Конечно, «субъектность» не дается просто так – ее надо заслужить (работой, борьбой). С начала 1900-х годов заметны быстрое взросление петербургских общественных сил, их нацеленность на перемены (деятельность в этом направлении). Символично: перемены концентрировались вокруг 200-летия столицы – отчасти были инициированы, инспирированы юбилеем.

О городе и юбилее: 200-летие как предчувствие

В кануны исторической даты о необходимости благоустройства (иначе говоря, модернизации) столицы с учетом ее особого статуса (повышенной сложности хозяйства, роста расходов, расширения территории) заговорили имперские сановники¹. Государство («историческая власть») вознамерилось подтвердить свою монополию на реформы (репутацию единственного в стране консерватора и революционера, Папы и Лютера в одном лице) и «даровать» империи столицу, соответствующую требованиям XX в. Эти планы тогда не осуществились (точнее, осуществились лишь отчасти). Однако важно отметить, что модернизировать Петербург намеревалось государство, а не дума и не городское сообщество. Им недоставало субъектности; какими быть городу и его общественному управлению, решалось в имперских бюрократических «верхах».

¹ Незадолго до своей гибели, осенью 1901 г., министр внутренних дел Д.С. Сипягин предлагал привести в соответствие с другими европейскими столицами расходы на петербургское благоустройство и вообще усилить в столице присутствие государства, административное и финансовое (а самостоятельность общественного управления – ограничить). Его преемник В.К. Плеве намеревался сделать петербургскую модернизацию («с отпуском громадных сумм из казны на устройство канализации и водоснабжения, устройство сети железных дорог и пр.») визитной карточкой своего министерства [3, с. 128–134]. В деле превращения Петербурга в престижную, современную столицу общественное управление он считал помехой (предполагал заменить думу советом смешанного состава, половина которого назначалась, а другая выбиралась). Этот радикальный проект был в конце 1902 – начале 1903 г. отвергнут в правительственных кругах (прошла умеренная сипягинская формула: государство плюс город) [14, с. 144]. Однако со смертью Плеве и столичная модернизация была отложена.

Тем не менее юбилей стал важной вехой в истории столичного самоуправления. В июне 1903 г. Петербург получил новое Городовое положение, несколько расширившее круг городских избирателей (избирательные права получили квартиронаниматели, платившие высокий, не менее 33 руб. в год квартирный налог) [17]¹. Это способствовало некоторому оживлению думской деятельности, но не решило проблему городского представительства². Квартиронаниматель не обрел полного признания; для него была лишь слегка приоткрыта дверь. Тем не менее столица стала своего рода флагманом всероссийского движения за демократизацию городского управления.

К юбилею, в 1903 г., Петербургскую сторону (заневскую окраину) соединили с центром Троицким мостом; туда, на правый берег Невы (до того тихий; на островах дворцовый, в остальном – низкоэтажно-деревянный), перекинулась строительная лихорадка; стал застраиваться Каменноостровский проспект³, обновлялся Васильевский остров. Менялось не просто городское пространство, но сам образ города: в сознании горожан он связывался в некое единство, становился более доступным; понятие «центр» теряло свою жесткую связь с левобережьем⁴. Однако проблемы

¹ Положение об общественном управлении Петербурга 8 июля 1903 г. – СПб., 1903 (см. об этом: Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. – СПб., 1994).

² В период подготовки муниципальной реформы вопрос об избирательных правах квартиронанимателя дискутировался особенно активно [16, с. 129]. И властям, и обществу было очевидно, что система, созданная под мир России Николая I (Положение об общественном управлении Санкт-Петербургом вступило в силу в 1846 г., когда в других городах империи выборных органов еще не было), переработанная реформой 1870 г. (в эпоху Освобождения в стране создана система выборного городского самоуправления) и контрреформированная при Александре III (Городовым положением 1892 г. представительство городского населения было сведено до ничтожных цифр), нуждалась в изменении – чтобы *лучше соответствовать миропорядку начала XX в.* Однако реформа показала, что этот миропорядок понимался властью чрезвычайно узко: принятое в 1903 г. Положение – это *уже не XIX в., но еще и не XX.*

³ Этот проспект вместе с прилегающими улицами составил новый буржуазный центр – еще одно «окно в Европу» (XX в.). Мосты (в 1911 г. был открыт еще один, Охтинский, тогда – императора Петра Великого, связавший центр с Выборгской стороной, правобережной, за Обводным каналом), трамваи (в 1909 г. пущена первая линия) давали возможность несколько разгрузить центральную часть города с высокой плотностью населения. Если в 1900 г. там жили 27,2% петербуржцев, то в 1910 г. – 22,2% [26]. Однако «окраины» (Нарвская, Александро-Невская, Петербургская, Выборгская части) оставались чрезвычайно перенаселенными; сюда шли и шли пролетарии, «новые горожане».

⁴ Петроградцы, однако, продолжали делать различие между берегами. Так, в рассказе В.Б. Шкловского о его выживании в Петрограде 1919 г. есть такая фраза: у нас с женой была квартира на Петербургской стороне, но «это было очень далеко – мы решили переехать в Питер» [32, с. 185]. Правда, тогда прекратилось всякое сообщение (остановился транспорт, замолчал телефон), а в большом городе инфраструктура решает все.

«переуплотнения» центральной части столицы, разорванности центра и окраин (раскола на центр и окраины) этим не решились; Петербург так же остро нуждался в современных коммуникациях, как в канализации и водоснабжении.

И, наконец, юбилей дал важный опыт петербургского самосознания: привлек внимание к столице как историко-культурному явлению, способствовал созданию ее нового (после «пушкинского») культа¹. В канун 200-летия Петербург вдруг предстал абсолютно национальным творением; было поставлено под сомнение расхожее мнение о его чуждости России / русскому – причем о чуждости именно внешней, образной². Это совершенно новый взгляд на столицу, утверждавший ее принадлежность к российской почве, позволивший ей наконец обрести корни. В то же время шло распространение знаний о том, что есть современный город³. Эпоха урбанизма пришла в Петербург прежде всего в слове и образе. Город узна-

¹ К юбилею пишутся истории городской думы, столичного купечества и торгово-промышленных предприятий (т.е. свои истории получают главные «деятели» («акторы») и институты столицы), ее центральной улицы (и основного публичного пространства) – Невского проспекта. В думе предлагали даже создать Музей истории города. Тогда эта идея не прошла (Музей Санкт-Петербурга появился в 1909 г. – по общественной инициативе), но своего рода виртуальным музеем стали выставка «Старый Петербург», организованная в 1903 г. Н.Н. Врангелем, и специальный (по существу, предъюбилейный) номер «Мира искусства» 1902 г., посвященный городу XVIII в. Можно сказать, что мирискусники стали первыми в XX в. творцами культа столицы и ее исследователями. Юбилейный интерес к петербургской «старине» был совершенно современен – соответствовал «увлечениям XX столетия; движение по защите старых городов на рубеже веков приобрело общеевропейский характер. После Первой революции это столичное увлечение продолжится, развернется; в 1907 г. появится Общество друзей старого Петербурга, в 1913 г. в Государственной думе будет обсуждаться проект закона об охране исторических памятников, разработанный в МВД с участием «друзей» [3, с. 197–208].

² В упомянутом уже выпуске «Мира искусства» А.Н. Бенуа доказывал самобытность петербургского классицизма, до того считавшегося исключительно импортированным и совершенно космополитическим стилем [2, с. 1–5]. Да, Петербург, как и вся тогдашняя Россия, – отчасти и «дочернее предприятие» Европы. Но петербургская Россия не просто заимствовала, а перерабатывала европейские влияния во что-то совершенно новое. Беря за образец культуру, мысли, эстетику, производила такие интеллектуальные, эстетические «продукты», которых в Европе не было. Петербург – один из них. Иначе говоря, европейско-российские взаимодействия происходили по сложной схеме: не стимул – реакция, а стимул – организм – реакция. В отношении Петербурга это долго было неочевидно.

³ Выходила переводная литература о росте городов, «бегстве из деревни», городском управлении в Западной Европе (заметим: перевод рассчитан на публику, с иностранными языками малознакомую), а также книги о российской столице (настоящем и задачах), городская социология (прежде всего описания подвалов, чердаков и углов, обездоленного и страдающего Петербурга) [3, с. 141–142]. После 1906 г. пойдет вал литературы о гигиене, жилье и управлении (городских проблемах), в 1910-е – об идеальном городе будущего («городе-саде», муниципальном социализме), приобретут популярность издания, освещающие городские дела. Так Петербург примерял к себе новейшие градостроительные, управленческие, социальные идеи начала XX в.

вал себя, размышлял о новых временах, город учился. Без всех этих «подготовительных» работ, без появления этих двух типов знания (о прошлом и будущем) явление горожанина в нем было бы невозможно.

200-летний юбилей, теперь такой далекий, перекрытый всей последующей историей (за ней незаметный), имел значение для столицы. Он еще не подвел черту под XIX в., но нес в себе предощущение чего-то нового. Вскоре в Петербурге и началась новая эпоха.

О городе и революции: 1905 год

Переломным на пути превращения Петербурга в город XX в. стал, конечно, 1905 г. Это и есть русская революция в ее европейском значении («локомотив истории»)¹. Потому не только закономерно, но и символично, что ее начала – в Петербурге (что она была прежде всего петербургской)². В революцию его новые силы значительно продвинулись в своем политическом, гражданском воспитании, в активизме, кооперации³. Революция и

¹ Стремительная победа в 1917 г. антисамодержавных сил оказалась возможна именно потому, что революция в России уже была. Февраль шел по ее следам, воспользовался ее плодами. Возможно, здесь и скрыта тайна постфевральского заката страны: следом за революциями приходят контрреволюции (наступает их время). По отношению к Первой революции и Февралю 17-го стихийная большевизация народа, как и сознательный (партийный) большевизм были, безусловно, движениями контрреволюционными.

² Первая революция имела своей мишенью Дворец / Дворцовую площадь, поэтому столица и стала ее главной площадкой. Отсчет революционной эпохи традиционно ведут с Кровавого воскресенья. Однако рабочего выступления (петиции, шествия) не было бы без банкетной кампании осени 1904 г. – по существу, публичной манифестации новой России. Иначе говоря, сначала грянула революция общественников, развернувшаяся во всю полноту в 1905-м, а потом рабочих. (В 1917-м две петроградские революции шли другим порядком: сначала рабочее восстание, потом политическое движение общественных сил.) Специфика банкетной кампании – в том, что она дала пример единения земства и города. Ее география – городская (символично: земцы требовали всероссийского съезда – и, получив отказ, 6 ноября 1904 г. полулегально собрались в петербургском особняке В.Д. Набокова); а вершина – заседания в самом конце ноября – начале декабря столичных дум, потребовавших свобод и прекращения административного произвола [17, с. 147]. В пореформенной России модальным типом общественника (общественного либерального деятеля) был земец. В России XX в. пару ему составил городской политик (надо сказать, что в Петербурге и Москве это часто были одни и те же люди; столицы обладали статусом и земской единицы). Намерения его – аналогичны земским: объединение структур городского самоуправления (создание горизонтальных связей – сети) и созыв съезда представителей всех российских городов. Города, как и земства, желали признания, легализации и легитимации. Эти планы осуществляются через десять лет, в войну, когда общественные организации заявят монархии и бюрократии со всей определенностью: дайте дорогу!

³ В Петербурге и до революции стремительно множилось места, вокруг которых создавалась иная (отдельная от власти) среда, свои сообщества. Это вообще столичная традиция; Достоевский в 1840-е годы говорил, что Петербург есть не что иное, как собрание маленьких кружков [7, с. 12]. И в начале нового века городское пространство состояло

раскрыла город именно с этой стороны; продемонстрировала, что Петербург – это университет, учреждения науки, многочисленные и разнообразные общественные организации (все то, что не есть власть). И этот город – против Дворца / Дворцовой площади (их оппонент, им оппозиция). Муниципальные помещения были закрыты для публичных собраний, и когда столицу охватила «эпидемия митингов», они приняли городскую публику (без всяких различий – не случайно говорили, что в то время произошло «митинговое слияние сословий»¹). Таким образом стали центрами самоорганизации новых сил, политического просвещения и агитации, публичным пространством революции². Она и проникала в город через сеть общественных структур; из них, в процессе их стремительной политизации, вышли политические объединения, партии.

В Первую российскую революцию Петербург «подвергся» почти тотальной политизации; общественные места, квартиры, улицы преврати-

из мест не только общественных (судов, редакций газет этого символа информационной эпохи, ресторанов, кафе и проч.), но и частных. Собрания вроде тех, что происходили в Башне Вс. Иванова или на квартирах семейства Мережковских (в доме Мурузи, на Сергеевской), с одной стороны, наследовали приемам (и балам / салонам) и кружкам XIX в., с другой – были прообразом «квартирников» советских времен (и смыслы схожи: свобода собраний начиналась со свободы «квартирников»). В революцию эта петербургская «кружковщина» (как технология общественной самоорганизации) достигла исторического максимума.

¹ Символично: Петроградский Совет рабочих депутатов, созданный в начале октября 1905 г. на фоне всеобщей политической забастовки, нашел себе место в здании Вольного экономического общества, одного из старейших интеллектуальных и общественных центров столицы и страны. Совет-1917 пойдет тем же путем – правда, использует уже думу; люди, его учредившие (чтобы его учредить), попросту займут помещение в Таврическом дворце.

² Одним из главных политических клубов (мест, где творилась политика и политики) стал в 1905 г. столичный университет. Это, кстати, не случайно. В России-XX влияние учебных заведений (университетов в первую очередь) во всех отношениях усилилось. В том числе потому, что массовое образование / всеобщая грамотность стало первоочередным требованием и невероятным вызовом для страны. *Этому времени и таким задачам соответствовал вольный (во всех отношениях) университет.* В 1905-м, когда были сняты ограничения на университетскую автономию (действовали с 1884 г.), Петербургский университет стал принимать у себя горожан; там овладевали политграмотой и заводские рабочие, и простой петербургский люд. Вот как один из тогдашних студентов описывает некоторых университетских гостей: «Однажды появились в университетском коридоре странные фигуры в длинных армяках, в валенках, в рукавицах, в меховых шапках, с кнутами в руках. Извозчики! Их обступили, принялись расспрашивать, как они сюда попали. Извозчики объясняют словоохотливо: «Мы у Тучкова моста стояли. Сколько раз видели, в университете огни горят, и народ собирается, вроде как в театр. А сегодня барин один объяснил: туда, говорит, без билетов пускают, ступайте, говорит, и вы – послушайте, как царя ругают» [6, с. 58]. Первый опыт политического участия – политика как зрелище, развлечение, театр. (Заметим, кстати: и современная политика – там, где она есть, – во многом остается таковой; тем и привлекает (вовлекает) массы; альтернатива – российское мертвое поле: ни лиц, ни идей, ни зрелищ.)

лись в единое политическое пространство. Эта политичность имела и специфически городское измерение: 1905 год стал временем борьбы города (городов) за политическое признание – за место в российском парламенте (за поворот думского избирательного законодательства – тем самым и самой думы – лицом к городу). Высочайший манифест 6 августа 1905 г. о созыве законосовещательной (Булыгинской) думы сводил представительство городов до минимума¹; из числа избирателей исключались не только рабочие (приписаны к крестьянской курии, т.е. растворены в ней, – тем самым не признаны, ликвидированы как электоральный субъект), но и квартиронаниматели. Так как местом революции были города, ее субъектами являлись в основном лица свободных профессий и рабочие, это решение можно рассматривать как наказание. Города (политически это прежде всего Союз союзов, имевший своей штаб-квартирой столицу, а также эсеровско-большевистские круги, создавшие Советы рабочих депутатов – начиная с петербургского) ответили бойкотом *такой* думы, *такого* проекта устройства российской политики. И буквально выбили у власти свои политические права – октябрьской всеобщей политической забастовкой². Это самый массовый протест урбанизированной России (совершенно новое явление не только российской, но и европейской жизни) – и в авангарде его шел Петербург.

Этот город и стал столицей русской политики, русской демократии. С 1906 г. Таврический дворец, главное детище русской революции, – такой же символ Петербурга, как Зимний / Дворцовая площадь, их антагонист³. В России появляется совершенно новая политическая реальность: народ, получивший гражданские свободы, власть, имеющая источником принципиально разные легитимности [21, с. 25–27, 157–158]⁴, и два «типа»

¹ Города могли рассчитывать на 28 из 412 думских мест; в полуторамиллионном Петербурге право голоса получали несколько десятков тысяч человек. Власть полагала, что таким образом составит представительство без революционеров – с «покорным» крестьянским большинством.

² Справедливости ради надо упомянуть и московский вклад – декабрьское восстание. Именно в его разгар были внесены поправки в избирательное законодательство: право голоса получили «средние и нижние разряды городского населения, черпающие средства к жизни отчасти в умственном труде либо в торговле и промыслах»; в отдельную курию (вне имущественного ценза) выделены рабочие. Хотя идея с крестьянским большинством и была проведена, существенно расширилась курия городских выборщиков (за счет лиц, «по существу своих интересов представлявших городской класс населения и не имевших связей с землевладением»); число избирателей в Петербурге выросло в 20 раз.

³ Хотя эта пара точнее с точки зрения метафизики истории, конкретно исторически антагонистом Таврического выступало Царское Село. Это, кстати, важная поправка; Зимний дворец с 1904 г. был больше символом, чем местом действия власти.

⁴ Задачи социального развития требовали, чтобы эти легитимности слились, чтобы из них сформировалось некое плюралистическое единство, легитимирующее и монархическую власть, и парламент. А они в основном противостояли друг другу.

государства (одно – традиционное, царское, другое – новое: демократическое, правовое)¹. Это незамедлительно сказалось и на внутренней петербургской ситуации; все прежние проблемы приобрели иной контекст.

Как устроить город: Странный петербургский «застой»

«Застойные» послереволюционное десятилетие (так оно почему-то воспринималось и воспринимается сейчас) стало временем оживления городской жизни, ее становления как гражданской и политической. Можно сказать, что революция в Петербурге продолжилась (если *понимать под революцией* не акт (взрыв массовых реакций / ураган²), а процесс решительных и решающих социальных преобразований, имеющий разные измерения и формы, проходящий разные этапы) движением за новый город, за демократизацию управления им, за право быть горожанином (равенство в этом праве). Эти начинания («проекты») касались разных сторон городской жизни, но все они носили характер свободных гражданских инициатив (гражданского активизма в широком смысле этого слова).

Речь прежде всего шла о городе, его настоящем и будущем. На исходе 1900-х и в 1910-е появляются проекты благоустройства (а по существу, большого переустройства) Петербурга, амбициозность которых вполне соответствовала эпохе (XX век разворачивался). Это не случайно. Благоустройство – важнейший фактор интеграции городского общества; вокруг этой темы формируются механизмы групповой солидарности и поддержки, общие цели. Однако в петербургском случае дело было не просто в благоустройстве («улучшении», подновлении); разрабатывались планы комплексной реконструкции, стратегии развития, в основе которых – самые передовые градостроительные и социальные идеи.

Тогдашняя Европа находилась в поиске оптимальных форм расселения и более совершенных, чем в XIX в., приемов планирования и застройки городов. Создатели нового европейского города исходили из того, что

¹ Говоря о государстве, я имею в виду и форму власти, и форму социальной жизни. Под одной вывеской: Российское государство – оказались объединены государства «старого» и «нового» типа, за которыми – две разные концепции власти, философии политики. Этим государствам соответствовали разные типы обществ: традиционалистское (многочисленные городские «анклавы» и деревня) и демократическое (а это и есть город-XX). Два этих государства и сошлись в феврале 1917-го; либерально-демократическое победило царизм.

² «Ураган» – так определил С. Дягилев то, что происходило в городе осенью 1905-го, в письме к благообразному его покинувшему А.Н. Бенуа [23, с. 95]. Петербург тогда действительно был на грани безумия. Причем борьба (как и потом, в 1917-м) шла не за Дворцовую площадь, а за улицу. Революция разворачивалась на Невском и забыла о Дворцовой. В 1905-м победить на улице означало потеснить монархию (заставить ее пойти на самоограничение), в 1917-м – взять власть.

мегаполис – это не просто скопление зданий; он должен быть правильно спроектирован, им нужно научиться управлять. Градостроительная модернизация нацеливалась на изменение структуры «наличного» города, на решение целого комплекса сложнейших задач (прокладка новых коммуникаций, внесение планомерности в застройку, вывод промышленных предприятий за городскую черту, создание «зеленого пояса» и т.п.). Все это требовало огромных вложений, последовательной политики, серии реформ (политической, правовой, налоговой), трансформации отношений между государством, властями города и горожанами. В эту проективную деятельность включилась и российская столица.

Проектировщики Петербурга-XX видели город как морфологическое и функциональное единство (смотрели на него через современные очки), а потому предполагали подчинить его рост, бурный, массовый, но беспорядочный, единому плану (большой идее / замыслу)¹. В «замышляемой» ими столице высотки, современный транспорт (в том числе метро), канализационная и водопроводная сети, авеню (подобные парижским) и прочие новшества должны были естественно войти в историческую ткань, неизбежный конфликт «старого» (наследия) и современного, «утилитарного» и «прекрасного» – по возможности смягчен². Специфика планов пе-

¹ Строительный бум – примета нового столетия; сначала он имел характер взрывного, а потому естественно-беспорядочного роста; везде государства и общества пытались внести планомерность в этот процесс. У нас этот вопрос был решен большевиками – сверху, насильственно и тотально, невзирая ни на чьи права, не считаясь с затратами. И им это зачтено как историческая победа. Поэтому подчеркнем: до революции эта проблема не только была осознана (как многосоставная и чрезвычайно сложная), но и решалась – путем переговоров всех заинтересованных сторон. В Петербурге ограничение хаотической застройки и вовлечение ее в общий градостроительный план, подобно тому как это происходило в больших городах Европы, предполагались прежде всего Л.Н. Бенуа, старшим братом А.Н. Бенуа, главой самой престижной архитектурной мастерской Академии художеств, и его соратниками (архитектором М.М. Перетятковичем и инженером Ф.Е. Енакиевым) в 1908–1916 гг. При этом требовались меры, затрагивавшие слишком многие интересы (к примеру, разгрузка центра от казарм, плацов и смотровых полей, передача земель в общественное пользование и даже их принудительное изъятие под городские нужды) [11, с. 392–394]. Оттого переустройство и стало для Петербурга чрезвычайно сложной задачей.

² При этом сами эти планы, настаивавшие на осторожности в отношении уникального петербургского архитектурного ансамбля (пропагандировавшие идею компромисса старого и нового), демонстрировали, как трудно модернизировать исторический город: здесь любые новшества, в особенности радикальные перепланировки, неизбежно наносили удар по истории. Так, проекты Бенуа / Перетятковича / Енакиева предполагали реорганизацию и переустройство окрестностей Невского проспекта, а также строительство двух новых магистралей, параллельных Невскому. Для этого требовалось засыпать Екатерининский и Крюков каналы XVIII в. Такая бескомпромиссность вызвала (справедливые) протесты ревнителей петербургской старины (Общества друзей Старого Петербурга). Конфликт старого и нового, который в западноевропейских городах случился раньше (в Париже, например, в 1870-е годы), грянул и в Петербурге. Встреча старых городов с новы-

реустройства Петербурга – в том, что они были не просто архитектурными, градостроительными (узкоспециализированными). За ними стояло понимание современного города как социального института, пространства человеческих коммуникаций¹. Город, полагали его новые творцы, должен быть устроен так, чтобы способствовать интенсификации этих контактов; его вид (стилистика, эстетика, инфраструктура) и суть – результат творчества горожан, «проекция» городского общества.

Эти столетней давности размышления (замыслы / «умыслы»), которые кажутся вовсе не утопическими, но чрезвычайно смелыми и остросовременными, даже еще не будучи реализованы, имели большое значение для Петербурга. Они обозначали тенденцию – указывали, в каком направлении будет развиваться город; «утверждали», что перемены неизбежны – модернизация европейских столиц, преобразование Москвы служили тем вызовом, который нельзя было просто проигнорировать. Важно и то, что таким образом формировалось городское самосознание, по сути своей – демократическое. Проектировщики / преобразователи² намеревались изменить самодержавный вид столицы – вдохнуть в нее общественный дух, увековечив «камнем и металлом» великие события новейшей истории страны (реформы 1860–1870-х и 1905–1906 гг.)³.

ми эпохами – проблема даже теперь, когда их ценность доказывает уже не время, в них запечатленное (величина, с точки зрения интересов настоящего момента, эфемерная, не практическая), но массовый турист – своим кошельком. В России она и сейчас по советской привычке решается элементарно – сносом (в разных формах, различными способами) наследия, тотальным торжеством нового над старым.

¹ Такое понимание современного города, изложенное Ф.Е. Енакиевым в книге «Задачи преобразования Санкт-Петербурга» [9], особенно актуально для России: оно отвечало духу времени, доминирующим общественным настроениям. А кроме того, до недавних пор с отеческой почвой эти идеи были несовместимы; само их появление свидетельствовало о каком-то важном повороте в национальном самосознании, культуре, о намерении гуманизировать социальную жизнь.

² А это именно преобразователи – в рост Петру; не «птенцы», не продолжатели, но общественный ответ на петровский (властный) вызов – новый «градообразующий» элемент Петербурга.

³ Ф.Е. Енакиев в «Задачах преобразования Санкт-Петербурга» возмущенно писал, что ни одно из событий, преобразивших Россию за последние полвека, не нашли отражения в столичном архитектурном ансамбле; судебные установления и городская дума располагаются в невзрачных зданиях, не заслуживающих «чести быть символическими выразителями великих начал правосудия и свободного единения граждан» (Т. 9, с. 79–80). Во исправление ситуации Енакиев предполагал строить на Михайловской площади, напротив Музея Александра III, новое здание городской думы, искал для этого инвесторов. Вот как комментирует эти намерения (эту позицию) современный исследователь: «Хотя существование гражданского общества – свершившийся факт, оно еще не отвоевало права на собственную историю. Для петербуржцев начала XX столетия... отсутствие символического признания не менее унижительно, чем отсутствие канализации» [3, с. 246–247].

Иначе говоря, в повестке конца «нулевых» – начала «десятих» – градостроительное и социальное творчество, которое должно было привести в Петербург XX век (позволить ему победить). Чуть более чем через 200 лет после «сотворения» («заложения основ») город вновь «выдумывался» («умышлялся»), но у этих «умыслов» уже был *другой субъект*: общество. Оно вознамерилось дать ответ Петру (основателю, творцу этого града) и всем продолжателям его дела – властителям, самодержцам, построив свою, новую столицу в соответствии с потребностями не власти, а городского сообщества, с его участием (не государственным диктатом, а *общими* усилиями и жертвами). Город должен был быть «пересоздан» («пересочинен»).

К реализации этих планов в конце 1900-х Петербург был еще не готов. Масштабу и сложности задач не соответствовали прежде всего налоговая система, законодательство. Регулирование застройки, как и большую (радикальную) реконструкцию городской инфраструктуры, невозможно было осуществить в условиях, когда местное управление ограничено в правах по использованию (в том числе отчуждению) земли. Правда, здесь на помощь Петербургу пришла Европа, где на рубеже 1900–1910-х был найден алгоритм градостроительной модернизации¹. Другим препятствием для решения больших задач по благоустройству был недостаток у города средств². Но было еще одно: перемен в городе (перемены города) не хотело городское самоуправление.

Кто устроит город: Столыпинский «блицкриг»

В 1908 г. столичная дума с ходу отвергла предложение Л.Н. Бенуа о создании общего плана развития (переустройства) Петербурга, одобренное в Академии художеств и найденное «крайне желательным» в МВД [11,

¹ В Европе выход из «кризиса большого города» искали на путях изменения земельной политики – усиления прав городских управлений по использованию земель (вплоть до экспроприации) для благоустройства, улучшения застройки, реконструкции. Установочным в этом смысле стал английский градостроительный закон 1909 г. (закономерно, что «методику» развития мегаполиса разработали в самой урбанистической тогда, самой развитой в этом смысле стране). В соответствии с ним в городских советах (под контролем МВД) должны были составляться генеральные планы городов; муниципальные власти могли производить планировку на всей территории города, невзирая на имущественную принадлежность земли [26]. Конечно, эту стратегию нельзя назвать идеальной (она действительно угрожала и собственникам, и собственности), но тогда ее приняли. На эту правовую норму стали ориентироваться другие европейские страны. Для России же Европа опять, как и 200 лет назад, выступила поставщиком (источником) необходимого опыта.

² В 1908 г. доходы Петербурга составляли чуть более 15 млн руб., тогда как Берлина – 70 млн (в пересчете на рубли), а Парижа – 120 млн [3, с. 228]. К ситуации беспрецедентного роста населения городской бюджет был явно не готов.

с. 392–394]. Мы привыкли числить в ретроградах правительство (царизм и всех его «агентов»). Но вот – прямо противоположный случай: проект, вышедший из общества и нацеленный на удовлетворение интересов города (поиск его образа, технологий устройства в XX в.), не приняли городские выборные – как преждевременный, слишком затратный, но главное угрожающий собственникам (владельцам недвижимостью) и собственности. Для реализации планов, подобных тем, с которыми выступил Бенуа, требовались профессионализм, большая отдача (сил, времени), смелость и известная доля идеализма, индивидуального и социального (увлеченность этой идеей: творить будущее, работать на общее благо). Большинство петербургских думцев не хотели брать на себя такую нагрузку (обременение), не мыслили такими отвлеченными категориями. Причем дело было вовсе не в качествах отдельных людей, а в самом характере («целесообразности») столичного самоуправления.

И тогда на роль градоустроителя (создателя Петербурга–XX) заявилось государство. В 1910 г. Бенуа, не смирившийся с отказом, вновь предложил свой проект и получил поддержку П.А. Столыпина. Момент был самый подходящий. В феврале 1909 г., между двумя волнами холерной эпидемии, премьер¹ инициировал рассмотрение в Совете министров законопроекта «о сооружении канализации и переустройстве водоснабжения в Петербурге» [19, с. 204–211]². И счел, что для производства таких работ, связанных со значительными расходами и перепланировкой почти всех улиц, особенно желателен общий план развития города [3, с. 240–241]. Кроме того, он инициировал реформу строительного законодательства, предполагавшую снятие высотных ограничений. Для Петербурга это означало градостроительную революцию³.

Казалось, перестройка в городе началась, и революционером, как обычно, выступит имперская бюрократическая власть. Причем по праву:

¹ Председатель Совета министров империи, конечно, не был премьером в европейском смысле этого слова: не являлся политическим (партийным) деятелем, не формировал кабинет. Однако в эпохи Витте и Столыпина (1905–1911) по характеру своей деятельности и ее восприятию обществом председатель больше всего напоминал премьера (был ближе всего к этому образцу).

² Система водоснабжения была устроена в столице в 1860–1870-е годы; к XX в. устарела, да и не могла справиться с взрывным ростом населения. В 1908–1910 гг. по Петербургу прошли три волны холеры, основной причиной которой было плохое качество воды (в Европе такого рода эпидемии закончились еще в середине XIX в.). Конечно, стать современным городом без единой системы водоочистительных сооружений и канализации Петербург не мог. Однако это была самая сложная задача в деле благоустройства столицы.

³ Согласно Строительному уставу 1844 г., здания в столице не должны были превышать высоту карниза Зимнего дворца. Это ограничение сдерживало строительный бум, поэтому его отмены ждали предприниматели, архитекторы, инженеры. Кроме того, только одна эта мера демонстрировала, что Петербург и в XX в. остается царским городом. Не случайно февральская власть уничтожила этот запрет уже в марте 1917 г. [26].

столица – больше, чем просто город, она символизировала империю. Однако, вторгаясь в город, государство игнорировало другие права: петербургская модернизация выглядела как прямой и открытый вызов его общественному управлению. Столыпин действовал традиционными средствами – бюрократическим диктатом, в обход законных процедур, через голову городских выборных структур¹. При этом не только обвинял их в многолетнем игнорировании проблем столицы, но и манифестировал, что правительство таким образом восполняет недостаток общественной инициативы в российских городах².

Как и в случае с думцами, такой выбор алгоритма действий нельзя объяснить личными качествами одного человека (хотя, безусловно, реформаторские талант и энергия Петра Аркадьевича, его жесткость и последовательность при решении поставленных задач – факторы первостепенной важности). Все определялось тем, как понимало себя государство, в чем была его претензия. Первая революция была для него (для всех – царя, двора, министров, бюрократии) огромной травмой, ударом по самому государственному принципу (государству как принципу). Необходимо было подтвердить силу центральной власти, показать, что она по-прежнему имеет монополию и на насилие, и на реформу, принимает на себя связанные с этим риски и не желает ни с кем договариваться (да и с кем; на что способны выборная система / «государство выборных»?). Государство (персонификатором которого выступает Столыпин) полно амбиций, оно заявляет: Петербург нуждается в реформировании, а потому – дайте дорогу!³

¹ В соответствии с проектом полномочия городского самоуправления, которое по закону отвечало за благоустройство столицы, фактически передавались специально созданной государственной комиссии. Правительство должно было провести государственный заем, выплаты по которому осуществлял бы потом город [19, с. 204]. Чрезвычайные меры – в чрезвычайные сроки, без согласований, переговоров, компромиссов. Спецпроект – не случайно он известен как проект «О *принудительном* оздоровлении столицы». Государство принуждало к развитию, ликвидировало отставание, «благодетельствовало» горожан (подданных) – совсем как Петр, тянувший Московию в современность (как он ее понимал).

² В журнале Совета министров правительственное вторжение в столицу объяснялось «недостаточным пока развитием в населении русских городов здоровой общественной самодеятельности. Поэтому, в настоящем случае, как и во многих других областях русской жизни, Правительству надлежит восполнить недостаток общественной инициативы и самому сделать то дело, за которое, в конце концов, оно же несет если не юридическую, то нравственную ответственность» [19, с. 211]. Это не только выпад против общества, но и попытка обеспечить государство предельной (нравственной) мотивацией.

³ Это слова князя Г.Е. Львова. Так в ноябре-декабре 1916 г., в кануны Февраля, общественные организации скажут правительству. Но пока все иначе. Поставив на современные рельсы деревню (запустив аграрную реформу), государство обратилось к городу. И начало не с политики и гражданских прав, а с санитарии и благоустройства, т.е. с самого необходимого для всех горожан. Это – прямо в пику обществу с его сверхполитичностью, с

Попытка «авторитарной модернизации», казалось бы, совершенно оправданная и своевременная, натолкнулась на сопротивление. Протестная реакция столичной думы была в данном случае вполне предсказуемой. Правительство ограничивает автономию муниципального управления, не признает за ним субъектности (руководствуется логикой XIX в.) – дума требует уважать город (в том числе в финансовом отношении: обязать казенные учреждения платить городские сборы, что позволит и без государственного вмешательства решать большие благоустроительные задачи), в противном случае – вообще отменить в столице избирательную систему¹. Однако Столыпин не нашел полной поддержки и в Совете министров; против выступил прежде всего В.Н. Коковцев, призвав в городских делах следовать законной процедуре и отказавшись санкционировать государственный заем на столичное благоустройство [19, с. 210]². Оказалось, что правительство вовсе не едино (не монолитно), там – разные мнения, интересы, опасения. В результате премьер был вынужден отменить «блицкриг» и передать свой законопроект на рассмотрение в соответствующую комиссию Государственной думы.

Таврический в этом конфликте встал на сторону Невского – против Мариинского³. Смысл думских дебатов можно передать одной фразой: не смей командовать городским самоуправлением. Вокруг этой позиции солидаризировались представители разных фракций, но главное: октябристы – думская опора Столыпина. Кроме того, для пополнения столичного бюджета депутаты потребовали полного пересмотра налоговой системы [8,

его потребностью из любых вопросов (научных, хозяйственных, др.) делать политику, обращать любую тему против «самодержавия».

¹ Иначе говоря, выборная общественная власть требует от правительственной не лукавить: не прикрываться думой, если уж узурпируешь ее полномочия – быть честной до конца. Однако «свергнуть» в Петербурге выборное учреждение было уже невозможно – время таких экспериментов в царской России прошло. Первая революция стала тем рубежом, после которого вернуться к привычному модернизационному режиму («революции сверху») император / правительство уже не могли.

² В каком-то смысле это повторение старого конфликта МВД и Министерства финансов (как двух «партий» во власти). В то же время это – противостояние XX в.: министр финансов оппонировал председателю объединенного правительства. Да и в позиции Столыпина смешалось старое и новое: этот модернизатор в работе с городом был больше похож на Плеве с его радикализмом, чем на умеренного Сипягина. Он – радикальный «агент» государства (его философия – вертикаль), лидер петровского склада. Наверняка именно это импонировало в нем императору (а Николай II, безусловно, один из главных акторов петербургской истории; предположить, что премьер пойдет в столицу без высочайшего одобрения может только очень неосведомленный человек). Однако дело здесь, повторим, не в личных качествах; Столыпин и представлял государство с петровскими преобразовательными амбициями (*государство эпохи новых Великих реформ*).

³ В Таврическом дворце заседала Государственная дума империи, в Мариинском – правительство, а городская дума имела резиденцию на Невском проспекте. Это не просто топография данного конфликта, но политгеография столицы в XX в.

с. 208–209]¹. Демократическое государство дало отпор имперскому бюрократическому; столыпинский проект не прошел.

Эта история весьма характерна для того (прерванного, не реализовавшегося) XX века. Что о ней можно сказать (что говорят)? Что петербургская модернизация, неожиданно получив шанс реализоваться, столкнувшись с таким клубком противоречий и конфликтов, забуксовала. Что потерпело поражение государство – в своих модернизационных намерениях. Что выигрыш думцев (общественного самоуправления) обернулся поражением города, который так и не получил ни общего плана развития, ни единой канализационной сети. Иначе говоря, проиграли все. Что мы имеем дело с каким-то странным случаем уничтожения собственных перспектив, легкомысленного отказа от самообустройства. И этот случай типичен для той России – поэтому все и закончилось революцией.

Эта история, кажущаяся во всех отношениях безнадежной, в крайнем, обостренном виде отразила ситуацию, сложившуюся в столице после Первой революции. Петербург–XX в социальном и политическом отношениях представлял собой полисубъектное пространство. И ни у одного из действовавших в нем субъектов не было сил на то, чтобы монополично им распоряжаться. Появилась (точнее, усложнилась) система сдержек и противовесов; один уровень власти, один «тип» администрирования ограничивал другой. Монополия была уже невозможна – только договоренности, компромиссы, демократическая процедура². А это и есть логика XX в.

Конечно, это чрезвычайно сложная система отношений; здесь часто бывают срывы, поражения и очень трудно найти вариант решения проблемы, который бы устроил всех. В этом смысле государственная монополия была проще и даже эффективнее³. В 1909–1910 гг. петербургская «многополярность» сработала в ущерб делу благоустройства. Однако это

¹ Заметим: только войдя в политику (политическую повестку), проблема столичного благоустройства стала фактом общественного мнения, городского самосознания. Вообще, петербуржцы здесь были гораздо менее упорны, чем в требовании политических прав. Городской обыватель только-только услышал слово «канализация» (оно едва вошло в бытовой язык) и с недоверием относился к самой идее создания невидимой подземной сети, как и к возможности существования в воде невидимых вредоносных бактерий. Притом санитарно-гигиеническое невежество было характерно не только для простонародья, но и для членов императорской фамилии (к примеру, правилами гигиены в Аничковом дворце, резиденции вдовствующей императрицы Марии Федоровны, пренебрегали даже в 1910 г., в период холерной эпидемии) [3, с. 230–231].

² В каком-то последнем смысле ситуация вообще развернулась в общественную пользу.

³ Сейчас часто говорят, что биполярный мир, который определяли сверхдержавы (СССР и США), был проще и безопаснее, чем ситуация нынешней многополярности; слишком много неопределенностей, игроков, чрезвычайно высока динамика и риски. Так и Петербург, став «многополярным», с большим трудом поддавался управлению, контролю. Столыпину легче было переменить всю Россию, чем ее столицу.

было не простое выяснение отношений представительного строя и правительственной власти; решался вопрос о том, как будет управляться русский город XX в. С точки зрения интересов городского дела это поражение исторически, скорее, способствовало развитию. Государство получило важное напоминание о том, что Россия теперь – парламентская монархия и обойти этот факт, особенно в Петербурге, уже не удастся. Государственная дума впервые так близко столкнулась с темой города, стала осознавать его важность. Муниципальные власти были поставлены перед необходимостью решать действительно исторические задачи, модерировать столичную модернизацию¹.

Петербургская водопроводно-канализационная и градоустроительная история, как ни странно это звучит, явилась одним из этапов становления демократической части государства, конституционного развития страны. В ней возобладала умеренная, компромиссная линия; никто не победил (полностью и окончательно) – ни выборные учреждения, ни исполнительная власть². Главное было – остаться в рамках этой системы сдержек и противовесов, в ней искать равновесие. Для Петербурга ничего еще не закончилось. Напротив, все только начиналось.

Новый Петербург: Об обывателях и избирателях

Тогда же, в не продолжившемся («бывшем, но не сбывшемся») XX в. в Петербурге, кажется, появляется тот горожанин, для которого планируется (придумывается, «замышляется») новый город: вознамерившийся *участвовать* в его делах, в управлении им. С 1907 г. в столице стали возникать общества обывателей и избирателей – к 1910 г. они имелись уже во всех ее частях³. В литературе это движение характеризуется как гражданское, что верно: это гражданская инициатива, способствовавшая укреплению

¹ Проект оздоровления столицы в 1911 г. после рассмотрения в комиссии по городским делам был утвержден Государственной думой. Оздоровление столицы поручалась столичному самоуправлению: на создание единой канализационной сети отводилось три года, водопроводной – два, с возможным продлением еще на год [15, с. 182–183].

² Если в течение отведенного на столичное благоустройство срока муниципальное управление не справлялось с поставленными задачами, правительство могло просить Высочайшего дозволения взять работы под свое «непосредственное заведование». Правда, когда в январе 1914 г. оно попыталось реализовать это право, Государственная дума этому воспротивилась, дав еще один шанс городу. Однако «страховая» роль и в этом случае за центральной исполнительной властью оставалась.

³ Первое такое общество появилось в феврале 1907 г. в рабочей Нарвской части, с лета 1908 г. (во время холерной эпидемии) – в других «кварталах»: в Рождественском его составили в основном медики, инженеры и торговцы, в Василеостровском – медики и ученые, в Литейном – правоведа и т.д. [8, с. 108, 174–178; 25, с. 191–196]. По существу, это продолжение истории квартиранимателя, имевшей огромное значение для становления Петербурга как современного города.

нию городской демократии (созданию ее базиса), пример самообилизации (выстраивания горизонтальных социальных связей)¹. Постреволюционный Петербург показал себя эмансипирующимся обществом – и эмансипировался он через объединения. Городской обыватель (средний петербуржец, т.е. по большей части квартиросъемщик) требовал для себя права на участие в хозяйственной жизни города. И не случайно именовал себя избирателем. В общества принимались «лишенцы» (не дотянувшие до имущественного ценза, женщины, евреи) – тем самым они оспаривали «статус», присвоенный им властью, заявляли о недоверии той думе, которую не могли выбирать². Помимо сбора денег и благоустройства соответствующих частей города, активные обыватели, настроенные на участие, разрабатывали проект реорганизации муниципального управления [26].

В марте 1909 г. в городскую думу был подан проект Союза обществ обывателей и избирателей; в нем предлагалось пересмотреть (демократизировать) избирательное законодательство и децентрализовать управление городом (основной самоуправляющейся единицей должен был стать квартал)³. Речь, таким образом, шла не только о демократизации представительства, но и о том, чтобы пронизать участием все социальное пространство города, создать базис для «верхнего» (думского) самоуправления (укрепить «надстройку»). Это просто мирная революция обывателя (прежде всего его сознания) – часть общероссийского процесса изменений, имевших революционный характер. Она захватила и другие города: «обывательские» объединения создаются в Одессе, Смоленске, Туле, Иркутске

¹ Иначе говоря, *это движение не из разряда: «Перемен, мы ждем перемен»; оно – о том, как меняют мир*. Причем легитимным путем, в рамках закона. К этой общественной инициативе проявили интерес кадеты [8, с. 109], но оно не было ни партийным, ни политическим (во всяком случае, поначалу). Это яркий пример того, как демократия растет «снизу».

² Вот как основатель Нарвского общества объяснял причины его появления: «Полная бесхозяйственность думы, ее игнорирование обывательских потребностей и какое-то генеральское о себе мнение, как о начальстве, которое будто бы обличено полнотой власти в хозяйственной жизни города – дали тот толчок, который *окончательно разбудил обывателя* и заставил его *сообща подумать о своих интересах*» [25, с. 191] (выделено мною. – И. Г.). Это манифест активиста-участника, запросу которого не соответствовали ни царская бюрократия, ни городская дума, ни собственно цензовая выборная система (цензовая демократия). Вот он, конфликт веков: XIX и XX – в социальном измерении.

³ Последняя мера, будучи осуществленной, радикально поменяла бы ситуацию «на местах». Центральной фигурой там был городской (символ власти), слово «участок» ассоциировалось с полицейским. Однако эта старая система (из прошлого русского города), уже явно недостаточная для управления им, не была изменена. Не сложилось даже с «соучастием»: городской / обыватель. Идея самоуправления на уровне района победит революционным путем в феврале 1917-го. Городовой будет сметен восставшим народом (уничтожен как класс); Петроград ненадолго станет городом самоуправляющимся (вольным).

и др.; в Москве образуется Общество квартиранимателей¹. Петербургские общества проведут своих кандидатов в городскую думу (создадут там группу «Обновление – оппозиционное меньшинство²) – и сразу же, в августе 1910 г., будут закрыты по «предложению» П.А. Столыпина. Правительство усмотрело здесь политику – и, в общем-то, было право³.

Городская «революция» на этом, однако, не захлебнулась. На людей, почувствовших свободу, зажимы и запреты действуют раздражающе, если не революционизирующе. 1912 год запомнился в России подъемом рабочего движения в городах, особенно в Петербурге. Но это был еще и важный политический рубеж: на выборах в IV Государственную думу значительно усилились левые – и все благодаря большим городам, в первую очередь столицам (здесь кадеты отобрали половину голосов у октябристов, вдвое больше мандатов получили социал-демократы)⁴. Совсем не случайно в последней Думе возникла «внепартийная городская группа» – около 90 депутатов разных политических взглядов и партийной принадлежно-

¹ См.: Сухорукова А.С. Петербургская городская дума и проблемы градостроительства ... Тема квартиранимателя, его прав и ответственности была тогда уже всероссийской. Ее значение обусловлено и тем, что сама эта «социальная единица» (самовосприятие, мироощущение, видение города и своего места в нем) существенно изменилась сравнительно с XIX в. В городском пространстве (на арене истории) действовал совсем другой квартираниматель, более образованный, амбициозный, политичный.

² Они выступали под лозунгом «обновление думы» и критиковали господствующую в ней «партию» («стародумцев»). Эта борьба («обновленцы» / «стародумцы») продолжится и на последующих думских выборах, в 1912 и 1916 гг.[5].

³ Характерная реакция власти – «давить и не пущать»; из-за этого ее и оценивали как полицейскую. Немаловажно, что это была реакция именно Столыпина. Преобразователь, стоявший за появление самостоятельного, деятельного хозяина в деревне, боялся его в городе; здесь он не модернизатор – министр внутренних дел в традиционном, охранительно-запретительном смысле. Характерна и ответная реакция Толстого (как член Василеостровского общества обывателей и избирателей он победил тогда на муниципальных выборах и стал гласным петербургской думы): Столыпин скачет «на всех парах к порядкам времен Плеве», не понимая или не желая понять, что «старые причины дадут те же последствия» [27, с. 323–324]. Очевидно: *власть боялась утратить контроль* над процессами, происходившими в городе (над городом). Однако элементарность принимаемых в связи с этим решений не могла вызвать ничего, кроме раздражения, оскорбления, протеста.

⁴ Послереволюционные годы (условно 1907–1914) называют периодом мрачной реакции; чтобы понять, насколько укоренено это представление и в нынешних российских головах, в том числе умных, достаточно послушать лекции Д. Быкова о «Серебряном веке» – на этом положении во многом строится анализ эпохи и той культуры, которую она породила. И вот поди ж ты: конкурентные выборы (возможности правительства определять их исход, при всех его усилиях, были ограничены) – и усиление оппозиционных сил. По существу, каждые выборы в России в 1906–1916 гг. превращались в своего рода электоральную революцию; эффекты от них накапливались, усиливая демократические потенциалы в политике. Поразительно: сейчас, в 2019-м, электоральную революцию, как самую страшную, еще только ждут, предрекают. Что понятно: для нее нужен субъект. Сейчас его нет, а в России царской – был.

сти¹. Ситуацию в первых трех думах во многом определял аграрный (крестьянский) вопрос. Для IV Думы стало очевидно: будущее России принадлежит городам.

Политическое полевание городского электората проявилось и на муниципальных выборах. В Петербурге оппозиция («обновленцы») получила большинство². Именно эта дума приняла к рассмотрению проекты изменений «Положения об общественном управлении Петербурга» 1903 г., чтобы распахнуть двери думы для «новых людей», нового века. В этой думе председателем Комитета по оздоровлению города стал А.И. Гучков, увидевший здесь главный нерв петербургской жизни³. В январе 1916 г. он представит думе окончательный проект оборудования столичных канализации и водопровода⁴. В том же 1916 г. в городскую думу изберется Л.Н. Бенуа – чтобы представить записку «О планомерном развитии Петро-

¹ Целью «городской группы» была реформа Городового положения 1892 г., которое давало доступ к выборным структурам крупных городов менее чем 1% их населения. То есть реформа была направлена против дискриминации горожанина (тех «новых людей», что появились в городе). Это имело важное значение и для российской политики: придавало ей городской облик (до этого она во многом была крестьянской – завязана на крестьянском вопросе, не видела в городе субъекта социальной жизни; а ведь политики тогдашней России – по преимуществу горожане).

² Это, конечно, не стало их окончательной победой, как и не решило всех городских проблем. Что не способствовало росту доверия петербуржцев к своей думе (можно сказать, что властью в полной мере она не считалась; ментально российский обыватель / избиратель и тогда был зависим преимущественно от «вертикали»). Не случайно на думских выборах 1916 г. победили «стародумцы», программой которых были хозяйственность, законность, порядок – без всяких «игр в политику» [5]. Однако демократические активисты, боровшиеся за полномочия самоуправления, получили (приобретали в каждой новой думе) важный опыт: как бесконечно сложно управлять городом (вообще – управлять). Недостаток средств и бюрократические препоны не объясняли всех их неудач в модернизации столицы – нужно было учиться хозяйствовать.

³ Когда октябристы потерпят поражение на думских выборах 1912 г., Гучков уйдет с поста председателя партии, чтобы принять участие в муниципальных выборах в Петербурге. Граф И.И. Толстой, который сам вскоре станет городским головой, записал в дневнике: «Что это значит? Не то ли, что он думает, что муниципалитетам скоро придется играть политическую роль?» [27, с. 414]. Действительно, один из самых известных российских политиков увидел в городском самоуправлении, в городе новую возможность не только личной самореализации как политика, но шанс для русской политики. Такие люди станут фактором динамизации и политизации городского самоуправления.

⁴ Надо сказать, что водопроводные линии в городе последовательно сооружались все 1900–1910-е (правда, в центре – не на окраинах); в 1914–1915 гг. началось строительство Ладожского водопровода, однако его в 1916 г. прервала война. Да, единой современной водопроводной сети Петербург тогда все-таки не получил – это можно зачестить в несостоявшееся. Но вот что интересно: на прямой линии с народом в 2019 г. президент России сказал, что *миллионы* россиян (в XXI в.!) не имеют доступа к чистой питьевой воде. Речь, конечно, не о столицах, но это важная позиция для оценки петербургских проблем более чем столетней давности.

града и его окрестностей» и законопроект о принудительном изъятии земель под городские нужды [11, с. 283; 26]. Сложно, даже мучительно город все-таки двигался вперед – и выбранная им траектория движения была верной (это – европейская траектория, общеевропейский путь). Можно сказать, что Петрограду, как и всей стране, требовались 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, чтобы осуществить начатое, задуманное. Мы не знаем, каким бы он стал. Но его сравнения с нынешним Петербургом, с сегодняшней страной – по намерениям, потенциалам, возможностям – не в пользу последних

Заключение

Так, в городских общественных движениях, политической борьбе, на выборах, в победах и поражениях, формировался горожанин; это и было воспитанием российского человека в гражданском отношении. Лучше всего просвещали в этом смысле города, столицы, Петербург. В те времена, о которых мы говорим, он еще не был вполне современным – городом XX в. Однако он становился таковым. Потому что столетие (новый мир) имело в Петербурге свой социальный контингент (агентов): особенно новаторский, особенно яростный, особенно протестный (как раз потому, что здесь находись Дворец / Дворцовая площадь – им было с кем бороться) – передовой отряд, *авангард* нового российского общества, субъект перемен.

Этот Петербург, интеллектуальный, художественный, буржуазный, политический, считал себя радикально другим, чем Петербург имперский, придворный, бюрократический, гвардейский (XIX в.). Он жил другими ценностями и, полагая Дворец (самодержавие со всем, что ему сопутствовало) старым миром, со всем радикализмом новизны отрекался от него; на этом противостоянии строил свою идентичность. Так (через такое самоопределение) новый Петербург отвоевывал право на то, чтобы самому делать российскую историю (русское XX столетие): стать социальным творцом, *единственным европейцем и революционером* (тем, чем в XVIII – первой половине XIX в. было в России самодержавие)¹.

Двести лет этот город «умышляла»² власть (гений Петра, его наследниц и наследников); весь его самодержавный дух (его самодержавность по виду и духу) – отсюда. Со времен Великих реформ она *утратила монополию* на формирование облика и сущности города (его «физики» и «метафизики») – в дело вступило общество. Его главным преимуществом

¹ Уже одна эта претензия: стать тем, чем было в петербургской России самодержавие: единственным социальным творцом (преобразователем, революционером), строителем России как Европы (европейцем) – служила материалом (источником) для конфликта.

² Так о Петербурге говорил Ф.М. Достоевский: умышленный, самый вымышленный город.

была идея, соответствовавшая новому веку: современный город – это не скопление разнородных анклавов, его следует устроить разумно и справедливо, его источником и конечной целью являются не буржуа, не интеллигент / интеллигент, не рабочий, но горожанин-гражданин. Русский город XX в. должен был стать манифестацией городского сообщества.

Почти десятилетний опыт борьбы за город характеризует новые петербургские силы (новый Петербург) как исторических идеалистов и оптимистов, активных и деятельных¹. Они полагали, что могут изменить и столицу, и страну. Им многое противостояло (не только власть, привыкшая править без ограничений, но традиция, социальная и культурная инерция, бедность и непросвещенность основной массы народонаселения), однако на их стороне было время (в России начиналось их время)². И не случайно это движение приобрело всеобщий (общероссийский) характер. Везде интеллект и капитал заявили о себе как о субъектах городской жизни, устремились в выборные структуры – городские думы, выборы и выборность становились приметами новых времен. Параллельно с преобразованием деревни в России шла реформа города.

Срочно и масштабно – так должны были меняться российские города (и особенно *столица*, которая служила как бы *моделью общества*), полагали столетие назад. Именно неудовлетворенность мерой тогдашних преобразований (страны, города, деревни), несоответствие городской реальности идеалу «города-сада» (идеальному городу) была одной из важных причин их критики современниками. Многим тогда стало казаться,

¹ Главной темой этих сил (не только в Петербурге – во всей России) была не *безопасность*, а самореализация, *развитие* (доминировало стремление творить, строить и переустраивать, что предполагало социальную смелость, склонность к риску). С этим во многом связана какая-то странная притупленность чувства самосохранения, которую эти силы так очевидно проявили в революции 1917 г. (от Февраля до Октября). Острейшая потребность в безопасности (навязчивость этой темы) характерна для крестьянского мира. Это следствие постоянной необходимости выживать, скудости ресурсов, незащищенности перед природой (важнейший элемент жизнедеятельности и мировосприятия аграрного социума) и государством. То общество, которое сформировалось в России в XX в., является крестьянским по своему происхождению (нынешнее – постпосткрестьянское); поэтому потребность в безопасности в нем всегда преобладала над развитием. Отсюда и тяготение к лидерам, обещавшим безопасность (и из безопасности), а также отчужденность от «креативщиков» (оторванность «креативного класса», нацеленного на развитие и его обеспечивающего, открытого миру и транслирующего его ценности, технологии, образы жизни, от большинства народонаселения), что позволяет власти (если ей это нужно) легко восстановить «народ» против «интеллигенции» как «антинародного» социального элемента. Последней по времени исторической иллюстрацией этого раскола и единения власти и народа против «социально чуждых» является постболотная Россия (само явление «*России крымской*» было возможно только после *Болотной*, где «креативное меньшинство» вдруг вновь заявило о своем существовании, приоритетах, намерениях – о том, что оно есть).

² А вот с революцией оно закончилось – и никак не может наступить.

что нужна не терапия, а хирургия: одна большая акция (тотальная реконструкция, мегапроект) – и задача «переделки» города (как и страны) будет решена¹.

Вот это нетерпение, усугубленное и ожесточенное мировой войной, выразилось в Феврале 1917 г., явилось (среди прочего) его важнейшим источником. Новые петербургские силы, свергнув «старую» власть, получили монополию на город. И стали строить свой новый мир, новую столицу – все, что не осуществилось, о чем мечтали. Однако их революция столкнулась с целой серией других, рожденных Петроградом масс (заводов, казарм, дезертиров, беженцев и проч.), – и захлебнулась, растворилась в них. В Петрограде-1917 победил другой XX в., со своими темами, намерениями, болями, ненавистями, потребностями.

Непосредственным результатом победы стала (среди прочего) деурбанизация. Маятник российской истории качнуло назад. Все вернулось к поселково-местечковому типу существования; даже большие города напоминали поселки городского типа². Больше всего новый XX ударил по Петербургу / Петрограду. В годы Гражданской войны он превратился не просто в бывшую столицу, но в бывший город. Жители самого урбанистического центра России вдруг, мгновенно и разом, перешли на парохиль-

¹ XX век, явившийся после этой «переделки», продемонстрировал: всякого рода тотальности – это тема тоталитарных режимов. А они вовсе не гарантируют успешности преобразований (т.е. улучшения качества жизни человека), потому что не для человека делаются; в них, как фараоны в пирамидах, увековечивает себя власть, избавившаяся от общества. Сейчас особенно очевидно: реформа города – не акт (сродни политической революции), но процесс, который никогда не заканчивается. Проблема адаптации города ко времени, его вызовам, к появлению новых субъектов городской жизни и новых источников конфликтов всеобщая и всегда актуальная. Город постоянно изменяется (должен меняться, чтобы быть современным). Вектор нынешних изменений зафиксирован в формуле «умный город» (удобный, «скоростной» – в смысле транспорта и технологий, экологичный – экологически устойчивый, равных возможностей для всех горожан). Трансформировать таким образом оказалось чрезвычайно сложно именно советский город – результат тотальных, скоростных переделок, реконструкций. Это наиболее ярко демонстрирует российская столица (а она по-прежнему – модель для страны). Главная проблема Москвы–XXI – модернизация инфраструктуры и создание городского публичного пространства. К этому прилагаются усилия, поэтому Москва (ее руководство, туристы, путешествующие по центру, даже москвичи) считают себя современным городом. Это, однако, делается таким варварским образом, с таким ущербом для жителей, в этом «делании» так ощущается монополизм власти и больших денег, что современность здесь кажется какой-то совсем не современной. Да и потом, решаются в основном вопросы вчерашнего дня – город так перегружен, не экологичен, развивается настолько непропорционально, в нем дискриминированы столь многие интересы, что его обновление по существу становится все менее и менее возможно. Модернизация превращается в ряд показательных, иногда бессмысленных для города акций (как постоянное, повторяющееся из года в год перекладывание плитки – асфальтирование по-собянински). Хуже всего, что горожане привыкают к такому алгоритму обновления, начинают воспринимать его как норму.

² Не случайно это и есть типовое обозначение советского населенного пункта.

ный (локалистский) тип существования, до того свойственный русской деревне. Петроград распался на «атомы» – дома, квартиры, комнаты, углы, ставшие местами индивидуального выживания¹. Все достижения цивилизации, технологические и социальные, перестали действовать, новые смыслы обесмыслились, «новые люди» вымирали, уничтожались, бежали. Страна кричала: «Мы наш, мы новый!», но урбанизмов, модернизмов и модернистов в ней становилось все меньше.

Вот он, пролог к истории советской цивилизации. Ее «месторазвитием» явился город, но это город особого типа (плод особого советского пути). В нем был нейтрализован субъект развития, для которого органичен урбанистический способ существования, а вместе с ним – и органические основы урбанизма. В результате урбанизация в СССР превратилась, по меткому замечанию А.С. Ахиезера, в процесс не интеллектуализации деревни, а деревенизации города. Что и придало ему особые черты². Кроме того, монополию на город приобрела власть, ликвидировав все «заготовки» для горожанина / гражданина и саму почву для его роста. Наш горожанин и сейчас – потребитель, обыватель, но не более. В этом смысле Россия не вошла в XXI в. – живет в каком-то странном продолжении постреволюционного XX, по инерции, не чувствуя потребности в преодолении.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Петербург и Москва // Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. – М.: ГИХЛ, 1991. – Т. 3. – С. 763–791.
2. Бенуа А. Живописный Петербург // Мир искусства. – СПб., 1902. – № 1. – С. 1–5.
3. Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге, 1894–1914. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 337 с.
4. Берар Е. Столица и город: Символика гражданской власти, или История петербургской ратуши // Звезда. – М., 2003. – № 5. – С. 174–181.

¹ Нечто подобное происходило в городе в блокаду (особенно в первую блокадную зиму).

² Они очевидны и теперь. Нынешняя Россия – абсолютно городская (т.е. современная) цивилизация, совершенно непропорционально (и в этом смысле несовременно) расколотая на мегаполисы и города поселкового типа. В этих «городах / селениях» (что не вполне город, но уже и не село) архитектура городская, а стили жизни, способы ее организации – поселковые; кроме того, неразрывна связь людей с землей (огороды, подсобные хозяйства). Но и в мегаполисах типично городская жизнь почти тотально (в том смысле, что так живут практически все горожане, за исключением узкого слоя с чрезвычайно высоким уровнем потребления) связана с «деревенской» – дачной, т.е. с социальным существованием и хозяйствованием сельского типа. Притом самой «деревни» как производительной и социальной силы в современной России нет – она или умерла, или умирает. Так завершилась одна из главных коллизий русской революции: «город / деревня».

5. Быстрова М.Н., Яренгина В.П. Политическая борьба в ходе избирательной кампании 1916 г. по выборам в петербургскую городскую думу // *Власть*. – М., 2009. – № 9. – С. 127–129.
6. Войтинский В.С. Годы побед и поражений. – Берлин: Изд-во Гржебина, 1923. – Книга первая: 1905 год, т. 1. – 383 с.
7. Достоевский Ф.М. Петербургская летопись // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1978. – Т. 18. – С. 11–34.
8. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. – Л.: Наука, 1978. – 246 с.
9. Енакиев Ф.Е. Задачи преобразования Санкт-Петербурга. – СПб., 1912. – 81 с.
10. Куликов С.В. «Мы разыграли такой пошлый фарс»: Петроградская городская дума // 1917: Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 70–83.
11. Лисовский В.Г. Леонтий Бенуа и петербургская школа художников-архитекторов. – СПб.: Коло, 2006. – 399 с.
12. Материалы по статистике Петрограда. – Пг.: ГИЗ, 1920. – Вып. 1.
13. Миронов М.Б. Социальная история России; Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. – СПб.: Д. Буланин, 1999. – Т. 2. – 566 с.
14. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60–90-х годах XIX в.: Правительственная политика. – Л.: Наука, 1984. – 260 с.
15. Нардова В.А. Петербургская дума и власть в 1907–1913 гг. // Петербургская городская дума, 1846–1918. – СПб.: Лики России, 2005. – С. 179–190.
16. Нардова В.А. Подготовка и проведение реформы петербургского общественного управления // Петербургская городская дума, 1846–1918. – СПб.: Лики России, 2005. – С. 121–147.
17. Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX в. – СПб.: Наука, 1994. – 157 с.
18. Нестеров М.В. Из писем. – Л.: Искусство, 1968. – 451 с.
19. Особые журналы Совета министров Российской империи: 1909 г. – М.: РОССПЭН, 2000. – 599 с.
20. Пастернак Б. Темы и вариации: Стихотворения, роман в стихах. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 346 с.
21. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 332 с.
22. Ревзин Г. Центр и периферия // *Коммерсантъ Weekend*. – М., 2018. – 22 июня.
23. Сергей Дягилев и русское искусство: В 2 т. – М.: Изобразит. искусство, 1982. – Т. 2. – 574 с.
24. Степун Ф.А. Бывшее и не сбывшееся. – СПб.: Алетейя, 2000. – 644 с.
25. Сухорукова А.С. Горожане: Городская дума и правительство // Петербургская городская дума, 1846–1918. – СПб.: Лики России, 2005. – С. 191–196.
26. Сухорукова А.С. Петербургская городская дума и проблемы градостроительства в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000.
27. Толстой И.И. Дневник, 1906–1916. – СПб.: Европейский дом, 1997. – 728 с.
28. Труды по руссиеведению. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – Вып. 7. – 599 с.
29. Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). – М.: РОССПЭН, 2014. – 327 с.
30. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). – М.: ИНИОН, 2003. – 152 с.
31. Шевырин В.М. Сотрудничество и борьба: Власть и общественные организации в годы Первой мировой войны // *Россия и современный мир*. – М., 2015. – № 1(86). – С. 95–123.

-
32. Шкловский В.Б. Сентиментальное путешествие: Воспоминания 1917–1922. – Берлин: Геликон, 1923. – 391 с.
 33. Confino M. Traditions old and new: Aspects of protest and dissent in Modern Russia // Patterns of modernity. – 1989. – N 4, vol. 2. – P. 12–36.
 34. Hildermeier M. Burgertum und Stadt in Russland, 1760–1870: Rechtliche Lage und soziale Struktur. – Köln; Wien; Bohlau, 1986. – 689 S.
 35. Rogger H. Jewish policies and right-wing politics in imperial Russia. – Basingstoke; L.: Macmillan: Oxford, 1987. – 299 p.

И.К. БОГОМОЛОВ

***АВГУСТ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОГО:
ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
И СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ***

Столетняя годовщина начала Первой мировой войны стала одним из главных событий 2014 г. Во многом значимость этой круглой дате придало резкое ухудшение международной обстановки (присоединение Крыма к России, война на востоке Украины, санкции стран Запада против России). Во время выступления на открытии памятника героям Первой мировой войны в Москве 1 августа 2014 г. президент В.В. Путин отметил, что этот памятник – «не только дань великим подвигам. Это предостережение о том, что мир хрупок, напоминание всем нам об этом» [6].

Масштабные мероприятия по случаю «юбилея» войны 1914–1918 гг. вполне вписываются во взятый российскими властями курс на «расширение границ политически приемлемого прошлого» [8, с. 107]. Претендуя на всю тысячелетнюю российскую историю, государство предполагает вписать в эти новые «границы» и Первую мировую. Хотя представление об этой войне как о «великой и забытой» существует уже три десятка лет, каких-либо серьезных изменений в ее «народном» восприятии не наблюдается. Память о Великой войне остается в значительной степени эвентуальной, зависимой от юбилеев и круглых дат. К концу 2010-х ситуация изменилась незначительно. Прогремели речи официальных лиц, за ними прошли десятки научных и культурно-просветительских мероприятий по всей стране. Важным итогом повышения интереса к Первой мировой со стороны общества и государства стал запуск информационного портала «Первая мировая война 1914–1918 гг.», на котором публикуются тысячи документов о войне и ее участниках [7]. Однако итоговый результат мало отличался от годовщин начала войны в 1994 и 2004 гг. Сегодня Первая мировая постепенно возвращается в привычные рамки научных исследований и практически не «всплывает» в общественном сознании.

Ситуацию нельзя назвать уникальной. В советский период «империалистическая война» была маргинализована как в научном дискурсе, так и в общественно-политическом пространстве. Складывавшиеся в 1914–

1917 гг. коммеморативные практики, а вслед за ними – и немногочисленные памятники Великой войны в России были практически уничтожены. При этом сама власть Первую мировую не забывала, о ней вспоминали каждые десять лет. Исторически эти «круглые даты» совпадали с напряженными периодами в международных отношениях, а один раз (в 1944 г.) – и со Второй мировой войной.

Первый большой «юбилей» пришелся на 1 августа 1924 г. Дата по своему уникальна: война закончилась всего шесть лет назад, многие из тех, кто ее пережил, были еще живы. Раны войны еще не зажили, и значительная часть населения знала о ней не понаслышке. Хотя уже активно создавалась официальная версия истории мировой войны, власть не могла просто стереть, затушевать, выслать или отправить в спецхран специфический военный опыт миллионов людей. С этими настроениями, с этой памятью и с этой болью власти приходилось считаться и до определенной степени подбирать слова. Большое количество бывших участников мировой войны пока еще не позволяло стереть грань, отделявшую «германскую» войну от всех последующих гражданских конфликтов на территории бывшей Российской империи. Работа в этом направлении велась и ранее, но именно десятилетие начала войны должно было, по задумке властей, переломить ее народное восприятие. Это вписывалось и в общую тенденцию переписывания прошлого под диктовку победителей. Начать с «империалистической войны» было исторически логично – именно она стала катализатором социальных катаклизмов и тем самым открыла большевикам дорогу к власти. Поэтому разъяснение для «масс» характера и значения событий 1914–1918 гг. стало серьезной политической задачей.

Накануне «юбилея»: идеологическая подготовка и практические задачи

Подготовка к десятилетней годовщине с начала мировой войны началась задолго до 1 августа 1924 г. На XIII съезде РКП(б) в мае того же года особое внимание было уделено «агитпропработе», расширению и углублению ее «массовых форм как внутри партии, так и среди беспартийных рабочих и крестьян» [11, с. 655]. В частности, признавалось необходимым более активное развитие рабочих клубов, красных уголков, избчитален. Важнейшей задачей было снабжение агитаторов и пропагандистов материалами для «правильного» изложения точки зрения партии на те или иные события внутри страны и за рубежом. Для апробации новых форм и методов пропаганды необходимы были весомые поводы, и десятилетие мировой войны пришлось очень кстати.

В июне-июле 1924 г. в Москве состоялся V конгресс Коминтерна, приуроченный к 10-летию «империалистской войны». Конгресс призвал

все коммунистические партии и мировой пролетариат «устроить “Неделю протеста” против империализма, его соглашателей, против подготовки новой войны» [цит. по: 14, с. 179]. Постановление не содержало конкретных указаний по поводу форм и методов проведения мероприятий. Не представил подробного плана мероприятий и ЦК РКП(б). Фактически всеми организационными вопросами занимались местные власти, прежде всего – губернские и городские комитеты.

Наиболее насыщенными были программы в крупнейших городах СССР. Так, Ленинградский комитет РКП(б) в середине июля утвердил план проведения «недели». Центральное место занимала «пропагандистская подготовка» кадров для предстоящего «просвещения масс» на тему войны. В рабочих клубах, Домпросветах и других общественных заведениях планировалось провести два цикла лекций. Как отмечал в передовице «Ленинградской правды» Я.Р. Елькович¹, в первом цикле должны были быть освещены «причины империалистической войны, вызванное ею обострение классовых противоречий, предательство II Интернационала». Второй цикл был посвящен состоянию Европы и Америки после войны: «перегруппировка классовых сил, Версальский тупик, II Интернационал и крыло фашистской буржуазии». Дополнительные доклады планировалось посвятить техническим аспектам войны, ее экономическим и демографическим последствиям. Важное место в кампании занимал иллюстративный материал – статистические и цифровые таблицы, плакаты, диаграммы. Предполагалось издать «плакаты-контрасты», на которых будет указана стоимость войны и утраченные «культурные возможности». Рабочий и крестьянин должны были увидеть, сколько материальных благ можно было бы приобрести за деньги, «ухлопанные царским правительством на Константинополь и Дарданеллы». Агитация должна была быть максимально проста и понятна, особенно в деревне, куда на работу направлялись специальные агитаторы с заготовленными тезисами и наглядным материалом. «На близких и понятных для каждого примерах империалистической войны, на ее уроках <...> мы должны дать самым широким рабоче-крестьянским массам нагляднейший, показательный урок ленинизма», – писал Елькович².

¹ Яков Рафаилович Елькович (1896–1976) – литератор, активный участник антиколчаковского движения на Урале. В 1924 г. – заведующий агитпропотделом Ленинградского губкома РКП (б), в 1920–1930-е годы – ответственный редактор Уральской Советской энциклопедии, газет «Колхозный путь» и «Красная газета». На XV съезде ВКП(б) был исключен из партии за оппозиционную деятельность, но в 1934 г. восстановлен [10, с. 293]. В 1936 г. арестован, приговорен к 15 годам лагерей. В период реабилитации 1956–1958 гг. Елькович был уличен в «провокаторской деятельности <...>, в фальсификации протоколов допросов арестованных, в даче ложных показаний на целый ряд партийно-советских работников, неосновательно репрессированных органами НКВД» [2, с. 159].

² К 10-летию империалистической войны // Ленинградская правда. – 1924. – 17 июля, № 161.

Особое внимание властей к этой «юбилейной» дате было вызвано и международной обстановкой. В июле-августе 1924 г. проходила Лондонская конференция, на которой представители держав-победительниц в мировой войне приняли так называемый «план Дауэса» – план выплаты Германией репараций. Одновременно шли сложные переговоры с Англией об общем и торговом договорах и с Францией – о восстановлении дипломатических отношений [12, с. 15, 23, 25]. Хотя в целом переговоры подходили к завершению (договоры с Англией были подписаны 8 августа, а признание Францией СССР произошло 24 октября 1924 г.), советская печать ежедневно обрушивалась с критикой на агрессивную внешнюю политику «империалистических государств». Первые полосы советских газет напоминали скорее ежедневные сводки с фронтов борьбы СССР с «враждебным окружением». Имевшие место в то время за рубежом политические кризисы, забастовки и массовые выступления преподносились как признаки усиления классовых противоречий и приближения мировой революции. Годовщина мировой войны органично встраивалась в этот контекст и имела важнейшее пропагандистское значение.

Пока «Неделя протеста» еще готовилась, усиленное внимание предстоящему «юбилею» начала уделять советская печать. Причины и последствия войны рассматривались под разными углами. Были опубликованы различные документы времен мировой войны, а также исторические очерки. В июльском номере «Красного архива» была опубликована статья Я.М. Захера о дипломатической борьбе вокруг Константинополя и проливов накануне мировой войны [3, с. 32–54]. Основная мысль историков – не только кайзеровская Германия, но все великие державы в 1914 г. внесли свой вклад в начало войны. М.Н. Покровский в большой статье для «Правды» доказывал, что война началась по почину России. «30 июля исполняется десять лет с того дня, когда [С.Д.] Сазонов, уговорив Николая [II] объявить всеобщую мобилизацию русских военных сил, “развязал” европейскую войну», – утверждал Покровский¹. По его мнению, русские дипломатические и военные круги считали войну неизбежной и активно к ней готовились. Критике Покровского подвергалась и Англия за ее желание «чужими руками» ослабить главного конкурента на континенте. Примечательно, что Германию и ее роль в начале войны Покровский отводил на второй план.

Тем не менее большинство авторов исторических статей не акцентировали внимание на роли России. Обозреватель газеты «Труд» М. Левилов полагал, что война «была обусловлена целым рядом социально-экономических факторов, важнейшие из которых – конкуренция германского и английского империализма, тяга русского империализма в Кон-

¹ Как готовилась война // Правда. – 1924. – 30 июля, № 171.

стантинополь и аннексионистские устремления к Балканам, проявленные австро-венгерским империализмом»¹. Обоснование этой точки зрения строилось, конечно, на ленинских взглядах: немалое место было отдано под статьи Ленина о причинах и характере мировой войны и о неминуемом превращении ее в войну гражданскую².

Опыт войны и усеченная память

Большое внимание печать уделяла личным впечатлениям о войне. К примеру, «Вечерняя Москва» в конце июля вела рубрику «Десять лет назад», где публиковались воспоминания о событиях и настроениях в июле-августе 1914 г. Среди собеседников газеты были К. Радек, А. Манус, Н.И. Подвойский, председатель ЦИК Г.И. Петровский. В рубрике «Из архивов войны и революции» московские «Известия» опубликовали статью К. Радека «За что мы должны проливать кровь?», первоначально вышедшую в швейцарской газете 31 июля 1914 г.³ Хотя мемуаров на страницы газет попало немало, по своему содержанию они не отличались разнообразием. Публиковались, как правило, воспоминания партийных и государственных деятелей, большинство из которых не были на фронте и наблюдали за событиями в России из-за рубежа.

В исследуемой периодике не было найдено ни одного воспоминания непосредственных участников войны, практически не встречается описаний фронтовой повседневности. Одно из немногих исключений – сборник статей «Десятилетие мировой войны», изданный уже в 1925 г. В нем были собраны различные документы 1914–1918 гг. (в основном – о деятельности в это время социал-демократических партий), статьи о причинах, ходе и последствиях мировой войны, статистические данные, иллюстрации и карты. Седьмой раздел издания посвящен личным впечатлениям от войны. Среди них можно выделить воспоминания И. Разгона («В австрийском плену»), А. Марти («Современное рабство») и С. Штанько («Пушечное мясо»), где подробно описана фронтовая повседневность и опыт плена. Эти же темы затрагиваются в художественных произведениях В. Лидина, В. Ильиной, М. Слонимского и С.З. Федорченко. Во всех без исключения рассказах война преподносится как сплошной ужас, где нет места ни героизму, ни взаимопомощи. Крайне негативно оценивается офицерство и командный состав армии, полковые священники, тыловые торговцы – те, кто нередко становился «героем» газетной хроники и в 1924 г. Опыт войны в

¹ Десять лет... // Труд. – 1924. – 29 июля, № 170.

² Война и ленинизм // Правда. – 1924. – 27 июля, № 169; Ленин о войне // Правда. – 1924. – 30 июля, № 174; Превращение империалистской войны в войну гражданскую // Труд. – 1924. – 2 августа, № 174.

³ Из архивов войны и революции // Известия ЦИК. – 1924. – 1 августа, № 174.

целом был охарактеризован как массовое народное помутнение, обернувшееся «отрезвлением» и неизбежной революцией. Другую русскую литературу о войне обозреватель и редактор сборника Н. Смирнов оценивал крайне невысоко, считая ее недостойной даже упоминания. «О войне писали у нас много, но большинство этих писаний осталось в мусорных ящиках вчерашнего дня. Литература, изготовленная для злободневных нужд буржуазии, не могла, разумеется, пережить своего хозяина», – заключал Н. Смирнов [1, с. 324].

Неоднократно по поводу войны выступали руководители партии и правительства. Характерно, что вина за ее начало возлагалась не только на мировой империализм, но и на «передовые классы». Л.Д. Троцкий в выступлении 28 июля заявил, что мировая война – это «кара историческая за то, что сознание пролетариата отстало от бытия». Рабочий класс оказался не в силах предотвратить войну, ибо «не успел опознаться в обществе, осознать свою роль, свою историческую миссию, организовать, поставить перед собой задачу захвата власти и разрешить ее». Тем не менее, признал Троцкий, война ускорила «неизбежные» социальные процессы, выбив сознание пролетариата из «колеи консерватизма и традиции». Период революции, по словам Троцкого, еще далеко не закончен, и мировая война стала лишь ее первым, «кровавым» этапом¹.

Г.Н. Зиновьев акцентировал внимание на том, что война – это прежде всего трагедия миллионов людей. Хотя одним из главных результатов войны стало первое государство рабочих и крестьян, повторение таких трагедий недопустимо. Главным лозунгом в августовские дни Зиновьев предлагал сделать слова В.И. Ленина: «Помни об империалистской войне». По мнению Зиновьева, этот лозунг не потерял актуальности вследствие сложного международного положения и особенностей людской памяти. «Люди так устроены, что они довольно скоро забывают даже такие события, как мировая война, – сетовал Зиновьев. – Уже притупляется впечатлительность даже в этой области». Последствия катастрофы десятилетней давности должны быть ясны прежде всего молодежи, которая «больше всех будет отвечать, если вспыхнет война»².

«Неделя против войны»: организация, проведение, результаты

Хотя всесоюзная «Неделя протеста» намечалась на конец июля – начало августа, первые демонстрации прошли значительно раньше. К примеру, 1 июля в Великих Луках на «митинге протеста» по случаю годов-

¹ К вопросу о перспективах мирового развития // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

² Помни о войне! // Известия ЦИК. – 1924. – 2 августа, № 175.

щины начала войны собралось около 5 тыс. человек. Председатель местного уездного исполкома в своей речи предупредил об усиленной подготовке «капиталистов» к новой войне, призвал укреплять Красную армию и «хранить мир»¹. Митинг, конечно, не был стихийным: на этом организационном опыте «обкатывались» сценарии более масштабных мероприятий. В течение июля советские, партийные, профсоюзные и комсомольские органы по всей стране вели тщательную подготовку, расписывая время начала и окончания митингов, маршрут колонн, очередность выступающих, тематику лекций [13]. Важнейшее значение имело привлечение к мероприятиям «масс», в Москву направлялись отчеты с численностью и профессиональным составом участников. Для облегчения задачи лекторам и выступающим заранее готовились брошюры с тезисами и однотипные резолюции, осуждающие мировую войну и «алчность капиталистических акул» [4].

«Неделя против войны» официально стартовала в понедельник, 28 июля 1924 г. Дата была выбрана не случайно: именно в этот день Австро-Венгрия объявила Сербии войну, после чего столкновение других европейских держав стало, по сути, вопросом времени. В Ленинграде в понедельник состоялись митинги, на которых были прочитаны доклады о причинах и последствиях войны². Наиболее массовые мероприятия (прежде всего – уличные демонстрации) было решено перенести на выходные – 2 и 3 августа. Напоминания о намеченных демонстрациях и лекциях печатались на первых полосах газет. Это косвенно указывает на то, что посещать эти митинги и лекции было желательно, но все же необязательно. Московский комитет РКП(б) призвал столичный пролетариат «присоединить завтра свой голос к голосу пролетариев всего мира и заявить о своей готовности бороться против войны в первых рядах»³.

Мероприятия к «юбилею» войны проходили по всей стране. Так, на митингах в Севастополе, Симферополе и Ростове-на-Дону были приняты резолюции протеста против «ведущейся империалистическими государствами политики»⁴. Важно было продемонстрировать стихийность митингов и подчеркнуть, что инициатива их организации шла «снизу»⁵. В определенном смысле это действительно было так: Москва давала лишь общие указания и идеологические установки, поощряя и поддерживая инициативу на местах [5, с. 11]. Сообщения о провинциальных мероприятиях не были однотипными, скорее наоборот – подчеркивались разные подходы

¹ Помни о войне! // Известия ЦИК. – 1924. – 2 августа, № 175.

² Неделя против империалистической войны // Правда. – 1924. – 27 июля, № 169.

³ Вечерняя Москва. – 1924. – 1 августа, № 175.

⁴ Известия ЦИК. – 1924. – 1 августа, № 174.

⁵ Мир хижинам, война дворцам // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

местных властей к проведению «недели». К примеру, в Самаре кампания обернулась массовым вступлением в ряды Общества друзей воздушного флота (ОДВФ)¹. Одновременно проходили различные заседания и конференции в учебных заведениях, научных организациях². В Москве многочисленные выступления, лекции и шествия завершились пленумом Моссовета в Колонном зале Дома союзов³.

2 августа 1924 г. состоялись основные массовые мероприятия к «юбилею». Войне в этот день была посвящена значительная часть газетных материалов. Основное внимание обращалось на последствия войны для народного хозяйства, публиковались данные об огромных людских потерях вследствие военных действий, голода и эпидемий⁴. Многие статьи были посвящены послевоенному социально-экономическому развитию, национальным и политическим противоречиям в «постверсальской» Европе. Д.З. Мануильский⁵ на страницах «Правды» констатировал, что мировая война не разрешила ни один насущный европейский вопрос, ситуация во всех сферах общественной и политической жизни стала только сложнее⁶. Годовщина войны дала новый повод обратить внимание на растущее национально-освободительное движение на окраинах Британской и Французской империй. Целые полосы были посвящены потерям африканских и азиатских народов, «насиленно втянутых» в мировую бойню⁷.

Призывы к сохранению мира и недопущению новых войн соседствовали с утверждениями, что новая война с «империализмом» неизбежна. Это противоречие советская печать объясняла довольно просто: мы войны не хотим, но она вытекает из общего процесса смены общественно-экономических формаций и из конкретных исторических условий: усиление классовой борьбы и рост межимпериалистических противоречий. «Что может <...> предупредить империалистическую войну? Исключительно победа пролетариата над капиталистами», – утверждала «Правда»⁸. Мирного разрешения этого социального конфликта добиться не удастся ввиду противодействия буржуазии и «лакействующих социал-предателей». Соответственно, в центре внимания общества должно было быть

¹ 10-летие империалистической войны // Известия ЦИК. – 1924. – 3 августа, № 176.

² Деятели науки и искусств об итогах империалистической войны // Правда. – 1924. – 24 июля, № 166.

³ Пленум Московского Совета // Вечерняя Москва. – 1924. – 2 августа, № 175.

⁴ Потери армий в людском составе // Правда. – 1924. – 30 июля, № 171.

⁵ Дмитрий Захарович Мануильский (1883–1959) – советский партийный и государственный деятель.

⁶ Национальный вопрос и война // Правда. – 1924. – 27 июля, № 169.

⁷ См., напр.: Негры и мировая война // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

⁸ Опасность мировой войны и пацифизм социал-предателей // Правда. – 1924. – 31 июля, № 174.

всемерное укрепление Красной армии, которая первой встретит врага в будущей войне. Один из заголовков «Правды» гласил: «Мы предотвратим новую войну не криками и проповедями. Пусть вооруженная сила пролетариата охранит мир на земле»¹. В методичках агитпропа ЦК укрепление РККА рассматривается как вынужденная мера для борьбы за удержание пролетариатом завоеванных позиций. Идеал – коммунистическое общество без границ и без армий, нужных для охраны этих границ, – пока не достигнут, и армии нужны для борьбы с буржуазией. «Убить в корне самую возможность новой империалистической войны можно только при помощи гражданской войны рабочего класса против капиталистической буржуазии», – отмечалось в одной из методичек [1, с. 47].

Схожими по смыслу были и лозунги на демонстрациях. В Твери митингующие обещали «по первому зову рабоче-крестьянского правительства дать отпор международной буржуазии»². В Тамбове 30 июля митинги «носили характер спайки молодежи с Красной армией», демонстранты проследовали в казармы местной бригады и встретились с красноармейцами³. В Витебске после демонстраций состоялся «праздник смычки рабочих с красноармейцами»⁴. На демонстрации в Одессе кружечный сбор в пользу Доброхима⁵ дал более 5 тыс. руб.⁶ Нередкими были случаи военных парадов. В Москве важной частью демонстрации были прохождения по улицам красноармейских частей. Плакаты в руках солдат сообщали «империалистам», что Красная армия миролюбива, но при необходимости «будет драться». Предупреждающие лозунги были и на плакатах рабочих колонн: «Пролетариат не допустит грабительских войн!», «Хочешь мира – укрепляй Красную армию»⁷.

Программа мероприятий в большинстве случаев включала инсценировки побед и судов над «классовыми врагами» – полицией, белогвардейцами, интервентами, буржуазией и ее «приспешниками» в лице либералов и социал-демократов. Методические рекомендации призывали организаторов обязательно проводить эти театрализованные представления для «оживления» общей обстановки на митингах и лекциях [9, с. 11–13]. Местные власти старались привнести в эти постановки «изюминку»: сочиня-

¹ Правда. – 1924. – 27 июля, № 169.

² 10-летие империалистической войны // Известия ЦИК. – 1924. – 3 августа, № 176.

³ Десятилетие империалистической войны // Известия ЦИК. – 1924. – 2 августа, № 175.

⁴ Демонстрации протеста против войны // Известия ЦИК. – 1924. – 6 августа, № 178.

⁵ Доброхим – Общество друзей химической обороны и химической промышленности. В 1925 г. в результате слияния Доброхима с Обществом друзей воздушного флота было создано Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ).

⁶ Демонстрации протеста против войны // Известия ЦИК. – 1924. – 6 августа, № 178.

⁷ Десятилетие империалистической войны // Известия. – 1924. – 2 августа, № 175.

лись оригинальные сюжеты (например, победа толпы рабочих над полицией), создавались декорации. Роли «классовых врагов» зачастую исполняли актеры, но к действиям нередко привлекалась и «массовка» – участники митингов и обычные прохожие на улицах.

Сценарии постановок обычно отличались по регионам: организаторы митингов старались использовать образы «местных» врагов (например, образ Колчака на Урале и в Сибири), чтобы привлечь больше внимания и создать прямые и понятные ассоциации «империалистической войны» с недавно побежденными врагами в войне Гражданской. В Ереване 1 августа прошло «шествие-карнавал», на котором устроили импровизированные «похороны партии дашнаков», т.е. партии Дашнакцутюн, распущенной в ноябре 1923 г. после окончательного установления в Армении советской власти¹. В Ленинграде на Дворцовой площади (тогда – площадь Урицкого) были установлены «карикатурные фигуры вдохновителей, руководителей, социал-соглашателей и пособников мировой бойни». Среди них были «венценосные вдохновители»: Вильгельм II, Франц-Иосиф и Николай II «с его прихвостнем Гришкой Распутиным». Рядом находились фигуры лидеров белого движения А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, а также «матерых черносотенцев» Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича. Присутствовали фигуры президента Германии Ф. Эберта, «кровожадных» Ж. Клемансо и Р. Пуанкаре. Были представлены меньшевики, эсеры и зарубежные «социал-соглашатели» Н.С. Чхеидзе, Е.П. Гегечкори², Н.Д. Авксентьев, Б.В. Савинков, И.Г. Церетели, К. Каутский, Э. Вандервельде. Не забыта была даже руководительница женских ударных батальонов «во времена корниловщины и керенщины» М.Л. Бочкарева³.

Эти постановки изначально не были простой выставкой побежденных врагов советской власти (многие из них еще были живы и продолжали борьбу за границей) или наглядным экскурсом в «темное прошлое». Указанные персонажи служили также олицетворениями врагов, недобитых в годы Гражданской войны, приспособившихся к новым условиям и ждущих возможности для реванша. Зачастую создававшиеся образы «классового врага» были намеренно размыты, не указывали ни на конкретных персон, ни на определенный исторический период. Так, в Севастополе 30 июля была проведена инсценировка уличного столкновения рабочих с жандармами⁴. На демонстрации в Москве отдельную «колонну»

¹ Десятилетие империалистской войны // Известия. – 1924. – 2 августа, № 175.

² Евгений Петрович Гегечкори (1881–1954) – грузинский революционер-меньшевик, министр иностранных дел и министр юстиции Грузии в 1918–1921 гг. После установления в Грузии советской власти в 1921 г. эмигрировал во Францию.

³ Мир хижинам, война дворцам // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

⁴ Известия. – 1924. – 1 августа, № 174.

составляли поп, генерал и деревенский кулак, которые под «оглушительный свист и гиканье» несли лозунги «Да здравствует война!» и «За веру, царя и отечество»¹. В этом видятся попытки актуализации образа врага с помощью исторических ассоциаций и отсылок к прошлому. На фоне развертывавшейся антирелигиозной кампании, систематических нападок печати на зажиточное крестьянство и на «военспецов» поп, генерал и кулак на демонстрации представляли уже не только и не столько прошлое.

Проблема инвалидов мировой войны в советском печатном дискурсе

Другой особенностью «юбилея» 1924 г. было значительное внимание к инвалидам войны, которых на тот момент было еще очень много по всей стране. С одной стороны, подчеркивание этого факта служило цели «демонизации войны» в массовом сознании [5, с. 22]. В связи с этим сожаления по поводу большого числа инвалидов раздавались из уст первых лиц государства. «Десяток миллионов изувеченных, инвалидов. Полулюди. Надорваны, неспособны к труду, неспособны радоваться жизни», – сокрушался К. Радек². Ситуация действительно оставалась тяжелой. В стране, едва вышедшей из череды войн, значительная часть мужского населения уже в молодом возрасте была нетрудоспособной и нуждалась в помощи. Л.Д. Троцкий в «Правде» и «Известиях ЦИК» призывал сделать первую неделю августа «днями мысли и заботы об инвалидах». «Нельзя забывать их, – убеждал Троцкий, – надо помочь им. Надо поддержать их!»³. Характерно, что в советской печати инвалиды мировой войны не выделялись в отдельную группу⁴. В заметке об инвалидах Троцкий лишь вскользь упомянул мировую войну, сделав акцент больше на внутреннем противостоянии. По его мнению, империализм «не захотел простить нам самовольного выхода из войны», после чего «навязал» еще три года войны Гражданской. В этом смысле инвалиды обеих войн как бы уравнивались в своих «правах», объявлялись ветеранами одной непрерывной борьбы против империализма в 1914–1922 гг.

Десятилетие войны и грядущая мировая революция

Широкое освещение в советской печати получили протесты против войны в европейских странах. Большая часть их прошла несколько позд-

¹ У Моссовета // Известия ЦИК. – 1924. – 3 августа, № 176.

² Помни империалистическую войну! // Труд. – 1924. – 27 июля, № 169.

³ Нельзя забывать // Известия ЦИК. – 1924. – 2 августа, № 174.

⁴ Десятилетие мировой войны и Всероссийский комитет помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны при ВЦИК // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

нее, чем в СССР, – 4–5 августа, когда в войну вступили союзники России по Антанте. Так, в Берлине официальная демонстрация собрала у здания рейхстага около 40 тыс. человек. Перед собравшимися выступил президент Ф. Эберт и другие официальные лица, были объявлены две минуты молчания и начат сбор средств на возведение памятника погибшим в мировой войне¹. Советская печать критически оценивала эти мероприятия. «Настроение во время демонстрации... было весьма вялым, – сообщал берлинский корреспондент «Известий» В. Сольский. – Когда рота рейхсвера проходила парадным маршем, раздались жидкие аплодисменты. Публика не знала: следует ли аплодировать и вообще радоваться. <...> Но зато многочисленные генералы и офицеры чувствовали себя весьма хорошо: веселые, довольные лица. Они задавали тон на этой буржуазной демонстрации, это был их праздник»².

Коммунистические и социал-демократические партии проводили свои «антимилитаристские недели» с 26 июля по 3 августа³. Годовщина войны преподносилась советской печатью как повод к «обострению классово-борьбы», к новым митингам и забастовкам против политики «буржуазных правительств». Подробно сообщалось о репрессиях властей Германии, Франции и Англии против демонстрантов и организаторов митингов⁴, о столкновениях коммунистов и «буржуазной публики»⁵. Жирным шрифтом выделялись цитаты из воззваний и резолюций, где участники в случае новой мобилизации заявляли о готовности «обратить свое оружие против буржуазии»⁶. Отдельного упоминания удостоивалась «буржуазная печать», с тоской и ностальгией «поющая дифирамбы» общественным настроениям десятилетней давности.

Мировая война в советской литературе

Десятилетие мировой войны не осталось незамеченным в литературной печати. К «юбилею» было опубликовано множество стихотворений, рассказов и фельетонов. Откликаясь на годовщину, В.В. Маяковский 2 августа написал большое стихотворение, напечатанное на следующий день на первой полосе «Известий». В частности, Маяковский рассуждал и о необходимости предотвратить новые мировые конфликты:

¹ Годовщина империалистической бойни // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

² Четвертое августа // Известия ЦИК. – 1924. – 8 августа, № 180.

³ Протест мирового пролетариата против войны // Правда. – 1924. – 29 июля, № 176.

⁴ Международная антивоенная неделя в Бельгии // Известия ЦИК. – 1924. – 13 августа, № 183.

⁵ Соглашатели организовали побоище // Известия ЦИК. – 1924. – 5 августа, № 177.

⁶ Неделя пропаганды против войны // Известия ЦИК. – 1924. – 3 августа, № 176.

Отдельные номера мировой войне посвящали художественные газеты и журналы. «Крокодил» поместил на обложку тематического номера карикатуру, на которой изображен солдат с повязкой на глазах. На заднем плане поп и царь призывают солдата «проявить молодечество, умереть за веру, царя и отечество», но опасались, как бы солдат не снял повязку с глаз и «не принял за нас»¹. Основная часть карикатур и стихотворений была посвящена деятельности капиталистов и их союзников – меньшевиков и других «собственных его величества социал-демократов»². Отдельно были упомянуты журналисты, прославлявшие войну – «герои-писатели», некоторые из которых и при новом строе чувствуют себя комфортно. Одного из них – журналиста Рыбкина – изобразил в своем фельетоне «Честное перо» Б.А. Левин. В 1914 г. Рыбкин сочинял десятки телеграмм «от нашего фронтового корреспондента» о геройствах русских офицеров. В 1924 г. картина мало изменилась: Рыбкин сидит в том же кабинете, та же жена варит ему тот же кофе, а из-под пера Рыбкина массово выходят рассказы об ужасах фронтового быта и о зверствах русских офицеров над солдатами в годы мировой войны³.

Фельетон Левина очень характерен для того времени. Советская печать пестрела рассказами о «приспособленцах» из числа «классовых врагов», которые вновь наполняют различные ниши общественной жизни: редакции, кафедры, фабрики и заводы, местные органы власти. «Приспособленцы» часто выставлялись главными виновниками социальных пороков советского общества (коррупция, бумажная волокита, «буржуазный» образ жизни) и обвинялись в «развращении» советской молодежи. Десятилетие войны и здесь пришлось кстати, так как позволяло продемонстрировать последствия терпимого отношения к «внутреннему врагу». С этой точки зрения предотвращение новой мировой войны становилось возможным только с помощью углубления «классовой борьбы», поощрения внутриобщественных антагонизмов. В определенной степени это был пролог борьбы с «вредительством», с «левой» оппозицией и другими реальными и мнимыми врагами советского строя в сталинскую эпоху.

Десятилетие мировой войны стало важной вехой в истории советского агитпропа и в целом – в создании советских коммеморативных практик. Механизмы массовой мобилизации на «празднование» отработывались и ранее, прежде всего в годовщины Октябрьской революции. Однако в августе 1924 г. в центре внимания был негативный повод – начало самой кровопролитной на тот момент войны в истории человечества. Пе-

¹ Крокодил. – 1924. – № 14. – С. 1.

² Там же. С. 3, 16.

³ Там же. – С. 4.

риод 1914–1918 гг. был, таким образом, поднят из небытия, власть приступила к его осмыслению, подключив к этому (в административном порядке) и все общество.

При этом мероприятия 1924 г. серьезно отличались от всех будущих коммемораций Первой мировой войны. В то время ни власть, ни общество еще не забыли войну. О ней и невозможно было забыть, слишком велики были ее последствия, слишком живы воспоминания участников и не зажили еще ее раны. Но для власти эти мероприятия совсем не были вынужденными, она смотрела на мировую войну как на весомый пропагандистский инструмент во внутренней и внешней политике. Войне в это время осознанно не давали становиться частью истории и всячески актуализировали ее политическое значение. Мировой войне была отведена роль промежуточного политического события, пролога 1917 г. и грядущей мировой революции. Это стало одной из главных причин дальнейшего «забывания» войны, размывания памяти о ней даже в годовщины. Первая мировая война в советском общественном сознании стала жертвой собственного величия и последствий, которые она принесла.

Список литературы

1. Десятилетие мировой войны. – М.: Тип. журнала «Вестник воздушного флота», 1925. – 440 с.
2. Ефремова Е.Н. Прерванный полет: Несостоявшиеся издания региональных советских энциклопедий 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. – Екатеринбург, 2014. – № 2. – С. 151–166.
3. Захер Я.М. Константинополь и проливы (Очерки из истории дипломатии накануне мировой войны) // *Красный архив*. – М., 1925. – Т. 7: 1924. – С. 32–54.
4. Кутдусова В.А. Первая мировая война в советском печатном дискурсе 1920–1940-х гг. // *Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований*. – Иваново, 2014. – № 3. – С. 65–76.
5. Никонова О.Ю., Раева Т.В. Первая мировая война в праздничной коммеморации ранне-советской эпохи // *Проблемы истории российского социума: труды межвузовской научно-практической конференции преподавателей вузов, ученых и специалистов (31 мая 2011 г.)*. – Челябинск: Центр научного сотрудничества, 2011. – С. 4–23.
6. Открытие памятника героям Первой мировой войны. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46385> (Дата обращения: 12.08.2019.)
7. Памяти героев Первой мировой войны. – Режим доступа: <https://gwar.mil.ru/> (Дата обращения: 12.08.2019.)
8. Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // *Неприкосновенный запас*. – М., 2017. – № 1. – С. 106–128.
9. Раева Т.В. Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агит-суд» как способ формирования памяти // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. – Челябинск, 2014. – № 3. – С. 11–13.
10. Сувениров О. 1937. Трагедия Красной Армии. – М.: Эксмо, 2009. – 781 с.
11. Тринадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков) 23–31 мая 1924 г.: Стенографический отчет. – М.: Главполитпросвет; Красная новь, 1924. – 767 с.
12. Трояновский А.А. Внешняя политика СССР. – М., 1945. – 95 с.

-
13. Ульянова С.Б. Кампания против «империалистических войн» в 1924 году: Задачи, проведение, результаты // Вестник Костромского государственного университета. – Кострома, 2015. – № 1. – С. 41–44.
 14. Филимонов А.В. Кампания «10-летие Первой мировой войны» в Псковской губернии // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг., Витебск, 18–20 октября 2018 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С. 179–184.

А.К. СОРОКИН

***О СТАЛИНСКОЙ ТРИАДЕ:
ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ / КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ –
К 90-ЛЕТИЮ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»***

Индустриализация: темпы развития решают все

Курс на социалистическую индустриализацию был взят XVI съездом РКП(б), состоявшимся в декабре 1927 г. На съезде были приняты «Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Сталин станет настаивать на ускорении темпов индустриализации. Окружающая нас обстановка, скажет он в речи на пленуме ЦК ВКП(б) 19 ноября 1928 г. «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП(б)», «диктует нам быстрый темп развития нашей индустрии» [14, с. 247].

Разработанный первый пятилетний план начнет реализовываться с 1 октября 1928 г., причем к этой дате плановые задания даже не будут еще утверждены. Контрольные показатели пятилетнего плана «в его оптимальном варианте» будут одобрены XVI партконференцией в апреле 1929 г. и утверждены V съездом Советов в мае того же года. Советское руководство запланирует произвести в 1928/29–1932/33 гг. капитальных вложений в народное хозяйство в сумме 64,6 млрд руб., т.е. на 244% больше, чем в предшествующем пятилетии. При этом планировалось, что огромный объем капиталовложений будет сопровождаться соответствующим ростом продукции с 18,3 млрд руб. в 1927/28 г. до 43,3 млрд руб. в 1932/33 г., т.е. на 236%. При этом планом предусматривалось, что «валовая продукция отраслей, производящих средства производства, увеличивается в 3,3 раза» [5, с. 449-450]. Будут поставлены задачи «решительного усиления социалистического сектора в городе и в деревне», разрешения в основном «зерновой проблемы», «подъема материального и культурного уровня рабочего класса и трудящихся масс деревни», подъема национальных республик, укрепления обороноспособности страны, снижения себестоимости производства, повышения производительности труда, повышения урожайности и расширения посевных площадей.

Перспективы индустриализации будут прямо увязаны Сталиным с вопросом о победе социализма в одной отдельно взятой стране. «Для того, чтобы добиться окончательной победы социализма в нашей стране, нужно еще догнать и перегнать эти страны также в технико-экономическом отношении. Либо мы этого добьемся, либо нас затрут» [14, с. 248].

Целями первой пятилетки станут создание основ индустриальной базы, ключевых отраслей тяжелой промышленности, энергетики, металлургии и машиностроения, в том числе сельскохозяйственного, химической промышленности и т.д.

Принципиально важным для развития экономики станет отказ от показателя прибыльности, принятого в качестве интегрального критерия экономического развития в годы нэпа, и переход к директивному планированию физических объемов производимой продукции в годы первых пятилеток.

Планы индустриализации будут прямо увязаны с решением задач создания оборонной промышленности. «Невозможно отстоять независимость нашей страны, не имея достаточной промышленной базы для обороны», – скажет Сталин, выступая на пленуме ЦК в ноябре 1928 г. [там же].

Необходимость индустриализации именно в ее форсированном виде усматривается им в нарастании военной опасности. В документах советского руководства и в современной историографии мы не найдем неоспоримых доказательств реальности в тот момент военного вторжения в СССР, но именно в этих категориях осмысливало действительность большевистское руководство, прошедшее через испытания военной интервенцией в годы Гражданской войны.

Развитие военной промышленности и перевооружение армии будет запущено решениями Политбюро, которое в июле 1929 г. трижды заслушало вопрос «О состоянии военной промышленности». 18 июля его будет докладывать непосредственно Сталин. В том же июле на Политбюро также трижды заслушивался вопрос «О состоянии обороны страны» [10, с. 706-708]¹. Будут поставлены задачи: «По численности – не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны, по технике – быть сильнее противника по двум или трем решающим видам вооружения, а именно – по воздушному флоту, артиллерии и танкам». Члены Политбюро ясно осознавали при этом, что «в соответствии с этим в использовании бюджетных средств» будут расти «расходы на технику за счет снижения потребительских расходов»².

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162 Д. 7. Л. 101–112, 113–121.

² Там же. Л. 101.

Военный бюджет вырастет, вырастут и инвестиции в оборонную промышленность. В течение 1930-х годов будет принят целый ряд постановлений, направленных на наращивание производства вооружений и вооруженных сил [12, с. 68–70]. Сталин будет держать вопрос на постоянном контроле. В сентябре 1933 г. он поддержит предложение К.Е. Ворошилова в связи «с громадным невыполнением программы военных заказов авиации, танков, артиллерии, снарядов... рассмотреть вопрос в Комиссии обороны с вызовом людей с заводов и решительно подтянуть выполнение и наказать провинившихся»¹. В том же сентябре Сталин напомнит Л.М. Кагановичу, что «кроме аэропланов, танков, артиллерии и боеприпасов надо проверить еще производство подлодок. Очень плохо с подлодками...»².

В письме Сталина и Ворошилова, направленном в июне 1933 г. наркому иностранных дел М.М. Литвинову, будет изложена программа строительства флота, причем строить планировалось суда типов, предназначенных «для исключительно оборонительных целей»³.

Разработка планов строительства оборонной промышленности и перевооружения армии станет причиной разгоревшегося в 1930 г. конфликта между М.Н. Тухачевским, предлагавшим радикальное увеличение численности армии до 8 млн человек, и Ворошиловым, который считал это нереалистичным. Сталин первоначально поддержит Ворошилова, назвав план Тухачевского фантастическим⁴. Через два года, в мае 1932 г. Сталин изменит свою позицию и в письме Тухачевскому предложит тому согласиться с идеей «6-ти миллионной армии [военного времени], хорошо снабженной техникой и по-новому организованной». Он признает, что два года назад «проблема еще не была достаточно ясна» для него, фактически извинившись за резкий тон и «некоторые неправильные выводы в отношении вас»⁵. К вопросу об оптимальных параметрах военного бюджета, численности армии Сталин будет не раз возвращаться. В июле 1932 г. он раскритикует военный бюджет и план развертывания армии, который, как ему кажется, «слишком раздут... и очень обременителен для государства»⁶.

В результате целенаправленной деятельности политического руководства СССР одним из итогов индустриализации в ходе первых пятилеток станет построение оборонной промышленности и модернизация армии.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 80. Л. 132.

² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 22–24.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 210. Л. 48–49.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 4–7.

⁶ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 167–174

Первая пятилетка в целом началась вполне успешно, по итогам первого хозяйственного 1928/29 г. были превзойдены первоначально запланированные показатели. Под влиянием этих успехов летом 1929 г. ЦК принимает ряд постановлений, которыми предписывалось увеличить контрольные цифры производства стали, цветных металлов, продукции машиностроительной и химической промышленности. XVI съезд ВКП(б) в начале июля 1930 г. отметит, что «решения по контрольным цифрам текущего года не выполнены» [6, с. 147]. Съездом будут приняты контрольные цифры очередного года пятилетки, предусматривавшие увеличение темпов роста. Сталин назовет этот съезд съездом «развернутого строительства социализма по всему фронту». В начале 1931 г. Сталин поставит задачу обеспечить общий прирост промышленной продукции на 45% по текущему году и выполнить пятилетку «в 3 года по основным, решающим отраслям промышленности» [16, с. 29].

Вопрос темпов развития станет для Сталина ключевым. «Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать... Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют» [16, с. 38]. «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [16, с. 39]. Увлечение темпами примет явно гипертрофированный характер. «Итог за 10 месяцев дает 26% прироста госпромышленности...» – напишет Сталин Молотову в августе 1930 г. Эти рекордные темпы станут, однако, поводом не для радости, а для разочарования, поскольку отстают от запланированных. «Неутешительный итог!» – заключит Сталин¹.

Источниками финансирования индустриализации станут прежде всего финансовые поступления от экспорта зерна и других сырьевых ресурсов. В августе 1930 г. Сталин отдаст распоряжение Молотову: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут»². В этом же письме он порадует тому, что США разрешили «ввоз нашего леса».

Важнейшим источником накопления станет золотодобыча. В начале 1930-х годов вопрос о золоте будет несколько раз заслушиваться на заседаниях Политбюро. 1 ноября 1931 г. его будет докладывать Сталин. Политбюро по итогам заседания уполномочит комиссию по увеличению золотых ресурсов страны принять все меры для быстреего увеличения золотых ресурсов СССР. Уже к середине 1930-х годов СССР станет добывать десятки тонн золота ежегодно, что позволит не только решить проблему финансирования промышленного импорта, но и обеспечить к 1953 г. создание крупнейших золотовалютных резервов объемом более 2 тыс. т.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 121–122.

² Там же. Л. 115–116об.

Еще одним из значительных источников валютных поступлений станут ценности, выкупаемые у населения через систему «Торгсина». Их объем составит около 100 т чистого золота [9, с. 72–78, 79–83, 352, 528–529].

В значительной степени финансирование индустриализации будет производиться за счет увеличения денежной массы, что породит инфляционные процессы. В 1928 г. в обращении находилось 1,7 млрд руб., а в 1934 г. уже 8,4 млрд [11, с. 527]. Население станет придерживать металлическую монету, что породит так называемый голод разменной монеты, борьбе с которым будет посвящено немало усилий. В августе 1930 г. Сталин признается: «Результаты борьбы с голодом разменной монеты почти что ничтожны»¹. Стабилизировать рубль удастся только в 1933 г.

Важнейшее значение для формирования доходных статей бюджета будет иметь собираемость прямых и косвенных налогов. Среди последних особое место заняло введение монополии на производство алкогольной продукции и ценовая политика на алкоголь. «Откуда взять деньги?» – будет задаваться вопросом Сталин. «Нужно... увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки...» – напишет он Молотову в сентябре 1930 г.²

Удастся большевикам договориться и с западными кредиторами, прежде всего германскими. В одном из интервью, данных в конце 1933 г., Сталин назовет сумму задолженности СССР по кредитам в 1,4 млрд руб. золотом по состоянию на 1931 г. Отметив сокращение задолженности до 450 млн, Сталин скажет: «Все удивляются тому, что мы платим и можем платить. Я знаю, – сейчас не принято платить по кредитам. Но мы делаем это. Другие государства приостановили платежи, но СССР этого не делает и не сделает» [15, с. 277].

Сталин поставит задачу создания «на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР с целью использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири». Этим вопросам будет посвящено специальное постановление Политбюро «О работе Уралмета», принятое в мае 1930 г.³ Соображения военно-стратегической безопасности при принятии этого решения будут занимать главенствующее место.

Концентрация в руках государства источников накопления позволит осуществлять импорт техники и технологий из стран Запада. В 1931 г. около трети всего мирового экспорта машин и оборудования направлялось

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 115–116об.

² Там же. Л. 134–140.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 831. Л. 32–33.

в СССР, а в 1932 г. уже около половины [19, с. 134]. Многочисленные вопросы закупок за рубежом техники и технологий Сталин будет постоянно держать в поле зрения. Так, в июле 1932 г. он напишет соратникам о необходимости закупки технологий, обеспечивающих развитие цветной металлургии [15, с. 75]. Импорт будет сопровождаться многочисленными случаями проявления бесхозяйственности. Сталин, к примеру, писал Л.М. Кагановичу о «преступно-безобразном отношении наших хозорганов к импортному металлу»¹.

Приоритетными отраслями народного хозяйства станут электроэнергетика, машиностроение, химическая промышленность и др. В декабре 1932 г. Сталин получит письмо из Академии наук СССР об «отставании теории от практики... в области химии» и поручит Молотову «двинуть вперед поскорее» «это очень нужное дело»².

Уже на раннем этапе индустриализации советское руководство столкнется с тенденцией непропорционального роста капиталовложений в тяжелую индустрию, спровоцированного их же собственными установками на приоритетное развитие производства средств производства. В июне 1932 г. Сталин напишет письмо Кагановичу, Молотову и Орджоникидзе и предъявит им претензии в том, что они перекармливают «Наркомтяж по части капитальных вложений... создавая тем самым культ нового строительства». При этом Сталин отметит наличие проблем с рациональным использованием построенных заводов³.

Будут находиться в поле зрения советского руководства и вопросы развития сектора потребительских товаров. Рост уровня занятости произойдет не только в тяжелой, но и в легкой промышленности [1, с. 241]. Ограниченные производственные мощности и недостаточность объемов произведенной продукции для удовлетворения возрастающего спроса будут стимулировать вторжение директивных органов в сферу распределения произведенной товарной продукции. В июне 1932 г. Сталин напишет письмо Кагановичу с анализом ситуации, сложившейся в сфере производства хлопчатобумажных тканей. Он даст рекомендацию о «распределении готовой продукции в пользу рынка в ущерб нерыночным потребителям». Целью станет удовлетворение все возрастающего спроса со стороны населения и мобилизации финансовых ресурсов в доходные статьи государственного бюджета⁴.

Ускоренная индустриализация своей оборотной стороной будет иметь низкое качество производимой продукции. Это проявится в том

¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 112–113.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3053. Л. 1.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 71–76.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 65–65об.

числе в сфере оборонного производства. В июне 1932 г. Сталин напишет Ворошилову и Кагановичу: «Вопрос о качестве самолетов нельзя смазывать, его надо выставить выпукло наряду с вопросом о внутренних недостатках самой авиации»¹.

Реализация задач индустриализации окажется тесно связанной с внешнеэкономической деятельностью Советского государства. О стиле, в котором Сталин осуществлял внешнеэкономическую политику, хорошо говорят публикуемые документы. Используя благоприятную для СССР конъюнктуру Великой депрессии, Сталин на переговорах с Италией в 1931 г. предлагает «добавить пункт с угрозой о том, что в случае неудовлетворения наших требований прекратим дачу заказов и сократим вывоз из Италии»².

Особое место займут отношения с США, которые становятся одним из основных поставщиков промышленного оборудования и техники в СССР. В 1930 г. в США будут введены ограничительные барьеры против советского экспорта. Советское правительство обвинялось в использовании принудительного труда, а также продаже товаров на международных рынках по ценам ниже себестоимости. Сталин в августе 1931 г. напишет Л.М. Кагановичу письмо об отмене заказов в Америке, порывании всех договоров с Америкой «ввиду валютных затруднений и неприемлемых условий кредита...». Предлагалось также отменить все предшествующие решения Политбюро, а все заказы перенести «в Европу или на наши собственные заводы»³. Сталин будет стремиться контролировать едва ли не каждую сделку. В августе 1932 г. он направит членам Политбюро свои рекомендации по делу о закупке подержанных автомобилей «Дженерал моторс», которое покажется ему очень подозрительным⁴.

В сентябре 1934 г. во время переговоров с Германией о кредитном соглашении Сталин потребует «открыть нам доступ во все без исключения заводы... без ограничения, чтобы мы имели возможность реализовать полностью свое право свободных заказчиков... ибо мы не намерены покупать у них всякое барахло»⁵.

Специальное внимание Сталин будет уделять проблемам развития транспортной инфраструктуры. Одним из важнейших станет решение о расширении железнодорожной инфраструктуры в Восточной Сибири и строительстве «Байкало-Амурской дороги»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 120–120об.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 43.

³ Там же. Л. 33–34.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 79. Л. 61–62.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 86–86об.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 447. Л. 1.

В июле 1934 г. Сталин поддержит инициативу В.В. Куйбышева, подготовившего проект постановления Политбюро «о северном морском пути»¹.

Приоритет при использовании железных дорог будет отдаваться перевозкам государственных грузов. Летом 1932 г. Сталин настаивает на запрещении «перевозок частных хлебных грузов по железным дорогам и водному транспорту». Увидит в этой мере инструмент борьбы со спекуляцией².

Потребности развития станут осмысливаться как кадровые задачи. Решаться эти задачи будут посредством ротации. Причем ротация будет проводиться в многократно опробованном стиле. «...Громите эту шайку пока не поздно», – порекомендует Сталин Кагановичу в 1931 г. «Новых людей, верящих в наше дело и могущих с успехом заменить бюрократов, всегда можно найти в нашей партии, если поискать серьезно»³.

За годы первой пятилетки численность занятых в крупной промышленности возрастет в два раза, а в строительстве – в четыре. Произойдет это главным образом в результате притока в промышленность рабочей силы из аграрного сектора, ставшего объектом принудительной модернизации. Высвобождение избыточных трудовых ресурсов в сельской экономике станет одним из результатов коллективизации и источником формирования так называемого переменного капитала. Дефицит рабочей силы, однако, полностью преодолеть не удастся. Это приведет к решению использовать принудительный труд осужденных. Заключение начинают направлять практически на все крупные стройки СССР. Об этом свидетельствует одно из писем, в котором Сталин поддержит просьбу Г.К. Орджоникидзе, направленную Кагановичу и Молотову, об использовании труда осужденных на строительстве Магнитогорского комбината⁴.

Итоги первой пятилетки многозначны. Импровизационный характер корректировок плановых показателей приводил к срыву их исполнения. При этом, однако, удалось обеспечить очень значительный рост всех основных показателей развития экономики. Концентрированное выражение это противоречие находит в показателях роста национального дохода. Если в 1927/28 г. он составил 24,4 млрд руб., то в 1932 г., отстав от планового показателя (49,7 млрд), он тем не менее значительно вырос и достиг уже 45,5 млрд руб. [11, с. 532–533]. Были созданы тракторная и автомобилестроительная отрасли, авиастроение, станкостроение и химическая промышленность, был достигнут резкий рост черной и цветной металлургии,

¹ РГАСПИ. Оп. 163. Д. 1032. Л. 135.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 76.

³ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 35–36.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 39–39об.

добычи энергоносителей (нефти, угля) и их производства (электроэнергетика), на востоке страны была создана новая угольно-металлургическая база.

Рост физических объемов производства контрастировал с провалом в части динамики качественных показателей. Задания по производительности труда, снижению себестоимости промышленной продукции, стоимости и срокам строительства систематически недовыполнялись. Качество промышленной продукции находилось «на очень низком уровне» и имело тенденцию к ухудшению [6, с. 149–150].

Вторая пятилетка (1933–1937) во многом учтет проблемы первой, станет более реалистичной. Подводя итоги первой пятилетки в январе 1933 г., Сталин скажет, что ее успешное выполнение позволит теперь перестать «подхлестывать и подгонять страну» и поставит задачу «взять 13–14% ежегодного прироста промышленной продукции в целом». Будет сохранен курс на приоритетное развитие тяжелой индустрии. Задачей пятилетки будет поставлено завершение реконструкции народного хозяйства на основе новейшей техники для всех его отраслей. Пафос нового строительства Сталин призовет заменить пафосом освоения новых заводов и новой техники [15, с. 185–186].

Коллективизация: «наиболее жгучий вопрос современности»

В конце 1920-х годов «вопрос о сельском хозяйстве и особенно... о зерновой проблеме» станет восприниматься партийным руководством «наиболее жгучим вопросом» внутренней политики. Так скажет об этом Сталин на одном из пленумов ЦК в ноябре 1928 г. [13, с. 245]

Первые успехи индустриализации дадут основание считать, что растущая промышленность сможет обеспечить техническое вооружение аграрного сектора. «Индустрия есть тот ключ, при помощи которого можно перестроить отсталое и раздробленное земледелие на базе коллективизма», – скажет Сталин на том же пленуме. Причину того, что «темпы развития сельского хозяйства... чрезмерно отстают от темпа развития индустрии», Сталин увидит в том, что сельское хозяйство развивается «на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства» [13, с. 252, 253].

В декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) Сталин укажет выход, увидев его «в переходе мелких и распыленных крестьянских хозяйств в крупные и объединенные хозяйства на основе общественной обработки земли... на базе новой, высшей техники». Правда, в тот момент Сталин будет говорить о постепенном характере обобществления, осуществляемого «не в порядке нажима, а в порядке показа и убеждения» [12, с. 305].

Курс на коллективизацию вырос из затруднений в хлебозаготовках 1927–1928 гг. и из быстро сложившейся практики «чрезвычайных» хлебозаготовок, целью которых была мобилизация хлебных ресурсов, а не преобразование сельского хозяйства на коллективных началах. Коллективизация стала средством решения основной для политического руководства задачи – обеспечить растущее население городов хлебом, а нужды импорта для целей индустриализации – валютой от продажи зерна за рубеж.

Сталин был не единственным и не первым, кто ставил вопрос о коллективизации в повестку дня. Еще VIII съезд Советов РСФСР в декабре 1920 г. обсуждал возможности тотальной регламентации производственных процессов сельхозпроизводителя, лишения крестьянина права распоряжаться результатами труда. Тогда это не осуществилось благодаря позиции Ленина, заявившего, что «мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится» [7, с. 181].

В течение 1920-х годов большевистское руководство пришло к признанию необходимости проведения коллективизации. На XV съезде ВКП(б), принявшем в декабре 1927 г. первый пятилетний план, была одобрена и пространная резолюция «О работе в деревне». Теме колхозного строительства в ней было отведено два небольших абзаца в пункте 4 раздела IV. Все, на что нацеливала резолюция съезда партийные организации, сводилось в тот момент к необходимости «усилить помощь делу колхозного строительства» [5, с. 367]. Расхождения в среде партийного руководства позднее коснутся не принципа, а темпов преобразований.

Согласно первоначально утвержденным показателям, до конца первой пятилетки (т.е. к 1933 г.) доля валовой продукции колхозов должна была достигнуть 11,4% в общем объеме производимой сельскохозяйственной продукции. Однако поставленная уже задача увеличения темпов индустриализации требовала, по мнению Сталина, пересмотра планов коллективизации с целью увеличить таким образом объемы производства товарного хлеба.

Одной из основных причин перехода к сплошной коллективизации, предусматривавшей иные темпы и уровень обобществления, станет кризис хлебозаготовок конца 1927 – начала 1928 г. Корни его усматривались в том, что крестьяне придерживают хлеб, стремясь взвинтить цены. В начале 1928 г. Сталин совершил поездку в Сибирь, в ходе которой потребовал максимально нажать на «кулаков и спекулянтов».

Чрезвычайные методы хлебозаготовок, использованные в начале 1928 г., были узаконены постановлением ВЦИК и СНК СССР от 27 июня 1929 г. «О расширении прав местных Советов по содействию выполнению государственных заданий и планов». Этим постановлением местным Советам прямо предписывалось в случае сопротивления применять силу. Сопротивление принудительным хлебозаготовкам будет караться в соот-

ветствии с Уголовным кодексом РСФСР [18, с. 659–660]. Именно это постановление фактически завершало эпоху нэпа в аграрном секторе еще до принятия решения о сплошной коллективизации. Меры принудительного характера дадут результат. В декабре 1929 г. в письме Молотову Сталин с удовлетворением напишет: «Дела с хлебозаготовками идут. Сегодня решили увеличить неприкоснов[енный фонд продовольственный]...»¹. В том же письме Сталин зафиксировывает итоги «нажима» в деле коллективизации: «Бурным потоком растет колхоз[ное] движение... У наших правых глаза на лоб лезут...».

7 ноября 1929 г. Сталин опубликует в «Правде» статью «Год великого перелома», в которой заявит: «Мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Эта статья обозначит переход определенного рубежа в аграрном вопросе. Политика, предусматривавшая умеренные темпы коллективизации, сменилась курсом на форсированное преобразование аграрного сектора. Задача развернуть «сплошную коллективизацию» сельскохозяйственного производства будет поставлена ноябрьским 1929 г. пленумом ЦК в постановлении «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства» [6, с. 29].

Коллективизация станет сопровождаться так называемым раскулачиванием – репрессиями, применявшимися местными властями на основании постановления Политбюро от 30.01.1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Для того чтобы сломить сопротивление кулачества, предполагалось 60 тыс. кулаков заключить в концлагеря, 150 тыс. выселить в отдаленные районы. На основании этого постановления будет разработан ряд документов ОГПУ, определивших порядок проведения раскулачивания².

Проведение коллективизации вызвало массовое сопротивление. В марте 1930 г. ОГПУ насчитало 6500 бунтов, 800 из которых было подавлено с применением оружия. В течение всего 1930 г. около 2,5 млн крестьян приняли участие в 14 тыс. выступлений против коллективизации. Согласно опубликованным сводкам, в волнениях в ряде случаев участвовали также местные советские и партийные работники [17, с. 17–18; 18, с. 18–19].

2 марта 1930 г. Сталин опубликует в «Правде» статью «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения», в которой ответственность за перегибы, т.е. за чрезмерное форсирование темпов и принудительный характер коллективизации, возложит на чрезмерно ретивых

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 109–110.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 346. Л. 11.

исполнителей. 14 марта Политбюро примет постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении»¹.

Сопротивление крестьянства насильственной коллективизации приведет к поиску мер, стимулирующих к вступлению в колхозы. Ими станут программа строительства новых МТС, обещания упорядочить организацию и оплату труда, гарантировать ведение личного подсобного хозяйства, налоговый пресс и т.д.

Волнения начнутся не только в деревне, но и в городе. Любое обнаружение подобных фактов будет вызывать нервную реакцию Сталина, как это произошло в отношении статьи Е.М. Ярославского о рабочих волнениях в Иваново-Вознесенске. Статья была опубликована в «Правде» в июне 1932 г. В своем письме Кагановичу Сталин прямо проведет параллель с Кронштадтским восстанием 1921 г. с его лозунгом «Советы без коммунистов»².

Важным инструментом экономической политики станет для Сталина «политика цен». В письме Кагановичу в августе 1931 г. он порекомендует создать специальный «комитет цен при СНК». В качестве одной из неотложных мер потребует «немедля снизить цены в коммерческих магазинах процентов на 30» и т.д.³

Затруднения в снабжении населения продуктами питания через государственную розничную сеть принудят осенью 1933 г. принять решение о разворачивании «коммерческой [“Свободной”] хлебной торговли»⁴.

Государство на постоянной основе будет регулировать цены на продукты питания. В сентябре 1934 г. будут приняты соответствующие решения об установлении «коммерческих цен на сахар» для разных областей СССР⁵.

Вообще, вопреки распространенному мнению в этот период предпринимаются попытки внедрять методы экономического стимулирования хозяйствующих субъектов. В августе 1932 г. Сталин напишет Кагановичу письмо о необходимости контроля работы МТС, в котором поставит задачу проанализировать – «убыточны МТС или прибыльны... Без этого МТС из государственных предприятий, отчитывающихся перед государством, превратятся в богадельню или в средство для систематического обмана государства»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 825. Л. 93–96.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 77. Л. 12–12об.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 76. Л. 30–31.

⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 22–24.

⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 85. Л. 80–80об.

⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 79. Л. 2–3.

В 1931 и 1932 гг. один за другим последуют два неурожая. В результате к весне 1932 г. страна столкнется с дефицитом хлеба. Еще одной причиной упадка аграрного сектора в эти годы станет непрерывное давление на него государства. Хлебные заготовки увеличатся с 11 млн т в 1927 г. до 16 млн т в 1929 г. Это произойдет несмотря на то, что урожай 1929 г. окажется хуже, чем в 1927 г. Изъятие хлеба из деревни станет главным фактором, вызвавшим и сокращение поголовья скота, которое началось в 1929 г. и продолжалось вплоть до 1933 г. [2, с. 440–441].

В 1932 г. Украину, Поволжье, Кубань, Белоруссию, Южный Урал, Западную Сибирь, Казахстан, отдельные районы Центральной России поразит голод. Недооценив его размах, власти продолжают вывоз зерна из хлебопроизводящих районов, направят его на экспорт и тем самым усугубят масштабы бедствия. Несколько больших сокращений в планах хлебозаготовок Политбюро произведет с августа 1932 г. по январь 1933 г. (в общей сложности на 4 млн т). Откажется советское руководство и от увеличения государственных запасов. План по экспорту будет снижен, но не отменен. Вывезено все равно будет 1,6 млн т. В течение 1932–1933 гг. около 3,5 млн т зерна из заготовленных государством советскому руководству придется вернуть обратно в деревню в качестве продовольствия, кормов для скота и семенного фонда [2, с. 439]. Всего в СССР в этот период в разных регионах страны от голода умрет, по разным оценкам, от 5 до 7 млн человек [4, с. 192].

Специально следует отметить, что отсутствуют основания рассматривать голод начала 1930-х как целенаправленно осуществляемую политику истребления по национальному признаку (концепция «голодомора») [2, с. 447–448; 4, с. 378–380].

Осознание масштабов бедствия приведет к тому, что с лета 1932 г. голодающим районам начнут выделять помощь в виде «продссуд» и «семссуд», планы хлебозаготовок будут снижаться. В июле-августе в переписке с Молотовым и Кагановичем Сталин несколько раз отдаст указание о «сокращении плана хлебозаготовок», помощи «для особо пострадавших районов Украины, Закавказья», других регионов¹. В августе 1932 г., выдержав паузу, Сталин сообщит Кагановичу: «Я думаю наступило время, когда нужно объявить украинцам о сокращении плана хлебозаготовок»².

На многих просьбах о помощи, как, например, на шифротелеграмме секретаря Днепропетровского обкома М.М. Хатаевича от 27 июня 1933 г. с просьбой выделить области дополнительно 50 тыс. пудов хлеба, Сталин оставит резолюцию: «Надо дать»³.

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 78. Л. 79–81.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 79. Л. 24.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 64. Л. 35.

Положению дел на Украине Сталин будет уделять повышенное внимание. В августе 1932 г. в письме Кагановичу он напишет: «Самое главное сейчас Украина... дела на Украине из рук вон плохи... Плохо по партийной линии... Плохо по линии советской... Плохо по линии ГПУ... Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять»¹. Результатом этого анализа станет полная смена руководства на Украине.

Получив письмо от М.А. Шолохова, он направит Молотову указание об удовлетворении «целиком» просьбы Шолохова по Вешенскому району и исправлении перегибов в деле хлебозаготовок².

Одним из наиболее пострадавших от голода регионов станет Казахстан. Сталин даст целый ряд директив по оказанию помощи. Одна из них направляется в марте 1932 г. в Иркутский крайком с указанием немедленно обеспечить отгрузку семян для Казахстана³.

В годы второй пятилетки объем зернопоставок на экспорт будет снижаться⁴. Таким образом, в соответствии с концепцией «первоначального социалистического накопления» (выдвинута сторонником Л.Д. Троцкого Е.А. Преображенским в 1925–1926 гг.) советская деревня стала ресурсом финансовых средств и рабочей силы для индустриализации. Не случайно во внутривнутрипартийных дискуссиях накануне и в ходе реализации первого этапа коллективизации в большевистском руководстве с участием Сталина обсуждались темы «дани» и «военно-феодалной эксплуатации крестьянства».

Последствия коллективизации для сельского хозяйства окажутся в целом негативными. Несмотря на то что посевные площади увеличатся, валовой сбор зерна, производство молока и мяса уменьшатся, а средняя урожайность снизится. Одним из непредвиденных результатов стало введение в 1929 г. карточек на хлеб. На протяжении 1929 г. Политбюро будет несколько раз заслушивать вопросы о продовольственных затруднениях и борьбе с очередями в Москве и Ленинграде. При этом увеличится объем зернопоставок государству. Так что основная цель коллективизации – дать в руки государства инструмент мобилизации хлебных ресурсов – оказалась достигнута.

Деревня была деморализована. Традиционная трудовая этика крестьянства разрушена; распространилось представление, что за лучшей жизнью следует ехать в город. Таким образом, был реализован прогноз, данный «правой» оппозицией накануне решений о сплошной коллективи-

¹ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 99. Л. 144–151.

² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5388. Л. 198–198об.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 43. Л. 18.

⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 20–20об.

зации. В ходе завершающей фазы этих дебатов Сталин отвергнет упрек со стороны «правых» в том, что курс на коллективизацию обрек аграрную сферу на деградацию («мы “лишили” крестьянина хозяйственного стимула, “отняли” у него хозяйственную перспективу») [14, с. 262].

Помимо отсутствия стимулов у сельскохозяйственного производителя, к деградации аграрной сферы приведет также ее зарегулированность. Логика централизованной системы управления будет иметь результатом гипертрофированное увеличение количества плановых показателей. В планах стали указывать сроки пахоты и уборки урожая, подъема паров, зяби, посева, вывоза навоза, площади и сроки сева, навязывать агротехнические приемы и т.д.

Задания первой пятилетки по развитию сельского хозяйства не будут выполнены ни по одному показателю. Более того, произойдет падение объемов производства почти по всем показателям по сравнению с 1928 г. Особенно катастрофичными оказались результаты в животноводстве. По основным видам поголовья скота показатели 1928 г. будут превзойдены только в 1958 г. [18, с. 35].

Катастрофическое положение несколько выправится в 1933 г., когда удастся собрать большой урожай хлеба, что позволит поставить вопрос об отмене карточной системы и пополнении государственных резервов.

Затруднения в хлебозаготовках, подобные тем, которые подтолкнули к решению коллективизировать аграрный сектор, будут иметь место и в дальнейшем. Для их преодоления с участием Сталина будут обсуждаться возможности закупок зерна за границей. В августе 1934 г. Сталин порекомендует Кагановичу воздержаться от импорта хлеба. Мотивирует эту рекомендацию Сталин следующим образом: «Импорт хлеба теперь, когда за границей кричат о недостатке хлеба в СССР, может дать только политический минус»¹. В том же августе, стремясь найти решение «хлебной проблемы», он напишет Кагановичу и Жданову: «Необходимо: немедленно организовать нажим (максимальный нажим!) на заготовки... объявив войну самотеку»². Причем в структуре «нажимных» мероприятий помимо репрессий будет предусмотрен и «денежно-налоговый пресс».

Одной из важнейших целей заготовительных кампаний станет создание государственных резервов «на случай неурожая или внешних осложнений»³.

Индустриализация и коллективизация в 1928–1932 гг. привели к социальным изменениям: росту городского населения и численности рабочих и служащих с 9 млн человек в 1928 г. до 23 млн в 1940 г. При этом

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 84. Л. 20–20об.

² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 100. Л. 61–66.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 89. Л. 35.

темпы жилищного строительства не обеспечивали размещения новых горожан. Типичным жильем в 1930-е годы останутся бараки, землянки, в «идеальном случае» – коммунальные квартиры [3; 8].

В СССР будет введена паспортная система. В декабре 1932 г. Политбюро примет постановление «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов»¹. И население городов, и крестьяне фактически «прикрепляются» к месту проживания и работы через институт прописки в целях прежде всего контроля за миграцией рабочей силы. Контроль за соблюдением паспортного режима будет возложен на органы милиции, уже включенные к тому времени в состав ОГПУ. Паспорта при этом не будут выдаваться раскулаченным и части граждан, лишенных избирательных прав, что приведет к их выселениям с режимной территории. В течение 1933 г. из городов выселено или добровольно выехало до 1 млн человек.

Коллективизация, высвободившая миллионы рабочих рук для промышленности, станет толчком к ускорению индустриального роста именно потому, что спровоцировала социальную катастрофу в аграрном секторе [1, с. 245].

Список литературы

1. Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. – М.: РОССПЭН, 2013. – 389 с.
2. Дэвис Р., Уиткроф С. Годы голода. Сельское хозяйство СССР, 1931–1933. – М.: РОССПЭН, 2011. – 543 с.
3. Ким М. Караганда. Жизнь людей в городе угля. 1931–1941 гг. – М.: РОССПЭН, 2017. – 214 с.
4. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 518 с.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 4: 1926–1929. – М.: Политиздат, 1984. – 575 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5: 1929–1932. – М.: Политиздат, 1984. – 446 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42: Ноябрь 1920 – март 1921. – М.: Политиздат, 1970. – 606 с.
8. Меерович М.Г. Наказание жилищем: Жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. – М.: РОССПЭН, 2008. – 300 с.
9. Осокина Е.А. Золото для индустриализации: «Торгсин». – М.: РОССПЭН, 2009. – 589 с.
10. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Т. 1: 1919–1929. – М.: РОССПЭН, 2000. – 829 с.
11. Рождение державы. История Советского Союза с 1917 по 1945 г. – М.: РОССПЭН, 2015. – 838 с.
12. Симонов К.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. – М.: РОССПЭН, 1996. – 333 с.
13. Сталин И.В. Сочинения. Т. 10. М.: Госполитиздат, 1952. – 382 с.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 968. Л. 4–4об.

14. Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. – М.: Госполитиздат, 1955. – 382 с.
15. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. – М.: Госполитиздат, 1952. – 424 с.
16. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 1: 1918–1922. – М.: РОССПЭН, 2000. – 861 с.
17. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. – М.: РОССПЭН, 2003. – 860 с.
18. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. 1927–1939. В 5 т. Т. 3. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1006 с.
19. Фототов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. – М.: Наука, 1993. – 271 с.

Ю.С. ПИВОВАРОВ

***ДЕВЯНОСТО ЛЕТ «КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ»
(УБИЙСТВО РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА)***

Постановлением КС РФ
(№ 9–П от 30.11.1992)
коммунистический режим
признан преступным

7 ноября 1929 г. в газете «Правда» была опубликована статья Сталина «Год великого перелома». За двенадцать лет до этого в России произошёл большевистский переворот, а ещё за двенадцать – первая революция. Через двенадцать лет на Красной площади состоится парад, участники которого тотчас же отправятся на фронт. Он был совсем рядом с Москвой. Как впоследствии признавался Г.К. Жуков, это был самый тяжёлый момент войны. Двенадцать лет спустя, после смерти Любоеда, начнется оттепель. В 1965 г. воцарится «коллективное руководство» – брежневщина. Самому Леониду Ильичу понадобится двенадцать лет, чтобы стать единственным хозяином Кремля (1977 г., новая Конституция). В 1989 г. – Первый съезд народных депутатов СССР; страна отказывается от коммунизма и готовится к новому, неведомому. Вот такой двенадцатилетний «цикл».

Но мы сейчас не об этом. Нас интересует 1929 год, а это так – напоминание о том, что было и будет. «Год великого перелома» – тов. Сталин имел в виду начало всеобщей молниеносной коллективизации советского крестьянства и уничтожение «кулаков» как класса. То есть тотальная их аннигиляция. Почему именно 1929? В советские времена нам объясняли: в 1928 г. Сталин отправился с ревизией в Сибирь. Он-де хотел понять природу кризиса хлебозаготовок. Нэп уже дал свои результаты. Страна отдышалась и «отъелась» после Гражданской войны и голода. Восстановилось и сельское хозяйство.

Однако «ножницы цен» (высокие на то, что производится в городе, и заниженные на то, что в деревне) раздражали и обижали крестьян. Действительно, имело место некоторое придержание хлеба крестьянами с целью заставить городскую власть (коммунистов) пойти им навстречу.

Конечно, это не входило в планы Сталина и его окружения. Его вообще деревня и крестьяне сами по себе не интересовали. Их назначение он видел в том, чтобы «кормить город», где сидели коммунисты. Да давать зерно на продажу, чтобы были средства на индустриализацию. Большевицкие вожди еще в начале 20-х годов пришли к выводу, что деревня должна сыграть роль ограбляемой колонии, из которой выкачивались бы средства для реализации их амбициозных планов.

То, что случится в 1929–1933 гг., и то, что назовут «коллективизация», скрывая за этим термином одну из самых больших трагедий в истории человечества, было и эхом Гражданской войны. Сталин помнил размах крестьянских движений 1918–1922 гг. Особенно в Малороссии. И вот теперь эти недобитые «бандиты» словно говорят: а вот не дадим хлеба! Поднимайте закупочные цены! – Этот мир еще не полностью подвластен, надобно его усмирить, закабалить. Хороший исторический пример дают действия Екатерины II после подавления пугачевщины. Создание передельной общины. Она максимально скует все эти антивластные стихии. Ну и, разумеется, усиление крепостного режима. Большевики вернут и ужесточат крепостную зависимость. Плюс к этому техника из города, механизация сельского хозяйства. И полный контроль над потенциальными григорьевыми, махно, антоновыми и т.п. Верхушку же («кулачество») тотально уничтожить как класс эксплуататорский. Ведь именно из таких обычно выходят вожди бунтовщиков, смутьянов. Это было подмечено еще во времена Екатерины II при анализе социального состава пугачевцев.

Но почему именно 1929 год? Да, как-то в нем многое сошлось. Сталину исполнилось пятьдесят, и он уже всю именовался вождем. То есть режим личной, неограниченной власти в целом установлен. «Смутьяна» Троцкого высылают за границу. Все! Этого ненавистного антисталинца в стране больше нет. И ему крайне затруднительно «гадить» издали. Запад и зависимые от него народы входили в жесточайший экономический кризис. Повсюду укреплялись радикальные движения. Под вопрос ставилась судьба уже привычной либеральной демократии. Так что миру было не до нас. Они сосредоточились на себе и особенно не вникали в то, что происходит в СССР, который практически не был затронут мировым кризисом и многим представлялся оазисом спокойствия, стабильности, подъема. В 1928 г. на XVI партконференции ВКП(б) был принят первый пятилетний план. Начиналась сталинская индустриализация, имевшая во многом военное измерение. Даже когда строили «мирные» заводы, мысль была об их быстром превращении в военные. От тракторостроения к танкостроению, например. Таким образом, средства для возведения грандиозной индустрии нужны были «сегодня». Следовательно, было необходимо забрать хлеб у крестьян, продать его на мировых рынках и получить валю-

ту для закупки оборудования на Западе и приглашения иностранных специалистов (из Германии, США).

В 1929 г. должно было состояться еще одно важное событие, которое было на руку Сталину в его наступлении на деревню. Здесь мы должны исторически несколько отступить назад. Мы уже говорили о реакции правящего класса России на восстание Пугачева. Создается община, где практически каждый год идет передел земли. Цель – поддержать равенство членов общины. Оно достигалось через передел, перераспределение земли по числу едоков. Чтобы у каждого были равные «стартовые» возможности. Чтобы не было ни богатых, ни бедных. И те и другие по-своему опасны. Пусть будут «средняки». И пусть вся энергия крестьян уходит на передел, т.е. вовнутрь, а не вовне (новая «пугачевщина»). Строго оберегать принцип эгалитаризма, дополненный круговой порукой. Чтобы крестьяне приглядывали друг за другом. В общем, замысел оказался удачным. С точки зрения правящего класса и для правящего класса. Помещики исправно получали «свое» и никаких серьезных крестьянских выступлений.

Однако, замечали наиболее проницательные наблюдатели, у передельной общины есть и негативная сторона. Временное (примерно на год) пользование землей способствовало выработке отношения к ней как не к «своей». Крестьянин относился к ней «эксплуататорски». В результате уровень сельскохозяйственного производства был невысокий.

Во второй половине XIX в. в России произошел демографический взрыв и одновременно был исчерпан запас целинных земель. Все это вместе привело к знаменитому «аграрному кризису» – перенаселению в деревне и нехватке пашенных земель. В общине усилилось имущественное расслоение. Появились миллионы бедняков, сельских пролетариев. Выход был один: повышение производительности труда, сельскохозяйственной культуры.

В конце царствования Александра III (1893) было принято решение проводить передел общинных земель раз в двенадцать лет, с тем чтобы крестьяне стали относиться к земле как к «своей», заботились о ней, «вкладывались» в нее. С этого времени русская история «попала» в двенадцатилетний цикл. 1905 г. – революция, 1917 г. – революция, 1929 г. – коллективизация. Каждый раз «город» использовал напряжение передела для обострения ситуации в деревне. Пытался эксплуатировать потенциал «милитантной» энергии селян и их вполне обоснованных «эгоистических» стремлений для разрушения стабильности и относительного социального равновесия (спокойствия). В 1905 г. городские революционеры подталкивали крестьян к захвату помещичьих земель. Они утверждали, что так можно решить проблемы малоземелья и бедности. На самом деле разжигался общенациональный конфликт и падало сельскохозяйственное производство. В 1905–1907 гг. крестьяне уничтожили 16% всех помещичьих

хозяйств, резко уменьшив объем произведенных сельскохозяйственных продуктов.

Что касается передела 1917 г., без него трудно представить и Февраль (март), и Октябрь, и вообще все, что происходило в те дни. Например, развал армии, когда солдаты-крестьяне стремились домой, в свои деревни, чтобы принять участие в переделе, контролировать справедливость процесса. Массовое дезертирство во многом и отсюда. Жар передела разогревал политическую атмосферу, обострял социальный конфликт. Передел немало способствовал подъему «классовой борьбы» в деревне. Именно на нее делали ставку большевики. Один из лидеров нового режима Я.М. Свердлов (умер в 1919 г.) полагал важнейшей задачей советской политики в деревне раскол, создание двух враждующих лагерей: беднейших слоев против «кулацких» элементов. Он говорил: «Только если мы сможем расколоть деревню на два лагеря, возбудить такую же классовую борьбу, как в городе, только тогда мы достигнем в деревне того, что достигли в городе» [1, с. 72].

Что может ждать деревню в обозримом будущем, стало совершенно ясно уже в 1919 г., когда в нее пришла политика «военного коммунизма». Продразверстка, т.е. отдать власти все, что произвели; комбеды – органы власти «голытьбы»; коммуны – стопроцентное обобществление орудий производства, скота, земли; совхозы (к примеру, на землях особо крупных помещичьих хозяйств) – с полным управлением из города. Сразу же, с ходу проявилась невероятная жестокость и «массовидность» (любимое словечко Ильича) террора ленинцев против крестьянства. Так, подавление восстания донских казаков, вспыхнувшего весной-летом 1919 г., принимает формы геноцида. Было уничтожено примерно 70% донского казачества.

Рука об руку с большевистскими карателями на деревню шел голод. Специалисты считают, что в 1921–1922 гг. от голода умерло более 5 млн человек. В основном – в деревне. Писатель-гуманист Горький так комментировал последствия голода: «Я полагаю, что из 35 миллионов голодных большинство умрет». «Вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей» [2, с. 43–44]. Действительно, чего было жалеть «полудиких, глупых, тяжелых людей русских сел и деревень». Вообще – этот «жестокий» народ! Алексей Максимович чеканил: «Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа» [2, с. 40–41]. Наверное, и зверский характер коллективизации великий пролетарский писатель объяснял «жестокостью русского народа». С такими людьми можно только жестоко и беспощадно.

Мы уже отчасти объяснили, почему коллективизация началась именно в 1929 г. Дополним. В апреле 1929 г. XVI партконференция решает провести вторую генеральную чистку партии (первая была в 1921 г.).

Чистка распространялась и на беспартийных работников советских учреждений. Так что в страхе было население всей страны. «Чего там думать о крестьянах? – За тобой самим вот-вот придут!» Тогда же начинается новое наступление на церковь. Служители культа и члены их семей лишаются гражданских прав. С чекистской точки зрения совершенно своевременная мера. Чтобы в час кровавого испытания у крестьян не было духовной опоры и руководства.

1929–1930 гг. – апогей борьбы с вредительством. То есть крестьян обложили по всем «фронтам». Кроме того, вводятся карточки на подавляющее большинство продовольственных и промышленных товаров. Всеми этими мерами Сталин словно боится от неизбежного социального хаоса, в который коллективизация должна ввергнуть СССР. 27 декабря 1929 г. вождь объявляет о конце нэпа и начале новой исторической эпохи. «Следующие 65 дней потрясут страну гораздо больше, чем те 10 дней в октябре 1917 года, “которые потрясли мир”. За эти 9 недель были сломлены основы жизни более 130 миллионов крестьян, был изменен – окончательно сломлен – характер экономики государства, был изменен характер самого государства» [1, с. 227]. Солженицын через сорок лет сформулирует: «великий перешиб». Горбачев в 2005 г., говоря о коллективизации, поднял колено и как бы что-то переломил. «Вот так поступили с крестьянством», – сказал он. (Я был свидетелем. Это – конференция, посвященная 20-летию начала перестройки; имел честь быть основным докладчиком.)

Началась новая гражданская война (Г.П. Федотов в эмиграции, в Париже, жадно следил за происходящим на Родине; коллективизацию назвал очередной революцией сверху, от исхода которой зависит судьба России на долгие времена): государства против народа. Как всегда, Горький в своей фирменной сентиментально-циничной манере заявляет (30.11.1930) в «Правде» и «Известиях»: «Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдастся – его истребляют» [3, с. 228].

«Враг» (народ, крестьяне) не сдавался. В некоторых местностях сопротивление было столь сильным, что пришлось прибегнуть к помощи регулярных войск. «На Северном Кавказе» и в ряде районов Украины против крестьян были брошены части... Красной Армии, использовавшие авиацию. Командующий пограничными войсками НКВД Фриновский... докладывал на заседании Политбюро, что реки Северного Кавказа сносят в море тысячи трупов» [1, с. 230].

Крестьян отправляли в концлагеря, высылали в отдаленные регионы страны, где они трудились на лесоразработках, в сельском хозяйстве и т.п. В холодных (неотопленных) вагонах сотни и сотни тысяч высланных (с семьями, детьми, стариками) везли в дикие районы Урала, Сибири, Казах-

стана. Многие гибли в пути, по прибытии в места назначения. Обычно высланных высаживали в лесу, в горах, в степи, где ничего не было – ни жилья, ни продовольствия. Так осуществлялся «первый социалистический геноцид XX века» (М. Геллер).

Гиб и скот, его уничтожали в знак протеста сами крестьяне или в колхозах, где отсутствовали помещения, корма, уход. Вот общая статистика потерь:

1928 г.	1932 г.
33,5 млн голов лошадей	19,6 млн голов лошадей
70,5 млн коров	40,7 млн коров
36 млн свиней	11,6 млн свиней
146 млн голов овец и коз	52,1 млн голов овец и коз

В частности, в Казахстане от 19,5 млн голов овец и коз в 1935 г. осталось 2,6 млн.

«Ценность погибшего скота и погибшей продукции животноводства (шерсть, молоко, масло и т.д.) намного превышает ценность выстроенных заводов-гигантов» [1, с. 231].

В 1931–1933 гг. разразился новый голод, который по своим размерам и количеству жертв оставил за собой голод 1921–1922 гг. Специфика нового голода состояла в том, что государство не только не боролось с ним, но и способствовало его распространению. Голод использовался как оружие в гражданской войне с крестьянством. При этом экспорт хлеба рос: 1928 г. – 1 млн центнеров, 1932 г. – 18,1 млн.

Мы уже говорили об отношении большевиков к крестьянам. Здесь очень важно мнение одного из соучастников уничтожения жителей деревни. В своих мемуарах Н.С. Хрущев говорит: «В глазах Сталина крестьяне были вроде отбросов. У него не было никакого уважения к крестьянству и его труду. Он считал, что крестьян можно заставить работать только путем нажима. Жми, дави и силой забирай, чтобы кормить города» [4, с. 182]. Действительно, колония, из которой силой выкачивается все для метрополии.

Коллективизация нанесла ощутимый удар и по зерновому хозяйству. За четыре года первой пятилетки (напомню: Сталин призвал выполнить ее в четыре года. Появилось даже имя для мальчиков – Пятьвчет) валовые сборы зерна снизились, по официальным подсчетам (можно ли им верить?), с 733,3 млн ц в 1928 г. до 697 млн ц – в 1931–1932 гг. Урожайность зерна в 1932 г. составляла 5,7 ц/га против 8,2 ц/га в 1913 г. Валовая сельхозпродукция в 1928 г. – это 124% по сравнению с 1913 г., в 1929 г. – 121, в 1930 г. – 117, в 1931 г. – 114, в 1932 г. – 107, в 1933 г. – 101,1%. Животноводческая же продукция в 1933 г. составляла 65% уровня 1913 г.

Колхозы были организованы для удобства взывания с крестьян продукции. Система обязательных поставок – 25–33% продукции, 20% уро-

жая (натурой) брали МТС за использование принадлежащей им техники (тракторов). МТС были созданы 5 июня 1929 г. В начале 1933 г. при МТС образованы политотделы – для контроля колхозников. В каждом политотделе имелся представитель ГПУ.

Вехой в процессе коллективизации явилась статья Сталина «Головокружение от успехов» (02.03.1930). К концу февраля этого года в стране сложилась напряженная обстановка. Бешеный террор против крестьян, массовый и в высшей степени насильственный загон в колхозы вызвали острое недовольство у сельских жителей, которое стало проникать и в армию. Сталин решил взять паузу, тактически отступить, свалить всю вину на местных руководителей. Его маневр отчасти удался: он остался в глазах крестьян заботливым хозяином, напряжение несколько разрядилось. Но передышка была недолгой, и закрепощение крестьян продолжилось с новой силой – это тогда ВКП(б) стали расшифровывать как «второе крепостное право (большевиков)».

Точная цифра людских потерь в годы коллективизации и голода неизвестна. Все чаще встречается: около 15 млн человек. Если вспомнить убитие населения в Гражданской войне и голоде 1921–1922 гг., – это тоже приблизительно 15 млн человек. Потери Первой мировой, вялотекущего террора эпохи нэпа плюс эмиграция – еще 4–5 млн. Таким образом, население России за 20 лет сократилось на 30 млн человек. Причем в большинстве своем это была элита: интеллигенции, науки, церкви, военных, преподавателей, предпринимателей, менеджеров, крестьянства.

После коллективизации уже не оставалось надежд на перерождение, смягчение режима. Ни «термидорианских», ни «сменовеховских», ни «евразийских» и т.п.

Коллективизацией заканчивается Русская революция. Она началась в 1861 г. отменой крепостного права и завершилась через 60 лет его восстановлением. Причем в гораздо более жестоких формах. Когда в декабре 1932 г. в СССР вводится паспортная система, то она распространяется только на горожан. Крестьяне оставались бесправными рабами до смерти Сталина, а паспорта (т.е. гражданство) получили во времена Брежнева.

Что касается слова «коллективизация», то оно не случайно в названии статьи поставлено в кавычки. Разве дело было в переходе к коллективным формам хозяйствования? Нет, это была гражданская война против собственного народа, какой-то ирреальный самогеноцид. Пора найти другой термин для обозначения этой трагедии, этой катастрофы. Украинцы нашли замену коллективизации – Голодомор. Но под ним понимается геноцид украинского народа со стороны «москалей». Допускаю, что Сталин и его окружение с особой ненавистью относились к украинскому народу, в первую очередь – к крестьянству. Как уже отмечалось, в годы Гражданской войны крестьянские движения на Украине доставили немало непри-

ятностей большевикам. И они хорошо помнили массовость, размах и свирепую жестокость повстанцев. Говоря просто, у них был зуб на украинское крестьянство. Вполне возможно, «украинскость» казалась им подозрительной. Сталин, видимо, полагал, что в определенных условиях (например, большая война) украинцы в основном не станут поддерживать Советскую власть. Так что в рамках «коллективизации» Украина – особый случай. Но именно в рамках.

Другие народы СССР подверглись не менее жестоким и всеобъемлющим преследованиям. Геноцид крестьянства мы наблюдаем во всех регионах страны. Размер людских и материальных потерь везде примерно одинаков. Украина страшно пострадала от голода 1931–1933 гг. Однако не менее страшно – крестьяне Северного Кавказа, Кубани, Дона, Поволжья.

На мой взгляд, самое важное в теме «коллективизация» – это не имеющий аналогов массовый террор. Нормальному человеческому уму трудно представить себе, что голод начала 30-х годов был организован. Что одни люди хладнокровно планировали смерть других. Не природные катаклизмы, но воля отдельных людей обрушили страдание и гибель на своих мирных сограждан. Все экономические потери меркнут перед тем объемом жестокости, который обрушился на крестьянство СССР.

Традиционный крестьянский мир был уничтожен, оставшиеся в живых обречены на тяжкий рабский труд, недоедание, отсутствие социальных перспектив. В старости В.М. Молотов, один из первейших сталинских палачей, признавался, что победа над крестьянством была более ценной и трудной, чем над нацистской Германией.

Надо твердо иметь в виду: это не «ошибки», «перегибы», «издержки модернизации». Это хорошо продуманный план (и его хладнокровная реализация) по уничтожению собственного народа.

Нынешние поколения должны все это знать и помнить. Никаких оправданий палачам! Лживые присказки типа «да, это было жестоко, но без этого не выиграли бы войны» необходимо аргументированно опровергать. Так же, как и ссылки на то, что «везде» было схожим образом. Ложь!

Список литературы

1. Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. – М.: МИК, 2000. – 855 с.
2. Горький М. О русском крестьянстве. – Берлин: И.П. Ладыжников, 1922. – 44 с.
3. Горький М. Собрание сочинений в 30 т. – Л.: Тип. «Печатный двор», 1953. – Т. 25. – 520 с.
4. Хрущев Н.С. Время, люди и власть: В 4 т. – М.: Московские новости, 1999. – Т. 2. – 846 с.

Ю.С. ПИВОВАРОВ

ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ ВЫИГРАЛ ВОЙНУ

К 80-летию массовых репрессий в Красной армии

Как не выиграл? А кто же? Маршал, Генералиссимус, Верховный Главнокомандующий, председатель Государственного комитета обороны, председатель Совета народных комиссаров, секретарь ЦК ВКП(б). Перед ним трепетали и уважали Черчилль и Рузвельт. Даже негодяй Гитлер признавал его гений. Освободил мир от коричневой чумы. Взял пол-Европы. Разгромил вермахт и его союзников. Организовал тыл и снабжение. Провел Парад победы – величайший триумф СССР. Несгибаемый русский патриот. Поставил себя в один ряд с Александром Невским, Дмитрием Донским, Иваном Грозным, Петром Великим. Человек № 1 XX столетия.

Согласен. Но войну не выиграл.

К 7 октября 1941 г. под Вязьмой были окружены четыре армии Западного и Резервных фронтов, а южнее Брянска две армии Брянского фронта. В общей сложности пленено 663 тыс. красноармейцев, захвачено 1200 танков и 5 тыс. орудий. Дорога на Москву была открыта¹.

22 июня 1941 г. гитлеровское нападение грудью встретили 303 дивизии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) – 5 млн 373 тыс. человек. Через полгода от них осталось 74 дивизии, 1 млн 65 тыс. человек. То есть враг уничтожил 229 наших дивизий и вывел из строя (убитые, ра-

¹ Вот примерный список «котлов», которые вермахт в 1941–1942 гг. устроил РККА (помимо Брянска и Вязьмы).

Киев (сентябрь 1941) взято в плен 700 тыс. человек, захвачено 400 самолетов, 400 танков, 29 тыс. орудий; самое большое окружение в истории войн.

Белосток и Минск (начало июля 1941 г.) – 320 тыс. человек (четыре армии), более 3300 танков, 250 самолетов, 18 тыс. орудий.

Смоленск и Рославль (июль–сентябрь 1941 г.) – 310 тыс. человек, более 3000 танков.

Умань (начало августа 1941 г.) – более 100 тыс. человек, 300 танков, 850 орудий.

Азов (осень 1941 г.) – 100 тыс. человек.

Харьков (май 1942 г.) – 270 тыс. человек, более 1200 танков.

Севастополь (июль 1942 г.) – 95 тыс. человек.

Любань (лето 1942 г.) – 40 тыс. человек, 170 танков. 650 орудий.

ненные, пленные) 4 млн 308 тыс. человек. Или около 80% красноармейцев и 70% дивизий. К осени 1942 г. было оккупировано примерно 2 млн кв. км европейской части СССР с населением 85 млн человек (по официальной статистике, в СССР к началу войны проживали 180 млн человек; ряд специалистов считают этот показатель завышенным). То есть под врагом было более 40% населения страны. Всего за время войны в плену *оказалось* около 6 млн человек, на работу в рейх вывезли 4 млн 258 тыс. человек. Согласно данным германского командования, пленены были 5 млн 270 тыс. бойцов и командиров РККА. В 2005 г. Генштаб Министерства обороны РФ сообщил: в плену побывало 4 млн 559 тыс. красноармейцев. Разница – 710 тыс. человек. Осенью 1941 г. немцы отпустили домой около 300 тыс. человек (в основном выходцев из Западной Украины и Прибалтики).

Мы, конечно же, помним о героизме и стойкости нашей армии, о великой победе под Москвой в декабре 1941 г. Более того, это и есть то главное, о чем мы хотим сказать. И все же обойти ни с чем не сравнимый (за последнее столетие) провал не можем.

Вернемся в предвоенную эпоху. Террор, который большевики обрушили на Россию, едва захватив власть, имел два своих пика: убийство крестьянства в начале 30-х (общесоюзный Голодомор) и трехлетка «большого террора» 1936–1938 гг. Красную армию палачи тоже обескровили. После смерти Генералиссимуса и Верховного была создана комиссия под руководством генерал-лейтенанта А.И. Тодорского, который имел за плечами восемнадцать (!) лет в ГУЛАГе. Вот что доложила в ЦК КПСС эта комиссия. В период 1936–1938 гг.:

1. Военный совет при наркомате обороны – из 85 человек арестованы 78.
2. Из пяти маршалов СССР арестованы и расстреляны трое (Тухачевский, Егоров, Блюхер)¹.
3. Погибли оба армейских комиссара I ранга – Гамарник и Смирнов.
4. Были уничтожены трое (Якир, Уборевич, Белов) из пяти командармов I ранга.
5. Расстреляны оба флагмана флота I ранга – Орлов, Викторов.
6. Погибли все 12 командармов II ранга.
7. Уничтожены оба флагмана флота II ранга.
8. Убиты все 15 армейских комиссаров II ранга.
9. Из 67 комкоров репрессированы 60. Из них 57 погибли и 3 находились в заключении до 1955 г.
10. Погибли все шесть флагманов флота I ранга.
11. Из 28 корпусных комиссаров репрессированы 25, из них было уничтожено 23.

¹ Выжили два выдающихся полководца – Ворошилов и Буденный. Свой немеркнущий талант они вскорости подтвердят.

12. Из 15 флагманов II ранга погибли девять.

13. Из 199 комдивов репрессированы 136. 125 погибли и вернулись из заключения 11.

14. Из 97 дивизионных комиссаров арестованы 79. Погибли 69 и возвратились из заключения 10.

15. Из 397 комбригов репрессирован 221. Погибли 200 и вернулся из заключения 21.

Подведем итоги: из 854 «генералов» и «адмиралов» было арестовано 575 человек. Из них вернулось из лагеря 47. Следовательно, 528 были убиты. Из числа вернувшихся лишь считанные единицы (Рокоссовский, например) были освобождены перед или в самом начале войны. Подавляющее большинство сидело до «оттепели». Репрессиями не были затронуты 279 человек. Половина из них – комбриги (низший «генеральский» чин). Верхушку армии срезали практически полностью. То есть уничтожили около 65% «генералов» и «адмиралов»¹.

В целом же по РККА, если считать и офицерские потери, с мая 1937 г. по сентябрь 1938 г. был репрессирован 36 761 военачальник. На флоте – более 3000 морских офицеров. Итого: около 40 тыс. офицеров и генералов.

Почему, с какой целью Сталин пошел на это? Был убежден, что все они враги и шпионы? – Нет, дело не в этом. Люди типа Тухачевского, Егорова, Блюхера, Гамарника, Смирнова, Якира, Уборевича, Белова, Примакова и подобные им, воинским званием ниже, были очень разные. Но не ЕГО. Не ЕМУ они были обязаны своими блистательными карьерами, известностью и авторитетом. Они сами себя прославили в годы Гражданской. Они сами в 20-е и в начале 30-х вышли на первые позиции. Как правило, они были куда образованнее и профессиональнее, чем все эти сталинские буденные-ворошиловы.

Их самость и отличность, конечно, возбуждали и ЕГО ненависть, и зависть. Он не мог дать им шанс выиграть в надвигавшейся войне. Всем нутром своим понимал: победители – Тухачевский и другие, не исключено, уничтожат его. Эти «нздобитые» дворянчики, царские офицеры, отважные красные командиры Гражданской, ненавистные еврею с ромбами учились в Германии, говорили на европейских языках, были своими с не-

¹ Имеется и расширенный список *убитых* высших командиров РККА за период 1936–1940 гг. (т.е. учитываются еще два года репрессий).

Командармы I и II рангов – 20 (были расстреляны все 15, состоявшие на службе в 1936 г., и еще 5, назначенные позже).

Уничтожены *все* командующие армиями.

Командиры корпусов – 69 (были расстреляны почти все из 62, служивших в 1936 г., и несколько из вновь назначенных). Уничтожены *практически все командиры дивизий* – 153 (из числившихся на службе в 1936 г. 201 командира расстреляны *три четверти*).

Командиры бригад – 201 (в 1936 г. числилось 474 комбрига). Вместе с погибшими от пыток и застрелившимися (16 человек) уничтожена *почти половина*.

мецкими, английскими, французскими военными. Это была не ЕГО армия, не ЕГО маршалы, генералы, офицеры. И поэтому он убил их. И поэтому в июле – октябре 1941 г. РККА потерпела самое страшное в русской военной истории поражение.

В своих мемуарах внешне верный сталинец маршал Василевский скажет: если бы этих репрессий не было, Гитлер не решился бы напасть на СССР. С ним согласны маршалы Жуков и Рокоссовский (с момента освобождения из тюрьмы не расставался с браунингом).

Итак, Сталин не дал *не* ЕГО армии разбить врага. То, что пришло взамен, включая нерепрессированных, но, вне всякого сомнения, переживших глубочайшие психические травмы, не могло, не умело бить германцев. Тогда кто же выиграл под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге и т.д.? Как имя победителя в войне? – Советский народ и его армия. Его, а не Сталина.

Как умеет воевать ЕГО армия, с ЕГО военачальниками и в рамках ЕГО стратегического видения, показала советско-финская война 1939–1940 гг. Вместе с Тухачевским сотоварищи на свалку истории выкинули и идеи, и планы несостоявшегося красного Бонапарта. Этот немецкий, британский и японский шпион говорил: в следующей войне на первый план выйдут танковые колонны, которые, маневрируя, будут обходить эшелонированную оборону противника, устраивая ему смертоносные котлы. Значит, нужны современные танки. А также десант, забрасываемый с воздуха в тыл врага. Ну, и так далее. Для справки: эти идеи он сформулировал, попав в плен к германцам в ходе Первой мировой. Его отправили в военную тюрьму города Ингольштадт (Бавария) и поселили в одну камеру с пленным французским капитаном, почти ровесником. Так что авторство этих идей принадлежит обоим. Капитана звали Шарль де Голль.

Но все это советские похерили (к сожалению, и французы). Причем не только проект танково-десантных операций. Само качество танков было не на уровне. Многие из них – производства еще царских времен, правда, модернизированные.

Что касается финнов, у них выбора не было. Бывший царский генерал Маннергейм еще в начале 20-х годов знал, что советские нападут. Единственной возможностью для обороны было строительство линии укреплений, впоследствии получившей его имя. К тому же он видел, куда катятся события в СССР. *Эти*, опираясь только на опыт Первой мировой, пойдут напролом. И оказался прав.

Но и он, искушенный генерал, недооценил масштабы обезьянничанья нового руководства РККА. Оно почему-то не учло, что в условиях северной войны необходима повышенная калорийность питания для сражающихся. Советские же опирались на опыт хлебопекарен царской армии, на рацион солдат, которые воюют на теплом Юго-Западном фронте. Он

состоял примерно из 300 граммов хлеба и 80 граммов мяса. Забыли, что это галицийский, а не карельский масштаб.

Да, красные дожали его. Сталин никогда за ценой (человеческая жизнь) не стоял. Когда финская армия начала нести значительные потери, Маннергейм сдался. Наши положили в несколько раз больше.

Это поражение сталинской РККА окрылило Гитлера и руководство вермахта, которые в те самые времена шли от одной легкой победы к другой. Стало ясно: и *этих* побьем без особого труда. Да и на демократические Великобританию и Францию это произвело впечатление.

Неудачное наступление по типу Первой мировой в 1941 г. дополнилось неудачной обороной по тому же типу. Окопная оборонительная война перестала быть главным защитным механизмом. Ее разорвали идеи Тухачевского – де Голля, которые осуществили на практике Манштейн и Гудериан.

Летне-осеннее поражение 1941 г. поставило большую многонациональную Россию на грань бытия-небытия. Речь шла не об СССР и коммунистическом порядке, а о жизни и смерти одной из ярчайших мировых культур. И на последнем пределе мы сумели сдержать, а затем и одолеть врага. Возникла новая армия с новыми командирами и умелыми полководцами. Часть из них вели свое происхождение из недобитых в годы «большого террора», часть поднялась из третьих-четвертых рядов. Но это вновь была не ЕГО армия. Самым убедительным доказательством этого утверждения служит послевоенная судьба воинов-начальников-победителей. От Жукова до множества рядовых офицеров. От расстрелов, пыток, тюрем, лагерей до сломанных судеб. Сколько их, этих героев, были выброшены из жизни в сорок шестом, седьмом, восьмом. И так вплоть до марта пятьдесят третьего.

И никакого праздника 9 мая, никаких пенсий за ранения и денежных выплат за ордена. Это была не ЕГО армия.

У меня нет никаких сведений, но уверен: когда он видел на Параде Победы всадников Жукова и Рокоссовского, сердце, психика, ум были охвачены жгучей ненавистью.

Слава Богу, что Наша армия никогда не была Его.

Его армия Родину бы не спасла.

О.В. БОЛЬШАКОВА

***1917–2017: АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД
НА РУССКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ***

К столетнему юбилею революции в России сообщество зарубежных историков-русистов готовилось загодя. Во многом это определялось современным пониманием революций 1917 г. как части общемирового кризиса, кульминацией которого стала Первая мировая война и последовавший за ней распад четырех империй – Российской, Османской, империи Габсбургов и Германии. Русская революция оказалась тесно увязана с «Великой войной», и потому первые «юбилейные» публикации появились уже в 2014 г. в рамках большого международного проекта «Война и революция в России, 1914–1922 годы» [31; 32; 33; 34; 35; 36]. В нем приняли участие историки из разных стран, однако тон задавали британцы и наши соотечественники. Последующие публикации осветили другие грани кризиса: война и революция на Дальнем Востоке, военная история этого периода, усилия по строительству нового государства [37; 38; 39]. Издательством «Slavic publishers» планируются тома, посвященные таким темам, как международные отношения, гендерное измерение кризиса 1914–1922 гг., наука и технологии, биографии, и др. [40]. Плоды этого проекта, поставившего своей целью изменить наше понимание той эпохи, потребуют отдельного изучения. Но уже сейчас можно говорить о том, что оно во многом меняется, и не только в части хронологии.

Представление о целостном кризисном периоде 1914–1921 гг., утвердившееся в научном сообществе после выхода монографии Питера Холквиста [19], расширило тематические рамки исследований, посвященных революциям 1917 г. В результате сам 1917 г. несколько «растворился», однако не утратил своей значимости. Поэтому и столетие явилось большим юбилеем, который невозможно было обойти. Именно в 2017 г. издательство Оксфордского университета выпустило три монографии, написанные видными историками-русистами: Марком Стайнбергом, Стивеном Смитом, Лорой Энгельстайн [7; 41; 42]. Это очень разные книги и по своим интерпретациям, и по взглядам, лежащим в основе этих интерпре-

таций, что свидетельствует о незавершенности дебатов о русской революции и о перспективности ее дальнейшего изучения [27, с. 1–4].

О революции – в научной периодике

2017 год был отмечен публикациями в англоязычной научной периодике, хотя в ряде случаев материалы продолжали выходить и позже. Журнал «Россия революционная», вполне предсказуемо опубликовавший большой массив «юбилейных» материалов в 2017 г., выпустил в 2018 г. тематический номер «Глобальное влияние Русской революции», а первый номер за 2019 г. посвятил публикации материалов конференции молодых историков, прошедшей в университете Майами в 2017 г. В то же время некоторые из журналов по русистике проигнорировали (или почти проигнорировали) юбилей.

Единственной публикацией в старейшем журнале «The Russian review» стала статья Дэвида Бранденбергера о «сталинском прочтении» революции 1917 г. [5]. К юбилею на его обложке поместили гравюру из «Истории Гражданской войны в СССР», издававшейся Максимом Горьким. На ней изображены солдаты, которые держат знамя с ленинским лозунгом «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Тем самым подчеркивается сегодняшний интерес к Первой мировой войне и последовавшим за ней революционным кризисам в Европе. А ведь 50-летний юбилей Октября «The Russian review», тогда фактически орган русской эмигрантской диаспоры в США, отмечал широко.

И наоборот, американский журнал «Slavic review», отказавшийся когда-то от мысли подготовить в честь 50-летия революции тематический номер «1917», издал в 2017 г. юбилейный выпуск, поместив в нем 18 статей [2, с. 64]. Когда-то, более 50 лет назад, главный редактор «Slavic review» Генри Робертс писал, что коллектив журнала «после соответствующей разведки», не найдя достаточного количества качественных публикаций о русской революции, пришел к решению не участвовать в празднованиях. По его мнению, сам масштаб того кризиса, вызвавшего тектонические сдвиги в мировой истории, не располагает к «празднику». Русская революция принадлежит и сегодняшнему дню, поскольку мир живет «в последствиях» этого события. Примирения между победителями и побежденными, продолжал он, в обозримом будущем не предвидится, и не все раны, которые оставил после себя 1917 год, затянулись, что никак не способствует взвешенности оценок. В его восприятии, слишком активное участие в юбилейных мероприятиях означало «вмешательство сторонних наблюдателей».

Робертс предлагал западным исследователям *вчувствоваться* в русскую революцию, чтобы лучше ее понять. По его словам, 50 лет – слиш-

ком небольшой срок для исторического события такого масштаба, как революция 1917 г., и постижение ее значения, ее сущности представляет собой долговременную задачу, которую исследователи начали решать сразу после свержения царского режима и будут решать еще долго [13, с. V–VI].

Слова Робертса оказались пророческими: в 1970–1980-е годы зарубежные исследователи активно занялись изучением революции, стремясь вчувствоваться в нее. В условиях холодной войны эта тема стала приоритетной для зарубежной русистики, поскольку позволяла понять, каковы истоки Советского государства и тенденции его развития. Она заняла тогда центральное место в идеологическом противостоянии двух сверхдержав, так что трактовки Февраля и Октября, носившие в советской и западной историографии зеркальный характер, имели жизненно важное значение.

В результате наряду с нарративом победителей, создававшимся в СССР, и нарративом побежденных, писавшимся в эмиграции, в зарубежной историографии сформировался свой нарратив революции, который имел точки соприкосновения и с советскими, и с эмигрантскими трактовками. Он складывался в ходе ожесточенных дискуссий между сторонниками теории тоталитаризма и молодыми историками-ревизионистами, сосредоточившимися на изучении народных масс и их роли в революции¹. Социальные историки-ревизионисты противостояли и позиции так называемых «оптимистов», утверждавших, что, «если бы не война», Россия успешно двигалась бы по общему для всех цивилизованных стран пути прогресса и просвещения. В своих исследованиях они опирались на выводы Леопольда Хеймсона о том, что волнения среди рабочих и социальная поляризация поставили Россию на грань революции еще до начала Первой мировой войны [2, с. 58–59].

Журнал «Slavic review» был одной из ведущих площадок, на которых разворачивались дискуссии 1970–1980-х годов, и потому столь обширная публикация в 2017 г. «юбилейных» материалов выглядит достаточно органично. Фактически подведен итог исследованиям русской революции на Западе за прошедшие 50 лет. Представленный в номере материал вполне репрезентативен в отношении круга рассматриваемых проблем и дисциплинарных предпочтений сегодняшних исследователей. Это гендерные исследования [39; 44; 45], глобальная история, постколониальные исследования и история империй [12; 18; 24; 27; 29], наконец, культурная история с ее вниманием к визуальным источникам [8; 11; 21; 25]. Значительно расширился и круг авторов, что указывает на интернациональный характер современной историографии российской революции.

¹ Один из примеров – исследование Д. Кёнкер [21], вышедшее в 1989 г., а затем переизданное в рамках проекта «Princeton Legacy Library» издательством Принстонского университета с целью сделать доступным новым поколениям читателей богатое научное наследие 1970–1980-х годов.

На основании этих материалов можно выделить три основных «вектора» интереса к российской революции: ее восприятие людьми и влияние на повседневность, революция и культура, глобальное измерение революции (то, что пришло вместо прежних «всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции» и «истории мирового рабочего движения»). В представлениях о революции особенно акцентируется ее многонациональный характер: этничность становится важным ее измерением [23]. Так что теперь точным переводом английского термина «Russian revolution» будет не «русская», а «российская».

По-прежнему изучение российской революции предполагает внимание к ее «итогам» – здесь вспоминаются слова Стивена Коткина из его давней программной статьи: в 1917 г. революция «только началась» [22]. Показательно, что специальный номер журнала «Slavic and East European Journal» за 2017 г. включал в себя не только форум о «волновом эффекте» российской революции (о ее «глобальном измерении» в области культуры), но и отдельную подборку «Столетие очереди» [9; 10]. Особое внимание уделяется здесь также «человеческому опыту» и культурному символизму, причем в транснациональном ключе.

Три главных вектора исследовательского интереса нашли отражение в деятельности американской Ассоциации славянских, восточноевропейских и евро-азиатских исследований. К юбилею российской революции был создан сайт «1917: Цифровые ресурсы по русской революции» [1]. Темой ежегодного съезда членов ассоциации в 2017 г. были объявлены «Трансгрессии» – понятие очень широкое, однако в его трактовке организаторы отталкивались от опыта большевистской революции, которая явилась «фундаментальной трансгрессией». Она рассматривалась в качестве примера того, как «подрывались, уничтожались и видоизменялись» границы и формы, сам строй и порядок в культуре, экономике, политике, в социуме и в мироустройстве в целом [26, с. 15]. Как свидетельствует программа съезда, «трансгрессии» были обнаружены везде – от языка до современных социальных и политических процессов в Восточной Европе. Однако обсуждались и темы, непосредственно связанные с 1917 г.: искусство авангарда в 1910–1917 гг., трансформации 1917 г. в трансрегиональной перспективе (на примере Эстонии и Украины), частная жизнь до и после 1917 г., в том числе жизнь ученых и ситуация в науке, революция и законодательство, «круглый стол» «Россия в 1917 г.: Мобилизация или демобилизация?» и др.

В своей ежегодной речи тогдашний президент ассоциации Анна Гржимала-Буссе (специалист по международным отношениям, Стэнфордский университет) обратилась к параллелям. В выступлении, озаглавленном «Предавать революции?» (отсылка к известной и популярной на Западе книге Троцкого), она сопоставила две революции – 1917 г. в России и

1989 г. в Восточной Европе [14, с. 1–4]. По ее мнению, существенным различием между двумя революциями является исключительно новаторский характер первой (что и стало причиной масштабного конфликта) и «ностальгический» – второй, проходившей под лозунгом «возвращения в Европу». Подразумевалось возвращение к прежней, довоенной (т.е. уже мифической) реальности, стирание памяти обо всем «советском», что ни в коей мере не было идеологической инновацией. Это обусловило консенсус среди элит и в обществе, да и сам «бархатный» характер революций 1989 г. Последствия того консенсуса, однако же, оказались весьма деструктивными, что и побудило А. Гржимала-Буссе говорить о «преданной» революции в Восточной Европе.

О юбилейном акционизме

Несомненно, для многих членов американской Ассоциации 1917 год явился лишь (интеллектуальной) точкой отсчета для аранжировки в соответствующем ключе своих докладов. Однако специалисты по истории России подошли к этой дате иначе. Ежегодное собрание членов Ассоциации проходило в 2017 г. в Чикагском университете, и для приема гостей был организован целый ряд мероприятий, в том числе несколько выставок и показов фильмов¹. Две конференции в октябре-ноябре также должны были привлечь внимание научного сообщества, в то время как выставки были открыты для бесплатного доступа всех желающих. Как выразились организаторы, осенью 2017 г. в Чикаго революция будет «каждый день» [4].

На выставке с таким названием в Smart Museum of Art в университетском кампусе экспонировались плакаты, графика, книги и журналы, а также отрывные календари 1920–1930-х годов, «внушавшие» людям, как строить повседневную жизнь в сталинском социалистическом СССР. (Интересно, что каталог выставки выполнен в виде советского отрывного календаря, на листках которого содержатся сведения о каждом экспонате, включая переводы русскоязычных надписей, цитаты из релевантных советских текстов и т.п.) В центре экспозиции демонстрировались отрывки и трейлеры из малоизвестных документальных фильмов Дзиги Вертова 1930-х годов: «Три песни о Ленине», «Колыбельная» и из не вышедшего в свое время фильма «Три героини», в котором женщины говорят «экспромтом», в реальном времени, о жизни и работе «при Сталине». Полностью эти фильмы, полученные от Австрийского киномузея, демонстрировались в Центре по исследованию кино в Чикагском университете [4, с. 10].

¹ Было бы интересно сравнить концепции этих выставок с выставкой «Русская революция: Надежда, трагедии, мифы», организованной Британской библиотекой и очень успешной, по отзывам рецензентов [17, с. 273–275].

Вторая выставка в кампусе Чикагского университета проводилась в библиотеке и называлась «Красная пресса: Радикальная культура печати от Санкт-Петербурга до Чикаго». В ее основе – коллекция Самуэля Харпера, одного из первых американских русистов-профессионалов, собиравшего свои материалы с 1904 г., дополненная материалами самой библиотеки. Наряду с журналами и газетами здесь были афиши, плакаты, памфлеты, календари, журналы революционных и последующих лет. Тем самым зрителю показывали, как революция выглядела «на улице», как ее идеи «описывались, воображались и распространялись массовой печатью... начиная с 1905 г. и заканчивая “памфлетными войнами” в США в 1950-е годы» [4, с. 12].

Выставку «Революция! Демонстрация!» в Чикагском институте искусства организаторы назвали «самой представительной экспозицией советского искусства в США за последние 25 лет» [43, с. 15]. На ней было представлено более 500 оригинальных работ – живопись, скульптура, графика, декоративно-прикладное искусство, архитектурные макеты, фотографии, печатные материалы 1917–1937 гг. из музеев и частных собраний. Построили выставку не по хронологическому, а по тематическому принципу: в виде девяти «пространств». Посетители прежде всего попадали в то, где располагалась экспозиция «Поле боя» (Battleground). Плакаты времен Гражданской войны, от абстракционистского шедевра Эль Лисицкого «Бей белых красным клином» до выполненных «на коленке» карикатур неизвестных провинциальных художников, демонстрировали «начала» той пропагандистской кампании, которая будет продолжаться два последующих десятилетия. Затем посетители были вольны осматривать другие «пространства» – «школа», «театр», «фабрика», «пресса», «выставка», «фестиваль», «витрина», «дом». Большую часть экспозиции составляли реконструкции нескольких масштабных проектов художников авангарда, выполненные по эскизам, заметкам, фотографиям и основанные на изысканиях современных исследователей. Это реплики «Рабочего клуба» Родченко (1925), трибуны агитпропа Густава Клуциса (1922), декорации Варвары Степановой к спектаклю «Смерть Тарелкина» (1922), модульной мебели, спроектированной студентами ВХУТЕМАСа и др.

В центре экспозиции – стилизованный под агитпроповский поезд кинозал, в котором для участников съезда американских славистов и для широкой публики были запланированы несколько показов фильмов: «Штурм Зимнего дворца» (1920) и ряд малоизвестных лент – от комедийных («Случай на стадионе») до назидательных («Как ходить по улице»). Кроме того, в музее планировалось проведение двух традиционных «круглых столов» участников съезда и одного «мобильного» – для более внимательного ознакомления с выставкой. И, конечно, готовились несколько публичных мероприятий (лекция Марка Стайнберга «Русская революция

как прыжок в утопию», выступление Чикагского симфонического оркестра и др.) [43, с. 15–16].

Конечно, мы знаем только о запланированных мероприятиях – на страницах журнала ассоциации «NewsNet» о них ярко и подробно сообщили организаторы. Однако и они многое говорят о том, чем является для американских русистов в 2017 г. русская революция. О своем восприятии этого события они рассказали и в самом журнале.

История русской революции – в американской тюрьме

Кристин Ромберг, специалист по истории искусства авангарда (Университет Иллинойса в Урбана-Шампейн), настаивала на необходимости переосмыслить непростую реальность сегодняшнего дня, обратившись к опыту людей, переживших революционные годы [30, с. 1–3]. Ромберг призналась, что первоначально планировала писать о том, как менялось изучение русской революции после окончания холодной войны, когда утратили свою ценность прежние парадигмы, ушло черно-белое восприятие действительности, появлялись новые темы, сюжеты. Однако в процессе работы главным для нее стал вопрос: что мы думаем о русской революции в сегодняшней трудной политической ситуации. Не говоря прямо о проблемах научной жизни (о них, видимо, все и так знают), Ромберг обратилась к дневнику русской художницы-кубистки как источнику мыслей о призвании и творчестве, о солидарности в профессии. Свое небольшое эссе исследователь завершает в минорных тонах: мы писали о революции как о победе, пусть и вскоре преданной, – а не будет ли «полезной» история иного рода, в которой так же тщательно были бы рассмотрены ее «провалы и потери»? [30, с. 3].

Совершенно иначе к этим вопросам подошли авторы другого эссе: «Русская революция за решеткой» [6]. Размышляя о том, каковы эффекты от занятий американских историков-русистов «за пределами научного мира», они отмечают, что публичный дискурс возродил старую тему «трагедии коммунизма» и негативные оценки лидеров революции. А вот ее смысл: что она означала для современников и что она значит для нас сегодня (для нас сегодняшних) – никого не интересует.

Однако эту оценку опровергли заключенные мужской тюрьмы Данвилль в Иллинойсе, где в рамках образовательного проекта Чикагского университета читается курс о русской революции. Энди Бруно из Университета Северного Иллинойса ведет этот курс с 2008 г. Накануне столетнего юбилея к нему присоединился один из ведущих сейчас специалистов по этой теме Марк Стайнберг. «Редко нам доводилось видеть студентов, столь вовлеченных, заинтересованных, таких философствующих, столь

жадных до умственной жизни и так страстно стремящихся извлечь уроки из прошлого», – пишут они [6, с. 4].

Курс, который начал вести Стайнберг, был сосредоточен на «опыте» людей (в английском языке слово «опыт» (experience) неразрывно связано с «переживаниями» и «познанием», т.е. имеет некую экзистенциальную окраску). Курс был призван показать, как люди переживали революцию и понимали ее, как они придавали смысл тем или иным событиям и делали выбор; какова была роль убеждений, веры, наконец – страсти. Рассказы о конкретных людях позволяли поставить самые важные тогда проблемы: справедливость, свобода, власть, демократия, будущее.

Сложность (комплексность) революции сначала пугала студентов, но со временем они научились ценить эту сложность исторических реалий и исторических интерпретаций. Это позволяло избегать упрощенного «морализаторства»: кто – хороший, а кто – плохой в трудные времена. И означало признание за разными людьми – женщинами, нерусскими, рабочими, солдатами, крестьянами, интеллектуалами – права по-разному понимать, что такое демократия и справедливость. Студенты приняли этот подход. В заключительном эссе один из них написал, что русская революция была «поиском человечности, их и моим» [6, с. 5].

Ранее студентам Данвилля курс русской революции давали в историографическом ключе, чтобы побудить их думать и учиться искусству научной дискуссии. Перед ними ставились вопросы, которыми задавались современники и историки в последние 100 лет. Была ли это рабочая революция? Или большевистский заговор во главе с Лениным? Или козни сумасшедшего Распутина? Месть поколений угнетенных крестьян? Культурное воплощение Французской революции? Коллапс и возрождение одряхлевшей империи? Возникновение выкованного в войне нового современного государства? Пропагандистский проект по созданию памяти? Как замечают авторы эссе, слушатели с успехом «анатомировали» логику историков и то, что она в каждом конкретном случае подразумевала.

Наиболее интересным оказалось обсуждение известной статьи Питера Холквиста (оказавшей серьезное влияние на последующие исследования) «Осведомление – это альфа и омега нашей работы» [3]. В ней доказывалось, что практика надзора над населением, его контролирования и регулирования развивалась в период Первой мировой войны в Европе и США. Она представляла собой одну из важных черт современного государства, и ее не следует приписывать ни российскому авторитаризму, ни большевистскому тоталитаризму. Большевики лишь следовали транснациональным тенденциям. После некоторой паузы слушатели согласились с утверждением о том, что современное государство сосредоточивает свои усилия на надзоре за населением. Это подтверждалось наличием охраны

за дверью аудитории. Личный опыт связывался таким образом с более широкими представлениями о современных техниках контроля.

Авторы отмечают, что далеко не все слушатели поначалу считали интересным для себя изучение истории далекой страны, да еще истории столетней давности. Но прочитанный курс заставил их задуматься о сущности работы историка, о ее целях и методах. Обращение к опыту революции в тюрьме дает возможность поразмышлять об иных, но всем при этом знакомых переживаниях и эмоциях. В центре внимания оказывается «человеческое» – ведь именно унижение человеческого достоинства вдохновило людей сто лет назад на свержение царизма и капитализма. Сегодняшние заключенные тоже хотят такой жизни, в которой их уважали бы. В Российской империи свобода означала куда больше, чем «разрывание цепей»: это была мечта о лучшей жизни, в которой расцвели бы способности каждого человека. Об этом мечтают и многие американские заключенные. Однако для того, чтобы построить более гуманную систему и избежать хаоса революции, потребуются годы реформ [6, с. 5].

Список литературы

1. 1917: Digital Resources on the Russian Revolution. – Mode of access: <https://1917resources.aseees.hcommons.org/> (Дата обращения: 03.10.19)
2. Большакова О.В. Пятидесятилетие Октября на страницах американской научной периодики // Российская история. – М., 2018. – № 6. – С. 57–64.
3. Холквист П. «Осведомление – это альфа и омега нашей работы»: Надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. – М., 2000. – С. 45–93.
4. Bird R., Kiaer Chr., Nickell W. Revolution every day // NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies. – 2017. – October. – P. 10–12.
5. Brandenberger D. Stalin's re-writing of 1917 // The Russian review. – 2017. – Vol. 76, N 4. – P. 667–689.
6. Bruno A., Steinberg M. The Russian revolution from behind bars // NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies. – 2017. – October. – P. 4–5.
7. Engelstein L. Russian in flames: War, revolution, civil war, 1914–1921. – N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – 823 p.
8. Eddy J. The legacy of 1917 in graphic satire // Slavic review. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 664–674.
9. Forum 1. The Russian revolution and its ripple effects (Anniversary forum) // Slavic and East European Journal. – Ohio, 2017. – Vol. 61, N 3. – P. 394–488.
10. Forum 2: The queue in Soviet and post-Soviet literature and culture // Slavic and East European Journal. – Ohio, 2017. – Vol. 61, N 3. – P. 490–572.
11. Fratto E. 5 = 100: Long live the «Filologicheskaja revoliutsiia» // Slavic review. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 675–682.
12. Friedman J., Rutland P. Anti-imperialism: Leninist legacy and the fate of world revolution // Slavic review. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 591–599.
13. From the editor // Slavic review. – Chicago, 1967. – Vol. 26, N 1. – P. V–VI.

14. Grzymala-Busse A. Betraying the revolutions? // *NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies*. – 2017. – October. – P. 1–4.
15. Haimson L. The problem of social stability in urban Russia, 1905–1917 // *Slavic review*. – Chicago, 1964. – Vol. 23, N 4. – P. 619–642.
16. Haimson L. The problem of social stability in urban Russia, 1905–1917 // *Slavic rev.* – Chicago, 1965. – Vol. 24, N 1. – P. 1–22.
17. Henderson R. British library: «Russian revolution: Hope, tragedy, myths» // *Revolutionary Russia*. – 2017. – Vol. 30, N 2. – P. 273–275.
18. Hoffmann D.L. The Great socialist experiment? The Soviet state in its international context // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 619–628.
19. Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2002. – 384 p.
20. Koenker D.P., Rosenberg W.G. Strikes and revolution in Russia, 1917. – Princeton: Princeton univ. press, 2016. – 402 p.
21. Koenker D. The Russian revolution as a tourist attraction // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 753–762.
22. Kotkin St. 1991 and the Russian revolution: Sources, conceptual categories, analytical frameworks // *Journal of modern history*. – Chicago, 1998. – Vol. 70, N 3. – P. 384–425.
23. Lenkart J. Russian revolution in print: The fate of the ethnic press // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 664–674.
24. Lohr E., Sanborn J. Russia, 1917: Revolution as demobilization and state collapse // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 703–709.
25. Malysheva S. The Russian revolution and the instrumentalization of death // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 647–654.
26. *NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies*. – 2016 (October). – P. 1–32.
27. Norris S.M., Sutcliffe B.M. Introduction: The Russian revolution at 100 // *Revolutionary Russia*. – 2019. – Vol. 32, N 1. – P. 1–4.
28. Rendle M. Making sense of 1917: Towards a global history of the Russian revolution // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 610–618.
29. Rodriguez A.Z. Lenin in Barcelona: The Russian revolution and the Spanish trienio bolchevista, 1917–1920 // *Slavic review*. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 629–636
30. Romberg K. Article written: 1017 for 2017 // *NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies*. – 2017. – October. – P. 1–3.
31. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2014. – Vol. 1: Russian culture in war and revolution, 1914–1922, book 1: Popular culture, the arts, and institutions. – 426 p.
32. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2014. – Vol. 1: Russian culture in war and revolution, 1914–1922, book 2: Popular culture, the arts, and identities, mentalities, and memory. – 370 p.
33. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2014. – Vol. 2: The empire and nationalism at war. – 288 p.
34. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2015. – Vol. 3: Russia's home front in war and revolution, 1914–22, book 1: Russia's revolution in regional perspective. – 404 p.
35. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2016. – Vol. 3, book 2: The experience of war and revolution. – 511 p.
36. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2018. – Vol. 3, book 3: National Disintegration and reintegration. – 377 p.
37. *Russia's Great War and Revolution*. – Bloomington: Slavica publishers, 2018. – Vol. 3, book 4: Reintegration: The struggle for the state. – 513 p.

38. Russia's Great War and Revolution. – Bloomington: Slavica publishers, 2018. – Vol. 4: Russia's Great War and revolution in the Far East: Re-imagining the Northeast Asian theatre, 1914–1922. – 406 p.
39. Russia's Great War and Revolution. – Bloomington: Slavica publishers, 2018. – Vol. 5: Military affairs in Russia's Great War and revolution, 1914–22, book 1: Military experience. – Bloomington: Slavica publishers, 2018. – 597 p.
40. Ruhtchild R. Women and gender in 1917 // Slavic review. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 694–702.
41. Smith S.A. Russia in revolution: An empire in crisis, 1890 to 1928. – L.; N.Y.: Oxford univ. press, 2017. – 472 p.
42. Steinberg M. The Russian revolution, 1905–1921. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – 400 p.
43. Tahk K. Events at the Art Institute during the ASEEEES 2017 Convention // NewsNet: News of the Association for Slavic, East European, and Eurasian studies. – 2017. – October. – P. 15–17.
44. Wilson J. Queer Harlem, queer Tashkent: Langston Hughes's «Boy dancers of Uzbekistan» // Slavic review. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 637–646.
45. Wood E.A. February 23 and March 8: Two holidays that upstaged the February revolution, 1917–1923 // Slavic review. – Chicago, 2017. – Vol. 76, N 3. – P. 732–740.

М.М. МИНЦ

**СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИЙ 1917 ГОДА
И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА
(Обзор)**

Столетний юбилей такого поистине эпохального события, каковым безусловно являлись революции 1917 г. в России, не мог не сопровождаться огромным количеством посвященных им новых научных публикаций. Частично эти издания были отражены в двух сборниках, выпущенных ИНИОН РАН в 2017–2018 гг. [39; 40], но поскольку они тоже делались «к юбилею» (революций и начала Гражданской войны), основная часть книг, увидевших свет в 2017 г., в них не попала. Между тем многие из них представляют несомненный интерес. Их тематика довольно широка: институциональное измерение революции (конституционное право, история политической борьбы, местное самоуправление); история политического лидерства; развитие революционных процессов в регионах; роль армии и флота в событиях и др. Проанализируем некоторые из этих работ.

О работах общего характера

Фундаментальную обобщающую монографию по истории революций 1917 г. выпустил *коллектив сотрудников ИРИ РАН* под редакцией его директора Ю.А. Петрова [41]. Хронологически она охватывает период от кануна падения монархии до принятия первой советской Конституции 1918 г., т.е. до официального оформления нового государства. Продолжая тенденцию, наметившуюся в последние годы, авторы рассматривают эти события как единую Великую российскую революцию – вернее, как ее составную часть, поскольку в это же понятие они включают и Гражданскую войну. Как отмечается в книге, этот период социальных потрясений стал продолжением системного кризиса Российской империи, вызванного Первой мировой войной.

Структура двухтомника выстроена по тематическому принципу и включает в себя восемь разделов, посвященных соответственно историографии революций 1917 г., международному положению революционной

России, состоянию российского общества накануне революции, экономической ситуации, трансформации властных институтов, партийной системе, социальным процессам 1917 – начала 1918 г. и, наконец, развитию отечественной культуры в революционные месяцы. Авторам, таким образом, удалось собрать и систематизировать обширнейший фактический материал, относящийся к различным сферам жизни страны на протяжении 1917 – первой половины 1918 г. В то же время причины и механизмы произошедшего остались по большей части не раскрытыми, так что работа в целом, к сожалению, носит скорее описательный характер и представляет собой в большей степени *историю России в период революции*, нежели историю самой революции. Симптоматично, к примеру, что важнейший, казалось бы, для такого труда раздел о причинах революции в книге просто отсутствует, а некоторые рассуждения о социокультурных основаниях катастрофы 1917 г. содержатся в разделе «Культура в революции – революция в культуре», который, по старой, советской еще традиции, помещен в самом конце двухтомника. И это притом что, как признают сами авторы раздела, «не только – а возможно, и не столько – объективные социально-экономические и военные обстоятельства следует считать причиной Великой революции. Свою разрушительную роль сыграли и трудно поддающиеся измерению политико-культурные факторы, насквозь проникнутые к тому же психопатологическими настроениями масс» [41, т. 2, с. 551–552] (глава Т.А. Филипповой «Политико-культурные смыслы Великой российской революции»).

Суммируя достижения предшествующей историографии, авторы двухтомника подчеркивают значение спонтанных «низовых» массовых движений в революционных событиях, а также во многом архаический характер революций 1917 г. Преобладание в стране крестьянского населения обусловило широкое распространение традиционных уравнилельских настроений. Столь же архаичной была практика объединения в ассоциации по сословному и этническому, а не по политическому признаку, особенно распространенная на окраинах империи. Это препятствовало формированию современного гражданского общества и его политической консолидации. Стихийный передел земли начался еще до прихода к власти большевиков, которые вынуждены были законодательно закрепить результаты этой «крестьянской революции» сначала Декретом о земле, а затем Основным законом о социализации земли от 27 января (9 февраля) 1918 г. Авторы отмечают также важную роль всевозможных слухов, которые нередко «упреждали развитие событий, подталкивая большевиков на решительные действия. Левые силы, включая большевиков, в сущности, действовали в русле массовых ожиданий» [41, т. 2, с. 567]. Это также было связано не только с утратой доверия к официальным источникам информации, но и с архаичностью политической культуры в целом.

Многие сложившиеся представления о политических процессах в изучаемый период, по мнению авторов, нуждаются в серьезной корректировке. То же «двоевластие», к примеру, в значительной степени является мифом, поскольку в первой половине 1917 г. система Советов еще только начинала формироваться (и отличалась большой пестротой, создавались даже советы офицерских депутатов и советы трудовой интеллигенции), а лидеры советского движения на этом этапе еще не претендовали на захват власти в стране. В то же время на практике Советы чаще всего располагали властью и даже осуществляли законодательные функции (наиболее очевидный пример – Приказ № 1). Не менее парадоксальной была и позиция Временного правительства, которое официально приняло доктрину «непредрешенчества», однако на деле вынуждено было выполнять не только распорядительные, но и законодательные функции, сконцентрировав в своих руках всю полноту власти в стране; получилась своеобразная «диктатура, которая стеснялась своих диктаторских полномочий» [41, т. 2, с. 563]. Лишь осенью 1917 г. на фоне стремительного падения его авторитета в Советах возобладала идея его устранения.

Авторы подчеркивают, что свержение Временного правительства в октябре 1917 г. было осуществлено не столько одними большевиками, сколько коалицией левых партий радикального толка, объединенных общей установкой на дальнейшее углубление революции. Переход к однопартийной большевистской диктатуре с фактическим свертыванием советской демократии в ее первоначальном виде произошел позже, в 1918 г.

Нуждается в пересмотре и традиционное представление о «триумфальном шествии Советской власти» после Октябрьского переворота. Как показывают современные исследования, «власть на местах переходила не столько к большевизированным Советам, сколько к вооруженным солдатским массам. В сущности, вся первая половина 1918 г. была временем торжества военизированной охлократии. Фактически приход большевиков к власти стал началом Гражданской войны в России» [41, т. 1, с. 11].

А.Н. Медушевский в книге *«Политическая история русской революции»* [32] разрабатывает собственную целостную концепцию революций 1917 г., а также истории Советского государства, поскольку оба явления в его представлении составляют неразрывное целое. В качестве методологической основы своего исследования автор использует теорию когнитивной истории О.М. Медушевской. В рамках данного подхода «политическая история революции предстает как направленная деятельность по конструированию новой социальной реальности: определение ее форм; фиксация их смены в основных политико-правовых документах, принятие которых неизбежно отражает значимые изменения информационной картины общества. Анализ процессов их разработки, принятия и функционирования позволяет, следовательно, реконструировать когнитивную логику

революции. Этот подход позволяет связать воедино ряд основных компонентов социального конструирования реальности – идеологические установки партий, выражающие их правовые ценности, принципы и нормы, созданные на их основе политические институты, каналы коммуникации (информационный обмен, как непосредственный, так и опосредованный), установить соотношение имитационной информационной деятельности (выдвижение декларативных лозунгов) и реальной (не декларируемых, но подразумеваемых целей), раскодировать подлинный смысл установленных правил и норм, раскрыть процессы формальной и неформальной институционализации, инструменты установления и поддержания когнитивного доминирования элиты в обществе» [32, с. 15]. Наибольшее внимание Медушевский уделяет институциональной истории исследуемого периода, рассматривая ее как стержневой вопрос, изучение которого позволяет понять общий смысл революции и порожденных ею изменений в государстве и обществе, связать имеющиеся знания по новейшей отечественной истории в единое целое.

В хронологическом отношении работа охватывает практически всю историю России в XX в., поскольку автор, опираясь на выбранный методологический подход, присоединяется к тем ученым, которые предпочитают рассматривать любую революцию как длительный процесс, несводимый к одному лишь краткому периоду наиболее радикальных и скоротечных общественно-политических трансформаций, который обычно обозначается этим словом. Для достижения поставленной цели исследования он решает целый ряд задач, и в частности подробно анализирует советские Конституции 1918, 1924, 1936 и 1977 гг., проект «оттепельной» Конституции 1964 г. и конституционные преобразования горбачевской эпохи, прослеживает соотношение между правом и идеологией, официальными и неофициальными нормами на разных этапах развития советской государственности. Книга, таким образом, написана на стыке политической истории и истории права.

Советский конституционный строй Медушевский характеризует как *номинальный конституционализм*, определяющими чертами которого неизменно являлись полное подчинение права идеологии, безусловный приоритет – в той или иной форме – политической целесообразности над законностью и стремление в максимальной степени вывести реальные «правила игры», регулирующие истинное распределение властных полномочий в советском руководстве, «за скобки» писаного конституционного права. Едва ли не единственной писаной нормой, отражавшей действительное положение вещей, являлась ст. 6 Конституции 1977 г., закреплявшая «руководящую и направляющую» роль КПСС. Показательно, что ее отмена в годы перестройки оказалась важным шагом на пути к крушению советского режима.

Важной особенностью русской революции автор считает то обстоятельство, что свержение старого порядка сопровождалось значительной ретрадиционализацией российского общества; к жизни вернулись такие архаичные формы социально-политического устройства, как коллективизм, закрепощение личности государством и принудительное перераспределение материальных ресурсов во имя социальной справедливости. Итогом этих процессов и стало формирование большевистской диктатуры, основанной на тотальном огосударствлении экономики и массовом терроре. Вместе с тем Медушевский отмечает, что эти явления не стоит рассматривать как следствие каких-то «вечных» национальных особенностей России, и критикует распространенные концепции «русской системы», «эффекта колеи» и т.п. (защитники авторитарного строя в сущности пишут об аналогичных явлениях, но оценивают их положительно, как «особый исторический путь» нашей страны). Он обращает внимание на то, что аналогичные процессы протекали и во многих других странах, переживших в XX в. аграрные революции. Таким образом, срыв демократических преобразований в результате большевистского переворота был, по его мнению, обусловлен прежде всего особенностями текущего исторического момента: для подавляющей части населения России к 1917 г. царизм и противостоящие ему либеральные ценности оказались в равной степени неприемлемыми.

Монография А.А. Ильюхова [18] посвящена *истории коалиции большевиков и левых эсеров*: обстоятельствам ее возникновения, причинам распада, последствиям коалиционного периода для последующей истории большевистского режима. Источниковую базу работы составили документы СНК, ВЦИК, ЦК РСДРП(б), ЦК партии левых эсеров, а также документы Викжеля (оказавшего существенное влияние на процесс складывания коалиции), центральных комитетов меньшевиков и меньшевиков-интернационалистов, опубликованные документальные сборники и мемуары участников событий.

Книга состоит из введения, четырех глав и заключения. Особенно подробно автор описывает историю формирования коалиционного правительства большевиков и левых эсеров (включая роль Викжеля в этом процессе) и его практическую деятельность зимой 1917–1918 гг., отдельная глава посвящена сотрудничеству большевиков и левых эсеров в составе ВЦИК. В приложении приводится небольшая, но содержательная подборка документов, главным образом архивных либо опубликованных непосредственно в ходе или вскоре после изучаемых событий (т.е. в период Гражданской войны или в 1920-е годы).

Первые попытки создания коалиционного социалистического правительства, предпринятые уже в первый месяц после Октябрьского переворота, потерпели неудачу, несмотря на все усилия Викжеля, который в

тот момент являлся весомой политической силой. Большевики просто не видели необходимости в сотрудничестве с другими социалистическими партиями, взяв курс на построение однопартийной диктатуры. Прочие социалисты, со своей стороны, не были готовы к полноценным переговорам и компромиссам, поскольку считали организованное большевиками свержение Временного правительства узурпацией власти. В последующие недели, однако, сохраняющееся широкое влияние эсеров в деревне и ухудшающееся экономическое положение в стране вынудили большевиков пересмотреть свои позиции.

Коалиция большевиков и левых эсеров сложилась в декабре 1917 г., когда представители левых эсеров были введены в состав СНК. Автор подчеркивает, что на данном этапе большевики нуждались в такой коалиции даже больше, чем левые эсеры, и вынуждены были пойти на значительные уступки, отложив на время осуществление наиболее радикальных преобразований. На местах коалиция была воспринята как естественное развитие событий, поскольку в условиях политической борьбы сначала с царизмом, а затем и с Временным правительством сотрудничество для местных организаций всех основных социалистических партий было важнее, чем межпартийные разногласия. Союз с левыми эсерами сыграл на руку большевикам, обеспечив поддержку коалиционного СНК в сельской местности. Для левых эсеров результаты этого сотрудничества оказались не столь однозначными, поскольку со временем наметился переход части их избирателей-крестьян на сторону большевиков.

Уже весной 1918 г. между союзниками начали расти противоречия. Тяжелым испытанием для коалиции оказался Брестский мир: левые эсеры, не выходя из правительства, подвергли его резкой критике, что было уже довольно опасно для большевиков, поскольку могло лишить их массовой общественной поддержки. Не меньшую критику вызвали и все более жесткие меры, принимавшиеся большевиками в деревне, включая введение продовольственной диктатуры, создание продотрядов, комбедов и буксующую социализацию земли, которая зачастую откровенно саботировалась местными большевистскими органами, несмотря на ленинский Декрет о земле. Исходя из этого, автор приходит к заключению, что летом 1918 г. коалиция была уже обречена из-за непреодолимых разногласий между ее участниками. Мятеж левых эсеров 6 июля лишь дал большевикам удобный повод для окончательного разрыва с ними.

Автор подчеркивает также, что для большевиков союз с левыми эсерами всегда был не более чем временным тактическим ходом. Таким образом, надежды других социалистов на формирование долгосрочного коалиционного правительства, по-видимому, были несбыточны в принципе.

А.В. Мамаев в своей книге исследует *место и роль органов городского самоуправления в революциях 1917 г.* главным образом на материа-

лах Петрограда, Москвы, Вятской и Тульской губерний [30]. В методологическом отношении исследование основано на сочетании модернизационного и цивилизационного подходов, что позволило автору проанализировать, как преломлялись общемировые тенденции модернизации в специфических российских условиях.

В качестве источников в книге используются не только архивные документы, но и печатные издания изучаемого периода, прежде всего статистические материалы и периодика, в том числе региональная. Архивные материалы изучались как на общегосударственном уровне (документы ГАРФ, РГИА, РГВИА), так и на местном (Центральный государственный архив Москвы, государственные архивы Кировской и Тульской областей).

Структура книги выстроена по проблемно-хронологическому принципу и включает в себя введение, четыре главы и заключение. В первых двух главах рассматриваются социально-политические основы городского самоуправления, а также городское хозяйство и финансы накануне Февральской революции, в третьей и четвертой главах – трансформация института городского самоуправления и финансово-хозяйственная деятельность муниципалитетов с февраля по октябрь 1917 г.

Автор приходит к выводу, что «институт городского самоуправления в России накануне революции переживал кризис, так как все меньше соответствовал потребностям и ожиданиям образованного городского общества, свой отпечаток наложили обстоятельства мировой войны, ситуация общенационального кризиса, являвшегося отражением противоречивости ускоренных неорганических модернизационных процессов в России» [30, с. 372–373]. Для преодоления этого кризиса требовалась серьезная трансформация институтов городского самоуправления с расширением его полномочий и финансовой базы. Такую трансформацию попыталось осуществить Временное правительство, проведенная им реформа включала в себя не только новое законодательство о городском самоуправлении, но и новые выборы в городские думы, впервые проводившиеся на основе всеобщего равного избирательного права с прямым тайным голосованием. Городские думы были выведены из-под контроля местных административных органов (комиссары Временного правительства могли лишь опротестовать в суде решения, нарушавшие законодательство), им была подчинена городская милиция, в их же компетенцию вошло и решение продовольственного вопроса в городах. Предполагалось, что в результате этих мер городское самоуправление, которое до революции выполняло лишь хозяйственные функции под контролем царской администрации, составит основу для формирования гражданского общества на местах и станет важнейшей опорой нового правительства в проведении реформ.

На деле результаты преобразований оказались гораздо более скромными. Переход к всеобщему избирательному праву позволил представить

в городских думах интересы всех слоев населения, но одновременно привел и к снижению квалификации гласных. Расширение полномочий городских дум не обеспечивалось соответствующим ростом их доходов, что вынуждало городские власти либо влезать в долги, либо повышать местные налоги, но даже этого не хватало для закупок продовольствия, топлива и разрешения жилищного кризиса. Всё это вызывало растущее недовольство населения, тем более что завышенные ожидания в отношении роли местного самоуправления в будущей демократической России существовали и до революции. Политизация городских дум привела сначала к постоянным межпартийным конфликтам, а затем – к падению авторитета городского самоуправления как такового на фоне снижающейся популярности либеральных партий. После Октябрьского переворота большевики и левые эсеры какое-то время продолжали курс на децентрализацию управления и пытались встроить существующие городские думы и их административный аппарат в новую систему местных органов власти, снова ограничив их полномочия одними лишь хозяйственными вопросами. Это вызвало сопротивление городских дум, и после роспуска Учредительного собрания новая власть перешла к ликвидации прежних органов городского самоуправления, функции которых были переданы местным Советам.

Наконец, книга В.П. Булдакова и Т.Г. Леонтьевой «1917 год: Элиты и толпы» посвящена культурной истории революций 1917 г. Авторы стремятся реконструировать атмосферу и «дух» эпохи, чтобы понять прежде всего культурные истоки охвативших Россию политических и социальных катаклизмов. Именно понимание таких «тонких материй людского бытия», по их мнению, является главной целью историка. Основной своей задачей они считают концептуальное переосмысление знаний, уже накопленных наукой, поэтому книга основана главным образом на источниках, введенных в научный оборот, с добавлением «малоизвестного газетного материала» [10, с. 55]. Авторам удалось проанализировать довольно значительный фактический материал, но выбранная ими стилистика отличается заметной публицистичностью. Книга состоит из предисловия, введения, четырех тематических глав и заключения, снабжена именным указателем. Наибольшее внимание авторы сосредоточивают на четырех факторах: культурных образах, ценностях и нормах, религиозном кризисе, слухах и психологии толпы.

О политических лидерах революции

Из работ, посвященных проблеме политического лидерства, прежде всего стоит упомянуть монографию Б.И. Колоницкого «Товарищ Керенский» [23]. Автор анализирует «культ Керенского», который активно раскручивался российской официальной пропагандой, особенно в первые ме-

сяцы после Февральской революции. Хронологически исследование охватывает период с февраля по июль 1917 г., когда авторитет и влияние А.Ф. Керенского достигли своего пика. В качестве источников Колоницкий использует прежде всего тексты самого Керенского, его речи и приказы, а также всевозможные пропагандистские и информационные материалы, политические резолюции, петиции, коллективные письма, дневники и переписку участников событий. Книга состоит из четырех глав. В первой описывается, как различные эпизоды дореволюционной биографии Керенского использовались в послефевральский период для формирования его пропагандистского образа. Во второй главе автор анализирует характеристики, которые давались Керенскому в марте-апреле 1917 г., когда он был министром юстиции, и те приемы, которые он сам использовал для укрепления своего авторитета и репутации «сильного человека в правительстве». В последних двух главах описывается деятельность Керенского на посту военного министра в коалиционном Временном правительстве, в том числе по пропагандистскому обеспечению нового наступления на фронте в июне 1917 г.

Как показано в книге, идеология вождизма начала формироваться в России еще до прихода к власти большевиков. Тот же Керенский вполне сознательно выстраивал свой образ «вождя революционной армии»; на некоторых митингах начала мая 1917 г. он заявлял, что принял на себя «тяжелые обязанности вождя русской армии и флота» [23, с. 272]. При этом политические противники могли подвергать сомнению его состоятельность в качестве «вождя», но не сам принцип вождизма как таковой (авторитет незаурядных личных дарований политического лидера как основы легитимации его власти). Любопытно, что Керенский и прославлявшие его пропагандисты невольно оказали услугу Ленину: нападки со стороны авторитетного и харизматичного министра на гораздо менее известного в тот момент в России лидера большевиков заметно прибавили ему популярности.

Кандидатская диссертация В.Н. Самоходкина [42] посвящена *политической деятельности Г.Е. Зиновьева в 1917 г.*, включая его участие в Циммервальдском движении, роль в революционных событиях в России, взаимоотношения с Лениным и др. Использование историко-биографического метода позволило автору также исследовать процесс интеграции заграничного большевистского центра в революционный процесс в России, его непосредственное влияние на динамику событий. Подобно ряду других современных историков, Самоходкин рассматривает потрясения февраля – октября 1917 г. как единую Великую российскую революцию.

Диссертация состоит из введения, трех хронологических глав и заключения. Ее источниковую базу составили документы РГАСПИ, ГАРФ и Центрального государственного архива историко-политических докумен-

тов Санкт-Петербурга, а также значительный корпус опубликованных источников, прежде всего сочинения самого Зиновьева, и многочисленные воспоминания.

По наблюдениям автора, Зиновьев в 1917 г. проявил себя прежде всего как талантливый оратор. Большую часть изучаемого периода он выступал в качестве доверенного лица Ленина и сыграл важную роль в продвижении его идей. Еще будучи в эмиграции, Зиновьев оказал существенное влияние на стратегию большевистской партии в Циммервальдском движении и на проект будущего Коммунистического интернационала, участвовал в подготовке возвращения лидеров РСДРП(б) в Россию после Февральской революции. Вплоть до июля 1917 г. он в общем разделял позицию Ленина, но в августе-сентябре перешел в оппозицию, будучи уверен, что в сложившейся обстановке у большевиков не хватит сил для захвата и удержания власти вооруженным путем. Как представляется автору, такой поворот был обусловлен тяжелым впечатлением, которое на Зиновьева произвели неудачные для большевиков результаты Июльских событий. Довольно нерешительный по характеру, Зиновьев опасался, что новая попытка вооруженного восстания может оказаться для партии фатальной. Через две недели после Октябрьского переворота он вновь перешел на сторону Ленина, 13(26) декабря стал председателем Петроградского совета, оказал большое влияние на принятие целого ряда решений, необходимых вождю большевиков. Оценив его «раскаяние», Ленин оставил его руководить Петроградом после переезда правительства в Москву в марте 1918 г.

Общий вклад Зиновьева в революционный процесс 1917 г. Самоходкин оценивает как довольно значительный. Важное влияние этот год оказал и на биографию самого Зиновьева: «То положение, которое Зиновьев занял в советской партийной иерархии во многом благодаря своей деятельности в исследуемый период, позволило ему после смерти В.И. Ленина претендовать на звание одного из главных его наследников. К сожалению для Григория Евсеевича, совершенные им в 1917 г. политические “ошибки”, в период внутривнутрипартийной борьбы использованные его основными оппонентами (в 1924 г. Л.Д. Троцким, а затем, в 1926 г., И.В. Сталиным), сыграли немаловажную роль в последующем отстранении Г.Е. Зиновьева от власти и, в конечном счете, привели к его гибели в 1936 г.» [42, с. 247].

О вооруженных силах и революции

Поскольку немаловажную роль сначала в свержении Николая II, а затем и в установлении большевистской диктатуры (в том числе в утверждении советской власти на местах) сыграли революционно настроенные

солдаты царской армии, а в Петрограде – также моряки-балтийцы, неудивительно, что многие авторы до сих пор обращаются к истории российских вооруженных сил в рассматриваемый период. Подробно изучаются их общее состояние, причины радикализации солдат и матросов, их участие в антиправительственных выступлениях.

Так, *деятельность Военного министерства в революционном 1917 г.* описывает в своей монографии А.С. Сенин. Особое внимание он уделяет «истории военного аппарата и его роли в военных усилиях молодой республики и политической борьбе, развернувшейся за вооруженные силы» [45, с. 4]. Исследование основано на обширном и многообразном корпусе источников, включая всевозможные документы военного ведомства (как опубликованные, так и архивные из РГВИА, РГВА, ГАРФ), периодическую печать (газеты, журналы, в том числе официальные издания военного ведомства), личные архивы ряда военных и политических деятелей революционной России, мемуаристику.

Книга состоит из введения, шести глав и заключения. Автор последовательно рассматривает систему управления вооруженными силами России и попытки его централизации в годы Первой мировой войны, состояние военного ведомства накануне Февральской революции, реформы весны 1917 г., реорганизацию Военного министерства, политическую борьбу за влияние на армию, кризис военного ведомства осенью 1917 г. Исследование носит в основном описательный характер, общие выводы подменяются рассуждениями о «безответственности» либеральных политиков, допустивших революцию и свержение действующего правительства в разгар войны, а также о «несовместимости» либеральных идей с «российскими нравственными ценностями». Тем не менее фактический материал, собранный автором, представляет несомненный интерес.

Система органов высшего военного управления в годы Первой мировой войны базировалась на Положении о полевом управлении войск в военное время от 16 июля 1914 г. В соответствии с этим положением с началом войны была сформирована Ставка верховного главнокомандующего, которой подчинялись не только части и соединения действующей армии, но и гражданские учреждения на театре военных действий. На остальной территории России сохранялась обычная гражданская администрация. Внутренние военные округа по-прежнему подчинялись Военному министерству, оно же отвечало за материально-техническое снабжение действующей армии, но функционировало независимо от Ставки, поскольку являлось правительственным учреждением. Это привело к дезорганизации управления, преодолеть которую не удалось ни до Февраля, ни при Временном правительстве.

В марте-апреле 1917 г. назначенный военным и морским министром А.И. Гучков попытался провести ряд реформ, направленных прежде всего

на то, чтобы стабилизировать ситуацию в армии, сохранить ее боеспособность, подготовиться к новому наступлению на фронте и удержать стремительное падение дисциплины. Преобразования принесли лишь ограниченный эффект; их разработчики буквально «не поспевали» за продолжающейся радикализацией настроений в войсках. В первые дни Февральской революции политики либерального толка возлагали большие надежды на Гучкова, который сам имел опыт военной службы, досконально знал ситуацию в военном ведомстве и рассматривался как наиболее перспективный кандидат на должность министра. На деле, однако, отношения с другими министрами у Гучкова не сложились, и 30 апреля он подал прошение об отставке.

Дальнейшие реорганизации Военного министерства на протяжении 1917 г. были направлены главным образом на повышение эффективности его аппарата и улучшение снабжения армии. Аппарат министерства стал еще более сложным и многочисленным, его политическое и бюрократическое влияние также возросло, хотя Ставка и верховный главнокомандующий по-прежнему подчинялись не министру, а напрямую Временному правительству. Что касается снабжения армии, то здесь успехи по большей части оставались довольно скромными, поскольку экономические и людские ресурсы страны были уже на исходе, а поставки из-за рубежа постоянно буксовали, в том числе из-за неуверенности союзных правительств в жизнеспособности новой российской власти.

Политическую борьбу за влияние в армии Временное правительство проиграло. Дисциплина в войсках неуклонно падала, солдаты Петроградского гарнизона приняли участие в антиправительственных выступлениях в начале июля. Среди офицеров и генералов в то же время росло убеждение в том, что спасти страну от окончательной катастрофы может только военная диктатура. С этим был связан мятеж генерала Л.Г. Корнилова в конце августа.

После Октябрьского переворота прежнее военное ведомство какое-то время еще продолжало функционировать, теперь уже под контролем Совета народных комиссаров. При этом часть учреждений были постепенно либо расформированы, либо переданы в структуру вновь созданного Наркомата по военным делам и других советских ведомств. Этот процесс еще больше ускорился в декабре 1917 г. с началом демобилизации армии. В первой половине 1918 г. старое военное ведомство было окончательно ликвидировано.

Книга К.А. Тарасова «Солдатский большевизм» [49] посвящена деятельности большевиков в войсках и их взаимоотношениям с солдатами на примере Петроградского гарнизона. Автор исследует прежде всего историю Военной организации большевиков, почти не изучавшуюся в советский период и вследствие этого сильно мифологизированную. Работа

выполнена в основном в рамках «новой политической истории»; автор прослеживает рост леворадикальных настроений в войсках, влияние армейской повседневности на политические настроения нижних чинов, анализирует отношение солдат к большевикам, их влияние друг на друга. Он задается также вопросами о роли большевиков в Июльских событиях 1917 г. и о причинах их поддержки воинскими частями, дислоцированными в Петрограде, осенью того же года, позволившей им не только успешно свергнуть Временное правительство, но и удержать свои позиции в столице в последующие месяцы.

В качестве источников в книге используются не только партийные документы и мемуаристика, но и значительный комплекс документов солдатского движения – прежде всего протоколы солдатских комитетов и общих собраний солдат запасных частей, а также материалы Особой следственной комиссии, расследовавшей обстоятельства участия войск Петроградского гарнизона в выступлениях 3–5 июля 1917 г. Книга состоит из введения, четырех хронологических глав и заключения, снабжена справочным приложением, именованным указателем и указателем полков.

Проведенное исследование позволило автору выработать собственную позицию по вопросу о соотношении «стихийности» и «сознательности» в революционном движении. Соглашаясь с Л. Хаймсоном, он считает противопоставление этих факторов некорректным. Согласно его наблюдениям, процесс радикализации Петроградского гарнизона основывался на взаимодействии и взаимовлиянии солдат и руководства левых партий. При этом политические настроения солдат определялись уже не столько крестьянским менталитетом, сколько личным опытом службы в армии (в том числе на фронтах Первой мировой войны), специфически армейской идентичностью и чувством солдатской солидарности. Широкое распространение среди солдат получили также идеи прямой демократии – отсюда, в частности, попытки повлиять на политику Временного правительства и Петроградского совета посредством всевозможных резолюций и демонстраций. С этим же связана и практика общеполковых собраний, которые в отдельных случаях противопоставлялись полковым комитетам и использовались большевиками для усиления своего влияния. Налаживались и прямые «горизонтальные» связи между полками в обход солдатских комитетов. Последние, со своей стороны, состояли из наиболее образованных солдат и выступали в качестве своеобразного посредника между политическими партиями и «солдатской массой». Аналогичную роль играла и Военная организация большевиков. Подстраиваясь под возможности своей аудитории, партийные агитаторы вынуждены были «переводить» свои программы и лозунги на понятный ей язык, что давало солдатам возможность знакомиться с позицией различных партий по тем или иным вопросам и формулировать свои собственные требования. Партийные лидеры, в

свою очередь, также вынуждены были подстраиваться под настроения солдат.

Фактическая динамика этих настроений на протяжении 1917 г. зависела от целого ряда факторов, вплоть до того, в каком районе города находились казармы той или иной части, но прежде всего – от личного состава, который к тому же постоянно менялся, поскольку Петроградский гарнизон в значительной степени состоял из запасных частей. Полки, расквартированные в столице, регулярно выделяли пополнения на фронт и сами принимали пополнения из новобранцев, выздоравливающих раненых и т.д. Постепенная отправка на передовую наиболее дисциплинированной части солдат весной 1917 г. привела к неуклонной радикализации настроений и росту влияния крайне левых группировок вплоть до анархистов. Влияние Военной организации большевиков достигло своего пика в период подготовки нового наступления на фронте, однако после отмены демонстрации, намеченной на 10 июня, стало снижаться. Неготовность умеренных большевиков к открытому конфликту с Временным правительством, ВЦИК и Петросоветом привела к разочарованию части солдат в большевистской партии. Чтобы удержать свое влияние в войсках, умеренные большевики вынуждены были присоединиться к выступлениям 3–5 июля. После подавления этих выступлений командование постаралось вывести из столицы тех солдат, которые наиболее активно протестовали против наступления. Поэтому леворадикальная волна в войсках гарнизона пошла на спад, и в октябре среди солдат преобладали пассивные настроения, так что большинство из них сохранили нейтралитет и отказались участвовать как в свержении Временного правительства, так и в его защите. К марту-апрелю 1918 г. Петроградский гарнизон был окончательно демобилизован, а Военная организация распущена.

Монография К.Б. Назаренко [33] посвящена *политической роли Балтийского флота в революционных событиях осени 1917 – весны 1918 г.* Исследование выполнено на основе документов РГА ВМФ, опубликованных нормативных актов, мемуарных источников, периодики. Книга состоит из введения, семи тематических глав, заключения, приложений, аннотированного списка персоналий, списка источников и литературы. Автор приходит к выводу о том, что Балтийский флот в революционное время оказался важным политическим фактором. Наибольшую активность проявили матросы; среди офицеров все еще были сильны прежние аполитичные настроения. Матросы-балтийцы участвовали в революционных выступлениях в феврале 1917 г. и в октябрьской осаде Зимнего дворца, однако их политические симпатии, как показывает автор, были неустойчивыми: выражения поддержки большевиков сменялись требованиями о заключении соглашения между всеми левыми партиями. Именно матросы в январе 1918 г. во главе с А.Г. Железняковым и П.Е. Дыбенко разогнали

Учредительное собрание, но дальнейший рост их влияния вызвал тревогу у большевистского руководства. После снятия Дыбенко с поста наркома по морским делам в марте 1918 г., казни командующего Балтийским флотом А.М. Щастного в июне того же года и ликвидации самостоятельных матросских отрядов в апреле – июле реальный политический вес моряков и их лидеров резко упал.

Тему флота продолжает статья Ю.З. Кантор, посвященная *роли крейсера «Аврора» в событиях 1917 г.* [20]. В Петроград «Аврора» пришла в декабре 1916 г. на ремонт. Перед этим она в течение продолжительного времени находилась в море, а потому была изолирована от политических батальонов на суше и от революционной агитации. За первые два месяца, проведенных на стоянке, напротив, произошла стремительная политизация экипажа. Матросы «Авроры» принимали участие в Февральской революции; были убиты командир корабля М.И. Никольский и старший офицер П.П. Огранович. Влияние большевиков, однако, оставалось практически ничтожным вплоть до лета. На корабле по-прежнему поддерживался довольно высокий уровень дисциплины; этому способствовало ожидание предстоящего возвращения в состав действующего флота. К концу октября 1917 г. крейсер закончил ремонт и представлял собой «плавучую крепость, расположенную в центре столицы. В Петрограде в то время не было такой воинской части, которая по своей силе и организованности могла бы противостоять “Авроре”» [20, с. 158]. Этим и было обусловлено решение большевиков использовать ее в ходе вооруженного восстания.

В статье К.А. Тарасова «Бумажное сражение» описывается *деятельность штаба Петроградского военного округа осенью 1917 г.* [48]. Главнокомандующий округом полковник Г.П. Полковников, только недавно назначенный на эту должность и не имевший опыта службы в революционной столице, после первых слухов о готовящемся вооруженном восстании, появившихся 12–13 октября, ожидал повторения массовых беспорядков 3–5 июля и не придавал должного значения чисто бюрократическому, на первый взгляд, конфликту с вновь образованным Военно-революционным комитетом. Масштаб опасности был осознан лишь 24 октября, когда солдаты, матросы и красногвардейцы, подконтрольные ВРК, окончательно превратившемуся к тому моменту в большевистский штаб восстания, уже начали занимать правительственные здания и другие стратегические объекты в городе, причем без боя, поскольку охрана не оказывала сопротивления. К исходу дня стало ясно, что большинство воинских частей, дислоцированных в Петрограде, вообще не намерены участвовать в вооруженном противостоянии ни на одной из сторон. Что касается войск, сохранивших верность Временному правительству, то для успешного противодействия силам большевиков их было явно недостаточно. Это стало одной из при-

чин, предопределивших быстрое, неожиданное и почти бескровное падение Временного правительства.

О революции в регионах

Значительное внимание в современной историографии уделяется также революционным событиям на местах. Этой теме, в частности, посвящены два крупных сборника статей – «1917: Вокруг Зимнего» [1] и «Города империи в годы Великой войны и революции» [13], а также несколько монографий.

Авторы сборника «1917: Вокруг Зимнего» рассматривают *жизнь революционного Петрограда на протяжении 1917 г.* на примере ряда наиболее известных зданий и других исторических объектов (Зимний дворец, Таврический дворец, Петропавловская крепость, крейсер «Аврора», особняк М.Ф. Кшесинской и т.д.). Как отмечается во введении, эти «места памяти» (сохранившиеся до сих пор, несмотря на все перипетии российского XX в.) упоминаются в любом исследовании по истории Февральской и Октябрьской революций, но лишь эпизодически, в связи с теми наиболее важными событиями, которые эти места напрямую затронули. Повседневная, рутинная жизнь вокруг таких объектов в промежутках между революционными потрясениями в основном остается в тени. Авторы сборника постарались частично восполнить данный пробел. Книга состоит из 12 статей и оформлена как научно-популярное издание, но фактически представляет собой оригинальное научное исследование. Многие работы сопровождаются большим числом фотографий, современных и исторических.

Открывает сборник статья А.А. Конивец, посвященная комплексу Зимнего дворца и Эрмитажа в революционные месяцы. К моменту отречения Николая II от престола императорская семья уже более десяти лет проживала в Царском Селе и посещала Зимний лишь эпизодически. К тому же во время Первой мировой войны часть помещений дворца стала использоваться как госпиталь. В июле 1917 г. во дворец переехало также Временное правительство с собственным аппаратом и охраной, что уже тогда сопровождалось многочисленными хищениями имущества. Положение усугубляла безответственность самих членов нового правительства. Керенский, к примеру, занял бывшие апартаменты Николая II, а его роскошный образ жизни во дворце впоследствии заметно подорвал его репутацию. Значительную часть ценностей дворца и Эрмитажа осенью 1917 г. удалось перевезти в Москву; эвакуацию прервал захват власти большевиками. После 25 октября (даты в книге даются по старому стилю) почти все помещения дворца были разгромлены, значительная часть оставшегося имущества расхищена. Раненых, которые все еще находились во дворце,

пришлось развезти по другим лазаретам, поскольку нормальное функционирование госпиталя в помещениях Зимнего стало невозможным. 30 октября 1917 г. «ставший уже “бывшим” Зимний дворец был объявлен “Государственным музеем наравне с Эрмитажем”. Вскоре он стал именоваться Дворцом искусств; в его парадных залах, где совсем недавно происходили исторические события, стали устраивать киносеансы, лекции и модные в те годы диспуты» [24, с. 30].

История Октябрьского переворота тесно связывает Зимний дворец с двумя другими местами памяти – Петропавловской крепостью и крейсером «Аврора». Петропавловской крепости посвящена статья Ю.Б. Демиденко [15]. На протяжении 1917 г. крепость неоднократно оказывалась в гуще революционных событий. Этому способствовало ее географическое положение в самом центре города, прямо напротив Зимнего дворца, и наличие значительных запасов оружия. К тому же еще в XVIII в. крепость начали использовать в качестве тюрьмы для государственных преступников, а Петропавловский собор, являвшийся также усыпальницей дома Романовых, делал ее одним из символов Российской империи. В ходе Февральской революции в крепости были освобождены политические заключенные и впервые захвачено большое количество оружия. В последующие месяцы здесь содержались арестованные царские министры и другие крупные сановники. Обсуждался вопрос о заключении в Петропавловскую крепость самого Николая II, а позднее также Ленина. В 20-х числах октября большевикам удалось привлечь солдат гарнизона на свою сторону; арсеналы крепости были использованы для вооружения отрядов Красной гвардии, гарнизон принял участие и в штурме Зимнего дворца. После 25 октября в крепости содержались (от нескольких дней до нескольких месяцев) бывшие министры Временного правительства, позже сюда стали свозить и других действительных и предполагаемых противников новой власти. В крепости неоднократно производились массовые расстрелы; останки более чем 150 человек, казненных предположительно в 1917–1920 гг., были обнаружены в 2007–2011 гг. во время раскопок напротив Кронверка.

В обеих публикациях, равно как и в уже упоминавшейся статье Кантор, обсуждаются и события 25–26 октября 1917 г. По сведениям Конивец, так называемый штурм Зимнего является в значительной степени мифом, причем само это выражение, насколько можно судить по сохранившимся источникам, впервые употребили противники большевиков. В действительности до полномасштабного штурма дело не дошло: после продолжавшейся несколько часов осады защитники дворца приняли решение сложить оружие, поскольку стало очевидным, что их положение практически безнадежно. Около 2 часов ночи 26 октября В.А. Антонова-Овсеенко с группой сопровождающих пропустили во дворец в качестве

парламентеров, однако «переговоры» довольно быстро завершились сдачей гарнизона и арестом Временного правительства [24, с. 16–22]. Демиденко в своей статье добавляет, что перешедший на сторону большевиков гарнизон Петропавловской крепости отказался обстреливать Зимний боевыми снарядами, ссылаясь на плохое состояние орудий (что соответствовало действительности). Тем не менее обстрел дворца состоялся, хотя и с опозданием. В 21:45 сигнальным фонарем была передана команда экипажу «Авроры» о начале штурма Зимнего; она была продублирована холостыми выстрелами из востовой пушки в крепости и носовой пушки самой «Авроры». Позже, в 11 часов вечера, со стороны крепости было дано еще четыре холостых выстрела и два боевых; в здание дворца попал один из двух снарядов, второй «по недосмотру улетел в район Сенной площади, где убил четырех человек» [15, с. 108]. «Аврора» сделала лишь один выстрел холостым зарядом, хотя впоследствии в городе ходили слухи, что она стреляла боевыми [20, с. 159–160].

Статья В.С. Измозика «Скорбный праздник» [17] посвящена мемориалу на Марсовом поле. Автор дает краткую предысторию этого места; прослеживает, как вызревало в марте 1917 г. решение устроить именно здесь братскую могилу погибших в дни Февральской революции; описывает саму церемонию похорон 23 марта и последующую историю мемориала в 1917–1922 гг.

С.В. Куликов в своей статье описывает события, происходившие в Мариинском дворце [28]. До 1917 г. здесь размещался целый ряд высших государственных учреждений империи, включая Государственный совет и Комитет / Совет министров, так что дворец воспринимался как своеобразное «продолжение» Зимнего. После Февральской революции он стал резиденцией Временного правительства; после его переезда в июле в Зимний дворец в Мариинском продолжали функционировать вспомогательные учреждения, в частности Юридическое совещание и Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание. Здесь же в октябре 1917 г. проходили заседания вновь сформированного Временного совета Российской республики (предпарламента). Последний 25 октября был разогнан большевиками, так же как и Юридическое совещание. 29 ноября были арестованы члены Всероссийской комиссии по делам о выборах.

Следующая статья, также написанная С.В. Куликовым, посвящена роли Петроградской городской думы в событиях 1917 г. [27]. Противостояние между городским самоуправлением и царской администрацией имело давнюю историю. Ее символическим отражением стали неоднократные перестройки здания городской думы, высота которого в конце концов превысила высоту Зимнего дворца. Это противостояние продолжалось и накануне революции, несмотря даже на то, что значительная часть гласных придерживались достаточно консервативных взглядов.

Именно попытки городской думы взять в свои руки продовольственное снабжение столицы во многом спровоцировали беспорядки в двадцатых числах февраля, завершившиеся свержением Николая II. В последующие месяцы, однако, эффективность городской думы значительно снизилась. В критический момент вечером 25 октября депутаты приняли решение поддержать Временное правительство, однако оказать ему сколько-нибудь действенную помощь они были уже не в состоянии. 16 ноября дума была распущена решением Совета народных комиссаров.

К числу менее известных мест памяти, связанных с Февральской революцией, относится дом № 12 по Миллионной улице, где 3 марта 1917 г. отрекся от престола великий князь Михаил Александрович. Его переговоры с Николаем II и представителями Государственной думы в конце февраля – начале марта описываются во второй статье В.С. Измозика. Местонахождение квартиры князя П.П. Путятина, в которой бывал в те дни Михаил Александрович, удалось установить уже в 2000-е годы Е.И. Красновой [16, с. 86].

Еще один исторический объект, прочно связанный с революционными событиями 1917 г., – это особняк балерины М.Ф. Кшесинской, судьбу которого описывает в своей статье А.М. Кулегин [26]. 1 марта здание было разгромлено ворвавшейся толпой (сама Кшесинская покинула Петроград еще 27 февраля), а 11 марта занято большевиками и на несколько месяцев стало фактически их штабом: в особняке разместились и Петроградский, и Центральный комитеты РСДРП(б). Властям удалось выселить их лишь в июле, однако все попытки Кшесинской вернуть особняк окончились неудачей. В 1954 г. здание было передано Музею Великой Октябрьской социалистической революции (ныне Государственный музей политической истории России).

А.Б. Николаев [35] описывает события вокруг Таврического дворца, который до революции являлся резиденцией Государственной думы. На протяжении 1917 г. в нем продолжали работать различные учреждения Думы и ее Временного комитета. Здесь же размещался и Петроградский совет рабочих депутатов, проходил I Всероссийский съезд Советов, работал избранный им ВЦИК Советов 1-го созыва. В августе советские органы переехали в Смольный институт. Это было связано с начавшимся ремонтом Таврического дворца перед предстоявшим созывом Учредительного собрания. Учреждения Государственной думы продолжали свою работу даже после ее официального роспуска 6 октября. Окончательно ее аппарат был ликвидирован лишь постановлением Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. В статье также подробно описывается деятельность депутатов Государственной думы в дни Февральской революции, показана их роль в свержении старого порядка.

Вторая статья Ю.З. Кантор [19] посвящена дому № 2 по Гороховой улице, где до революции работало Управление градоначальства; это же здание являлось штаб-квартирой петроградской полиции и охранки. После Февральской революции здесь разместилось Общественное градоначальство Временного правительства, а 10 декабря в здание въехала образованная 7 декабря Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Особенно подробно автор описывает неудачные попытки полиции пресечь революционные выступления в последних числах февраля, а также первые операции, проводившиеся ВЧК в конце 1917 – начале 1918 г., прежде всего ликвидацию Петроградского союза защиты Учредительного собрания. В марте 1918 г., после переезда центрального аппарата ВЧК в Москву, в здании на Гороховой 2 «поселилась» Петроградская ЧК. В настоящее время здесь находится филиал Музея политической истории России.

Завершает сборник третья статья Кантор, посвященная зданию Смольного института [21]. Сам Институт благородных девиц был фактически закрыт весной 1917 г., но какая-то часть персонала и воспитанниц проживали в здании вплоть до осени. Те, кому не удалось 20 октября эвакуироваться вместе с другими институтами в Новочеркасск, были выселены большевиками в ноябре. В Новочеркасске институт продолжал функционировать как учреждение белого правительства Юга России; последний его выпуск состоялся в 1919 г. В августе 1917 г., одновременно с Петросоветом и ВЦИК, в Смольный переехали также все входившие в их состав партийные фракции, включая и большевистскую. В результате именно Смольный оказался в октябре центром большевистского переворота. В последующие месяцы, вплоть до переноса столицы в Москву, здание использовалось как резиденция Совета народных комиссаров.

Сборник «Города империи в годы Великой войны и революции» под редакцией А. Миллера и Д. Черного [13] посвящен *социально-политическим процессам в российских городах во время Первой мировой войны, революционного 1917 года и Гражданской войны*. Большинство статей хронологически охватывают период с 1914 г. до начала 1920-х годов. Издание было подготовлено в рамках международного проекта с участием авторов из России, Украины, Белоруссии, Молдовы, Грузии, Эстонии, Польши, США и Германии. Первым этапом проекта стала тематическая конференция, проведенная еще в 2014 г. В сборнике, изданном тремя годами позднее, материалы этой конференции представлены в переработанном и дополненном виде.

Книга состоит из двух разделов. Первые 13 статей написаны на материалах конкретных городов и регионов (Москва, Петроград, Урал, Прибалтика, Украина, Бессарабия, Грузия); А. Миллер отмечает во введении, что ограниченные возможности организаторов заставили их отказаться от

специального исследования городов Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии, хотя эта тема также представляет большой интерес.

Открывающая сборник статья Э.О’Доннелл посвящена ситуации в Москве [36]. Далее следует статья Я. Кузбера, описывающая перемены в Петрограде с начала войны в 1914 г. до переименования в Ленинград в 1924 г. [25].

И. Нарский анализирует положение в городах Урала на протяжении Первой мировой и Гражданской войн на основе концепции «ускоренных (уплотненных) перемен» Б. Пьетров-Энкер и К. Гёрке. Он приходит к выводу, что «мировая война и революция – драматичные приметы современности и радикальные инструменты модернизации – в уральских (и, видимо, не только) городах вызвали эффекты, прямо противоположные модернизации: вместо усложнения структур наметился их распад; “расколдовывание” действительности осуществлялось с привлечением иррациональных, “колдовских” средств; несостоявшаяся индивидуализация личности и утрата контроля над запустевшей средой обитания обернулись почти первобытными импровизациями на тему выживания» [34, с. 96–98].

К. Брюггеманн в своей статье предлагает сравнительный анализ социальных и политических перемен в Риге и Таллине на протяжении 1914 – начала 1924 г. [9]. В результате немецкой оккупации (Риги в 1917 и Таллина – в 1918 г.), революций, гражданских войн и неоднократной смены политических режимов (семь раз в Риге и пять – в Таллине) оба города стали столицами независимых государств, при этом утратив по большей части свою прежнюю этническую пестроту.

Истории Вильнюса посвящена статья Т.Р. Вика [12]. Как и в других регионах Восточной Европы, война и немецкая оккупация принесли сюда прежде всего разруху и голод, а после капитуляции Германии длительное противоборство между литовскими и польскими националистами завершилось присоединением города к Польше – как оказалось, впрочем, всего на 19 лет.

Тему городов на оккупированной немцами территории продолжает статья А. Чернякевича, посвященная городу Гродно, занятому немцами 2 сентября 1915 г. [52]. К 1916 г. число его жителей сократилось почти в два раза; если до войны это был типичный приграничный город со смешанным еврейско-польско-русско-белорусским населением, то теперь белорусов и особенно русских почти не осталось. В годы оккупации местные белорусские националисты склонялись к тому, что наилучшей перспективой для города будет присоединение к объединенному белорусско-литовскому государству. Вместо этого после эвакуации немецких войск весной 1919 г. Гродно было занято поляками.

События в Киеве рассматривает О. Бетлий. Статья посвящена прежде всего самосознанию городского населения и его эволюции в условиях

военного времени в 1914–1916 гг. и далее на фоне свержения монархии в 1917 г. и территориального распада бывшей империи в 1918–1919 гг. Особое внимание автор обращает на то, как участники событий «определяли свои идентичности, трансформировали лояльность к империи во вполне конкретные национальные идентичности, устраивались на службу в украинских органах государственной власти или же выражали отношение к политическим событиям во время выборов» [6, с. 311]. Она отмечает также, что неспособность украинских и русских националистов к консенсусу на ценностном (а не национальном) фундаменте стала одной из причин (возможно, основной) конечной победы большевиков и установления в Киеве советской власти.

Статья Д. Черного [51] посвящена другому крупному украинскому городу – Харькову, будущей столице Украинской ССР (с 1919 по 1934 г.). Его превращение в крупный промышленный центр началось еще до Первой мировой войны и продолжилось после ее начала, в том числе за счет предприятий, эвакуированных с театра военных действий. В городе возросло число квалифицированных рабочих и соответственно влияние большевиков. Резко повысились тиражи газет, что отражало увеличившийся спрос на информацию. Первый всплеск патриотического энтузиазма сменился в 1916 г. волной забастовок. Стачки на железнодорожном узле автор считает одной из причин расстройств транспорта и перебоев с поставками продовольствия, которые в свою очередь спровоцировали революционный взрыв в феврале 1917 г. После свержения Николая II в Харькове начался стремительный рост политической активности граждан, что продемонстрировали летние выборы в городскую думу и осенние – в Учредительное собрание. После прихода большевиков к власти дальнейшее падение уровня жизни вкупе с разочарованием в результатах революции, напротив, привели к распространению пассивности, апатии, конформизма и т.д.

Население Одессы, как показано в статье И. Шкляева [53], достаточно лояльно восприняло Февральскую революцию и в последующие месяцы старалось по возможности дистанцироваться как от набравших силу большевиков, так и от украинской Центральной рады (украинцы по переписи 1897 г. составляли всего 8,5% населения города). 1917 год в Одессе, в отличие от многих других регионов России, прошел относительно спокойно. После Октябрьского переворота в Петрограде одесские власти не признали ни советское правительство, ни правительство Украинской народной республики, заявив, что будут подчиняться только Учредительному собранию. На состоявшихся в ноябре выборах наибольшее число голосов получил блок еврейских партий; результаты большевиков и украинских партий были существенно ниже. В январе 1918 г. большевикам удалось захватить власть в городе (само население Одессы в

уличных боях почти не участвовало) и создать Одесскую советскую республику. Но в последующие годы город еще неоднократно переходил из рук в руки и к моменту окончания Гражданской войны находился в состоянии полной разрухи.

Довольно сложная ситуация сложилась в Кишинёве. Как показано в статье С. Сувейкэ и В. Пысларюка, хотя город и находился достаточно далеко от линии фронта, его жители в полной мере испытали на себе тяготы Первой мировой войны. Политические баталии, развернувшиеся здесь в 1917 г., авторы оценивают как «борьбу между двумя типами политико-административного устройства: имперским и национальным» [47, с. 400]. В январе 1918 г. Кишинёв был занят румынскими войсками. Бессарабия стала одной из провинций Румынии, однако старая имперская элита в этих условиях по большей части продолжала ассоциировать себя с Россией.

Завершает первый раздел статья В. Вардосанидзе, посвященная событиям в Тифлисе [11]. Здесь на политические противоречия между царской администрацией, либеральными кругами и партиями левого толка наложились национальные противоречия между грузинами, русскими и армянами. Примечательно, что именно в Тифлисе представители либеральной оппозиции в самом начале 1917 г. предложили великому князю Николаю Николаевичу сменить на троне Николая II; великий князь предложение отклонил. В 1918–1921 гг. Тифлис являлся столицей независимой Грузии.

Второй раздел содержит четыре статьи, в которых обсуждаются некоторые общие аспекты истории российских городов в изучаемый период. Так, Дж.А. Санборн обращает внимание на то, насколько быстро и синхронно по самым разным городам – не только приграничным, но и максимально удаленным от границ уральским – с началом Первой мировой войны прокатилась волна одних и тех же деструктивных процессов (коллапс управления, хозяйственный кризис, стремительный рост национализма и др.) [43, с. 483–486]. В то же время во всех описанных в сборнике городах наблюдался подъем гражданской активности, особенно быстрый в прифронтовой зоне, «где была наиболее очевидна неспособность государства справиться с требованиями тотальной войны» [43, с. 486–487]. Санборн также обращает внимание на то, что в литературе до сих пор не разработана такая тема, как история уличных боев в российских городах в рассматриваемый период, хотя ее изучение может дать нам новый важный материал для анализа [43, с. 488–489]. Завершает сборник статья Б. Колоницкого с рассуждениями о дальнейших перспективах сравнительного изучения русских городов в эпоху войн и революций [22].

Региональную тему продолжает монография В.П. Сапона, анализирующего революционные процессы 1916–1917 гг. на материале Нижегородской губернии [44]. Автор рассматривает прежде всего деятельность

политических партий и межпартийную борьбу. Основное внимание уделяется организациям большевиков, меньшевиков, эсеров и кадетов, но представлена также и деятельность черносотенных организаций, «которые, активно действуя в имперский период нашей истории, не сложили идейного оружия и после Февральской революции 1917 года» [44, с. 5]. Выбор хронологических рамок работы автор обосновывает необходимостью подробнее исследовать перипетии политической борьбы между оппозицией и правительством на протяжении 1916 г. Тогда была подготовлена почва для событий Февраля 1917 г.; так и в марте-октябре 1917 г. сформировались необходимые предпосылки для захвата власти большевиками.

По наблюдениям автора, политические процессы в Нижегородской губернии во многом перекликались с тем, что происходило в столицах. Основной движущей силой растущего протестного движения в 1916 г. являлись либералы, однако уже в тот период активизировались и левые партии. Влияние черносотенцев, напротив, почти сошло на нет еще до крушения самодержавия, хотя немногочисленные организации правых монархистов продолжали действовать и после Февральской революции. Весной-летом 1917 г. инициатива в местной политике довольно быстро перешла к социалистам, среди которых почти сразу начался процесс дробления, выделялись все новые и новые партии и течения. Так, организационный раскол среди местных социал-демократов произошел уже в мае. Разобщенность левых партий не позволила им эффективно противостоять большевикам, чье влияние неуклонно росло даже при отсутствии большинства в Советах. В ноябре 1917 г. в Нижнем Новгороде был установлен советский режим.

К сожалению, автор не избежал определенного влияния современной конспирологической литературы: всячески подчеркивается «спланированный» характер Февральской революции (со ссылками, к примеру, на работы В.А. Никонова) и игнорируется такой фактор, как спонтанные народные выступления. Книга может представлять интерес как описательное исследование.

Несостоявшийся юбилей

Восприятию столетней годовщины революций 1917 г. в России и в мире посвящен сборник «Революция–100: Реконструкция юбилея» под редакцией Г.А. Бордюгова, изданный Ассоциацией исследователей российского общества [38]. Он подготовлен на основе регулярного мониторинга публичных высказываний, статей, памятных мероприятий и т.д., приуроченных к юбилею революции, проводившегося с начала осени 2016 г. до ноября 2017 г. Книга состоит из 31 статьи, объединенных в семь разделов («Предыстория», «Контекст», «Среда», «Рефлексии», «Страна», «Мир», «Образы»), снабжена обширным иллюстративным материалом.

В приложении приводится хронологический список газетных и сетевых публикаций, посвященных революции и памятным мероприятиям в связи с ее 100-летней годовщиной, за период проведения мониторинга. Ниже рассматриваются только статьи, описывающие восприятие годовщины революции в России, поскольку реакция на нее за рубежом выходит за рамки данного обзора.

Сам Бордюгов в статье «Российская революция в столетнем пространстве памяти» [8] анализирует предшествующие юбилеи революций 1917 г.: празднование первой годовщины в 1918 г., торжества и альтернативные манифестации 1927 г., юбилеи 1937, 1947, 1957, 1967 и 1977 гг., последний советский юбилей 1987 г., когда правящий режим уже терял монополию на историческую память, и, наконец, восприятие революции в постсоветский период. Крушение советского режима сопровождалось отказом от прежних официальных трактовок Февральской и Октябрьской революций, но никакого альтернативного видения этих событий российское общество выработать так и не сумело. В следующей статье «2017: Новые смыслы воспоминаний о революции» Бордюгов приходит к выводу, что 100-летний юбилей революции «в целом оказался несвоевременным: ни власть, ни общество не были готовы к началу подлинного диалога о прошлом – во благо настоящего» [7, с. 105].

Краткий обзор современной историографии событий 1917 г. содержится в статье П.В. Акульшина [2]. Тему академической рефлексии продолжает статья Л.В. Максименкова, посвященная участию российских архивов в юбилейных мероприятиях. Автор констатирует, что официальная программа архивных публикаций и выставок по линии оргкомитета «Революция–100» при Российском историческом обществе была по существу провалена, значительная часть намеченных мероприятий реализована не была. Наиболее очевидным провалом Максименков называет закрытие РГАНИ практически на весь период юбилейных мероприятий в связи с переездом, в результате чего оказались недоступными, например, личные документы Ленина. Целый ряд интересных архивных публикаций вышли в свет вне официальных государственных юбилейных мероприятий; особое внимание автор уделяет выпущенному издательством Новоспасского монастыря шестому тому документов Поместного собора 1917–1918 гг. Неожиданным образом церковь подошла к археографическому освещению революции более грамотно и профессионально, нежели архивное сообщество. Как чрезвычайно тревожный сигнал автор отмечает наметившуюся в последние годы тенденцию к повторному ограничению доступа исследователей к документам советской эпохи [29, с. 316].

В статье П.Г. Черёмушкина [50] описывается, как революции 1917 г. и неоднозначное отношение к ним в постсоветский период отразились на судьбе городских памятников, включая разрушение памятников импера-

торам и государственным деятелям царской эпохи в первые послереволюционные годы, низвержение советских памятников после распада СССР, современную ситуацию с памятниками в России и волну сноса памятников Ленину на Украине в рамках закона о декоммунизации. Автор показывает, что продолжающиеся в России «войны памятников» отражают отсутствие консенсуса в обществе по вопросу об отношении как к советскому, так и к дореволюционному прошлому.

П.Н. Опалин [37] анализирует реакцию интернет-сообщества на столетие революций 1917 г. В целом она была довольно ограниченной по масштабам, годовщины победы в Отечественной войне обсуждаются гораздо активнее. Тем не менее в Сети появилось несколько интересных, качественно сделанных ресурсов, посвященных революции, а участники дискуссий нередко демонстрировали нестандартные, даже неожиданные, подходы к обсуждаемым вопросам.

Статья С.Г. Антоненко [3] посвящена осмыслению событий 1917 г. российскими религиозными организациями и сообществами. Автор констатирует, что более или менее развернутую комплексную оценку этих событий попытались дать только Московская патриархия и в гораздо меньшей степени – российские протестанты. Внимание других религиозных общин было сосредоточено главным образом на влиянии, которое революция оказала на их собственную историю. При этом даже осмысление революционных событий иерархами РПЦ МП остается незавершенным и неполным. Антоненко связывает это с тем, что в сознании самих служителей церкви остаются непроработанными (даже в психологическом смысле этого слова) такие крайне болезненные вопросы, как степень ответственности самой церкви за катастрофу 1917 г. и сотрудничество патриархии с советским режимом в 1943–1991 гг.

Отражению столетия революции в художественной культуре посвящены две статьи. Б.В. Соколов анализирует образы событий 1917 г. в современной российской литературе, на театральной сцене, а также в кино. Как показывает проведенное им исследование, документальные фильмы 2017 г., посвященные революции, равно как и телесериалы, отличаются крайней политизированностью и не имеют ничего общего с научно обоснованной картиной обсуждаемых событий. В то же время в отдельных деталях заметны расхождения между авторами разных фильмов, что свидетельствует об определенной гибкости госзаказа. По сути, основной посыл сводится к тому, что «хорошо» все, что укрепляет сильное, единое и неделимое Российское государство, а «плохо» – все, что подрывает его мощь. Поэтому однозначно негативную оценку получила Февральская революция, тогда как в оценках Октября единого мнения нет: большевики в разных фильмах представляются то как разрушители России и германские агенты, то как сила, сумевшая обуздать революционный хаос. Единствен-

ным художественным фильмом, помимо телесериалов, хоть как-то связанным с революционной тематикой, оказалась «Матильда», имевшая, однако, лишь довольно скромный успех, несмотря на своеобразную рекламную кампанию, устроенную ее хулителями из числа «царебожников». Число театральных постановок, посвященных революции, в 2017 г. было минимальным. Автор констатирует, что «ни одного настоящего шедевра, посвященного революции, в юбилейный год в сфере художественной литературы, театра, художественного кино, телесериалов и кинодокументалистики не появилось» [46, с. 422]. Он связывает это как с общим состоянием отечественной культуры, так и с тем, что тема революции в настоящее время не является по-настоящему актуальной и увлекательной для российского художественного сообщества. К схожим выводам приходит И.С. Давидян в статье о выставках, посвященных 100-летию революции. В большинстве своем они были весьма однообразны и показали зрителю лишь весьма фрагментарную картину событий [14].

В следующих трех статьях описываются юбилейные мероприятия в отдельных российских городах: Нижнем Новгороде [31], Екатеринбурге и Санкт-Петербурге. А.В. Антошин, анализируя ситуацию в Екатеринбурге, приходит к выводу, что большинство уральцев к годовщине революции отнеслись индифферентно [4, с. 537]. Что касается Петербурга, то, как показано в статье Ю.И. Басилова, в «городе трех революций» сосуществуют несколько конкурирующих образов «семнадцатого года»; городские власти при этом постарались по возможности дистанцироваться от обсуждения этих событий [5].

Завершает сборник статья С.П. Щербины, содержащая огромную подборку визуальных образов революции, с анализом их эволюции с 1917 г. до наших дней [54]. Анализ выполнен на основе концепции мемов Ричарда Докинза (1976). Автор прослеживает историю основных мемов, связанных с революциями 1917 г. (Октябрьская революция, Февральская революция, мировая революция, вожди государства, крейсер «Аврора» и др.).

Заключение

В целом «юбилейные» российские издания, приуроченные к 100-летию революций 1917 г., производят противоречивое впечатление. С одной стороны, очевидно, что активное изучение этих событий продолжается, в том числе с использованием ранее недоступных источников и на основе новых методологических подходов. Осваиваются и новые комплексы проблем, которые в советские годы не исследовались или исследовались недостаточно подробно. С другой стороны, приходится констатировать, что негативные тенденции, свойственные в последние годы российской исторической науке в целом, оказали свое влияние и на историографию

Февральской и Октябрьской революций. Здесь также заметна доля исключительно описательных работ, в том числе с подменой подлинно научного анализа в лучшем случае дежурными нападками на российских либералов, в худшем – рассуждениями о том, что вся революция представляла собой спланированный антиправительственный заговор. Подобные тенденции тем более тревожны, что полностью соответствуют давно сформировавшемуся госзаказу на апологию «сильной» государственной власти, не ограниченной демократическими институтами, и на дискредитацию демократических ценностей как якобы не соответствующих «особому историческому пути» России.

По-прежнему нет и сколько-нибудь целостной обобщающей концепции революций 1917 г., которая могла бы увязать отдельные события в единый процесс и которую можно было бы использовать в качестве объяснительной модели при анализе более узких сюжетов. Отсутствие такой концепции, впрочем, вполне соответствует общему состоянию российского социума, который, как хорошо показано в цитированном выше коллективном труде Ассоциации исследователей российского общества, оказался не готовым к глубокому и вдумчивому осмыслению трагических событий 100-летней давности. Комплексный научный анализ русской революции остается делом будущего.

Список литературы

1. 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – 247 с.
2. Акульшин П.В. Академический дискурс столетия революции // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 272–301.
3. Антоненко С.Г. Образ революции 1917 года в конфессиональном поле смыслов // Революция–100: Реконструкция юбилея / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 204–244.
4. Антошин А.В. 100-летие революции на Среднем Урале // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 510–537.
5. Басилов Ю.И. Столетие в городе трех революций // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 457–491.
6. Бетлий О. Киев – город проблемных идентичностей // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 272–317.
7. Бордюгов Г.А. 2017: Новые смыслы воспоминаний о революции // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 97–105.
8. Бордюгов Г.А. Российская революция в столетнем пространстве памяти // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 51–94.
9. Брюггеманн К. Города имперских и национальных утопий: Транснациональный взгляд на Ригу и Таллин, 1914–1924 // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 100–139.
10. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: Культурные ландшафты русской революции. – М.: ИстЛит, 2017. – 619 с.
11. Вардосанидзе В. Тифлис, 1914–1921: Драматические страницы биографии «двуликого Януса» // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 410–473.

12. Викс Т.Р. Вильнюс между империей и национальным государством в 1914–1922 гг. // Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 173–208.
13. Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей / под ред. А. Миллера, Д. Черного. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 519 с.: ил.
14. Давидян И.С. Нечто 2017: Столетие Русской революции в историко-документальных и художественных выставках // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 423–454.
15. Демиденко Ю.Б. Революционный год в «русской Бастилии»: Петропавловская крепость // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 98–117.
16. Измозик В.С. Свидетель отречения: Квартира князя П.П. Путягина // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 84–97.
17. Измозик В.С. Скорбный праздник: Марсово поле // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 40–55.
18. Ильухов А.А. Советская коалиция: Ноябрь 1917 – июль 1918 г. – М.: Издательский дом Государственного университета управления, 2017. – 524 с.
19. Кантор Ю.З. Дом «чрезвычайного» назначения: Гороховая, 2 // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 194–211.
20. Кантор Ю.З. «Команда станет самой ненадежной»: Крейсер «Аврора» // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 148–163.
21. Кантор Ю.З. «Это пахнет революцией»: Смольный // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 212–245.
22. Колоницкий Б. Города империи и горожане в эпоху войн и революций: Перспективы сравнительных исследований // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 509–519.
23. Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 г.). – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 520 с.
24. Конивец А.В. «Кругом измена и трусость, и обман!»: Зимний дворец // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 4–39.
25. Кузбер Я. Петроград в годы войны и революции, 1914–1924 // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 52–78.
26. Кулегин А.М. «Специально великокняжеский»: Особняк М.Ф. Кшесинской // 1917. Вокруг Зимнего / сост. Ю.З. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 118–135.
27. Куликов С.В. «Мы разыграли такой пошлый фарс»: Петроградская городская дума // 1917. Вокруг Зимнего / сост. Ю.З. Кантор. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 70–83.
28. Куликов С.В. «Средоточие управления и законодательства»: Мариинский дворец // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 56–69.
29. Максименков Л.В. Архивный ракурс юбилея // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 302–358.
30. Мамаев А.В. Городское самоуправление в России накануне и в период Февральской революции 1917 г. – М.: ИстЛит, 2017. – 410 с.
31. Маслов А.Н., Сапрыкина М.Г. Революционный держите рас, или Как сыграли в юбилей 1917 года на Нижегородской земле // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 492–509.
32. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: Нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 655 с.
33. Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции, 1917–1918 гг. – М.: Эксмо: Яуза; СПб.: Якорь, 2017. – 448 с.

34. Нарский И. «Семилетняя война» и «ускоренные перемены» в городах Урала (1914–1921/22) // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 79–99.
35. Николаев А.Б. «Учреждение», а не «помещение»: Таврический дворец // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 164–193.
36. О’Доннелл Э. Хозяйственная жизнь и власть в Москве, 1914–1920 // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 19–51.
37. Опалин П.Н. Сеть для революции: 1917 год в цифровом пространстве // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 152–177.
38. Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – 1087 с.
39. Революции 1917 года в России: Современная историография: Реферативный сборник. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 182 с.
40. Революция и Гражданская война в России: Современная историография: Сб. статей, обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2018. – 222 с.
41. Российская революция 1917 года: Власть, общество, культура: в 2 т. – М.: РОССПЭН, 2017.
42. Самоходкин В.Н. Политическая и государственная деятельность Г.Е. Зиновьева в ходе Великой Российской революции, 1917 – март 1918 г.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2017. – 264 с.
43. Санборн Дж.А. Реквием по империи // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 482–490.
44. Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: От «феврализма» к большевизму. – Нижний Новгород: [Б. и.], 2017. – 310 с.
45. Сенин А.С. Русская армия в 1917 г.: Из истории Военного министерства Временного правительства. – М.: Вече, 2017. – 415 с.
46. Соколов Б.В. Юбилей революции 1917 года в художественной литературе, художественном кино, телевизионных сериалах, документальных фильмах и в театральных постановках // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 359–422.
47. Сувейкэ С., Пысларюк В. Город Кишинёв: От западной окраины Российской империи к восточной окраине Великой Румынии // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 370–409.
48. Тарасов К.А. «Бумажное сражение»: Штаб Петроградского военного округа // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 136–147.
49. Тарасов К.А. Солдатский большевизм: Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 г. – март 1918 г.). – СПб.: Издательство Европейского университета, 2017. – 375 с.
50. Черёмушкин П.Г. 100-летие революции в бронзе и камне: От ленинского плана монументальной пропаганды до «ленинопада» // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 133–151.
51. Черный Д. Харьков в годы Первой мировой войны и революции // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 318–348.
52. Чернякевич А. Гродно: Город без Отчизны // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 209–237.
53. Шкляев И. Одесса в 1914–1921 гг.: Город в экстремальных условиях войны и революции // Города империи в годы Великой войны и революции. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 349–369.
54. Щербина С.П. Образы революции: Рождение и эволюция // Революция–100: Реконструкция юбилея. – М.: АИРО–XXI, 2017. – С. 823–971.

**РОССИЯ – ЕВРОПА:
ЕВРОПЕЙСКИЕ ЮБИЛЕИ –
ОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

В.Н. ЧЕРНЕГА

***К 75-й ГОДОВЩИНЕ ВЫСАДКИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК
В НОРМАНДИИ: ЗАПАДНЫЕ СОЮЗНИКИ
ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ***

5–6 июня 2019 г. в Великобритании и во Франции с размахом была отмечена 75-я годовщина высадки союзных войск в Нормандии, существенно приблизившая перспективу краха нацистской Германии. В праздновании участвовали лидеры 25 государств, в том числе президент США Д. Трамп. Была приглашена и канцлер Германии А. Меркель. Российский президент, как известно, приглашения не получил.

Президент Франции Э. Макрон в своих выступлениях отдал должное усилиям и жертвам со стороны союзников, в частности США, позволившим им начать освободительный поход в Западную Европу, а затем перенести военные действия на территорию западной части рейха. Особый акцент он сделал на том, что Соединенные Штаты обретают подлинное величие, когда они борются за свободу других народов. Д. Трамп, о своей стороне, не упустил случая подчеркнуть ключевую роль своей страны в указанном походе и заверил Э. Макрона, что в случае новой агрессии против Франции США вновь придут ей на помощь. Французская пресса не преминула заметить, что оба президента превратили празднование в демонстрацию трансатлантического единства на фоне разногласий по «ядерной сделке» с Ираном, Парижским соглашениям по климату, торговым войнам, а также по продвигаемому Э. Макроном проекту «европейской армии» [9]. Восточный фронт, на котором благодаря победам СССР в действительности решилась судьба рейха и стран-сателлитов, на праздновании не упоминался.

Этот случай лишний раз подтвердил, как часто история становится заложницей политической конъюнктуры. Уже холодная война деформировала историческую память о событиях 1939–1945 гг., особенно с западной стороны. Французская «Фигаро» в связи с годовщиной высадки привела следующие данные. В 1945 г. 57% французов считали, что война была выиграна прежде всего благодаря Советскому Союзу, а 28% – благодаря США. В 2004 г. 58% полагали, что решающую роль сыграли Соединенные Штаты и только 20% отдавали пальму первенства СССР [10]. Ны-

нешняя конфронтация между Западом и Россией способствовала усилению этой тенденции. Приращение вклада СССР в общую победу, тезис, что в результате ее в Восточной Европе «одна оккупация сменила другую» являются частью западной пропагандистской стратегии, направленной прежде всего на подрыв влияния России вне ее границ. Следует, однако, признать, что в СССР и нынешней России также существовала и существует тенденция к игнорированию некоторых исторических фактов, касающихся роли западных союзников во Второй мировой войне. Среди части российских пропагандистов вошло сейчас в моду утверждение, что в Великой Отечественной войне СССР отражал «поход коллективной Европы».

В настоящей статье делается попытка очень коротко напомнить о том, как западные союзники участвовали во Второй мировой войне, а также о движении Сопротивления в оккупированных странах Европы. Разумеется, речь в данном случае может идти лишь о некоторых фактах, которые, с точки зрения автора, являются наиболее значимыми в свете затронутой темы.

Но прежде чем углубиться в нее, представляется целесообразным коснуться предыстории и начала Второй мировой войны. Рубежным этапом здесь, как известно, явились Мюнхенское соглашение 30 сентября 1938 г. между премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Даладье и А. Гитлером, а затем пакт Молотова – Риббентропа 23 августа 1939 г. По поводу этих соглашений до сих пор ведутся ожесточенные споры между западными и российскими историками. Большинство западных авторов считают, что в Мюнхене британский и французский лидеры «сдали» фюреру Чехословакию, потому что население их стран, не оправившееся от травмы первого мирового конфликта, категорически не хотело воевать. В то же время они обличают пакт между СССР и Германией как «сделку двух диктаторов», открывшую путь войне.

Российские исследователи убеждены, что «Мюнхенский сговор» объяснялся желанием Великобритании и Франции направить завоевательные устремления А. Гитлера в сторону СССР. Пакт же явился естественным следствием Мюнхенского соглашения, он позволил Советскому Союзу развернуть эти устремления в другую сторону и лучше подготовиться к войне. По мнению автора, правы российские историки. Вместе с тем они недооценивают роль общественного мнения в демократических странах. Англичане и французы действительно были во власти пацифистских настроений, что как минимум создавало «моральное алиби» их правительствам для принятия циничных решений. «Странная война», которую союзники вели с сентября 1939 г., после нападения Германии на Польшу, до мая 1940-го, когда армия рейха развернула решительное наступление на

Западе и сокрушила Францию, было результатом сочетания двух факторов: ошибочного расчета и морально-психологической неготовности к войне. В этой циничной игре И.В. Сталин попросту переиграл западных лидеров.

Еще более ожесточенные споры среди историков и политиков вызывают секретные протоколы к пакту о разграничении зон влияния СССР и Германии, предполагавшие, помимо прочего, раздел Польши. Советский Союз долго отрицал их существование и признал его только при М.С. Горбачеве. Как известно, 17 сентября 1939 г., 16 дней спустя после начала Второй мировой войны, Красная армия вошла в Западную Украину и Западную Белоруссию, являвшихся частью Польши, под предлогом «защиты братских народов». Официально в СССР это называлось «вводом советских войск», поляки же считают это ударом в спину их истекавшей кровью стране. «Освободительный поход» сопровождался боевыми потерями с двух сторон и привел к пленению многих десятков тысяч польских военнослужащих, полицейских, чиновников и других «враждебных элементов» [4, с. 303–417]. Позже, в апреле-мае 1940 г. – более 18 тыс. из них были расстреляны НКВД в Катыни (Смоленская область) и ряде других мест.

28–29 сентября 1939 г. СССР и Германия заключили новое соглашение, в котором признавали происшедшие территориальные изменения и изъявляли готовность совместно дать отпор третьим странам, которые захотят их оспорить. В рамках этих соглашений Советский Союз вплоть до 22 июня 1941 г. поставлял Германии зерно, нефть и различные виды стратегического сырья. Германия в ответ закрыла глаза на «зимнюю войну» Советского Союза с Финляндией 30 ноября 1939 г. – 13 марта 1940 г., целью которой было прежде всего отодвинуть государственную границу от Ленинграда, а также на присоединение им в 1940 г. Латвии, Литвы и Эстонии.

Во Франции и Великобритании эти шаги СССР вызвали настоящую антисоветскую истерию. Они даже подготовили экспедиционный корпус для отправки в Финляндию, но операция задержалась, а затем поражение, нанесенное Германией союзникам в мае-июне 1940 г., перечеркнуло все их планы. Враждебности к Советскому Союзу добавило и то, что советское руководство объявило войну со стороны союзников «империалистической», чуждой интересам народов и призвало через Коминтерн коммунистические партии бороться с ней. Это поставило их в крайне сложное положение, особенно во Франции, где коммунисты были влиятельной силой. Они должны были выбирать между патриотизмом и своими убеждениями. Выполняя призыв Коминтерна, руководитель французской компартии М. Торез дезертировал из армии и ушел в подполье.

Конечно, эта политика И.В. Сталина была крайне циничной, а временами, как в случае с расстрелом польских пленных, – просто преступной. Подобные преступления мог совершить только тоталитарный режим, тысячами убивавший собственных граждан. Оправдать это нельзя никакими обстоятельствами.

Однако если сосредоточиться лишь на сути внешнеполитической стратегии СССР, моральные оценки вряд ли будут уместны. Международная политика даже сегодня является областью повышенного цинизма, где не бывает «белых и пушистых» участников. Каждое государство ставит во главу угла свои национальные интересы, как их понимают правящие элиты. Апелляция же к морально-этическим ценностям обычно является прикрытием интересов. В описываемое же время, особенно когда началась война, циничный расчет иногда даже не скрывали. Стоит напомнить, что 3 июля 1940 г., когда капитулировавшая Франция выходила из войны, британский флот потопил французскую эскадру в Мерс-эль-Кебире, чтобы она не досталась немцам. Сотни французских моряков, вчерашних союзников, погибли, но англичан это не смущало. Ведь отныне Великобритания фактически одна в Европе противостояла победоносной нацистской военной машине. Следует отдать должное премьер-министру У. Черчиллю, который исключил заключение мира с А. Гитлером и выказал решимость сражаться с Германией на суше, на море и в воздухе.

К счастью для Великобритании, А. Гитлер, как известно, в июне 1940 г. совершил ошибку, упустив окруженную в Дюнкерке британскую армию (197 тыс. человек) и силы союзников (139 тыс.), главным образом французов и бельгийцев, которые были эвакуированы по морю [5, с. 84–85]. Лондон сохранил бесценный кадровый состав армии, позволивший затем обучить более многочисленные резервы. По поводу решения А. Гитлера остановить свои танковые армии перед Дюнкерком среди историков до сих пор идут споры. Многие из них, с подачи У. Черчилля, утверждают, что фюрер надеялся таким образом сохранить шанс на переговоры и мире с Великобританией. Однако, по мнению непосредственных участников событий, к примеру немецкого генерала Г. Гудериана, он просто переоценил возможности своих ВВС, которым была поручена ликвидация этого «котла» [1, с. 163].

Такая же переоценка имела место во время воздушной «битвы за Англию», начавшейся в сентябре 1940 г. Проиграв ее, А. Гитлер лишился возможности вторгнуться в островную страну, поскольку десант не имел бы воздушного прикрытия перед лицом более мощного британского флота. Победа британских ВВС имела стратегическое значение и для СССР, ибо если бы фюрер выбил Великобританию из войны и захватил ее мощную и передовую в технологическом отношении промышленность, исход Великой Отечественной войны, начавшейся 22 июня 1941 г., мог быть

иным. Но, конечно, нападение Германии на СССР означало для британцев, что вторжение окончательно откладывалось, правда, при условии, что Советский Союз выстоит. Как известно, У. Черчилль немедленно предложил СССР помощь. Конечно, речь не шла об открытии второго фронта на европейском континенте, к чему уже в августе 1941 г. призвал И. Сталин. Но первые британские военные поставки в Мурманск начались уже в том же месяце. Туда же прибыли две эскадрильи современных британских истребителей. Вместе с советской военной авиацией они сыграли большую роль в том, что немцам не удалось захватить этот крайне важный порт. Британские летчики не только участвовали в боевых действиях; они также обучали советских пилотов владению новой техникой [2, с. 1].

В то же время Великобритания, Канада, а с ноября 1941 г. – США оказали СССР очень важную помощь поставками вооружений, боеприпасов, автомобилей, промышленного оборудования, стратегических материалов, медикаментов, продовольствия. Советская пропаганда в годы холодной войны принижала роль этой помощи, подчеркивая, что, например, в области вооружений она составляла всего 4% процента от отечественного производства. Однако, как говорят в народе, «дорого яичко к пасхальному дню». Союзнические поставки в 1941–1942 гг., когда СССР в результате германского наступления лишился большей части промышленной, сырьевой и продовольственной базы, а эвакуированные на восток заводы и фабрики еще не заработали в полную силу, сыграли ключевую роль в восстановлении боеспособности Красной армии, понесшей огромные потери в людях и технике. Да и позже ей трудно пришлось бы, например, без американских автомобилей, значительно повысивших ее мобильность, или знаменитой тушенки. Американские станки, поставки алюминия и других металлов были жизненно важны для военного производства.

Что же касается второго фронта на европейском континенте, то союзники с его открытием не спешили. Как отмечал в своих воспоминаниях генерал Д. Эйзенхауэр, командующий объединенными союзническими силами в Европе в 1944–1945 гг. и президент США в 1953–1961 гг., необходимые для этого подготовленная живая сила, техника и материально-техническое обеспечение появились лишь в 1944 г. Особый акцент он делал на том, что только тогда союзники смогли достичь решающего превосходства в воздухе, без которого десантная операция такого масштаба была невозможна. По его данным, в 1940 г. американская армия насчитывала менее 200 тыс. человек, а ее ВВС – несколько сотен самолетов. К середине 1941 г. численность армии была доведена до 375 тыс., а к концу года до 1,5 млн человек. Но эту фактически новую армию нужно было вооружить и обучить. Кроме того, после нападения японцев на американскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах 7 декабря 1941 г. главным приоритетом США стала война с Японией [6, с. 4, 14]. Тем не менее в ав-

густе 1942 г. союзники провели «тестовую» высадку в г. Дьепп в Нормандии силами десанта в 6100 человек (в основном канадцев), которую обеспечивали 250 судов. Высадка провалилась, однако, как отмечают западные военные историки, она позволила приобрести бесценный опыт планирования и проведения подобных операций [11, с. 207–208].

Но, конечно, в истории с открытием второго фронта во Франции был и циничный расчет. В США и Великобритании было немало политиков, которые были бы не прочь, чтобы сначала Германия и СССР взаимно ослабили друг друга. Успехи Красной армии на Восточном фронте, несомненно, вынуждали союзников быстрее определиться и с датой открытия, и с местом проведения операции. Д. Эйзенхауэр в своей книге подтверждает факт, хорошо известный в советской историографии: У. Черчилль предлагал сделать основными местами высадки Италию, а также Балканы для того, чтобы не дать проникнуть в этот регион Советскому Союзу [6, с. 233]. В конечном счете в пользу операции во Франции сработали опасения, что Красная Армия может раньше прийти в Западную Европу.

Однако по май 1943 г. включительно основные боевые действия западные союзники вели в Северной Африке. Этот театр военных действий, с точки зрения победы над общим врагом был, конечно, значительно менее важным, чем Восточный фронт. Вместе с тем нельзя считать его третьестепенным. Капитуляция германо-итальянских войск 13 мая 1943 г. в Тунисе похоронила их планы захвата Суэцкого канала, который имел стратегическую важность для контроля над нефтью Ближнего Востока и для снабжения Великобритании ресурсами Индии. Одновременно была предотвращена угроза для Персидского залива, который имел большое значение для союзнических поставок в СССР, осуществлявшихся через Иран. Потери Германии и Италии, особенно элитного немецкого Африканского корпуса, насчитывавшего более 100 тыс. человек, сотни танков и самолетов, естественно, ослабляли давление на советские войска. Кроме того, высадка с моря и дальнейшие боевые действия стали хорошей школой для американских войск, которые присоединились к британской армии в ноябре 1942 г. Бои под Бир-Хакеймом, но особенно под Эль-Аламейном в мае-июне 1942 г. позволили воевавшим на стороне союзников французским частям «спасти честь» своей страны, которая под властью режима Виши сотрудничала с рейхом. Позже их успехи наряду с прочим дали возможность генералу Ш. де Голлю в качестве руководителя «Свободной Франции» (или «Сражающейся Франции») претендовать на более существенную роль во взаимодействии с союзниками-«грандами», т.е. Великобританией, США и СССР. Как известно, Советский Союз признал «Свободную Францию» еще в сентябре 1941 г., а в декабре 1942 г. в г. Иваново была сформирована французская эскадрилья, воевавшая на нашем фронте и получившая затем название «Нормандия – Неман».

Уже 10 июля 1943 г. союзники высадились на Сицилии и вскоре захватили этот остров, который они рассматривали как плацдарм для вторжения в континентальную Италию. Многие западные историки считают, что операция в Сицилии вынудила А. Гитлера, опасавшегося выхода Италии из войны, ослабить наступление под Курском (операция «Цитадель»), начатое 5 июля того же года. Немецкий фельдмаршал Э. Манштейн, командовавший группой армий «Юг», в своих мемуарах прямо обвиняет фюрера в том, что он «украл победу» в Курской битве [3, с. 533–534]. Однако генерал Г. Гудериан, имевший возможность наблюдать за битвой в целом, был убежден, что это наступление было изначально обречено на неудачу, поскольку советское командование, осведомленное о нем, подготовило очень сильную оборону. Кроме того, оно располагало большими резервами и смогло уже 15 июля предпринять контрнаступление на Орел, грозившее окружением части немецких сил. Вывод Г. Гудериана однозначен: «В результате провала операции “Цитадель” мы потерпели решительное поражение» [1, с. 431].

Вместе с тем нет сомнений в том, что захват союзниками Сицилии, а затем вторжение в Италию, которую А. Гитлер был вынужден оккупировать в сентябре 1943 г., после свержения в июле Б. Муссолини и выхода страны из войны, оттянул часть германских сил с Восточного фронта. Союзные войска натолкнулись в Италии на ожесточенное сопротивление противника. Именно там они понесли самые большие потери в ходе Второй мировой войны – только с января по июнь 1944 г. более 117 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести [12, с. 92].

В конечном счете союзники застряли в Италии до апреля 1945 г., что придало особую актуальность высадке во Франции, получившей название «операция Оверлорд». Стоит напомнить, что это была самая большая десантная операция в истории человечества. Д. Эйзенхауэр приводит такие данные: к 6 июня 1944 г. численность союзных войск, сосредоточенных в Великобритании, достигала 2,87 млн человек. Большинство составляли американцы, англичане, представители британских доминионов (Канада, Австралия, Новая Зеландия), но были также французы, поляки, бельгийцы, голландцы, норвежцы и выходцы из других стран. В распоряжении союзного командования было более 10 тыс. самолетов, столько же танков и более 6 тыс. кораблей и различных плавсредств, в том числе два плавающих порта [6, с. 67]. Конечно, организация и координация действий такой массы войск и техники требовала очень высокого уровня штабной работы.

Союзники использовали ряд уловок, чтобы ввести в заблуждение противника по поводу точной даты и места высадки. Это им удалось; германское командование даже некоторое время после 6 июня считало, что основная высадка состоится не в Нормандии, а в районе Кале. Несмотря

на эффект внезапности и безраздельное господство в воздухе, легкой прогулки у союзных войск не получилось. Захват стратегического города Кан, например, планировавшийся на 4-й день операции, произошел только на 34-й день, причем англо-американской авиации пришлось его полностью разрушить. Лишь к середине августа союзным войскам удалось окружить нормандскую группировку противника (около 200 тыс. человек) и затем уничтожить ее ударами с воздуха, что открыло им путь на восток и север. 19 августа началось восстание в Париже, 25 августа город был освобожден. Цена этих успехов была высокой: союзники потеряли в Нормандии 50 тыс. убитыми и 150 тыс. ранеными [6, с. 312]. В целом союзные войска продемонстрировали отличный уровень подготовки и высокий боевой дух.

Следует, однако, заметить, что задачу им облегчило начавшееся 22 июня 1944 г. мощное наступление Красной армии в Белоруссии (операция «Багратион»), завершившаяся разгромом немецкой группы армий «Центр», численностью более 1 млн человек. Именно после нее по Москве, по приказу И. Сталина, провели 60 тыс. немецких пленных.

Крупными испытаниями для союзников явились операция в районе голландского города Арнем в сентябре 1944 г., где они потерпели поражение, а также контрнаступление немцев в бельгийских Арденнах, начавшееся 16 декабря 1944 г. Союзники его «прозевали», в результате вынуждены были с потерями отступить на ряде участков. Лишь упорная оборона американцами города Бастонь, срочная переброска крупных резервов и восстановившаяся летная погода позволили к началу января выправить ситуацию [8]. 8 января 1945 г. А. Гитлер, видя, с одной стороны, отсутствие успеха, с другой стороны, приготовления Красной армии к новому наступлению на Восточном фронте, приказал отвести наиболее боеспособные части. Советское наступление, по просьбе союзников, началось раньше срока, 12 января 1945 г. Оно окончательно лишило немцев возможности остановить вторжение союзников в Германию.

Дальнейшее хорошо известно. Немецкие войска на Западном фронте все более деморализовывались и теряли способность к сопротивлению. В апреле 1945 г., как пишет Д. Эйзенхауэр, они хотели только одного – сдаться в плен не Красной армии, а западным союзникам. Некоторые германские военачальники рассчитывали даже составить с ними коалицию против СССР. По уверениям Д. Эйзенхауэра, он и британский командующий фельдмаршал Б. Монтгомери твердо отводили подобные предложения и требовали безоговорочной капитуляции. Такая капитуляция была подписана германским уполномоченным генерал-полковником А. Йодлем 7 мая 1945 г. в Реймсе в присутствии американского и британского командования, а также советского представителя генерал-майора И.А. Сулопаева. Стоит отметить, что, с точки зрения Д. Эйзенхауэра, подписание, по требованию советской стороны, нового акта в Потсдаме 8 мая (9 мая по

московскому времени) было лишь «ратификацией» прежнего документа. Сам он на церемонию даже не явился [6, с. 474–475]. К тому времени президентом США уже был Г. Трумэн, придерживавшийся жесткой линии в отношении СССР. О советском вкладе в победу Д. Эйзенхауэр почти не упоминал.

Говоря о Второй мировой войне, нельзя, конечно, не вспомнить о движениях Сопротивления в европейских странах. Наибольших результатов эти движения добились в Югославии, Албании и Греции, где они почти полностью или в значительной части освободили территории своих стран от оккупантов. В Польше активно действовали отряды Армии крайовой и Армии людовой. В Италии в апреле 1945 г. партизаны также освободили часть городов на севере страны. В Норвегии в 1943 г. местные подпольщики помогли англо-норвежским «коммандос» (силы специального назначения) разрушить завод по производству тяжелой воды в Неморке. Подпольные группы действовали и в Германии. Кроме заговорщико-военных, которые попытались уничтожить А. Гитлера 20 июля 1944 г. и были почти все казнены, существовали структуры, которые были связаны с союзными разведками или с антифашистским комитетом «Свободная Германия» в СССР. Известная группа «Белая роза» ограничивалась распространением листовок, но ее участники также были казнены.

Особо следует отметить движение Сопротивления во Франции, которое помимо прочего сыграло довольно важную роль в подготовке и осуществлении высадки в Нормандии (сбор разведанных и диверсии). Поначалу оно было слабым и «разношерстным». Однако после оккупации немцами в ноябре 1942 г. южной части страны, контролировавшейся режимом Виши, и под влиянием поражений немцев и их сателлитов на советской территории, успехов западных союзников в нем выделились две силы: коммунисты, которые после 22 июня 1941 г. наконец смогли совместить свои убеждения с патриотизмом; структуры и группы, ориентированные на «Свободную Францию» генерала Ш. де Голля. Они постепенно начали координировать свои действия, а в феврале 1944 г. образовали Внутренние французские силы (FFI). Восстанием в Париже 19–25 августа руководили коммунисты во главе с полковником А. Роль-Танги. Ш. де Голль делал все, чтобы ограничить влияние ФКП, но ее авторитет был столь высок, что он вынужден был включить представителей партии в состав Временного правительства, образованного в июне 1944 г. Амнистированный по поводу дезертирства руководитель ФКП М. Торез вскоре стал вице-премьером.

В то же время во Франции, особенно в первые годы оккупации, существовал массовый коллаборационизм. Борьба между участниками Сопротивления и сторонниками режима Виши временами напоминала гражданскую войну. Созданная режимом милиция вместе с оккупантами

осуществляла в отношении подпольщиков и партизан беспощадный террор. Милиционеры участвовали, например, в операции немцев против партизанских сил на плато Веркор в июне-июле 1944 г., в ходе которой были уничтожены сотни партизан и мирных жителей [12, с. 112]. А после освобождения тысячи коллаборационистов были казнены партизанами без суда и следствия. Для того чтобы остановить этот контртеррор, в сентябре 1944 г. власти организовали специальные суды над лицами, обвиняемыми в коллаборационизме. За несколько месяцев они осудили на смертную казнь 2850 человек, на различные сроки тюремного заключения – 38 260 [7, с. 344]. Суду были преданы высшие должностные лица режима Виши. Премьер-министр П. Лаваль и глава режима маршал А. Петен были приговорены к повешению (Ш. де Голль, до войны служивший под началом маршала, заменил ему смертную казнь пожизненным заключением).

В заключение следует напомнить, что только в ходе Нормандской операции союзников в результате ударов англо-американской авиации и артиллерии по населенным пунктам погибли около 60 тыс. мирных французов [13, с. 3]. Д. Эйзенхауэр в своей книге рассказывает, как он отвел возражения против этих ударов со стороны У. Черчилля, который опасался, что они настроят население против союзных войск. Д. Эйзенхауэр заявил, что «такова цена свободы» [6, с. 272]. Вместе со сказанным выше это побуждает лишний раз подчеркнуть, что любая война – огромная трагедия, несущая смерть и страдания как военным, так и беззащитному гражданскому населению.

Список литературы

1. Гудериан Г. Воспоминания Солдата. – Смоленск: Русич, 1999. – 654 с.
2. Как британские летчики летали на советском Севере. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/uk/2016/05/160509_britain_murmansk_force_benedict (Дата обращения: 10.08.19)
3. Манштейн Э. Утерянные победы. – М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 1999. – 893 с.
4. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. – М.: Вече, 2001. – 462 с.
5. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939–1945. Стратегический и тактический обзор. – Смоленск: Русич, 2004. – 544 с.
6. Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. – Смоленск: Русич, 2000. – 526 с.
7. Carpentier J., Lebrun F. Histoire de France. – Paris: Editions du seuil, 2000. – 367 p.
8. Géoris M. Nutss! La bataille des Ardennes. – Paris: Editions France–Empire, 1984. – 210 p.
9. Lassere I. D-Day: Macron et Trump mettent leurs divergences entre parenthèses. – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/international/d-day-macron-et-trump-mettent-leurs-divergences-entre-parentheses-20190606> (Дата обращения: 10.08.19)
10. Lutanaud B. Pourquoi Poutine n'a-t-il pas été invité aux cérémonies du D-Day? – Mode of access: <https://www.lefigaro.fr/international/pourquoi-poutine-n-a-t-il-pas-ete-invite-aux-ceremonies-du-d-day-20190605> (Дата обращения: 10.08.19)
11. Mémorial de de la seconde guerre mondial. – Paris: Selection de Reader's Digest, 1965. – Т. 2: De Pearl Harbor à Stalingrad. – 478 p.

12. Mémorial de la seconde guerre mondiale. – Paris: Sélection de Reader's Digest, 1966. – Т. 3 : De Stalingrad à Hiroshima. – 495 p.
13. Vast C. Le 6 juin 1944 ou la joie mutilée. – Mode of access : https://www.lemonde.fr/idees/article/2019/06/06/le-6-juin-1944-ou-la-joie-mutilee_5472124_3232.html (Дата обращения: 10.08.19)

И.Г. ШАБЛИНСКИЙ***ФИНЛЯНДИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ, ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ
(К 75-ЛЕТИЮ СОГЛАШЕНИЯ О ПЕРЕМИРИИ 1944 г.)***

80-летняя годовщина начала «зимней войны» и 75-летняя годовщина Соглашения о перемирии между СССР и Финляндией дают поводы обратиться к некоторым сюжетам – историко-правового и сравнительно-правового характера. Территории наших государств были объединены некогда территорией и мощью гигантской империи и примерно столетие жили по ее законам, притом что Великое княжество Финляндское могло жить несколько на особицу.

После 1917 г. пути наших государств кардинально разошлись. Отношения между ними определенное время находились в диапазоне от нейтрально-прохладных до откровенно враждебных. И все же важнейшие вехи истории государства в Финляндии (мы далее будем использовать и название Суоми) побуждают нас вспомнить о некоторых наших памятных вехах, дают поводы для сопоставлений – иногда, может быть, неожиданных.

Обретение независимости

Решающим фактором провозглашения Финляндией независимости, бесспорно, стал большевистский переворот в октябре 1917 г. Тремя месяцами раньше сеймом (Эдускунтой) Финляндии был принят закон, устанавливавший самостоятельность финских органов власти во внутренних делах, но признававший компетенцию Временного правительства России по внешней политике и обороне. Временное правительство не приняло такой постановки вопроса и распустило сейм. Это вызвало в Финляндии возмущение. Однако требование независимости еще не стало общим настроением административной элиты страны. Оно выдвинулось на первый план, когда из Петрограда стали приходить известия о захвате власти большевиками и о росте их влияния. Сенат (правительство) Финляндии в этой новой ситуации более всего озаботился возможной большевизацией страны, активизацией леворадикальных элементов. Таково мнение большинства историков [8, с. 131–132].

Независимость Финляндской Республики была провозглашена Эдускунтой (парламентом) 6 декабря, а 31 декабря данную независимость признал своим указом Совнарком РСФСР. Впрочем, скорее всего, Ленин полагал, что революцию новой зыбкой границей не остановишь. И действительно, уже в конце января 1918 г. финские красные отряды захватили Гельсингфорс (Хельсинки) и ряд других городов. Сенат, таким образом, опасался не зря – ему пришлось спешно переезжать в город Ваасу. Для подавления большевистского восстания в стране Суоми была сформирована армия во главе с бывшим генералом императорской армии и участником войны с Германией Карлом Густавом Маннергеймом. Наиболее боеспособную ее часть составляли фронтовики, в частности егерский батальон [7, с. 110–111].

Гражданская война в Финляндии была короткой, но весьма ожесточенной. Правительству Финляндии удалось в апреле 1918 г. привлечь германские войска для изгнания красных отрядов из Хельсинки. Красным финнам, в свою очередь, помогала Советская Россия, но ее возможности были в тот период крайне ограничены. После решающей победы «белой» финской армии в апреле 1918 г. под Тампере в результате ожесточенного многодневного сражения исход войны был предрешен.

В отличие от того, что произошло двумя годами позже в России, в Финляндии победителями из схваток вышли «белые» финны. К концу войны взаимная ожесточенность и озлобленность сторон достигли крайних пределов: преследования и казни сторонников «красных», «белый» террор продолжались какое-то время уже после окончания боевых действий. Это происходило примерно тогда, когда в Советской России после покушения на ряд большевистских лидеров был объявлен «красный» террор.

Война, однако, не привела в Финляндии к чрезмерной концентрации власти в руках одного человека либо одной партии. Лагерь победителей представлял собой, по сути, коалицию, которая сразу и приступила к поискам оптимальной формы правления для молодого государства. Сама по себе государственность Финляндии, бесспорно, вызрела в недрах Российской империи, особенно благодаря реформам Александра II. Но полноценное независимое государство сложилось в результате короткой гражданской войны [14; 15].

В этот период у части политико-административной элиты Финляндии усилились прогерманские настроения. В октябре-декабре 1918 г. Финляндия побывала конституционной монархией. Группа финских политиков, полагая, что союз с Германией гарантирует суверенитет страны, уговорили германского принца Фридриха Карла Гессенского стать королем Финляндии. Данная идея, между прочим, встретила серьезное сопротивление в парламенте. Но в любом случае после революции в Германии

от монархического проекта пришлось спешно отказаться. До выборов нового парламента в марте 1919 г. должность регента, т.е. фактического временного главы государства, занял К. Маннергейм. Как бывший офицер императорской армии, четыре года воевавший с Германией, он к прогерманской партии не относился.

Форма правления 1919 г. и становление конституционного строя

До 1919 г. основными законами Финляндии фактически являлись два акта, принятые в период, когда страна Суоми была частью Шведского королевства: Форма правления 1772 г. и Акт соединения и безопасности 1789 г. Им на смену пришла «Форма правления Финляндии», принятая Эдускунтой в июле 1919 г. Позже на основе данного документа были приняты еще три акта: Акт о Государственном суде 1922 г., Акт о праве парламента контролировать законность деятельности Государственного совета и Канцлера юстиции 1922 г. и, наконец, Акт об Эдускунте 1928 г.

Данными актами были заложены основы формы правления, которую, пользуясь современной терминологией, можно было бы назвать смешанной или президентско-парламентской республикой (некоторые исследователи именуют ее «полупрезидентской») [3, с. 243; 20, с. 2; 22, с. 130].

Сосредоточение достаточно обширных полномочий в руках президента Республики можно объяснить все же результатами пережитой гражданской войны. Большинство депутатов готово было к определенному усилению исполнительной власти, способной укрепить государство. Президент, согласно § 2 гл. 1 «Формы правления», не только возглавлял «высшую исполнительную власть», но и осуществлял законодательную власть совместно с Эдускунтой. Кроме того, президент являлся главнокомандующим вооруженными силами и осуществлял общее руководство внешней политикой. То есть, очевидно, становился наиболее сильной политической фигурой.

Государственный совет (правительство) образовывался «при президенте» для осуществления общего управления государством. Назначение министров, включая премьер-министра, осуществлялось президентом. Однако это не означало его контроля над правительством.

Все министры, согласно § 36 «Формы правления», должны были пользоваться доверием Эдускунты, однопалатного парламента, состоящего из 200 депутатов. И более того: согласно § 43 министры «несли ответственность за ведение дел» перед Эдускунтой, таким образом, президент при назначении правительства в любом случае должен был опираться на парламентское большинство.

Хотя в § 23 говорилось об избрании президента Республики на шесть лет «народом Финляндии из среды граждан финского происхождения», следующее положение уточняло, что избрание президента производится коллегией из трехсот выборщиков. Последние выбирались по тем же правилам, что и депутаты парламента, но с одной-единственной целью: выбрать главу высшей исполнительной власти. Состав выборщиков, таким образом, должен был в полной мере отражать партийно-политические предпочтения населения. Избранным объявлялся кандидат, получивший более половины голосов, поданных выборщиками в ходе тайного голосования.

Первого президента Финляндии выбирали депутаты Эдускунты, получившие статус выборщиков. Среди кандидатов выделялись двое фаворитов: глава парламента К.Ю. Стольберг и бывший главнокомандующий К.Г. Маннергейм. Но последний в данной исторической ситуации был совершенно неприемлем для социал-демократов и сочувствующих им граждан. Кроме того, его попытки вмешаться в Гражданскую войну в России на стороне белых в надежде помочь им справиться с большевиками вызвали раздражение и у его сторонников. Бывший царский генерал все еще мыслил категориями империи. Первым президентом стал К.Ю. Стольберг.

В дальнейшем роль президента Республики как института постепенно усиливалась – по крайней мере еще в течение половины столетия. Отчасти это было обусловлено тем, что ни одна из политических сил страны не могла добиться доминирующего положения: предпочтения избирателей распределялись обычно между пятью-шестью партиями. И даже лидирующие в ходе почти всех выборов социал-демократы и аграрии вынуждены были искать партнеров по коалиции – чаще всего при содействии президента. В Финляндии постепенно сформировался конституционный обычай, предполагающий, что президент действует как надпартийная, нейтральная власть [18]. При этом роль президента во внешней политике всегда оставалась значительной.

В общем, важнейшей задачей для Финляндского государства в течение двух межвоенных десятилетий можно было бы считать формирование единой политической нации, т.е. сглаживание социальных противоречий и выработки компромисса по языковому вопросу.

В 1921 г. парламент принял закон, утверждающий финский и шведский языки в качестве двух государственных языков. Сторонники финноязычия не были в восторге, но финские шведы уже вполне могли отождествлять себя с новой республикой. В 1937 г. был принят закон об университетах, устанавливавший ведущую роль финского языка, но гарантировавший и возможность обучения на шведском.

Было принято законодательство, отвечавшее интересам безземельных крестьян: в частности, облегчавшее выкуп арендованной земли и уже-

сточавший запреты на приобретение промышленниками частных земельных угодий. Нужно сказать, что тем самым несколько тормозилась индустриализация страны. Но в то же время обеспечивались условия для экономического укрепления широкого слоя сельского населения. Земельная реформа постепенно превращала деревенских пролетариев в мелких хозяев.

За два десятилетия постепенно сформировался и спектр политических сил страны. Крайние левые и крайние правые на его полюсах, используя различные системы аргументов, выражали крайнее презрение буржуазной демократии. Финские коммунисты, находившиеся под советским влиянием, в 1922 г. отделились от социал-демократов и образовали самостоятельную партию, по-прежнему ставящую в качестве главной цели социалистическую революцию. Социал-демократы, пропагандировавшие путь к социализму через реформы, в течение 1930-х годов с отвращением и ужасом наблюдали за тем, как в сталинском СССР осуществлялись коллективизация и постепенно раскручивался маховик террора. Эти наблюдения, вероятно, укрепили их намерение сотрудничать с несоциалистическими партиями, а коммунистов рассматривать как опасных маргиналов. На крайне правом фланге обосновалось националистическое Лапуаское движение¹, выступавшее за депортацию всех «антинационально настроенных граждан» (в это число попал и один бывший президент страны) в Советский Союз и находившее образцы государственной политики в Италии под руководством Муссолини.

Компартия Финляндии в итоге была в 1932 г. запрещена специальным законом (отметим, что социал-демократы голосовали против). Лапуаское движение тоже попало под запрет в том же году после неудачной попытки путча, но позже было фактически восстановлено под названием «Патриотическое народное движение» (ПНД). Электоральные успехи ПНД были довольно скромными: около 8% голосов избирателей в 1936 г. и около 6% в 1939 г. [8, с. 144]. При этом партия имела свои военизированные формирования, которые были запрещены в 1936 г.

Нужно отметить, что в ряде соседних государств (в Польше, Литве, Латвии) к середине 1930-х годов фактически установились правоконсервативные диктаторские режимы, нашедшие идеологическое оправдание в борьбе с коммунизмом и агентами Москвы. Антикоммунизм, пищу для которого постоянно давала практика сталинского режима в СССР, дополнялся обычно различными версиями национализма. На этой основе выстроились и тоталитарные режимы в Италии и Германии.

¹ Получило название в честь деревни Лапуа на побережье Ботнического залива, где в 1929 г. местные крестьяне напали на членов молодежной коммунистической организации и изгнали их за пределы деревни.

Напротив, в Финляндии демократический режим сохранился вопреки всем угрозам – вопреки экономическим потрясениям рубежа 1920–1930-х годов и акциям радикальных движений. Какие факторы тут сыграли важную роль?

Отчасти данная стабильность оказалась обусловлена удачной формой правления. Президентам Финляндии в общем и целом удавалась роль надпартийных арбитров, особенно в тех случаях, когда требовались решительные меры, необходимые для единства страны, но трудновыполнимые для партийных лидеров. Первый президент К.Ю. Стольберг в 1919–1920 гг. помиловал большинство участников революционного движения, воевавших в ходе гражданской войны на стороне красных. Третий президент Пер Эвинд Свинхувуд, с одной стороны, выступил за запрет компартии, а с другой – подавил мятеж националистов и фашистов из Лапуаского движения в 1932 г.

Но, пожалуй, главным фактором стабильности демократического режима в Финляндии в данный период следует считать активность самого гражданского общества и представляющих его в парламенте политических сил. Президенты, сменявшиеся раз в шесть лет, олицетворяли стабильность государства, в то время как правительства менялись довольно часто. Причиной служили смены правящих коалиций и внутрикоалиционная борьба – парламентская жизнь бурлила. При этом большинство парламента почти всегда составляли три-четыре относительно крупные фракции; выборы не приводили к чрезмерному дроблению депутатского корпуса. Долгое время, правда, в определенной изоляции находились социал-демократы, пользовавшиеся при этом немалой электоральной поддержкой. Но к концу 1930-х годов стало возможным образование коалиций и с их участием. Весной 1937 г. было создано правительство, опиравшееся на коалицию социал-демократов, Аграрного союза и Прогрессивной партии. В результате предвоенных выборов 1939 г. абсолютное большинство получили Аграрный союз и социал-демократы.

К 20-й годовщине принятия Формы правления 1919 г. Финляндия достаточно укрепилась как государство, а ее социально-экономическое положение выглядело стабильным.

Вторая мировая и послевоенный период: основные вехи испытания государственности

Советско-финской «зимней войне» 1939–1940 гг., а также участию Финляндии во Второй мировой войне посвящена обширная литература [1; 2; 4; 9; 11]. К целям настоящей статьи не относится подробный разбор событий, связанных с этими войнами. Но в рамках данного периода все же следует обозначить ряд вех – важных как с точки зрения сохранения фин-

ляндской государственности как таковой, так и с точки зрения выживания ряда демократичных институтов. И то и другое оказалось в тесной зависимости от отношений Финляндии с двумя мощными и агрессивными государствами, двумя тоталитарными режимами – советским и нацистским.

Намерение лидера Советского Союза Иосифа Сталина присоединить к Ленинградской области часть финляндской Южной Карелии («передвинуть границу от Ленинграда»), а может быть, не мелочась, и всю территорию Суоми, вызревало, очевидно, постепенно – во второй половине 1930-х годов. Принятию решения, скорее всего, поспособствовало наблюдение за наглым поведением Гитлера и сверхосторожными реакциями Англии и Франции.

Но решающим фактором следует считать подписание секретного протокола к советско-германскому пакту 23 августа 1939 г. Финляндия данным протоколом была отнесена к сфере интересов СССР.

Таким образом, первой вехой в рамках данного периода стала советско-финляндская война, оказавшаяся главным испытанием для государственности Финляндии и фактически войной за ее независимость. Вопрос о том, отказался бы Сталин от войны в ноябре 1939 г., если бы правительство Финляндии согласилось в сентябре-октябре на обмен территориями, уступив большую часть Южной Карелии и допустив размещение советской военной базы на полуострове Ханко, остается абстракцией. Можно, впрочем, вспомнить о судьбе трех прибалтийских республик, пошедших на уступки, которых от них добивался Сталин: в частности, согласились на размещение контингентов советских войск. Эти контингенты в итоге были использованы при оккупации трех государств.

При этом ни одно из решений финской стороны не могло быть принято единолично: каждый вопрос в ходе переговоров с СССР был предметом обсуждений в правительстве и парламенте. Партнеры по коалиции (социал-демократы и аграрии) занимали сходные позиции: они не верили Сталину и готовы были идти лишь на частичные уступки.

Иную позицию, как известно, выдвигал К.Г. Маннергейм, занимавший в послевоенное десятилетие пост руководителя совета (или комитета) обороны – консультативного органа. Он, в частности, предлагал согласиться с требованием о перенесении государственной границы на 70 км от Ленинграда в глубь Карельского перешейка в обмен на хорошую компенсацию. (При этом Маннергейм высказался против сдачи в аренду СССР полуострова Ханко) [7, с. 227–228].

Но правительство и президент К. Каллио (отражая мнение парламента) заняли более жесткую позицию. 13 ноября 1939 г. переговоры были прерваны. А 30 ноября начались боевые действия: части Красной армии перешли в наступление на Карельском перешейке к северу от Ладожского

озера, в Северной и Средней Карелии, а также в Петсамо (в западной части Мурманской области).

Война завершилась заключением мирного договора от 12 марта 1940 г., согласно которому Финляндия уступила приблизительно 11% своей территории, включая второй город страны Виипури (Выборг). Если, однако, предположить, что главной целью Сталина был быстрый захват всей территории Финляндии и ее оккупация, то такой результат вряд ли мог его удовлетворить. Армия Финляндии оказала неожиданно упорное сопротивление и сумела выстоять перед значительно превосходящей ее по численности и техническому оснащению Красной армией. Ценой огромных усилий, после переоценки всей наступательной стратегии и наращивания потенциала артиллерии и танков частям Красной армии удалось прорвать линии обороны финнов на Карельском перешейке и выйти к Выборгу. С военной точки зрения главный результат войны свелся к этой операции. Но с точки зрения политико-правовой этот результат состоял в сохранении Финляндией независимости. Она оставалась в крайне тяжелом положении, но избежала оккупации.

Вскоре после «зимней войны» в Финляндии прошла досрочная смена президента республики: вместо заболевшего в ноябре 1940 г. Кюёсти Каллио был избран Ристо Рюти. Нужно отметить, что его избрание осуществлялось коллегией, выбранной еще в 1937 г.: правительство сочло, что в военное время проводить выборы новой коллегии нецелесообразно.

Второй серьезной вехой в рамках данного, самого драматичного периода в истории Финляндии стало установление в конце 1940 г. союзнических отношений с гитлеровской Германией. Современные финские историки, комментируя данный сюжет, указывают обычно на то обстоятельство, что у Финляндии практически не было выбора: чтобы сохранить суверенитет, ей нужна была поддержка одной из великих держав. В частности, финский шведскоязычный историк Х. Мейнандер отмечает: «Как Рюти, так и Маннергейм были в основе своей англофилами. Однако Зимняя война продемонстрировала, что, когда речь идет лишь о независимости Финляндии, ни западные державы, ни Швеция ей на выручку в военной сфере не придут. Этот вывод имел далеко идущие последствия для финской внешней политики – как в последующие военные годы, так и в течение всего послевоенного периода. Законность и мораль отнюдь не гарантировали маленькому государству национального суверенитета. Из-за своего геополитического положения и непосредственной близости к Ленинграду Финляндия в конце концов не могла сохранить свою независимость кроме как путем альянса с одной из великих держав Балтийского региона. По мере массированного наступления немецких войск в различных частях Европы финское руководство весной и летом 1940 г. принялось обсуждать

возможность получения какой-либо поддержки со стороны Германии. В реальности никаких разумных альтернатив не было» [8, с. 161].

Думается, с финским историком тут следует согласиться в главном: Финляндия просто вынуждена была после «зимней войны» с Советским Союзом искать партнерства с Германией, тем более с учетом двух обстоятельств. Во-первых, важнейшим военным и экономическим партнером Германии в тот период выступал сам сталинский Советский Союз. Во-вторых, после поражения англо-французских войск летом 1940 г. Сталин, судя по всему, вернулся к идее полной оккупации Финляндии. Но вынужден был консультироваться по этому вопросу с партнером – Гитлером. При этом финны получили информацию о том, что на переговорах Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. вопрос о новом наступлении Красной Армии в Финляндии согласовать не удалось благодаря позиции Германии. При изучении протокола переговоров возникает впечатление, что Молотов более всего добивался от Гитлера именно гарантий невмешательства в новую войну СССР против Финляндии [8, с. 162; 12].

Будучи обязанной Германии за ее покровительство, Финляндия должна была благосклонно отнестись и к предложению об участии в агрессии против СССР. Но, безусловно, масштаб такого участия, степень вовлечения в войну в определенной мере зависели от руководства Финляндии. Оно, во всяком случае, выразило желание вернуть территории, утраченные в результате «зимней войны». Правда, некоторые историки приводят условия, на которых Финляндия согласилась начать боевые действия против СССР. Согласно одному из этих условий, Финляндия вступала в войну лишь после того, как подвергнется нападению со стороны СССР [17, с. 135]. Другие исследователи, в том числе финские, полагают, что руководство Финляндии могло бы уклониться от той роли, которую ей навязал Гитлер [5].

Через три дня после нападения Германии на СССР советская авиация подвергла бомбардировке ряд городов Финляндии, включая Хельсинки, Турку, Котку, Рованиemi, Пори. Советское командование сообщило о том, что удар наносился по военным аэродромам, но в реальности серьезно пострадали гражданские объекты. Необходимость этой акции с военно-стратегической точки зрения была, мягко говоря, спорной. Но тогдашнему президенту Финляндии Р. Рюти бомбардировка дала повод поставить перед парламентом вопрос о состоянии «оборонительной войны» с СССР. Разумеется, с учетом успешного развития наступления войск Германии.

Мы тут склонны опереться на мнение тех финских историков, которые не испытывают особых сомнений относительно того, что Финляндия вступила бы в войну в любом случае – в силу обязательств перед Германией. Х. Мейнандер отмечает: «Финская армия начала свое наступление лишь после того, как советская авиация осуществила крупные бомбежки

Южной Финляндии и финское правительство констатировало, что страна вновь находится в состоянии войны. Целью правительства было замаскировать участие Финляндии в наступательной войне под оборонительную борьбу. Однако в своей первой после начала войны речи по радио президент Рюти говорил то о «нашей собственной оборонительной войне», то о ведении Финляндией войны с участием победоносных сил «Великой Германии» «на нашей стороне» [8, с. 163].

Третья веха, знаменующая выход Финляндии из войны и разрыв с Германией, ассоциируется с датой 19 сентября 1944 г., когда было подписано Соглашение о перемирии между Финляндией, с одной стороны, и СССР и Великобританией – с другой.

Одним из условий разрыва с Германией стала отставка президента Республики Ристи Рюти, которая состоялась 1 августа 1944 г. Коллегия выборщиков, избранных в 1937 г., проголосовала за нового президента К. Маннергейма. Последний назначил новое правительство (поддержанное прежней коалицией аграриев и социал-демократов) и уведомил Германию о том, что Финляндия более не считает себя связанной обязательствами, данными прежним руководством.

Соглашение о перемирии 12 сентября 1944 г. установило современные границы Финляндии. Оно также обязало финское правительство разоружить части вермахта, находившиеся на территории страны. Это условие оказалось едва ли не самым трудным. Его выполнение привело к новой фазе боевых действий, которые в финской историографии именуется «Лапландской войной» [13]. В ходе боев на данном этапе войны финские части взаимодействовали уже с частями Красной армии. Немецкие войска в итоге были выдвинуты в Норвегию.

Четвертая веха, заключающая данный период, – подписание в апреле 1948 г. договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Финляндией и СССР. Финский историк отмечает, что «для внешней и внутренней политики Финляндии договор был настолько важен, что его почти с полным правом можно было назвать приложением к форме государственного правления страны» [8, с. 172].

Наиболее значимая норма договора была заключена по ст. 4, обязывающей Финляндию воздерживаться от участия в каких-либо союзах или коалициях, направленных против СССР. Статья 1 договора устанавливала, что в случае нападения на СССР через территорию Финляндии последняя должна сражаться с агрессором, причем, в случае необходимости, при помощи СССР¹. В качестве потенциального агрессора договор упоминал Германию или иное союзное с ней государство, что выглядело в 1948 г. не

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1949. – 30 января, № 6 (553). – С. 4.

слишком актуально. Правда, с 1955 г. данная норма могла распространяться на ФРГ и другие государства – члены НАТО.

Но основное значение договора заключалось в его неформальной, непроговоренной сути: думается, именно ее имел в виду финский историк. Сталинский Советский Союз соглашался наконец не нападать на страну Суоми, но взамен обязывал ее в определенной мере ограничить свой суверенитет. Фактически Финляндия не могла вступить ни в одну международную организацию (включая ООН), не запросив разрешения Москвы. На самом деле финское руководство оказывалось ограниченным, вынужденным учитывать позиции Москвы даже при решении вопроса о кандидатурах на пост президента (об этом чуть ниже). Таковы были условия этого исторического компромисса.

Действительно, этот договор мог считаться приложением к форме правления. В то же время, в отсутствие кризисов и обострений в отношениях между двумя государствами, договор мог служить неплохой основой для успешного развития торговли и иного экономического сотрудничества между Финляндией и СССР. И, в сущности, именно такой основой он и послужил в последующие 40 лет.

Могли ли форма правления и политический режим Финляндии претерпеть те же изменения, что претерпели в конце 1940-х годов политические режимы стран Восточной Европы, контролируемые СССР? Теоретически могли. В октябре 1944 г. состоялась новая регистрация Коммунистической партии Финляндии, а весной 1945 г. коммунисты получили на очередных выборах в парламент почти 25% голосов избирателей [8, с. 170–171]. Они получили места в правительстве и попытались взять под контроль исполнительную власть. Но столкнулись с жестким противодействием других партий. Сталинский Советский Союз не мог оказать такое же силовое давление на власти Финляндии, как на восточноевропейские государства, где находились части Красной армии.

Компартия в итоге утратила влияние и выборы 1948 г. проиграла. Советизация неоккупированной Финляндии оказалась невозможна.

Усиление института президента в связи с «долгим президентством»

Политику исторического компромисса с руководством СССР с середины 1950-х годов стали именовать «линией Паасикиви». Спустя еще десятилетие символическое обозначение данного курса дополнилось фамилией У.К. Кекконена. Эти два лидера – один от Национальной коалиции, другой от Аграрного союза – оказали серьезное влияние на политический климат в стране и жизни по крайней мере двух поколений финнов. В большей мере это относится, правда, к Кекконену, который избирался

президентом Республики четыре раза. Он максимально использовал и расширил влияние института президента.

При этом политический режим, обранный президентско-парламентской формой, обеспечивал достаточно конкурентную и активную общественно-политическую жизнь. Кекконену в первый раз удалось в 1956 г. победить на выборах президента, получив лишь на два голоса выборщиков больше, чем его конкурент социал-демократ К.А. Фагерхольм [19, с. 624–629]. Выборы самих выборщиков (как и выборы в парламент) неизменно показывали довольно равномерное распределение предпочтений избирателей между Аграрным союзом, социал-демократами, Национальной коалиционной и Коммунистической партиями. В 1956 г. избиратели голосовали за выборщиков, исходя из своих партийно-политических пристрастий, но сами выборщики были вправе, если их кандидат по результатам второго тура не имел шансов, голосовать в третьем туре за компромиссную кандидатуру. Таким образом, Кекконену пришлось демонстрировать свою способность представлять интересы самых разных политических групп. Правда, у части электората его избрание все равно вызвало раздражение.

Спустя шесть лет эти настроения никуда не делись. Политические оппоненты Кекконена указывали на то, что он, как и Паасикиви (награжденный, кстати, в 1954 г. советским орденом Ленина), всегда проявлял готовность идти навстречу пожеланиям советского руководства, и эта уступчивость выходила за рамки допустимого и полезного для страны. Это был, конечно, весьма дискуссионный вопрос. Линия Паасикиви – Кекконена экономически была весьма выгодна для Финляндии. Но данная тема заняла важное место в риторике самого влиятельного соперника Кекконена – канцлера юстиции Олави Хонка. Он имел хорошие шансы победить. Однако в октябре 1961 г. за два с половиной месяца до выборов советское правительство направило Финляндии ноту. В ней утверждалось, что в ФРГ резко обострилась проблема реваншизма и неофашизма; и есть основание опасаться агрессии, направленной на Финляндию и СССР со стороны либо ФРГ, либо других государств – членов НАТО, в связи с чем необходимо срочно провести консультации о совместной обороне. Для финнов это послание означало готовность СССР направить в Финляндию свои войска. Финские избиратели оказались встревожены. В конце ноября 1962 г. Хонка снял свою кандидатуру. А Кекконен срочно вылетел на встречу с Хрущёвым – в этот раз в Новосибирск. Итогом стали заявления советского лидера о том, что отношения двух стран нормализовались и военные консультации, а также «совместные учения» пока не нужны. Чуть позже Кекконен довольно легко был переизбран на второй срок. Этому «новосибирскому» эпизоду финские историки уделяют особое внимание в контексте анализа отношений двух государств в 1950–1970-е годы [8; 21, с. 175].

Нужно сказать, что репутация Кекконена как незаменимого гаранта добрых отношений и выгодного экономического сотрудничества с Москвой помогла ему избираться президентом еще в 1968 и 1978 гг. (в 1974 г. его полномочия продлевал парламент). К концу его «долгого президентства» многие критики обвиняли его в авторитарическом правлении и ослаблении демократии в Финляндии.

К этому времени эволюция отношений между президентом, с одной стороны, и правительством с парламентом – с другой стороны, подошла к точке, связанной с наивысшей степенью влияния президента. Он уже не только определял стратегию во внешней политике, но и стал «прибирать к рукам» политику внутреннюю. Так, Кекконен «отбирал премьер-министров, нажимал на партии с целью создания коалиций, заставлял правительства уходить в отставку, назначал беспартийные президентские кабинеты и распускал парламент» [8, с. 176]. Финский историк констатирует: «Гегемония Кекконена на общественной арене Финляндии отбрасывала длинную тень на политику страны. Усиленный контроль Кекконена над формированием правительства наносил ущерб парламентскому процессу и способствовал тому, что консервативная Национальная коалиционная партия, независимо от ее успехов на выборах, оставалась в течение 1966–1987 годов в оппозиции. Порой далеко заходившее и подозрительное братание Кекконена с Москвой неизбежно вредило репутации Финляндии на Западе. В официальных ситуациях за Финляндией признавались заслуги в политике нейтралитета, но критически настроенная пресса уже в начале 1960-х годов ввела в оборот понятие “финляндизация” – в качестве предостерегающего примера конспиративной политики уступок со стороны малого государства» [8, с. 176].

Период парламентаризации

В принципе у значительного большинства финского общества сохранилось уважительное отношение к Кекконену, занимавшему президентскую должность 25 лет. Его заслуги признали и политические элиты. Но сразу после его ухода началась работа по подготовке конституционной реформы, направленной на усиление роли парламента. После «долгого президентства» начался, как отмечает российский исследователь О. Зазнаев, «период парламентаризации»: основной чертой этого периода было постепенное размывание президентских элементов режима и укрепление его парламентских составляющих [3, с. 250].

Наверное, все же исходной причиной этого процесса стало раздражение, связанное с долгим президентством конкретного лица. Некоторые специалисты успели окрестить Кекконена в последние годы его президентства «республиканским монархом» [3, с. 250]. Поэтому неудивитель-

но, что одна из конституционных поправок, принятая в 1987 г., вводила ограничения на занятия должности президента двумя сроками подряд. Другая поправка, принятая в 1991 г., ввела прямые выборы президента Республики избирателями: финские законодатели сочли, что избрание президента коллегией выборщиков уже не соответствует требованиям демократического государства.

Этот период оказался связан с распадом СССР. Политическая элита страны Суоми перестала воспринимать президента Республики как главного переговорщика с великим южным соседом. Вообще, отношения с правопреемницей СССР – Российской Федерацией оказались уже не настолько важны для динамично развивающейся экономики страны, насколько были важны связи с передовыми экономиками Европы. В 1995 г. Финляндия вступила в Европейский союз. И по этому поводу с российским руководством она уже не консультировалась. В 1992 г. Россией и Финляндией был заключен Договор об основах отношений, который заменил Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

В целом изменившийся международный контекст повлиял на коррекцию формы правления. Серия конституционных поправок, принятых в 1980–1990-е годы, была направлена на постепенное наращивание полномочий парламента: ведущая роль во внутренней и внешней политике постепенно переходила к правительству, поддерживаемому Эдускунтой [3, с. 250]. Поправки были, в частности, посвящены процедурам назначения членов правительства, роспуска парламента, вотума доверия, президентскому вето, роли президента и правительства во внешней политике. Некоторые исследователи поспешили обозначить эту весьма осторожную реформу, как переход к «ортодоксальной» парламентской республике [16, с. 490].

Закономерным итогом этого процесса стало принятие в 1999 г. Конституции (Основного закона) Финляндии, которым было установлено новое соотношение полномочий между президентом Республики, правительством и Эдускунтой (парламентом) [6, с. 353].

Согласно одному из главных новых положений Конституции, именно парламент избирает премьер-министра, которого лишь затем президент назначает на должность. Что касается других министров, то они назначаются президентом по предложению избранного премьер-министра (§ 61). Следует напомнить, что, согласно Форме правления 1919 г., президент мог назначать министров по собственному усмотрению, хотя, конечно, с учетом мнения большинства Эдускунты.

Конституция достаточно подробно регламентирует избрание главы правительства: предусмотрены, в частности, переговоры фракций о программе правительства (Государственного совета), его составе, порядок выдвижения кандидатов и голосования.

Отправить в отставку Государственный совет президент не вправе, но обязан в случае, если вотум недоверия Государственному совету выразит парламент (§ 64). Распустить парламент и назначить новые выборы президент может только по «обоснованной инициативе» премьер-министра (§ 26). Отметим тут, что, согласно Форме правления 1919 г., президент был вправе распустить парламент.

В соответствии с Конституцией 1999 г. группа депутатов численностью не менее 20 человек может внести в парламент интерпелляцию, адресованную или Государственному совету в целом, или конкретному министру. По результатам обсуждения ответа на интерпелляцию парламент может проголосовать за недоверие всему Государственному совету или отдельному министру (§ 43). Такого полномочия прежняя форма правления не предусматривала, хотя говорила в общем об ответственности министров перед парламентом, и фактически парламент мог отправить Государственный совет в отставку.

Конституция существенно сократила полномочия президента в сфере внешней политики. Выработку стратегии в данной сфере он теперь может осуществлять лишь «во взаимодействии с Государственным советом». При этом решения о принятии международных обязательств и их денонсации принимает парламент (§ 93). Конституция также устанавливает, что в Европейском совете и в рамках мероприятий Европейского союза, требующих присутствия представителей высшего руководства страны, Финляндию представляет премьер-министр (§ 66).

Согласно Конституции 1999 г., президент принимает решения на заседании Государственного совета и по предложению последнего (§ 58). Разумеется, президент оказывается связан с более чем прежде, мнением правительства. И в Конституции более нет базового положения, предусмотренного Формой правления 1919 г.: о том, что «высшая исполнительная власть принадлежит президенту Республики».

И все же за президентом сохранились многие важные полномочия, и сам институт президентства продолжает играть в государственной жизни страны важную роль. Исполнительная власть в Финляндии в связи с этим по-прежнему выглядит двуглавой. Можно предположить, что у финских законодателей есть для сохранения данной конструкции серьезные резоны.

При формировании и функционировании многопартийных коалиционных кабинетов президент, поддерживающий по традиции репутацию нейтральной силы, по-прежнему выполняет полезную функцию. При решении критических для кабинета вопросов – о назначении досрочных выборов, об отставке кабинета – за президентом, как за нейтральной фигурой, остается последнее слово. (Притом что первое принадлежит премьеру.) Вероятно, финские законодатели посчитали, что таково условие необходимого политического баланса. Кроме того, президент по-прежнему важная

фигура в международных отношениях. Будучи лицом, избранным на всеобщих выборах, он представляет Финляндию на переговорах с лидерами иностранных государств, многие из которых также получили мандат от избирателей.

Все это позволило исследователям считать, что президент остается «реальным главой исполнительной власти, хотя новая Конституция существенно ограничила его в правах» [10, с. 257].

В любом случае главной целью архитекторов финской «осторожной» конституционной реформы оставалось достижение политического равновесия – с учетом трудностей при формировании кабинетов и весьма динамичной политической жизни. Пережив десятилетия испытаний, Финляндия вступила – примерно на рубеже XX и XXI вв. – в пору устойчивого и динамичного развития. И государственные институты служат для него важными инструментами.

Список литературы

1. Барышников Н.И. Советско-финляндская война 1939–1940 гг. // Новая и новейшая история. – М., 1989. – № 4. – С. 28–41.
2. Веригин С. Зимняя война: Неизвестные страницы // Север. – Петрозаводск, 1993. – № 6. – С. 118–131.
3. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: Теоретические и прикладные аспекты. – Казань: Казанский Государственный университет, 2006. – 372 с.
4. Зимняя война. 1939–1940: В 2 т. – М.: Наука, 1999.
5. Йокиппи М. Финляндия на пути к войне. – Петрозаводск: Карелия, 1999. – 370 с.
6. Конституции государств Европы: В 3 т. – М.: Норма, 2001. – Т. 3. – 788 с.
7. Маннергейм К.Г. Мемуары. – М.: Вагриус, 2004. – 507 с.
8. Мейнандер Х. История Финляндии: Линии, структуры, переломные моменты. – М.: Весь мир, 2008. – 237 с.
9. Мери В. Карл Густав Маннергейм маршал Финляндии. – М.: Новое литературное обозрение, 1997. – 208 с.
10. Могунова М.А. Государственное право Финляндии. – М.: Издательский дом Городец, 2005. – 368 с.
11. Невежин В.А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев» 1939–1941. – М.: Аиро–XX, 1997. – 287 с.
12. Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941. – М.: Вече, 2004. – 572 с.
13. Ahto S. Aseveljet vastakkain – Lapin sota 1944–1945. – Helsinki: Icirjayhtymä, 1980. – 322 s.
14. Suomen taloushistoria 2: Teollistuva Suomi. – Helsinki: Tammi, 1982.
15. Alapuro R. State and Revolution in Finland. – Berkeley, 1988. – 315 p.
16. Arter D. Government in Finland: A «Semi-Presidential System»? // Parliamentary Affairs. – Oxford, 1985. – Vol. 38, N 4. – P. 472–495.
17. Kirby D.G. Finland in the Twentieth Century: A History and an interpretation. – Minnesota: University of Minnesota Press, 2009. – 264 p.
18. Martinez R.M. Semi-presidentialism: a comparative study: Paper prepared for the ECPR Joint Sessions of Workshops, Mannheim, 26–31 March 1999. – Mannheim, 1999. – 56 p.

-
19. Nohlen D., Stöver P. Elections in Europe: A Data Handbook. – Baden-Baden: Nomos, 2010. – 2070 p.
 20. Nousiainen I. Semi-Presidentialism in Finland in Comparative Perspective: Paper presented at the XVI World Congress of International Political Science Association. – Berlin, 1994. – 21–24 August.
 21. Rautkallio H. Novosibirskin lavastus. – Helsinki: Tammi, 1992. – 387 p.
 22. Sartori G. Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. – New York: New York University Press. – 219 p.

О ЛЮДЯХ, КНИГАХ, ЖИЗНИ

Ю.С. ПИВОВАРОВ

**«И ОБРАЗ МИРА, В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ,
И ТВОРЧЕСТВО, И ЧУДОТВОРСТВО»
(К 150-ЛЕТИЮ «ВОЙНЫ И МИРА»)**

В конце 60-х годов XIX в. в свет выходят две книги, казалось бы, далекие друг от друга, но внутренне родственные. Это – «Война и мир» и философско-историческое произведение Н.Я. Данилевского «Россия и Европа...», с которой начинается цивилизационная теория исторического процесса (О. Шпенглер, А. Тойнби, евразийцы и др.). Выход в свет этих текстов означал: русская культура в основном сформирована. Обозначены добро (мир, Россия) и зло (война, Европа). Анна Ахматова называла Толстого «полубогом», который творил мир по своему образу и подобию («из себя и через себя»). Лев Николаевич «придумывал» Россию и «угадал». «Война и мир» придала русской культуре (или культурно-историческому типу, по терминологии Н.Я. Данилевского) грандиозный масштаб. Говоря языком его позднего продолжателя – Б.Л. Пастернака: он «весь мир заставил плакать над красой земли своей». Сегодня ясно: без «Войны и мира» России не было бы.

В эти четыре тома возвращаешься, как в отчий дом, в город или деревню, где ты родился. Здесь все тебя знают и ты всех знаешь, ты – среди своих. И в уютном доме Ростовых, и во взвинченно-нервной атмосфере загородной резиденции князя Николая Андреевича Болконского в Лысых Горах. Князь Андрей и Пьер – твои братья, Наташа – сестра, Николай Ростов – товарищ юности. «Война и мир» – постоянный элемент нашего сознания. Еще – это абсолютная красота, как полотна Леонардо, музыка Баха, Генделя, Гайдна, Моцарта, поэзия Пастернака, вилла Боргезе в Риме, Венеция, Париж, Санкт-Петербург. По изобразительному богатству и размаху – сродни Бальзаку. М. Пруст говорил, что его инструмент – телескоп, а не микроскоп. Это относится и к Толстому.

Но то, что очевидно для нас, далеко не всегда было понятно его современникам. Так, друг Пушкина, князь П.А. Вяземский (некоторые факты его биографии отданы Пьеру – участие гражданского лица, невоенного в Бородинской битве), прекрасный поэт, и К.Н. Леонтьев, великий мысли-

тель и стилист, обвинили Льва Николаевича в том, что персонажам эпохи 1812 г. приписан психический строй людей 60-х годов, современников писателя. «Догадалась» Анна Ахматова. По свидетельству Л.К. Чуковской, она рассуждала следующим образом: «Исторической стилизацией – стилизацией в хорошем смысле слова, в смысле соблюдения признаков времени – он никогда не занимался. Высшее общество изображено современное ему, а не александровское... При Александре... оно было гораздо образованнее, чем потом. Наташа – если бы он написал ее в соответствии с временем – должна бы знать пушкинские стихи. Пьер должен был бы привезти в Лысые Горы известие о ссылке Пушкина. И, разумеется, никаких пеленок: женщины александровского времени занимались чтением, музыкой, светскими беседами на литературные темы и сами детей не нянчили. Это Софья Андреевна погрузилась в пеленки, потому и Наташа» [4, с. 65].

Мы приезжаем в Рим и там среди его античных руин восстанавливаем для себя тот мир, его мощь, победоносность. Мы открываем «Войну и мир», и слышится голос И.А. Бунина: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то... жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...» Нет, открывая «Войну и мир», мы, внуки, становимся современниками и соучастниками «всей этой мощи, сложности, богатства, счастья...» [3, с. 67].

Но так не думает Иосиф Бродский. Толстой для него – синоним начала падения великой русской литературы XIX в. Писатель, который отказался от пути Достоевского и соблазнился миметизмом, подражанием действительности. «Вообще, грубо говоря, существует два типа людей и, соответственно, два типа писателей. Первый, несомненно составляющий большинство, рассматривает жизнь как единственно доступную нам реальность. Став писателем, такой человек принимается воспроизводить эту реальность в мельчайших деталях – он дает тебе и разговор в спальней, и батальную сцену, фактуру мебельной обивки, ароматы, привкусы с точностью, соперничающей с непосредственным восприятием, с восприятием объектива твоей камеры, соперничающей, может быть, даже с самой реальностью. Закрыв его книгу, чувствуешь себя, как в кинотеатре, когда кончается фильм, зажигается свет и ты выходишь на улицу, восхищаясь “техничолором” или игрой того или иного артиста, которому ты, может быть, даже будешь потом пытаться подражать в манере речи или осанке» [2, с. 196].

Если бы я мог, то спросил бы величайший ум второй половины русского двадцатого века (это перепев из Бродского: «Я считал величайшим умом двадцатого века... Уистена Хью Одена»): а что, разговор в спальней не может иметь метафизический характер? Или батальные сцены сводятся к *Die erste Kolonne marschiert; Die zweite Kolonne marschiert?* А фактура

мебельной обивки «в мельчайших подробностях» интересна только антиквару? Извиняюсь, что привожу свой собственный пример. Однажды в Эрмитаже, найдя и насмотревшись всяческих живописных и скульптурных чудес, случайно забрел в залы, где демонстрировалась мебель начала XIX в. (эпоха Александра I). И вдруг понял, что мебель может свидетельствовать о том или ином времени не менее выразительно, чем холст, краска, мрамор, камень. Я занимался тогда Сперанским. Так вот мебель начала XIX в. – это портрет Карамзина. Изысканная простота, вмещающая в себя огромный, если можно так сказать, объем культуры. Ну, как развитые легкие вмещают много воздуха. Вот тебе и «фактура мебельной обивки»!

«Закрывать... книгу (Достоевского. – Ю. П.) – все равно что проснуться с изменившимся лицом» [1, с. 67]. Именно с «изменившимся лицом» я «проснулся», дочитав «Войну и мир». – Толстой дал мне ощущение укорененности и защищенности – вот он, мой русский мир. Я соприроден ему. Духовные и интеллектуальные искания Пьера, метания князя Андрея, добросовестная ограниченность Николая Ростова, гордыня старого князя Болконского и т.д. – мои.

Исторические персонажи – Наполеон, Кутузов – далеки от того, чем они были в действительности. Они даны с точки зрения русского мира. Ошибка лишь со Сперанским, который был для Отчизны, по точным словам Пушкина, «гением блага». Жаль, конечно, поскольку абсолютное большинство читателей о Сперанском никогда больше ничего не узнает. Михаил Михайлович – тоже наша «грамота на благородство».

Есть известные (потрясающие) строки Б. Пастернака: «И здесь кончается искусство / И дышит почва и судьба». Несколько переиначим: «Война и мир» – это то искусство, благодаря которому мы обретаем «почву и судьбу».

Я читал «Войну и мир» – следовательно, я существую.

Список литературы

1. Бродский И.А. Поклониться тени: эссе. – М.: Азбука-классика, 2006. – 254 с.
2. Бродский И.А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. – СПб.: Пушкинский фонд, 2001. – 375 с.
3. Бунин И.А. Окаянные дни. – М.: ДАРЪ, 2013. – 272 с.
4. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. Т. 2. – М.: Согласие, 1997. – 862 с.

Ю.С. ПИВОВАРОВ

«...БУДУЩАЯ НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ВСЕХ РУССКИХ НАДОЛГО...»

Так написал Ф.М. Достоевский о книге Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа: Взгляд на культурное и политическое отношение славянского мира к германо-романскому». Федор Михайлович жил в феврале 1869 г. во Флоренции и «бегал» на почту узнать, не пришел ли из России новый номер журнала «Заря», в котором в это время печаталась работа Данилевского.

В молодости они были знакомы и пострадали как участники кружка Петрашевского (правда, писатель оказался на каторге, а ученый провел сто дней в Петропавловской крепости и был выслан из Петербурга). «Этот Данилевский был прежде социалист и фурьерист, замечательнейший человек и тогда еще, когда попался по нашему делу, был удален и вот теперь воротился вполне русским и национальным человеком...» [2, с. 412].

Сын кавалерийского генерала (участника войны 1812 г.), в 1842 г. окончил Царскосельский лицей. Затем – вольнослушатель естественного факультета Петербургского университета и одновременно чиновник Канцелярии военного министерства. В 50-е годы XIX в. участвовал в «длительных и тяжелых экспедициях для исследования состояния рыболовства» в бассейне Волги и Каспийском море (под руководством великого Карла фон Бэра). А также – в Белом море, уже в качестве начальника экспедиции. Изучая рыбные промыслы России, работал в Астрахани, Архангельской губернии, на Псковском и Чудском озерах, в Царицыне, на Кубани, в Крыму, Персии, Норвегии и т.д. Последние двадцать лет жизни жил на южном берегу Крыма. Там и были написаны «Россия и Европа», двухтомный «Дарвинизм», в котором подвергается критике учение великого англичанина, многочисленные статьи. В 1872 г. становится тайным советником.

Философ истории, социолог, этнопсихолог, политический мыслитель и публицист, автор работ по богословию, экономике, статистике, географии. Он оставил о себе память и как зоолог, ихтиолог, эколог. Но, разумеется, главное – «Россия и Европа», увидевшая свет 150 лет назад.

Николай Яковлевич был первопроходец, отвергший европоцентристскую, однолинейную схему мировой истории (словно реализовал спорный завет Пушкина: «...Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой... история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом (т.е. Гизо. – Ю. П.) из истории христианского Запада») и обосновавший идею множественности и разнокачественности человеческих культур. По словам К. Леонтьева, это был мыслитель, который «дал нам нечто вроде научной основы для избрания дальнейшего самобытного исторического пути» [3, с. 226].

Данилевский утверждал: «Деление истории на древнюю, среднюю и новую... или вообще деление по степеням развития – не исчерпывает богатого содержания ее... Формы исторической жизни человечества... не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но и еще разнообразятся по культурно-историческим типам [1, с. 88]. Причем «деление по степеням развития» есть «только подчиненное, главное же должно состоять в отличии культурно-исторических типов, так сказать, самостоятельных своеобразных планов религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [там же]. Иначе говоря, Данилевский считал, что всемирная история является историей развития самостоятельных цивилизаций (и именно в рамках этих цивилизаций следует различать их древнюю, среднюю и новую историю).

Подобных цивилизаций (культурно-исторических типов), по его мнению, было одиннадцать (в хронологическом порядке): египетская, ассирийско-вавилонско-финикийская, китайская, индийская, иранская, еврейская, греческая, римская, аравийская (т.е. арабская), германо-романская (европейская), славянская.

При этом два американских культурно-исторических типа – мексиканский и перуанский – погибли насильственной смертью и не успели совершить своего развития. Что же касается славянского типа, то он в XIX столетии еще находился в стадии формирования, становления.

Однако, замечает Данилевский, «культурно-исторические типы, которые мы назвали положительными деятелями в истории человечества, не исчерпывают еще всего круга ее явлений. Как в Солнечной системе наряду с планетами есть еще и кометы, появляющиеся время от времени и потом на многие века исчезающие в безднах пространства, и есть космическая материя, обнаруживающаяся нам в виде падающих звезд, аэролитов и зодиакального света, так и в мире человечества, кроме положительных культурных типов или самобытных цивилизаций, есть еще временно появляющиеся феномены... как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогши испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнося их остатки, скрываются в прежнее ни-

чтожество. Назовем их отрицательными деятелями человечества. Наконец, есть племена, которым... не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия – ни положительной, ни отрицательной роли. Они составляют лишь этнографический материал, т.е. как бы неорганическое вещество, входящее в состав исторических организмов – культурно-исторических типов; они, без сомнения, увеличивают собой разнообразие и богатство их, но сами не достигают исторической индивидуальности. Таковы племена финские (эх, глянул бы Николай Яковлевич на современную Финляндию! – Ю.П.) и многие другие, имеющие еще меньшее значение.

Иногда нисходят на... ступень этнографического материала умершие и разложившиеся культурно-исторические типы, пока новый формационный (образовательный) принцип опять не соединит их, в смеси с другими элементами, в новый исторический организм, не воззовет к самостоятельной исторической жизни в форме нового культурно-исторического типа. Так случилось, например, с народами, составлявшими Западную Римскую империю, которые и в своей новой форме, подвергшись германскому образовательному принципу, носят название романских народов» [1, с. 92–93].

Согласно Данилевскому, положительная историческая жизнь народов «обнаруживает себя в четырех видах» (или «разрядах», или «основах») культурной деятельности: деятельность религиозная, деятельность культурная в узком смысле слова (наука, искусство, промышленность); деятельность политическая; деятельность общественно-экономическая (она «объединяет... отношения людей между собой не непосредственно, как нравственных и политических личностей, а посредственно – применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания, и обработки их» [1, с. 516].

Но это, разумеется, не означает, что все культурно-исторические типы реализуют себя во всех этих «разрядах деятельности». Более того, первые пять цивилизаций (хронологически) – египетская, китайская, вавилонская, индийская и иранская – «не проявили в особенности ни одной из... сторон человеческой деятельности, а были... культурами подготовительными, имевшими своею задачей выработать те условия, при которых... становится возможно жить в организованном обществе. Все в них было еще в смешении; религия, политика, культура, общественно-экономическая организация еще не выделились в особые категории деятельности» [1, с. 517]. Еврейская, греческая и римская цивилизации были, по Данилевскому, «одноосновными», или «односторонними». Соответственно: религиозной, культурной в узком смысле, политической. Об аравийской (арабской) цивилизации не сказано ничего. Германо-романский тип признавался двухосновным – политическим и культурным в узком смысле. Лишь для славянской цивилизации мыслитель предусматривал воз-

возможность воплощения себя во всех четырех разрядах человеческой деятельности. Этот культурно-исторический тип должен был стать первым четырехосновным.

Создавая принципиально новую философию истории, Данилевский вывел и пять законов исторического развития.

«Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группою языков, довольно близких между собою... составляют самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразные этнографические элементы, его составляющие... не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжительным, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [1, с. 95–96].

Содержание, смысл этих законов ясны. Следует прокомментировать лишь третий закон. Сделаем это с помощью К.Н. Бестужева-Рюмина, выдающегося историка, педагога (женские «Бестужевские курсы»), друга Данилевского и глубокого знатока его идей. «...Автор отвергает пересадку цивилизации одного народа к другому, но... прямо признает, что возникающие цивилизации развиваются под большим или меньшим влиянием предшествующих или современных цивилизаций. Это обстоятельство вызывает его на... анализ тех способов, которыми цивилизация передается.

Первым способом является колонизация; но при колонизации развитие совершается только между колонистами, туземцы или же истребляются, или обращаются в этнографический материал.

Второй способ – прививка; но при садовой прививке привитой глазок продолжает жить своей жизнью, а личок – своей. Таким глазком были

Александрия в Египте и римская культура в Галлии. Ни из того, ни из другого опыта не вышло пользы ни Египту, ни Галлии.

Третий способ влияния автор сравнивает с влиянием почвы на растительный организм или улучшенного питания на организм животных. Таково влияние Египта и Финикии на Грецию, Рим – на народы германороманские.

Организм сохраняет свою образовательную деятельность, он только питается результатами чужой деятельности и перерабатывает их по-своему. При таком отношении народов заимствуются от других результаты их опыта: выводы науки, успехи техники и т.п., но сохраняются своя религия, свой быт, свои учреждения. Вот почему все, что относится до познания человека и общества, а в особенности до практических применений этого познания, может быть только принято к сведению» [1, с. 574–575].

В связи с темой преемственности, трансляции влияния культур надо сказать: Данилевский отличал «типы (культурно-исторические. – Ю.П.) уединенные от типов или цивилизаций преемственных, плоды деятельности которых передавались от одного к другому, как материалы для питания, или как удобрение... той почвы, на которой должен был развиваться последующий тип.

Преемственными типами были египетский, ассирийско-вавилонно-финикийский, греческий, римский, еврейский и... европейский. Так как ни один из культурно-исторических типов не одарен привилегией бесконечности прогресса, так и каждый народ изживается, то понятно, что результаты, достигнутые последовательными трудами этих пяти или шести цивилизаций, своевременно сменявших одна другую и получивших сверхъестественный дар христианства, должны были далеко превзойти совершенно уединенные цивилизации, каковы китайская и индийская... Вот... самое простое и естественное объяснение западного прогресса и восточного застоя. Однако же и эти уединенные культурно-исторические типы развивали такие стороны жизни, которые не были в той же мере свойственны их более счастливым соперникам, и тем содействовали многосторонности проявления человеческого духа, в чем, собственно, и заключается прогресс» [1, с. 91–92].

Идеи Данилевского в XIX и XX вв. вызвали интенсивные дискуссии как в России, так и за рубежом. Ни один из русских ученых-гуманитариев не вызывал такого интереса на Западе. Больше всех для «продвижения» Данилевского в англоязычном мире сделал П.А. Сорокин, выдающийся социолог-эмигрант. По его мнению, Данилевский на пятьдесят–семьдесят лет раньше, чем западные ученые, пришел ко многим выводам и положениям, принятым современной наукой. Он называл автора «России и Европы» подлинным предшественником Шпенглера («шпенглеровская фило-

софия истории повторяет все основополагающие постулаты Данилевского» [4, с. 73]), Тойнби, Шубарта и др. «Доказывая сформулированные им законы, Данилевский выдвинул несколько общих принципов современной социологии и антропологии относительно диффузии, миграции, экспансии и мобильности культуры. Он также создал теорию, согласно которой технология или материальная культура имеют тенденцию распространяться повсеместно, проникая во все цивилизации, в то время как нематериальная культура может распространяться в границах собственной территории и не в состоянии охватить другие цивилизации, за исключением их отдельных элементов» [4, с. 9].

Также П.А. Сорокин признавал, что он сам и близкие к нему социологи (например, мангеймовской школы) и политологи многому научились и многое взяли у Николая Яковлевича.

Но у Данилевского есть – и совершенно справедливо – другая репутация. Теоретик панславизма, мыслитель, призывавший к войне с Европой, полагавшей Россию принципиальной «анти-Европой». Для него было характерно и националистическое мессианство. Так, из всех культурно-исторических типов только славянский (с русским ядром) должен и может реализовать себя во всех четырех родах деятельности. Вне всякого сомнения, без концепции Данилевского были бы невозможны Константин Леонтьев, евразийцы, другие теоретики нашего «особого пути» и антиевропеизма.

Тем не менее для нас Николай Яковлевич – великий русский мыслитель, много поспособствовавший новому, более глубокому пониманию исторического процесса. А все его национализмы, мессианство и «самолюбование» остались в прошлом и, хотя и являются отравленным источником вдохновения сегодняшних «особистов», не могут заслонить эту грандиозную фигуру, при всех «но», – дорогу для русских.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб.: Н. Страхов, 1889. – 610 с.
2. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 т. – СПб.: Наука, 1996. – Т. 15 : Письма. – 861 с.
3. Леонтьев К.Н. Избранное. – М.: Московский рабочий, 1993. – 397 с.
4. Sorokin P. Social Philosophies of an Age Crisis. – Boston, 1951. – 345 p.

Ю.С. ПИВОВАРОВ

***АНТИ-ЛЕНИН: ПЕТР СТРУВЕ – ТЕОРЕТИК РЕВИЗИОНИЗМА,
ЛИБЕРАЛ-ГОСУДАРСТВЕННИК, РЕЛИГИОЗНЫЙ
МЫСЛИТЕЛЬ, КРЕСТОНОСЕЦ
РУССКОЙ СВОБОДЫ***

«...Количественным успехом не увенчалось наше дело, до времени мы оказались сметены насилием воинствующего безбожия, однако духовная битва была дана и остается незабываема. Да будет же не забыто, что в первых рядах крестоносцев стоял ты, со всей независимостью, тебе всегда и во всем свойственной». Это – из надгробного слова протоиерея Сергия Булгакова (Сергей Николаевич Булгаков – выдающийся русский мыслитель), сказанного им 29 февраля 1944 г. в Париже в Александро-Невском соборе при отпевании Петра Бернгардовича Струве (родился 07.02.1870) [13, с. 5]. «Один из ответственных деятелей русской культуры, в своей писательской деятельности охранявший и собиравший ее подлинные ценности» [13, с. vi], человек, прославивший отечественную науку. «Однако и не одно это составляет главный дар своей жизни... Главным служением человека является то, которое требует для себя жертвенности, как первая и самая большая любовь, и этой любовью была для тебя не наука, но родина... Твой жизненный путь от начала и до конца явился поэтому рядом жертв во имя родины... Ты явил собою кристально чистый образ беззаветно любящего сына в наши страдные и роковые годы, показал веру, честь и честность, несгибающуюся твердость в век малодушия, колебания, двусмысленности, измены... И родина наша не забудет твое имя, когда придет время считать и вспоминать верных сынов своих» [13, с. 5].

Ну вот, время пришло. Многие его работы напечатаны в России. Специалисты их прочли, но, как мне кажется, в целом родина забыла своего сына. Н.А. Бердяев полагал Струве единственным отечественным политическим мыслителем мирового уровня в первой половине XX столетия. Однако в сегодняшней русской политике и мысли он не играет значительной роли.

Что же? Давайте вспоминать. Струве – старинный протестантский род из Шлезвиг-Гольштейна. Первым прославил его математик Якоб

Струве (1755–1841). Сын Вильгельм (1793–1864) в молодые годы остался в России, окончил Дерптский университет и был оставлен там профессорствовать. Возглавил обсерваторию, быстро завоевал репутацию одного из лучших астрономов Европы; принимал участие в строительстве Пулковской обсерватории. В России становится Василием Яковлевичем, получает гражданство, потомственное дворянство, избирается в Академию наук (со временем академиком будет и его внук Петр Струве). Вообще, разные поколения рода Струве впечатляющим образом «вложились» в астрономию. В 1862 г. директором Пулковской обсерватории назначен сын Василия Яковлевича – Отто. Герман Оттович и Людвиг Оттович впоследствии возглавляли соответственно Берлинскую и Краковскую обсерватории. И наконец, правнук Василия Яковлевича Отто Людвигович был до своей смерти в 1963 г. директором Радиоастрономической обсерватории США.

В 1827 г. у Вильгельма Струве родился сын Бернгард. Он окончил Царскосельский лицей, затем служил в администрации Н.Н. Муравьева (будущего Амурского) в Восточной Сибири. Женился на прибалтийской немке Анне Розен. Бернгард Струве был вице-губернатором и губернатором Астрахани и Перми (где появился на свет его сын Петр). В отставку Бернгард Струве уходит с чином действительного статского советника.

Петр Струве сначала учится в Штутгарте в немецкой школе, а с 1882 г. – в 3-й Петербургской гимназии – лучшей классической гимназии столицы империи. По всей видимости, атмосфера, царившая в доме Струве, оказала большое влияние на становление юного Петра Бернгардовича. Здесь он усвоил (во многом) некий архетип мировоззрения, который будет характерен для него всю жизнь. Конечно, его взгляды с годами менялись, претерпевали определенную эволюцию. Но эти трансформации носили, скорее, «надстроечный» характер, базис (архетип мировоззрения) оставался прежним. Этой его последовательности и внутренней логичности многие так и не поняли. Ленин, полагавший Струве ренегатом марксизма, Милюков и другие вожди либеральной интеллигенции, после появления «Вех» обрушившие на своего недавнего товарища обвинения в предательстве идеалов освободительного движения. А в наше время – Солженицын, в одном из романов также неприязненно отметивший идейные и политические «шатания» Струве и иронично-презрительно назвавший его «многиошущим». Этот «многиошущий» сформировался в семье, где сошлись и связались в тугой узел различные и весьма почтенные традиции.

Во-первых, это традиция либерально-консервативной просвещенной бюрократии, пережившей свой звездный час в эпоху Александра II. Выросший в этой блестящей и специфической среде, Струве твердо усвоил некоторые важные компоненты ее идеологии. К примеру, весьма своеобразный этатизм. С юношеских лет Петр Бернгардович был убежден в том, что государству должна принадлежать ведущая роль в сферах социальной

и экономической политики. Сильное государство, осуществляющее прогрессивные реформы, – этот основополагающий принцип российской просвещенной бюрократии стал одним из основополагающих принципов мировидения Струве. И потому-то так легко ему было принимать в конце 90-х годов этатистские концепции Л. Brentано и В. Зомбарта, а еще ранее – марксистские мотивы на эту тему. И потому же с глубоким уважением он говорил о внутренней политике Бисмарка.

Что касается монархизма, то, думаю, и здесь он прежде всего продолжал традицию просвещенной российской бюрократии. Конституционная, либеральная монархия, по его мнению, наиболее подходящая форма организации отечественной власти. Исторической задачей монархического государства в России является проведение социально-экономических реформ.

Во-вторых, традиция русского национализма и патриотизма. И то и другое имело в семье достаточно сильную славянофильскую и панславистскую окраску. Здесь с одобрением читали «Русь» И.С. Аксакова, «Дневник писателя» Достоевского, памфлеты А.И. Кошелева и генерала Р.А. Фадеева. Совсем юный Петр Струве прислушивается к разговорам взрослых о выступлениях И. Аксакова против Берлинского договора, о Пушкинской речи Достоевского. В зрелом уже возрасте Струве неоднократно говорил, что первой его любовью в мире идей были славянофилы и в особенности Иван Аксаков. Вообще, И. Аксаков, проникательно говорил биограф Струве Ричард Пайпс, – ключ к политической мысли Петра Бернгардовича. Уникальное аксаковское консервативно-либерально-националистическое мировоззрение перешло ему как бы по наследству [16, с. 16–19].

В-третьих, традиция, которую можно обозначить как семейную или, шире, родовую. Имеются в виду германские, протестантские корни и явная склонность представителей этого рода к науке. Действительно, знакомясь с жизнью этого человека, буквально ощущаешь, что, несмотря на всю свою русскость (в привычках, привязанностях, стиле, самоощущении, типических чертах т.д.) и принадлежность к русской культуре (в широком смысле слова), он опален и германским гением (который, замечу, далеко не только «сумрачный»). Бюргерско-гуманистическая, протестантская культура (гениально описанная Томасом Манном), в которую в ходе многовекового исторического процесса отлился германский дух (правда, и католическую немецкую тоже не стоит забывать) выковала, особый тип личности.

В 1888 г. он поступает на естественный факультет Петербургского университета, но уже в следующем году переводится на юридический. В 1890 г. создает марксистский кружок, в который входят экономист М.И. Туган-Барановский, Н.Ф. Соколов (в 1917 г. автор известного приказа № 1, способствовавшего разложению русской армии); историк Н.П. Пав-

лов-Сильванский, кн. В.А. Оболенский (в будущем член ЦК кадетской партии, в эмиграции написавший интересные мемуары). Возникновению кружка предшествовала поездка (летом 1890 г.) Струве в Германию и Швейцарию, где он приобрел солидную социал-демократическую библиотеку. Из этого своего путешествия Петр Бернгардович вернулся не только с чемоданом литературы, но и с солидным запасом новых впечатлений. Его, как он признавался, поразили сложность, богатство и интенсивность материальной культуры Запада.

В 1891–1892 гг. Струве учится в г. Граце (Австрия) у известного социолога и юриста Людвиг Гумилевича. В немецкоязычной социал-демократической прессе появляются его первые марксистские статьи. Но с самого начала Петр Бернгардович был весьма своеобразным марксистом. Позднее он вспоминал, что голод 1891–1892 гг. сделал из него марксиста больше, чем чтение «Капитала».

В конце 1892 г. возвращается в Петербург и работает библиотекарем в Министерстве финансов, учеба в университете прервана (нужно было зарабатывать на жизнь). В 1894 г. он впервые арестовывается и проводит двадцать дней в заключении. Вскоре выходит его книга «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»; ею начинается наиболее острая фаза войны марксистов против народников. Но эта монография была не только явлением в истории русского марксизма. Как писал впоследствии выдающийся экономист Б. Бруцкус, в ней молодой ученый с «действительной прозорливостью сумел верно определить сущность русского аграрного кризиса» [3, с. 63]. И это делало книгу событием национального масштаба. Ведь аграрный кризис имел ключевое значение для всей пореформенной России (демографический бум при дефиците пахотных земель, при сохранении экстенсивного характера хозяйствования; вообще низкий уровень культуры земледелия; впервые появились безземельные, сельские пролетарии, резко усилился процесс имущественной дифференциации крестьянства).

В декабре 1894 г. Струве знакомится с В.И. Ульяновым. В течение примерно полутора лет они проводят вместе немало времени. Хорошо известна резко негативная ленинская оценка мировоззрения и политической деятельности Петра Бернгардовича («Иуда», «Теленок», «Политический жонглер», «Великий мастер ренегатства»). Со своей стороны, уже в эмиграции в 30-е годы Струве напишет воспоминания о взаимоотношениях с Лениным, где вождь большевиков будет подвергнут уничтожающей критике и назван «думающей гильотиной». С.Л. Франк отмечает, что Струве «питал жгучую личную ненависть к Ленину как натуре злобной и жестокой» [15, с. 204]. Но, как мне кажется, все это относится к временам более поздним. В те же длинные зимние петербургские вечера середины 90-х годов двум наиболее выдающимся молодым русским марксистам навер-

няка было интересно друг с другом (к тому же ближайшими подругами, гимназическими одноклассницами были их будущие жены – Надежда Крупская и Антонина Герд).

В январе 1895 г. Струве пишет «Открытое письмо» Николаю II, в котором объявляет войну недавно взошедшему на престол, но уже успешному отвергнуть «конституционные мечтания» своих подданных императору: «Вы первый начали борьбу, и борьба не заставила себя ждать». И хотя 25-летний свободолюбец объявил 26-летнему «Хозяину Земли Русской», что «идет на Вы», его не тронули. Времена были мягкие, или, как сказала бы Надежда Мандельштам, – вегетарианские.

В марте Петр Бернгардович избирается членом «Вольного экономического общества», что являлось признанием его научных заслуг, а весной того же года сдает экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета.

Отношения с В.И. Ульяновым испортились, но не прервались. Он оказывает поддержку будущему Ленину, когда тот оказывается в заключении, распространяет только что вышедшую его книгу «Развитие капитализма в России» (кстати, это название придумано Струве). В 1896 г. принимает участие в работе IV Конгресса II Интернационала в Лондоне. Он составляет аграрную часть доклада русской делегации, с которым выступил Г.В. Плеханов. В 1897–1899 гг. вместе с Туган-Барановским редактирует марксистские журналы «критического» (ревизионистского) направления «Новое слово» и «Начало». В 1896 г. под его редакцией выходит первый том «Капитала». Тогда же Петр Бернгардович пишет «Манифест российской социал-демократической партии», который, по позднему признанию, выражал официальную марксистскую концепцию, а не личные, гораздо более «сложные» взгляды самого Струве.

В 1899 г. он публикует в Германии уже вполне ревизионистскую по содержанию работу «Марксова теория социального развития» (свидетельством того, что эта статья не потеряла своего значения по прошествии многих десятилетий, является факт ее перевода на французский язык в 1962 г. в журнале «Etudes de Marxologie»). В ней автор утверждает принципиальную возможность системных реформ (говоря современным языком) в рамках капиталистического общества, а также возможность избежать революцию при условии перехода от капитализма «стихийного» к «организованному», окультуренному, «совершенному».

Здесь будет уместен один вопрос: почему поколение, к которому принадлежал Струве, испытало в молодости сильнейшее увлечение марксизмом и активно работало в рядах социал-демократии. Это – Н.А. Бердяев (год рождения – 1874), С.Н. Булгаков (1871), А.С. Изгоев (1872), Б.А. Кистяковский (1868), П.Б. Струве (1870), С.Л. Франк (1877), Г.Г. Шпет (1879) и др. Заметим, что в этом – разумеется, далеко не пол-

ном, но весьма репрезентативном – списке шесть из семи авторов «Вех», одного из значительнейших документов отечественного самосознания и самопознания, а также то, что в скором будущем все они станут творцами русской религиозной философии XX в. и приобретут мировые имена. Знаменательно и то, что вся эта группа во главе с П.Б. Струве полностью и окончательно порвет с социал-демократией к революции 1905 г.

Но почему в определенный момент они стали марксистами? И чем обернулся их марксизм для русской мысли и культуры в целом? Итак, чем же можно объяснить этот феномен? «Детской болезнью левизны» – кто в двадцать лет не был революционером, ниспровергателем существующих порядков, обличителем социального зла и искателем земного рая? Модой на марксизм, которая прихлала в России как раз на молодость этого поколения? Новизной марксистских идей, их «научностью» и «наукообразностью»? Коллективистским началом, заложенным в марксизме и нашедшим отклик в коллективистской психе русской культуры? Утопическим проективизмом марксизма, до определенной степени созвучным утопическому проективизму отечественной мысли? Наверное, каждое из этих объяснений в той или иной мере справедливо. Наверное, можно привести и другие причины и резоны. Однако особое значение имеет саморефлексия самих этих людей. Что впоследствии они думали по поводу своего марксистского, социал-демократического прошлого. Как, придя уже на другие мировоззренческие и интеллектуальные позиции, объясняли случившееся с ними в начале жизни.

Послушаем Н.А. Бердяева и С.Н. Булгакова, чья эволюция была схожей с эволюцией Струве. «Я не раз задавал себе вопрос, что побудило меня стать марксистом, хоть и не ортодоксальным, а свободомыслящим? Вопрос сложный. Особая чувствительность к марксизму осталась у меня и донныне. Я не мог примкнуть к социалистам-народникам и к социалистам-революционерам, как они стали именоваться. Мне был чужд психологический тип старых русских революционеров. Кроме того, меня отталкивал пункт о терроре, к которому я всегда относился отрицательно. Марксизм обозначал совершенно новую формацию, он был кризисом русской интеллигенции. В конце 90-х годов образовалось марксистское течение, которое стояло на гораздо более высоком культурном уровне, чем другие течения революционной интеллигенции. Это был тип, мало похожий на тот, из которого впоследствии вышел большевизм. Я стал критическим марксистом, и это дало мне возможность остаться идеалистом в философии. Произошла дифференциация разных сфер и освобождение сферы духовной культуры. Марксизм того времени этому способствовал. В марксизме меня более всего пленил исторический размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 1890-х годов был, несомненно, процес-

сом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор» [1, с. 125].

С.Н. Булгаков же был твердо убежден в том, что «после политического удушья 80-х годов марксизм являлся источником бодрости, деятельного оптимизма, боевым кличем молодой России, как бы общественным бродилом. Он усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освещенный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России путь к этому возрождению» [4, с. 7].

Вдумаемся в эти слова Бердяева и Булгакова. Первое. Речь идет не вообще о марксизме, не о марксизме «ортодоксальном», а о марксизме «критическом», «свободомыслящем». Второе. Именно критический, свободомыслящий марксизм выводил передовую русскую интеллигенцию на «большой простор», к «широте мировых перспектив». Выводил из провинциализма народничества, из его узкого мышления, из кризиса отечественной социалистической идеологии. Такой марксизм был формой европеизации русской интеллигенции. Третье. Он позволял «встать на более высокий культурный уровень», «оставаться идеалистом в философии», способствовал «освобождению сферы духовной культуры» из-под ига вульгарного и наивного социологизма, характерного для традиционного народнического сознания. Четвертое. Марксизм Струве, Бердяева, Булгакова и им подобных был одновременно и способом, формой, идейным, научным обоснованием отказа от террора, который искушал отечественную интеллигенцию на протяжении всей ее истории. Этот марксизм получил в 90-е годы название «легальный». И хотя тогда в понятие «легальный марксизм» вкладывался другой смысл, появление этого термина далеко не случайно. Я убежден, что Ленин, Плеханов и ряд других «твердокаменных» русских социал-демократов, пустив в публицистический оборот – с целью размежевания со своими оппонентами и дискредитации их – словосочетание «легальный марксизм», не осознавали того, что попали в точку. Хотели сказать одно, а сказали совсем иное. Тот марксизм был действительно легальным, в самом прямом смысле. Он основывался на принципах права и законности, легальности и легитимности и потому органически отвергал террор. Пятое. В последние десятилетия XIX в. для многих представителей нового поколения отечественной интеллигенции марксизм стал «общественным бродилом», «источником бодрости и деятельного оптимизма... молодой России», вселявшим веру и указывавшим пути «национального возрождения». Парадоксальным образом это космополитическое, интернациональное изучение оказалось для русского ума школой патриотизма. Не казенного и пошлого, не шовинистического и мечтатель-

ного, а живого, деятельного, здорового, культурного. А от такого патриотизма было уже рукой подать до новой государственной идеи.

Но – еще раз. Всё это о марксизме Струве и его единомышленников. Один из самых блестящих – А.И. Изгоев писал: «...русский марксизм... сыграл огромную и очень благотворную роль в истории общественного развития... В России марксизм был воспринят преимущественно интеллигенцией и явился для нее незаменимой школой политического и социального реализма. В тесные кружки интеллигентской молодежи, жившей где-то на седьмом небе от грешной земли, в своем воображении создавшей фантастические миры, фантастический народ, брошен был действительно луч света, зерно настоящей науки. В то время, как эта молодежь фантазировала на все лады о превращении страны с тысячелетней историей, с многомиллионными народами в социалистический рай, ей указали, что европейский социализм является продуктом многовекового экономического развития, следующего своим законам, не особенно считающимся с желаниями и фантазиями кучки интеллигентов.

Интеллигенцию приглашали отречься от чрезмерной субъективности, изучать явления жизни не сквозь призму их желательности или нежелательности, а разыскивать подлинные социальные силы, т.е. которые на самом деле приводят в движение народы и государства и влекут за собой социальные и политические перевороты. Эти силы интеллигенции предлагалось искать в ходе экономического развития страны» [9, с. 4].

Кстати, схожее с этим мнением Изгоева, а также с приводившимся выше мнением Булгакова высказывал, уже находясь в эмиграции, Н. Валентинов, человек иного плана, круга, судьбы. Он вспоминает о группе радикальной интеллигентной молодежи, в которую входил в конце 90-х годов: «Мы обеими руками хватили марксизм, потому что нас увлекал его социологический и экономический оптимизм, эта фактами и цифрами свидетельствуемая крепчайшая уверенность, что развивающаяся экономика, развивающийся капитализм (отсюда внимание к нему), разлагая и стирая основу старого общества, создают новые общественные силы (среди них и мы), которые непременно повалят самодержавный строй со всеми его гадостями. Свойственная молодости оптимистическая психология искала и в марксизме находила концепцию оптимизма. Нас привлекало в марксизме и другое: его европеизм. Он шел из Европы, от него веяло, пахло не домашней плесенью, самобытностью, а чем-то новым, свежим, заманчивым. Марксизм был вестником, несущим обещание, что мы не останемся полуазиатской страной, а из Востока превратимся в Запад, с его культурой, учреждениями и его атрибутами, представляющими свободный политический строй» [6, с. 50].

Подчеркнем: и у Изгоева, Бердяева, Булгакова, и у Валентинова речь идет об их марксизме, «свободомыслящем», и это никак не относится к

идеям и практике Ленина, марксизма «твердокаменного». И еще одно немаловажное обстоятельство для понимания уникальной и специфической роли «русского марксизма». Его верно подметил Изгоев: «Русский марксизм во многом отличался от западноевропейского и во многих отношениях предвосхитил его развитие. Для сведущих в этой области людей не подлежит, например, сомнению, что П.Б. Струве раньше и во многих отношениях ярче развил ревизионистские идеи, чем Эд. Бернштейн» [9, с. 4].

Ключевое слово произнесено: «ревизионизм». «Критический», «свободомыслящий», «легальный» марксизм был марксизмом ревизионистским. А его признанным главой был П.Б. Струве. Этот и только этот марксизм оказался для русской интеллигенции «незаменимой школой политического и социального реализма». Этот и только этот марксизм подразумевается, когда я говорю: «русский марксизм». То есть – «частичный», редуцированный, лишенный ореола всеобъемлющего и единственно верного объяснения истории, экономики, политики, вообще мироустройства, сведенный до уровня эвристической общественно-экономической модели, дополненный достижениями различных социальных наук, соединенный с современной философией, «очищенный» религиозными ценностями.

Здесь следует сказать несколько слов в защиту ревизионизма как фундаментального принципа социальности. В политическом словаре советского общества этот термин обладал негативными коннотациями, был чуть ли не бранным. И это не случайно. Русская послеоктябрьская культура на дух не принимала идею ревизии, пересмотра, постоянной фальсификации и верификации тех ценностей, на которых она покоилась. Если что и генерировалось этой культурой, то – принципы верности и неизбылемости «первооснов». Всё остальное было побочным, факультативным, прикладным.

С точки зрения исторической перспективности подобный социальный тип обречен, поскольку в нем не заложен механизм саморазвития, как раз и предполагающий всеобъемлющую ревизию и беспощадную рефлексию по поводу «первооснов». Такая культура крайне неустойчива, нежизнеспособна, не имеет пространства для социального маневра.

Напротив, витально и перспективно лишь то общество, что базируется на принципе пересмотра своих «первооснов». Но ревизия в нем означает не беспринципный релятивизм, не абсолютизацию относительного, но – неуклонную поверку «вечных ценностей» живой жизнью и поиск равновесия, синтеза этих ценностей и потребностей времени. Причем формула синтеза меняется в каждую эпоху.

Главный представитель отечественного ревизионизма в статье с характерным названием «Против ортодоксальной нетерпимости» признавался: «Я не боюсь быть диким и брать то, что мне нужно, и у Канта, и у

Фихте, и у Маркса, и у Брентано, и у Родбертуса, и у Бем-Баверка, и у Лассалья» [11, с. 302]. Или вот другое, не менее характерное для него заявление: «Когда у меня требуют указать, интересы какого класса выражает философия Фихте, я чувствую, что от этого вопроса глупею» [там же].

Хочу подчеркнуть: эти слова Струве не свидетельство творческой всеядности, идейных шатаний и т.п. Нет, это голос свободного человека, не боявшегося говорить по-своему и, будучи крупнейшим теоретиком марксизма, ставить под вопрос даже принципиальные положения этого учения. Петр Бернгардович справедливо отмечал, что в «Критических заметках» (полное название его книги – «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». – Ю. П.) была сделана первая в литературе марксизма попытка привлечь к развитию и обоснованию марксизма критическую философию, в них же были развиты взгляды, заключавшие в себе отрицание *Zusammenbruchs – und Verelendungs Theorie*. Основные мотивы критического поворота в марксизме были предвосхищены... в моей книге 1894 года» [10, с. 300–301].

И хотя ревизионистский марксизм вызревал – как и полагается – постепенно, будущие ревизионисты сразу же разошлись с «твердокаменными» в понимании феномена свободы. Энгельсово определение свободы как осознанной необходимости в этой среде принято не было. Свобода, по утверждению Струве, «беззаконна... Другого философского смысла, кроме отрицания необходимости и закономерности, слово “свобода” и не имеет» [11, с. 125]. И от несогласия с традиционными марксистскими представлениями по важнейшей мировоззренческой проблеме он шел к выводу, что «метафизическая часть марксизма должна разделить судьбу диалектики и материализма, оказавшихся одинаково несостоятельными перед судом философской критики» [2, с. 12].

Струве предлагал отбросить весь этот философский «хлам» – наивную метафизику, поверхностную диалектику, плоский материализм – и обратиться к Канту. С.Л. Франк в 1910 г., когда тема необходимости «дополнения» Маркса Кантом вновь вспыхнула в российской социал-демократии, отмечал: «Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов; в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере, впервые о нем заговорил П.Б. Струве... и он первый среди марксистов призвал обновить философскую основу марксизма путем замены материализма критицизмом» [16, с. 348].

Об этом же пишет Р. Пайпс: «В своих попытках заменить гегельянские элементы в марксизме неокантианской философией Струве оказался пионером. Еще в студенческие годы он пытался сделать то, что в конце этого десятилетия (1890-е годы. – Ю. П.) превратилось в значительное теоретическое течение европейской социалистической мысли, а именно критический или кантианский марксизм» [17, с. 52]. Но Пайпс не совсем прав,

утверждая, что в «классическом» марксизме Струве обнаруживал лишь один эффект – «диалектику как чужеродный метафизический элемент» [17, с. 52].

Вслед за неокантианцем А. Рилем Струве утверждал, что гегелевская диалектика нарушает закон тождества и что этот закон, будучи переведенным на язык социологии, гласит: причина и следствие должны быть тождественными по содержанию и различными по форме. Таким образом, социализм, как следствие развитого капитализма, должен содержать его в себе. Струве, «используя рилевскую логику, целиком и полностью отверг концепцию революции как утопическую и усвоил идею эволюционного социализма, близкую фабианской. Критику доктрины социальной революции, с которой Бернштейн, основываясь на эмпирических фактах, выступил в конце 1890-х годов, Струве начал несколькими годами раньше, применяя при этом логический анализ» [17, с. 59].

Хорошо знавшая Струве видная деятельница кадетской партии и известная журналистка А.В. Тыркова-Вильямс писала о нем как о человеке, «для которого не было окончательно застывших форм. Он все проверял, переворачивал, перекапывал. Начав с марксизма и материализма, он через радикализм и идеализм дошел до православия и монархизма. Немало образованных людей его поколения прошли через этот путь. Но Струве шел впереди. Он первый находил оправдание, объяснение, выражение для еще неоформленных изменений в общественных настроениях. Он облакал их в слова, часто очень убедительные и острые, как лозунги» [14, с. 198].

Здесь точно схвачен интеллектуальный и психический облик Струве. Действительно, один из лидеров своего поколения (и какого!), один из центральных людей эпохи, смелый и гибкий ум, человек редких талантов и работоспособности, динамичный и открытый всему новому мыслитель и ученый. Он – один из первых русских марксистов и вождь марксизма «легального», критического, ревизионистского, один из руководителей освободительного движения 1900-х годов и партии конституционных демократов (член ЦК), депутат II Государственной думы, либерал и консерватор, русский националист и западник, патриот и типичный представитель интеллигенции, вдохновитель, организатор и участник трех важнейших сборников-манифестов в истории русской мысли («Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины») и автор «Манифеста российской социал-демократической партии», эмигрант при Николае II и большевиках, активнейший участник Гражданской войны, ученый (историк, экономист, социолог, правовед, политолог, философ, литературовед и т.д.), издатель и редактор, профессор, академик, директор экономического департамента МИДа первого состава Временного правительства и министр иностранных дел в правительстве барона Врангеля, наследник идей Ивана Аксакова, неокантианец и переводчик «Капитала» Маркса.

Он обладал удивительным, уникальным качеством – постоянно развивался, учился, пересматривал многое из того, что, казалось бы, уже продумано и принято, неуклонно расширял сферу научного и интеллектуального поиска. Историк русской мысли В.В. Зеньковский подчеркивает, что «ученость Струве с года на год становилась все более широкой и разносторонней – и один перечень написанных Струве книг и этюдов вскрывает энциклопедический склад его ума – и между тем написанные Струве работы лишь в небольшой степени выражают то, что накопилось в итоге его научных занятий и философских размышлений» [8, с. 369].

Но коренное своеобразие Струве заключалось не только в динамичной и принципиальной открытости его мышления, но и в том, что он никогда не менял своего мировоззрения, что всю жизнь оставался верен с молодости усвоенным и выработанным идейным и нравственным основам. Более того, именно опора на твердый и цельный фундамент и позволяла ему уверенно и властно осваивать новые теории и учения, концепции и проблемы. Никогда Струве не становился рабом какого-либо «изма» или какой-либо идеологии (марксистской, либеральной, консервативной, националистической, государственнической, экзистенциальной etc.). Он как бы проходил их насквозь, обогащаясь ими и обогащая их. Проходил и шел дальше, оставаясь самим собой. Его путь был в высшей степени последовательным и внутренне совершенно логичным.

Теперь – пунктиром – наметим биографию «взрослого» Струве. В 1899 г. за неблагонадежность лишен приват-доцентуры в Петербургском университете (вместе с Туган-Барановским). В апреле 1900 г. участвует в Псковском совещании социал-демократов; дает Ленину обещание поддерживать издание «Искры» (впоследствии в ней вышло две его статьи). В декабре в Берлине и Мюнхене продолжил переговоры с «искровцами». Но уже всюду шел процесс освобождения Струве от марксизма. Безусловная веха здесь – обширное предисловие к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» [2]. В 1901 г. выступает инициатором сборника «Проблема идеализма». Появление этой книги, помимо прочего, означало, что русский марксизм лишился своих наиболее талантливых представителей.

17 марта 1901 г. Струве принял участие в демонстрации петербургской интеллигенции на Казанской площади. Предыстория этой знаменитой демонстрации такова. 24 января были арестованы и отданы в солдаты 183 участника студенческих волнений в Киевском университете. В ответ на это террористы смертельно ранили министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Правительство заявило: арестованные освобождены не будут. Тогда студенты Петербурга начали готовиться к манифестации протеста.

За день до этого события Союз взаимопомощи русских писателей (основан в 1896 г., 500 членов, либеральная ориентация) решил поддержать акцию молодежи. Заседание 16 марта было драматическим. Н.Ф. Анненский (старший брат великого поэта), В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, П.Б. Струве и другие лидеры союза понимали всю двусмысленность ситуации. Ведь, поддерживая студентов, протестующих против действительно несправедливого решения власти, они одновременно, выходя на улицу, по сути дела, одобряли террористическую акцию, приведшую к смерти человека. И все же, несмотря на всю неоднозначность положения, Струве и его коллеги решили идти, с тем чтобы, во-первых, попытаться предотвратить избиение молодежи (справедливо предполагалось, что на студентов пустят казаков) и, во-вторых, этим своим присутствием на Казанской площади «объяснить» правительству неперспективность политики запретов, запугивания, обречения в солдаты и т.п.

Около часу дня в воскресенье 17 марта на плотную трехтысячную толпу, стоявшую под красным флагом перед зданием Казанского собора, обрушились казаки (по официальной версии это началось после того, как одному из офицеров каким-то железным предметом разбили в кровь лицо). Члены Союза писателей пытались остановить казаков, но безуспешно. Некоторые из них были арестованы. Н.Ф. Анненский избит. Получил пару ударов плетью и горячо защищавший студентов Струве (он пришел на Казанскую площадь вместе с женой Антониной Александровной, А.В. Тырковой и М.И. Туган-Барановским). 22 марта 155 членов Союза писателей подписали обращение к министру внутренних дел Д.С. Сипягину. В обращении подчеркивалось, что писатели «давно уже лишены возможности своевременным разъяснением нужд своей родины предотвращать подобные события». В ответ союз был закрыт, а Струве (наряду с другими «подписантами») отправлен в ссылку.

С апреля по ноябрь 1901 г. Струве в ссылке в Твери, где продолжает заниматься научной деятельностью, а также вступает в отношения с местными земскими деятелями, влиятельными в кругах умеренной оппозиции и одновременно известными на всю страну своими радикально-прогрессистскими взглядами. В Твери он принимает предложение земцев редактировать журнал, вокруг которого должны были объединиться все демократические силы России. В декабре 1901 г. Петр Бернгардович уезжает за границу, где с июля 1902 г. по октябрь 1905 г. редактирует журнал «Освобождение» (Штутгарт, Париж). Целью этого издания было формирование единого блока всех антисистемных сил. Струве еще не потерял надежды на то, что в рядах социал-демократов и эсеров верх возьмут ответственные умеренные силы. В августе 1903 г. в Шаффхаузене (Швейцария) он среди отцов-основателей «протокадетского» Союза освобождения. В октябре следующего года в Париже союз проводит конференцию (Струве – ее сек-

ретарь), на которую приглашаются все левые российские партии и группировки. Социал-демократы от участия отказываются, но и с приехавшими эсерами общего фронта против самодержавия либералам создать не удается. Его политический курс терпит неудачу.

Это окончательно открывает глаза Струве на крайне левый фланг освободительного движения. С предельной ясностью одним из первых среди «респектабельных» оппозиционеров и до начала еще обильного пролития крови он поймет, какие опасности таятся там для пока еле-еле брезжащей русской свободы.

После Манифеста 17 октября 1905 г. С.Ю. Витте пишет ему письмо с предложением вернуться из эмиграции и принять участие в строительстве новой России. Воспользовавшись амнистией, он возвращается и приступает к редактированию еженедельного журнала «Полярная звезда». Издание стало рупором тех сил, которые выступали за полный отказ от террора и репрессивной политики (как со стороны власти, так и ее оппонентов) и за проведение правовых реформ в рамках существующего порядка. В эти же месяцы он активно включается в работу московского земства. На II съезде кадетской партии (январь 1906 г.) избирается членом ее ЦК. В апреле и сентябре его можно видеть на III и IV съездах кадетов. В июле в Выборге он протестует против принятия известного воззвания группы леворадикальных депутатов Думы. В январе 1907 г. Струве избирается депутатом II Думы и быстро выдвигается в ряды наиболее заметных парламентариев. 2 июня в составе группы депутатов (С.Н. Булгаков, В.А. Маклаков и М.В. Чесноков) посещают П.А. Столыпина с целью предотвратить надвигающийся роспуск Думы.

Итак, 1907 год – Струве исполняется тридцать семь. Земная жизнь пройдена до половины. Заканчивается и первая русская гражданская междоусобица XX в. Для него наступает время подведения предварительных итогов и выработки позиции на будущее. Он задумывает книгу, в которой хочет «подвести итоги нашего культурного и политического развития и дать оценку пережитой нами революции» [10, с. 339]. Одна из глав предполагавшейся, но так и не дописанной работы носит название «Интеллигенция и революция» (или точнее: по словам автора, это даже не глава, а наброски к ней). Через два года именно этот его текст и войдет в сборник «Вехи». И в том же творчески плодотворном для Петра Бернгардовича 1907 г. им будут произнесены слова, которые объясняют тогдашнее нравственное и психическое состояние мыслителя. «В дни ноябрьского (1905 г. – Ю. П.) опьянения революционными речами, – говорит он, – вся та интеллигенция, которая находилась вне кадров “присяжной” “революции”, и в том числе и кадеты, должны были не стоять в стороне и мудро качать головой, а в мертвой схватке сразиться с революционным безумием, повести – перед народным сознанием – беспощадную борьбу с ним. Люди, которые

так думали и так чувствовали в то время, находились к сожалению, в полном одиночестве» [10, с. 41].

Хочу обратить внимание: Струве пишет свою «веховскую» программную работу в состоянии «полного одиночества». Им критикуется, обличается, исследуется, вскрывается природа безумия, которым охвачена русская интеллигенция. Однако только ли интеллигенция? Вчитайтесь в его энергичную и мощную прозу в «Вехах». И окажется, что не менее жестко и беспощадно он разоблачает и «безумие» того самого «простого» русского народа, который обычно противопоставляется этой почему-то всегда в нашей истории виноватой интеллигенции. В других статьях того же периода – беспощадный анализ власти. Таким образом, в работах, написанных по горячим следам первых русских «окаянных дней», Струве формулирует новое видение исторического процесса в России и исследует поведение главных действующих сил – интеллигенции, народа, власти.

После затухания революции Струве активно занимается преподавательской деятельностью. В конце 1906 г. становится редактором «Русской мысли», лучшего отечественного журнала начала столетия. Он явно переживал творческий подъем, вместе с тем явно терял влияние как политический деятель. Им создается весьма оригинальная и неожиданная для русской традиции философия государства и концепция государства российского. Это была комбинация – теоретически и реально-исторически смелая – идей монархии и правового государства. Не случайно именно в эти годы Н.А. Бердяев назвал его единственным творческим политическим умом России (в последующем они разошлись и остро критиковали друг друга, даже перестали, кажется, здороваться при встречах). В 1909–1913 гг. Петр Бернгардович участвует в собраниях Религиозно-философского общества. Марксист-ревизионист, неокантианец, либерал-государственник постепенно превращается в религиозного мыслителя.

В марте 1914 г. он, обращаясь к «Вехам», с расстояния нескольких лет оценивая значение идей этого сборника для религиозной философии, для мысли вообще, дает и себе философскую характеристику. Струве убежден, что у «Вех» есть свое и очень значительное место «в развитии общечеловеческой мысли. Быть может, сами авторы “Вех” в момент издания этого сборника не подозревали или... в полной мере не сознавали, насколько работа их мысли не замкнута в национальные рамки, насколько она входит в более широкое русло в мировой религиозно-философской и культурно-философской мысли» [12, с. 118]. Действительно, Струве принадлежал к тому – в общем немногочисленному, несмотря на обилие в ту эпоху на Руси философских талантов, – отряду отечественных мыслителей, который работал именно в русле мировой философии, на ее передних рубежах. Это, кстати, и есть причина, по которой в России «Вехи» не были поняты и оценены соответствующим образом. К этой книге, по его спра-

ведливому замечанию, подходили с позиций тех или иных «железобетонных» идеологий – неонародничества, марксизма, кадетизма и т.д. Но время таких идеологий ушло. «Вежи» – поверх идеологии, поверх, говоря языком начала XX в., «направленства». И это полностью относится к Струве – религиозному мыслителю новой чеканки.

В годы Первой мировой войны Струве входит в руководство Земского союза, возглавляет комитет по борьбе с торговлей с неприятелем. В 1915 г. окончательно рвет с партией кадетов. Но фактически пути Струве и либерализма милюковского образца (леворадикального) разошлись уже давно. За год до революции Петр Бернгардович посещает Англию и Францию, где пытается объяснить союзникам, что Россия постепенно скатывается в пропасть («попутно» в Кембридже удостоивается степени доктора этого знаменитейшего университета).

Между Февралем и Октябрем Струве был не на первых политических ролях. Это и понятно – востребованы были «крикуны», неврастеники, безответственные утописты. Весной 1917 г. Петр Бернгардович служит в Министерстве иностранных дел, возглавляет Экономический департамент. Летом все силы отдает организации «Лиги русской культуры» – пытается объединить тех немногих, кто остался трезвым и ответственным на пиру хлестаковых, маниловых, шигалевых. Программа лиги была простой и понятной: «духовно обоснованный патриотизм» – государство – свобода – культура. Струве наивно полагал, что вокруг этого, отбросив все свои идейные разногласия, соберутся многие. Этого не произошло. Его призыв не был услышан.

В истории страны наступала эра «думающей гильотины». И, казалось бы, что этому донкихоту, академику (Российской академии наук), профессору (Петербургского университета), теоретику и историку-экономисту (новаторские монографии «Крепостное хозяйство», «Хозяйство и цена» и др.), политическому мыслителю, общественному деятелю, редактору нашего лучшего журнала, европейской знаменитости нет больше места в сошедшей с ума России.

Казалось... Но в ноябре 1917 г. Струве в Новочеркасске, где участвует в создании Добровольческой армии. Он находит себя, обретает дыхание. Для него невозможно остаться в стороне, когда гибнет Родина. «И в словаре задумчивые внуки за словом долг / напишут слово: Дон». – Это ведь и о нем сказала тогда жена офицера Добрармии...

Для меня поведение Струве в годы Гражданской войны во много раз важнее и дороже, чем все то умное и даже гениальное, сформулированное им за его долгую жизнь. Точнее: подвиг борьбы с большевизмом дал его мысли золотое обеспечение. Тот высший отблеск благородства, который приобретается лишь жертвенным служением.

...1918 год – создание подпольных организаций в Москве, встречи с Брюсом Локкартом, подготовка к изданию сразу же ставшего легендарным сборника «Из глубины», переход по декабрьскому льду из Петрограда в Финляндию. 1919 год – в Париже и Лондоне сбор средств в поддержку белого движения, возвращение в Россию, член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. 1920 год – руководитель ведомства внешней политики в правительстве барона П.Н. Врангеля.

А затем эмиграция. И больше никогда он не увидит Россию. София–Прага–Берлин–Париж–Белград (с 1928 г. по 1942 г.) – Париж. В 20-е он еще социально активен: публично выступает, редактирует, участвует. Но с наступлением 30-х отходит от общественно-политической деятельности. И вновь начинается мощный творческий подъем. Струве принимается за итоговую философскую работу. В письме к Л. Франку Петр Бернгардович признается: «...решил фиксировать свою “систему критической философии”» [13, с. 11]. При этом выражал надежду: «Если мне удастся довести до конца свою “систему критической философии”.., связь религиозно-метафизического агностицизма с практическим “консерватизмом”, построенным, как у Аристотеля, на идее середины, будет как бы важнейшим пунктом всей моей философии не только социальной, но и религиозно-метафизической. В то же время она не только враждебна, но и прямо отвергает принципиально столь модный “прагматизм”, который, по-моему, есть наивное недоразумение» [13, с. 12].

Это творческое горение, несмотря ни на что, несмотря на самые трагические жизненные обстоятельства, не оставляло его практически до самых последних дней жизни. 27 августа 1939 г. – Франку: «Я... хочу создать новый синтез всей русской истории» [там же]. 01 января 1944 г. – ему же о том же: «Задача моя немалая: дать новый и в известном смысле безжалостный синтез русской истории, не российского пространства, а русской культуры и российской государственности» [13, с. 13].

В одной из поздних своих работ, посвященных высоко ценимому им Сергею Михайловичу Соловьеву, он написал: «Его мировоззрение не умещалось в рамки “направления” и тем менее “партии”. Он был религиозный государственный: одинаково любивший и свободу человеческой личности, и мощь организованного в государстве народа» [13, с. 14]. Убежден, что эти слова – максимально точная характеристика Струве.

Петр Бернгардович не успел завершить «безжалостного синтеза русской истории. Этот текст не был завершен. Но и в этом виде представляет собой одну из самых интересных в XX в. попыток философии русской истории (опубликовано в 1952 г. в Париже – «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и русской государственности»).

«В истории русских философских исканий Струве принадлежит свое особое место» [8, с. 124]. Так осторожно и дипломатично оценил вклад Петра Бернгардовича в русскую культуру его современник и во многом единомышленник. Мы не будем в этой работе пересказывать основные положения его философии, социологии, политологии, истории, экономики и т.д. Об этом сегодня можно прочесть в целом ряде добросовестных исследований. – Но все же попытаемся расшифровать это «особое место».

По нашему убеждению, Струве проявил свой «гений» как минимум в трех сферах философского и научного поиска: политическая философия и философия государства; философия русской истории (социальной, политической, экономической, культурной); философия экономики (или, как сказал бы он сам и его друзья Туган-Барановский, Булгаков, Франц, – «хозяйства»). При этом есть одна тема, которая насквозь проходит все три эти сферы, объемлет их и одновременно является центром, к которому они стремятся. Это тема русской революции.

«После первых дней оптимизма сразу же остро ощутил смертельную опасность революции и ринулся в борьбу против нее», – так С.Л. Франк характеризует позицию Струве по отношению к Февралю [15, с. 13]. Когда же ему напоминали об этом начальном февральском оптимизме, отвечал злой репликой: «Дурак был». С Октябрем все было просто и ясно: «Что там реакция! Иоанн Грозный – молния с неба – вот что было бы адекватно творящейся мерзости» [15, с. 119].

Еще в марте 1908 г. Струве писал: «Русская революция научила меня живо ощущать и понимать, что такое государство» [10, с. 410].

Итак, для него государство и революция тесно связаны. Как мы знаем, он хотел написать книгу с таким названием. Не дописал. А вот его бывшему приятелю, затем недругу и врагу удалось. Но Ленин не сумел приблизиться к сути этой темы, которая во многом подобна «Войне и миру» Толстого. «Война» для Льва Николаевича – это отрицание мира и мира. В то же время по негативу она неразрывно связана с ними. У Струве социальное состояние «государство» прямо противоположно состоянию «революция». Государство есть «организм», который во имя культуры подчиняет жизнь началу дисциплины. Дух же государственной дисциплины – чужд русской революции. Этот феномен «предполагает» отсутствие государства, культуры, дисциплины.

Через несколько лет после смерти Петра Бернгардовича С.Л. Франк подведет итог жизни своего друга: «Этот по наружному своему облику, по внешнему устройству и ходу своей жизни типичный русский интеллигент-аскет, неряшливый и беззаботный, для себя самого равнодушный к жизненным удобствам и благолепию, был, так сказать, бескорыстно страстным любителем жизни во всей конкретной полноте ее проявлений. Его практический аскетизм вытекал просто из его личного бескорыстия, из

направленности его духа на созерцание жизни и на действенное моральное участие в ней... Доминирующая в его мировоззрении идея культуры, всяческой культуры, материальной не менее, чем духовной... вытекала из этой его органической обращенности на жизнь...

Это внимание к конкретной жизни и признание ее положительной ценности исключали для него возможность быть партийным человеком, быть пленным какой-либо партийной участью, односторонностью и пристрастностью. Его любимым лозунгом было: “Надо рассуждать по существу”, что значило для него оценивать явления жизни и ценность отдельных людей по их внутреннему собственному содержанию, их объективной ценности, независимо от того, имели ли мы дело с политическим другом или врагом...

Струве был как бы насквозь, до последней глубины, натурой чистой и горящей..., но бескорыстие, отсутствие тайной оглядки на свои личные интересы, отсутствие мысли о личной карьере, репутации, материальном положении и вообще отсутствие всякой мелочности в жизни и отношениях с людьми давалось ему само собой, было в нем самой его природой... Горячность в любви к правде и добру, негодование на неправду и зло были основным двигательным состоянием его души. Он был по натуре страстным человеком, и вся его страстность уходила на бескорыстное служение. Он был одинаково и страстным мыслителем, искателем объективной истины, и страстным борцом за моральную правду и общественное строительство. Эти две страсти на практике, часто раздиравшие его жизнь, где-то в последней глубине его существа сливались в единую страсть к правде в том глубоком и первичном, религиозном смысле этого начала, в котором правда-истина и правда-справедливость суть все две стороны нераздельно – единой правды как жизни в согласии с истинно Сущим» [15, с. 201–206].

Несколько слов о названии работы. Почему: анти-Ленин? По свидетельству О.А. Шмемана, русского священника, прожившего всю жизнь в эмиграции, историка церкви и мыслителя, А.И. Солженицын говорил ему, чтобы победить Ленина и ленинизм необходимо стать Лениным, только – анти. Необходимы железная воля и железная (само) дисциплина, стопроцентная целеустремленность, цельность, жесткость. Нужен характер Ленина и его самоотдача, борьба со всякими там плюралистами. И еще бы хорошо иметь партию ленинского типа, но с прямопротивоположной идеологией. Сурового Ленина превзойдет не менее суровый анти-Ленин. Александр Исаевич, видимо, полагал таковым себя. И это во многом справедливо.

С одной поправкой. В 1870 г. в России родился не только мальчик Владимир Ульянов, в будущем – Ленин, но и мальчик Петр Струве, в будущем – анти-Ленин. Действительно, ровесники, выходцы из нового, служилого дворянства, выпускники классических гимназий и юридического

факультета Петербургского университета (оба – экстерном), приятели, женившиеся на одноклассницах, марксисты и противники самодержавия, авторы блестящих книг по развитию капитализма в России. Наверное, было и еще что-то схожее. Но... стоп. Дальше – в разные стороны. Добрый характер, ум, открытый классической и современной философии, наукам (экономической, социологической, правовой, политической, исторической и т.д.), человек, впитавший в себя как свою Русь, так и мировую культуру. И другой ум – сильный, узкий, догматический, грубо отметающий все потенциально опасное для его железобетонного марксизма. Недобрый, подозрительный, злопамятный, циничный, жестокий. Типичный представитель «людей зла» (по терминологии, Л.Н. Толстого). Их ровесник И.А. Бунин писал о Ленине: «Планетарный злодей, осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству, равенству, высоко сидел на шее русского “дикаря” и призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие. Выродок, нравственный урод... Ленин явил миру нечто чудовищное, потрясающее: он разорил величайшую в мире страну и убил миллионы людей, а среди белого дня спорят: благодетель он человечества или нет?» [5].

Нет, мы не участвуем в этом споре. Мы полностью согласны с Иваном Алексеевичем. Нам это тем более легко сделать, что у нас есть Струве. И тогда, сто лет назад, и сегодня он – персонификатор другой, неленинской России. Страны – совести, стыда, любви, милосердия. Явление Струве – залог того, что и в Отечестве возможны свобода, равенство, братство.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание: (Опыт автобиографии). – Париж: YMCA-press, 1949. – 377 с.
2. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н.К. Михайловском. – СПб.: О.Н. Попова, 1901. – 356 с.
3. Бруцкус Б. О природе русского аграрного кризиса // Сборник статей, посвященных Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. – Прага: Legiografie, 1925. – С. 59–70.
4. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму. – СПб.: Общественная польза, 1903. – 347 с.
5. Бунин И.А. Миссия русской эмиграции. Режим доступа: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2142.shtml (Дата обращения: 01.12.2019)
6. Валентинов Н. Встречи с Лениным. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1953. – 355 с.
7. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. – Л.: Эго, 1991. – Т. 2, ч. 2. – 268 с.
8. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. – М., 1956. – Т. 2. – 414 с.
9. Изгоев А.С. Интеллигенция и «Вехи» // Русское общество и революция. – М., 1910. – С. 3–11.
10. Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм: Сборник статей за пять лет (1905–1910). – СПб.: Д.Е. Жуковский, 1911. – 619 с.

-
11. Струве П.Б. На разные темы. – СПб.: тип. А.Е. Колпинского, 1902. – 555 с.
 12. Струве П.Б. Почему застоялась наша духовная жизнь? // Русская мысль. – М., 1914. – № 3. – С. 104–118.
 13. Струве П.Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. – Париж, 1952. – 386 с.
 14. Тыркова А.В. На путях к свободе. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1952. – 429 с.
 15. Франк С.Л. Биография П.Б. Струве. – Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1956. – 237 с.
 16. Франк С.Л. Философия и жизнь: Этюды и наброски по философской культуре. – СПб.: Д.Е. Жуковский, 1910. – 389 с.
 17. Pipes R. Struve: Liberal on the Left. – Cambridge; London: Harvard univ. press, 1970. – 415 p.

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЮБИЛЕЕВ**

М.А. КРАСНОВ

***ОТВЕРГНУТАЯ КОНСТИТУЦИЯ
(ЭТЮД В ДУХЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ)***

1.

Возникшие с началом либерализации советского режима (перестройки) центробежные тенденции затронули и активную часть населения «метрополии» – РСФСР-России. Причем, за эмансипацию выступали, хотя и по разным мотивам, как либерально мыслящие сторонники «экономического суверенитета» России, так и «представители откровенно консервативных течений» [см.: 5, с. 30] – главным образом националисты и коммунисты-сталинисты. Неудивительно, что **Декларация о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г.**¹ [6] стала одним из первых решений первого Съезда народных депутатов (СНД) РСФСР², принятым к тому же внушительным большинством.

Замечательный юрист, ставший народным депутатом РСФСР и активно участвовавший в разработке конституционных проектов Л.Б. Волков (ныне покойный), писал, что избрание «главой республики Б.Н. Ельцина подтверждало воплощение Декларации на практике – превращение России из “территории” на общей карте Союза ССР в реальное самостоятельное государство» [5, с. 33] и поэтому *«акт принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР может рассматриваться как учредительный акт. Соответственно, орган, принявший ее, – первый Съезд народных депутатов РСФСР, – приобретает значение своего рода Учредительного собрания. Тем самым, на наш взгляд, – резюмировал он, – была исправлена историческая ошибка большевиков, не допустивших деятельности Учредительного собрания России в 1918 году»* [там же].

Съезд, конечно, мог бы стать конституантой, если бы речь шла о превращении России в полностью самостоятельное государство, а не о статусе республики в составе Союза ССР. Однако к резкому разрыву с

¹ Нормативные акты проанализированы с помощью СПС «КонсультантПлюс».

² Первое заседание СНД РСФСР состоялось 16 мая.

Кремлем и, следовательно, к выходу из Союза ССР в 1990 г. еще никто не был готов, а Декларация должна была лишь заявить союзному руководству о пересмотре принципов взаимоотношений с ним и определить позицию представителей российской власти на переговорах о новом Союзном договоре. Так что речь никак не могла идти об учреждении нового государства.

Но нельзя отрицать, что Декларация *размывала* принципы советской политической и экономической систем. В частности, в ней ревизовался один из большевистских «догматов» – принцип «работающей корпорации», который сформулировал еще К. Маркс, анализируя деятельность Парижской коммуны [13, с. 342]. Этот принцип лежал в основе советского типа государства как переходной формы в процессе «отмирания» государственности вообще. Закрепив же в п. 13 Декларации, что «разделение законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства», т.е. применив сразу два «буржуазных» понятия – разделение властей и правовое государство, Съезд теоретически разрушал фундамент советского типа власти. Но до полного отказа от советской системы дело не дошло.

Неправильно также говорить и об *исправлении «исторической ошибки большевиков»*: разгон Учредительного собрания в январе 1918 г. – это не ошибка, а *преступление*: государственный переворот. Другое дело, что и без разгона «Учредилки» (презрительный термин Ленина), судьба России вряд ли кардинально отличалась бы от реальной истории. Если вспомнить, что на выборах в Учредительное собрание эсеры, большевики и левые эсеры (партии, которые признавали террор в качестве метода борьбы) в совокупности получили почти 82% мест, Россия все равно стала бы тоталитарным государством (кстати, в духе альтернативной истории было бы интересно обрисовать основные черты возможной конституции, основываясь на программных положениях этих трех партий) и не избежала бы гражданской войны.

И все же значение Декларации Съезда в конституционной истории России огромно, ибо она дала толчок конституционному процессу: в п. 15 провозглашалось, что Декларация служит «основой для разработки новой Конституции РСФСР, заключения Союзного договора и совершенствования республиканского законодательства». Казалось бы, это свидетельствовало о том, что депутаты всерьез настроены как можно быстрее принять новую конституцию. И действительно, уже 16 июня 1990 г. СНД РСФСР образовал **Конституционную комиссию** в составе 102 депутатов (включая ее председателя Б.Н. Ельцина), а 22 июня утвердил Примерный график, в соответствии с которым на конец года планировалось вынести основные положения на *референдум*, в начале 1991 г. *обсудить проект* на

Съезде и к весне 1991 г. *принять Конституцию* [см.: 19, с. 31; 23, с. 681–682].

Работа над проектом началась весьма активно и с подъемом, учитывая, что, с одной стороны, костяк Рабочей группы Конституционной комиссии составляли либерально мыслящие депутаты и эксперты, с другой – само время было еще временем надежд. Как вспоминает В.Л. Шейнис, «разработчики проекта, находясь под впечатлением недавних побед, которые привели их в парламент, и встреч с избирателями, политическая активность которых была еще высока, верили, что страна готова принять Конституцию, порывающую с советскими порядками, и что реализация их трудов не за горами» [23, с. 703].

Однако довольно скоро стало понятно, что эйфория была безосновательной. Уже осенью 1990 г. появились признаки негативного отношения к идее новой конституции. Как вспоминает ответственный секретарь Конституционной комиссии и ее «мотор» О.Г. Румянцев, при голосовании по варианту проекта от 12 ноября 1990 г.¹ [19, с. 54–55] на заседании комиссии «решение было принято, что называется, “с боем пополам”, с минимальным перевесом: 37 голосов – “за”, 33 – “против” при 32 отсутствующих (или бойкотировавших?)» [там же, с. 54]. А затем «резко усилился и натиск на проект со стороны его оппонентов. Перспективы продвижения его в парламенте в глазах руководства комиссии в той ситуации становились малообещающими, и при подготовке ко второму Съезду консервативный подход к конституционной реформе взял верх» [там же, с. 57]. Действительно, вопрос о конституционном проекте попросту не был включен в повестку дня второго (декабрь 1990 г.) Съезда (вопрос о новой Конституции будет вновь поднят через два года, но уже в совсем иных политических условиях).

Почему Съезд отверг идею принятия новой Конституции? Конечно, не потому, что у него не было на это прямого мандата. К тому же в мировой истории есть примеры, когда государственный орган или некая коллегия в ходе своей деятельности кардинально меняли имеющийся мандат.

В 1787 г. делегаты от штатов собрались в Филадельфии *для внесения поправок в статьи Конфедерации* (американскую протоконституцию). Но известен Филадельфийский конвент тем, что на нем была разработана и принята *новая Конституция*, т.е. в прямом смысле *учреждено* новое государство: из Конфедерации североамериканских штатов возникла федерация – Соединенные Штаты Америки. Решение изменить мандат было принято самим Конвентом под председательством Дж. Вашингтона. По его

¹ Первый вариант был готов уже 12 октября. Но к заседанию Конституционной комиссии 12 ноября его немного доработали и после заседания он был опубликован 40-миллионным тиражом.

предложению, «было решено сохранять все в тайне по очень простой причине: с самого начала делегаты намеревались “почистить” статьи Конфедерации и *написать абсолютно новый документ* (курсив мой. – М. К.)» [18, с. 71]. Это дало повод некоторым американским авторам считать, что отцы-основатели совершили государственный переворот [см.: 12, с. 50], по крайней мере, «превысили полномочия, которыми их наделил Континентальный конгресс» [15, с. 186].

Однако, думаю, даже с формальной точки зрения это не так. Во-первых, здесь некорректен упрек в том, что порядок вступления в силу поправок к статьям требовал одобрения *всеми* штатами, а Конституция вступала в силу после ратификации девятью из тринадцати. Конституция не была «замаскированными» статьями Конфедерации. Это был совсем другой акт (акт нового государства), имевший свой собственный порядок вступления в силу. К тому же Конституцию на ратификацию направил не сам Конвент, а высший орган Конфедерации – Континентальный конгресс, признав тем самым ее законность. И, во-вторых, легитимность Конституции была обеспечена ее последующими ратификациями всеми штатами, хотя процесс и растянулся на три года (дольше всех упирался Род-Айленд, поначалу вообще отвергавший Конституцию). Штаты вполне были вольны не одобрять создание единого государства и, соответственно, его Конституцию.

Съезд при желании тоже вполне мог, как и Филадельфийский конвент, стать легитимной конституантой, тем более что намечалось проведение *референдума* по основным положениям конституционного проекта. Если бы они были одобрены большинством, это стало бы источником политического мандата.

Однако в том-то и дело, что нельзя проводить аналогию между СНД и Конвентом. Вовсе не из-за их количественных различий: несколько десятков высокообразованных посланцев штатов против тысячи с лишним народных депутатов. И не потому, что отцы-основатели выступали одновременно как политики и как авторы конституционного текста (правда, для подготовки первоначальных вариантов создавались небольшие комитеты). Помимо прочего, это психологически обеспечивало лояльность к тексту проекта: как известно, интеллектуальный продукт воспринимается гораздо более позитивно, когда сам участвуешь в его подготовке. Главное отличие было в другом.

Хотя позиции участников Конвента расходились по ряду важных вопросов, прежде всего о принципах федерации и организации федеральной власти, они были *мировоззренческими единомышленниками*: им одинаково были близки ценности Декларации независимости 1776 г. – естественные права человека, разделение властей, ненависть к любой форме

тирании. Декларация стала стержнем общественного консенсуса [1, с. 36; 24, с. 129–130].

Декларация о государственном суверенитете РСФСР не обладала таким же объединительным потенциалом. Ее, насыщенную чуждыми советскому человеку идеями и понятиями, не могли считать «своей» противники либеральных реформ¹. Но тогда почему Декларация была поддержана подавляющим большинством народных депутатов? Во-первых, она воспринималась (да и была таковой) лишь как способ политического давления на союзную власть. Во-вторых, тезисы Декларации уже не шокировали «консерваторов», поскольку еще за два года до этого они были «легализованы» в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС (июль 1988 г.) [17]. Однако когда речь зашла уже не о документе с неясной юридической силой, не о политических заявлениях, а о проекте акта, который будет императивно определять основные «правила игры», отношение депутатов радикально изменилось. Да, они избрали Конституционную комиссию, утвердили основные этапы обсуждения проекта и примерные сроки принятия новой Конституции. Но оказалось, что это тоже была лишь своеобразная демонстрация «фиги» союзному руководству. И в этом – еще одно принципиальное отличие американской конституционной истории от российской.

Конвент собрался для решения главного вопроса – быть или не быть независимости штатов от Британской короны. Эта независимость могла быть обеспечена только созданием единого государства: Конфедерацию ждал либо приход диктатора, либо вновь обретение штатами колониального статуса (положения договора 1783 г. некоторыми штатами игнорировались, что давало Великобритании повод для отказа от своих обязательств).

Съезд же лишь *играл* с идеей независимости. Во-первых, Россия была не «штатом», а «метрополией», держащей на себе единое государство. А, во-вторых, на самом деле речь вообще не шла о государственной независимости: республиканская «номенклатура» («элита») просто хотела гораздо большей самостоятельности и уменьшения влияния союзной бюрократии. Слова о «суверенитете» не означали готовности ни «начальства», ни граждан к распаду СССР (даже несмотря на то что вопрос о сохранении Союза будет поставлен в лукавой формулировке, большинство россиян на референдуме 17 марта 1991 г. ответят положительно). Июньский эмоциональный накал – настроенность на перемены – к осени 1990 г. у многих

¹ Российский политикум был совершенно аморфным – как в организационном отношении, так и в идейном. Но в идеологическом «киселе» того времени выделялись две основные «фракции» – «демократы» и «коммунисты», хотя это деление не тождественно делению на сторонников и противников имплементации *европейских гуманитарных достижений (ценностей)*.

прошел. А тут депутатам предлагается обсудить документ, принятие которого способно разнести вдребезги всю советскую машину. Понятно, что лучше сделать вид, будто никаких решений о конституционном процессе не принималось и отнести принятие новой Конституции куда-нибудь «на потом».

О.Г. Румянцев считает, что «усилившееся напряжение привело к тому, что Б.Н. Ельцин и его ближайшее окружение дрогнули: *обсуждение проекта Конституции РФ исключили из проекта повестки дня второго Съезда, назначенного на декабрь 1990 г.* Конституционный процесс был направлен в другое русло. Рассмотрение на Съезде вопроса о проекте Конституции по итогам 1990 года так и не состоялось, и руководители Комиссии услышали дружные возражения оппонентов и притормозили» [19, с. 57]. Но в стране в этот период (осень – начало зимы 1990 г.) не происходило чего-то экстраординарного. Из-за чего же тогда «усилилось напряжение»?

Румянцев, вероятнее всего, имеет в виду ситуацию внутри самого съездовского руководства. Действительно, все отчетливее стали раздаваться голоса противников быстрого принятия Конституции. Другое дело, что такая позиция проявляла себя, скорее, в виде недовольства действиями самого ответственного секретаря Конституционной комиссии. Об этом можно судить, например, по Докладной записке, направленной председателем Совета Республики (палаты Верховного совета РСФСР) В.Б. Исаковым на имя Б.Н. Ельцина. Среди прочего, в ней говорилось: «Депутаты и руководители местных органов власти высказывают серьезные замечания о деятельности Конституционной комиссии. В ее рабочей группе *подобрался тесный круг единомышленников, которые практически монополизировали работу* (курсив мой. – М. К.) над проектом Конституции РСФСР. Все иные мнения, не укладывающиеся в принятую ими концепцию, по существу игнорируются. *Не завершен конкурс на лучший проект Конституции РСФСР, не подведены его итоги*¹. Конституция *не обсуждена в Верховном совете РСФСР*. Тем не менее проект Конституции вынесен практически на всенародное обсуждение (имелось в виду опубликование проекта 12 ноября 1990 г. массовым тиражом. – М. К.)» [8, с. 166].

2.

Фердинанд Лассаль высмеивал определения конституции, которые содержали в себе лишь *юридические* характеристики [11, с. 5]. Действительно, такое формальное понимание конституции не способно объяснить

¹ Правда, сама идея такого конкурса мне представляется порочной, искусственной демонстрацией демократизма.

этот феномен. Сам же Лассаль впал в другую крайность, определяя конституцию исключительно как «существующие в стране *фактические* отношения силы» [11, с. 9–10] и низводя тем самым значение юридической (писаной) конституции до «протокольного акта», оформляющего сущее.

Между тем, если мы хотим понять сущность и смысл государственной конституции, нельзя абсолютизировать ни юридические, ни социологические ее характеристики. С одной стороны, это не просто юридический закон, а закон, выше которого не может быть в государстве ничего и который устанавливает прежде всего ограничения для самой власти. Но сами эти ограничения (в широком смысле) не могут быть *лишь* плодом представлений авторов конституции об идеальном / оптимальном государственном организме. В противном случае, скорее всего, конституционные нормы окажутся слишком далекими от реальности и такой разрыв приведет к тому, что конституция не сможет действовать или даже приведет к общественным потрясениям.

Лассаль, говоря, что «писаная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительной конституцией, *действительными отношениями силы*, существующими в стране» [там же, с. 21], был прав частично, так как «отношения силы» – это все же не единственный фактор. Не менее важными элементами «фактической» конституции являются также доминирующие в данном обществе ценности, уровень политического просвещения, конституционного сознания и т.п.

Американо-британский политолог Ларри Зидентоп высоко оценил уровень такого сознания у американцев: «Конституционные формы и порожденные ими установки в ряде случаев способны заставить народ отказаться от своих первых побуждений. Отношение американского народа – обычно глубоко переживающего моральные проблемы – к разоблачению сексуальных прегрешений Президента Клинтона служит тому самым недавним и ярким примером. Находясь под сильнейшим воздействием того определения “серьезных преступлений и правонарушений”, которое дается Конституцией, подавляющее большинство американцев не поддержало кампанию по отрешению Президента от должности. Ощущение нерушимости конституционных норм возобладало над похотливостью и над моральным осуждением. Конституция Соединенных Штатов сдержала популистские инстинкты» [7, с. 48].

Какова же была **«действительная (фактическая) Конституция** в РСФСР весной 1991 г. (время, на которое намечалось принять новую российскую Конституцию)?

Ответить невозможно, ибо политическая, экономическая, социальная и даже ментальная ситуации постоянно менялись и потому нельзя было «ухватить» *морфологические характеристики* общественного и государственного организма – того, что и составляет универсальное понятие

конституции. Начавшиеся *фундаментальные изменения в государственном и общественном строе были еще далеки от завершения*. Непонятно было, до чего дойдут, к чему приведут, где их предел. Собственно, об этом писал В.Б. Исаков в другой Докладной записке, направленной членам Президиума Верховного Совета РСФСР 22 октября 1990 г.: «Сложившаяся в настоящей момент экономическая и политическая ситуация крайне неблагоприятна для развертывания конституционного и договорного процессов».

1. Завершается (но еще не завершился) распад административно-командной системы. Новые рыночные структуры находятся в стадии становления и пока не могут быть основой экономического развития. <...>

3. Завершается (но еще не завершился) распад однопартийной политической системы. Формирование новой политической системы предполагает борьбу за власть. Начало конституционного процесса даст сигнал для новой политической схватки, возможно, в самых острых формах» [8, с. 151].

Заключал Исаков свою записку словами: «Новая Конституция РСФСР должна приниматься в условиях реально наметившегося движения к консолидации. Вряд ли оправданно обсуждать и принимать ее на фоне распада, который мы сейчас переживаем» [там же, с. 152].

Совершенно *туманной была и судьба Союза*. В проекте Конституции (имеется в виду проект от 12 ноября 1990 г. [16, с. 597–663], который я и собираюсь далее кратко проанализировать) почти нет упоминания об СССР. Но объясняется это отнюдь не мистическим предвидением его распада. В то время начиналась разработка нового Союзного договора («Новоогаревский процесс»), однако было неизвестно, удастся ли его заключить и, если да, как именно будут разграничены полномочия между союзным центром и республиками. Поэтому разработчики составляли проект таким образом, чтобы максимально охватить любой вариант развития событий. В этом смысле показательна ст. 7.4.3 проекта: «(1) Вооруженные Силы Федерации будут созданы после заключения Союзного договора либо после того, как станет очевидно, что Союзный договор невозможен. (2) Впредь до решения вопроса о Союзном договоре Российская Федерация делегирует право создания и содержания Вооруженных Сил Союзу ССР». Однако, на мой взгляд, легкомысленно разрабатывать (тем более принимать) Конституцию государства с неизвестным статусом.

Но, пожалуй, главная черта ситуации состояла в том, что на Съезде народных депутатов сторонников и противников новых ценностей и принципов было примерно поровну, еще процентов двадцать депутатов составляли «колеблющиеся» – готовые присоединиться к «лагерю победителей». Теоретически это было совершенно нормально: демократические конституции как раз и должны вырабатываться в *компромиссном* режиме.

Но в нашем случае *о компромиссе невозможно было говорить*, «ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою?» (2 Кор. 6: 14) – между советским и демократическим типами государственности существовала пропасть. При этом в мейнстриме идущие процессы воспринимались не как издыхание советской власти (и вообще советского социализма), а как ее (его) усовершенствование.

В качестве небольшой иллюстрации можно привести слова С.М. Шахрая на заседании Конституционной комиссии 4 декабря 1990 г. На замечание одного из депутатов о том, что «осознанно или нет, но [в проекте] умалется роль Советов», Шахрай ответил: «Я объяснял, что *мы не трогали ни основы политической системы, ни основы государственного устройства*. Решали только две проблемы: экономическая реформа и институты защиты суверенитета РСФСР. Всё другое, очень многое тут устарело, мы даже не рассматривали, не трогали. Поэтому *структура Советов осталась в том виде, как и была, и с теми же полномочиями* (курсив мой. – М. К.)» [20, с. 677].

В немалой степени такое состояние общественного и даже *экспертного* сознания повлияло на ту часть конституционного проекта (я ее называю инструментальной), которая в практическом плане является самой главной – конструкция власти, или институциональный дизайн. Пренебрежение этой частью Конституции (точнее, подстройка властной конструкции под взгляды одной политической силы) в 1993 г. привело к тому, что буквально все основы конституционного строя, не побоюсь сильной метафоры, разорваны в клочья. Плюралистичному и конкурентному духу Конституции противостоит система власти, устроенная противоположным образом. При другом уровне политической культуры общества, его конституционного сознания, при других традициях, при другом качестве политического класса и проч. персоналистская конструкция наверняка была бы нейтрализована *de facto*, а затем и скорректирована *de jure*. Но ничего из этого «другого» не было и потом тоже не появилось.

Вот об этой проектировавшейся в первых версиях проекта конституционной конструкции власти я и хочу поговорить и в духе альтернативной истории представить, что получилось бы, будь принята Конституция, закрепляющая такую систему.

3.

Экспертам, разрабатывавшим конституционный проект, конечно же, были известны разные модели организации власти демократического государства. Но у них не было *практического* знания о деталях функционирования той или иной властной конструкции. Между тем для разработки оптимальной – реалистичной и притом сбалансированной конструкции

власти необходимо как минимум учитывать недостатки предшествующей системы. Разумеется, и это не является полной гарантией того, что новая будет работать в прогнозируемом режиме, но все-таки существенно повышает вероятность соответствия нормативной модели.

Могут сказать, что и авторам первых конституций Нового времени тоже вроде бы не от чего было «отталкиваться». Но это не так. Авторы и Конституции США 1787 г., и Государственных законов Польши 1791 г., и Конституции Франции 1791 г. «отталкивались» *от известных им систем власти в монархиях, которым они противостояли*. Например, институт президента, невиданный доселе, был создан американскими отцами-основателями «по лекалам» метрополии – британской монархии. При всей своей нелюбви к Георгу III, которого отцы-основатели считали тираном, они, создавая современный президентализм, основывались именно на британской системе власти того времени.

Нельзя поэтому согласиться с мнением, будто институт президента обязан римской республике с ее экстраординарной магистратурой [21, с. 110]). Я говорю о республиканском аналоге, а не о копии британской монархии конца XVIII в. Ведь, во-первых, создавалось федеративное государство; во-вторых, отцы-основатели очень настороженно относились к институту-персоне, опасаясь тиранического правления, и, в-третьих, перед их глазами был противоположный пример – не очень удачный опыт воплощения локковской версии разделения властей практически во всех штатах. Имеется в виду, что там законодательные собрания главенствовали над исполнительной властью, что создавало хаос в управлении. Поэтому многие из отцов-основателей считали, «что без властного главы исполнительной власти, способного противостоять Конгрессу, может наступить тирания законодателя, что и наблюдалось в некоторых штатах, где царила “тирания законодательных собраний”» [3, с. 54].

Нельзя проводить аналогию и с историей принятия веймарской Конституции 1919 г., которая стала новым словом в конституционном праве и политической практике, поскольку ввела новую модель власти, через 40 лет названную Морисом Дюверже полупрезидентской. Кстати, кое-чем германская конституционная история напоминает российскую. Во всяком случае, трансформация институционального дизайна в Германии тоже началась самой властью (другое дело, под влиянием каких обстоятельств): 30 сентября 1918 г. кайзер Вильгельм II «своим указом практически ввел в действие парламентскую систему» [2, с. 408], и его правительство начало разрабатывать проект новой Конституции под руководством либерального государствоведа Г. Пройса (H. Preuß), назначенного госсекретарем Министерства внутренних дел [см.: там же, с. 409]. Однако в ноябре революция смела монархию, и Конституцию выработывало уже Учредительное соб-

рание, открывшееся в феврале 1919 г. (выработкой конституционного проекта руководил тот же Г. Пройс, а также М. Вебер).

Таким образом, в обоих случаях – «американском» и «германском» – конституция *меняла форму правления, но не тип самой государственности*.

У нас ситуация была в корне иная. Советская власть (в широком смысле, включая всевластие единственной партии) представляла собой *не какую-то экзотическую форму правления (пусть и особую), а именно тип государства*, который и доктринально, и практически настолько далек от принципов демократической организации власти, что советские институты не годились в качестве отрицательного примера, т.е. их нельзя было «переделать», чтобы приспособить к демократической системе власти (хотя попытки предпринимались и, в частности, именно в таком ключе принимались поправки к Конституции РСФСР 1978 г. [10]).

Лишь к 1993 г., когда накопился некоторый опыт функционирования публично-властных институтов в рамках подобию разделения властей, можно было выявить пороки созданной конструкции. Но историческая драма состояла в том, что как раз именно эти пороки во многом обусловили драматическую развязку конфликта, что создало ненормальные условия разработки конституционного проекта: он оказался продуктом лишь одной политической силы, а не политического компромисса. В итоге, устранив институты, способствовавшие политическому тупику, разработчики создали внешне бесконфликтную конструкцию, которая обусловила другую беду – персоналистский режим.

Экспертам Рабочей группы Конституционной комиссии в 1990 г. оставалось ориентироваться только на известные модели организации власти в демократических государствах. Но на какую из них? Ясного понимания не было, и неудивительно, что разработчики представили **два варианта** организации федеральной власти: «*Президент – глава исполнительной власти*» (вариант «А»), т.е. модель **президентской республики**, и «*Ответственное перед Парламентом Правительство*» (вариант «Б»), название которого хотя и отсылало к парламентской системе, на самом деле содержало конструкцию, свойственную **полупрезидентской (смешанной) республике**. Почему же не был предложен третий вариант – чисто парламентской республики? Думается, потому, что эксперты понимали: поскольку президент, не избираемый напрямую народом, не обладает большим запасом легитимности, не является самостоятельным политиком, такая модель власти опасна ввиду предстоящих фундаментальных реформ, требующих институционально сильного лидера.

Однако тут можно отметить своего рода **парадокс**. Советская модель, как уже сказано, не могла служить основой для перехода к демократической системе власти, но *именно она оказала сильное влияние* на проек-

тируемую модель: над обоими вариантами как бы витал дух «полновластия Советов».

Разумеется, все годы советской власти «полновластие» было абсолютно номинальным. Не случайно в перестройку возродился лозунг «Вся власть Советам!», только, в отличие от 1917 г., он был направлен против всевластия КПСС и, скорее, походил на лозунг Кронштадтского восстания 1921 г. «Советы без коммунистов!». Партийное руководство (сейчас неважно, по каким причинам) пошло навстречу общественному напору и 19 Партконференция 1988 г. приняла решения, впервые дававшие реальные рычаги власти Советам. Однако опасность, которую не увидели «демократы», заключалась в том, что «возвращение власти Советам» происходило в рамках именно советской доктрины, а не на основе принципа разделения властей, точнее, этот принцип в модернизированной системе власти был искажен, что позднее стало важным фактором углубления политического кризиса, приведшего к прямому столкновению.

Принцип «полновластия» отнюдь не тождествен институциональной силе представительных органов. «Полновластие» означает *единовластие*, т.е. в корне противоречит принципу разделения властей.

Правда, некоторые исследователи утверждают, будто британская парламентская модель, предполагающая персональное слияние институтов исполнительной и законодательной власти и активное фактическое нормотворчество, осуществляемое судами [4, с. 29], тоже отрицает разделение властей. Однако это не так, и правы те, кто британскую систему не выводит из-под действия принципа разделения властей. Например, Р. Альберт называет ее «не совсем традиционным механизмом разделения властей» [см.: 1, с. 50–51], а А. Бруслик утверждает, что в британской модели этот принцип лишь «имеет неясный, глубинный характер» [см.: 4, с. 29].

И вот, по сути, советское понимание места и роли парламента разработчики проекта положили в основание конструкции публичной власти (в обоих вариантах). Тем самым проектируемая модель могла оказаться весьма опасной. Ведь предстоял самый сложный период транзита, который требовал, конечно, сильного парламента, но и не менее сильного единоличного института – президента, способного быстро реагировать на возникающие острые проблемы и брать на себя политическую ответственность. Особенно это было важно в условиях только-только возникавшей и потому слабо структурированной и неустойчивой партийной системы, доминирования в обществе архаичных представлений о государстве и власти.

Читая проект, создается впечатление, что разработчики вообще не очень задумывались о качестве политической элиты, о том, насколько ее характеристики соответствуют будущему институциональному дизайну. Об этом свидетельствует, например, норма переходных положений проекта, согласно которой народные депутаты РСФСР автоматически «стано-

вятся депутатами парламента (Верховного Совета) Российской Федерации». Выборы нового состава парламента планировались лишь на *март 1994 г.* (ст. 7.4.1). Выборы же президента (и вице-президента), по проекту, должны были состояться через три месяца после принятия Конституции (до этого момента президентские обязанности должен был выполнять председатель Верховного Совета). Таким образом, будущий президент неизбежно столкнулся бы с депутатским корпусом, который уже не отражал быстро менявшееся общественное сознание и не соответствовал изменившейся политической картине.

Хотя разработчики понимали необходимость сильного единоличного института в период перехода к демократическому государству, но *то, как описывались взаимоотношения президента с парламентом, как распределялись между ними полномочия, как выстраивались сдержки и противовесы, – все это как раз указывало на доминирование законодательной власти.*

Прежде всего ни в одном из вариантов проекта ***не предусматривался институт роспуска законодательного органа*** – парламента (Верховного Совета)¹ или, что правильнее, нижней палаты – Совета (в варианте «Б» почему-то – Палаты) народных представителей.

Правда, *для президентской республики* (вариант «А») это естественно. Напомню, что эта модель не предусматривает ни роспуска парламента (или одной из его палат), ни института недоверия правительству (президенту как главе исполнительной власти). Поэтому она чревата прямыми столкновениями для разрешения конституционных конфликтов. В США только высокая политическая культура до сих пор спасала страну от открытого противостояния институтов власти (Гражданская война была вызвана совсем иными причинами), а для латиноамериканских стран, в большинстве взявших президентскую модель, перевороты – обычная вещь. Именно поэтому модель «чистого разделения властей» не годилась для страны, где общество еще не приобрело высокий уровень конституционного сознания, а политические деятели не привыкли прибегать к компромиссам.

Однако и в *варианте «Б»* тоже не было предусмотрено роспуска парламента. Правда, закреплялось право самих палат досрочно прекращать свои полномочия (один из штрихов, подчеркивавших главенство законодательной власти). Но это не роспуск. Кстати, институт парламентского самороспуска – довольно спорный, хотя он существует в некоторых странах. На мой взгляд, в исключительных случаях сами палаты могут объявлять о досрочном прекращении своих полномочий, хотя для этого

¹ Так этот орган именуется в проекте.

необходимо определить основания. Но, повторю, прекращение своих полномочий и роспуск – разные явления.

В советской системе **бикамерализм** верховных советов (СССР и РСФСР) был совершенно формальным: ничего не значил на практике и ни на что не влиял, поскольку депутатский корпус в обеих палатах голосовал за фактически уже принятые решения (законы). Такое положение сохранилось и после предоставления Советам реальной власти. Его разработчики и сохранили: в проекте практически **не проведено различий между палатами** Верховного Совета – Совета (Палаты) народных представителей и Федерального совета.

Две палаты должны были избираться *одновременно* и на *одинаковый* срок полномочий. Всё отличие сводится к тому, что Федеральный совет избирается от республик и федеральных территорий¹. Но главное, палаты не обладали своей компетенцией. Тем самым нивелировался смысл современного бикамерализма: одна палата («нижняя») является представительством разных мировоззрений, идеологий и политических интересов, вторая («верхняя») – представительством территориальных интересов.

Правда, в варианте «Б» вроде бы можно увидеть некоторую дифференциацию. Однако, во-первых, своя компетенция есть только у нижней палаты. Во-вторых, она сводится лишь к некоторым действиям в отношении правительства. И, в-третьих, формулировки этих полномочий довольно странные и непонятно, как они соотносятся с полномочиями парламента в целом (обеих палат). Так, в ст. 5.4.5(Б) к компетенции парламента отнесено «формирование правительства (Совета министров)». Но тогда как с этим согласуются такие полномочия Палаты народных представителей, как «утверждение мандата» (!?) председателя правительства «на формирование федерального правительства» и «утверждение состава федерального правительства»?

Итак, в проекте законодательный орган фактически был сконструирован наподобие советских верховных советов. И такому органу предоставлялись не просто огромные полномочия, но **полномочия, которые перекашивали всю систему, а президента превращали фактически в технического исполнителя воли парламента.**

Прежде всего это проявилось в наделении Верховного совета полномочием **«определять основные направления внутренней и внешней политики»**. Формула «определять политику (направления политики)» сама по себе весьма сомнительна с конституционно-правовой точки зрения. Если она и присутствует в некоторых демократических конституциях, за

¹ РСФСР в то время еще не была полностью федеративным государством (Федеративный договор был заключен только в 1992 г.). Поэтому края, области и т.д. не считались субъектами Федерации.

ней стоит отнюдь не исключительное право одного органа определять политику. В демократиях определение политики – это, с одной стороны, постоянно длящийся процесс, с другой – так сказать, «многослойный», многофазный. В «первичном» виде определяет основные направления народ, голосуя за партии, которые предлагают те или иные экономические, социальные, внешнеполитические и другие приоритеты (направления policy). К такому пониманию приближается, например, Конституция Италии, где сказано: «Все граждане имеют право свободно объединяться в партии, чтобы демократическим путем *содействовать определению национальной политики*» (ст. 49). Слово «содействовать» совершенно уместно, так как после парламентских выборов выработка направлений политики осуществляется и при формировании правительства, и при принятии законов, и на заседаниях правительства, и при обсуждении его деятельности в парламенте, и при решении вопроса о доверии / недоверии правительству, и т.д.

Другими словами, *не должно быть единственного субъекта, определяющего политику*. Но почему им не может быть парламент, который в конкурентной (=демократической) системе представляет собой собрание разных позиций, ценностей, мировоззрений и действует в режиме компромисса? Да как раз потому, что слово «определяет» подразумевает *единство мнений*. Разумеется, принимая законы, парламент приходит к какому-то единому решению. Но, в отличие от процесса законотворчества, «определение политики» не имеет процедуры.

В ряде зарубежных конституций подобное полномочие закрепляется за исполнительной властью. Например, *Франция*: «Правительство определяет и проводит политику Нации» (ст. 20); *Марокко*: «Совет министров обсуждает и принимает решения по следующим вопросам: стратегические направления государственной политики» (ст. 49); *ФРГ*: «Федеральный канцлер определяет основные направления политики и несет за них ответственность» (ст. 65); *Кипр*: «Исполнительная власть, осуществляемая Советом министров, включает в числе прочих нижеследующие вопросы: а) общее управление, контроль за управлением Республикой и определение общей политики...» (ст. 54). Однако подобные полномочия встроены в демократическую систему и потому слово «определяет» равнозначно «участию в определении». Это вытекает как из общего смысла системы разделения властей (правительство находится под контролем парламента), так и иногда из прямых конституционных указаний. Например, в той же французской Конституции в ст. 34 сказано, что «программные законы *определяют цели* деятельности государства», а в ст. 88 Конституции Марокко: «После назначения королем членов правительства руководитель правительства обязан представить перед двумя палатами программу действий правительства. В программе должны быть указаны основные направления деятельности правительства в различных сферах деятельности государст-

ва. В особенности эти направления касаются экономической, социальной, экологической, культурной и внешней политики».

Закрепляя «определение политики» за парламентом, разработчики предопределяли его *полное доминирование* в системе власти. Правда, конкретно это полномочие фигурировало только в варианте «А». Тем самым президент как глава исполнительной власти заведомо ставился в подчиненное положение. Это, повторю, было ярким проявлением советской философии организации власти. Такая философия, кстати, пронизывала и полусоветскую¹ Конституцию РСФСР / РФ 1978 г., что в итоге стало значительным конфликтогенным фактором. Но весьма показательно, что в процессе доработки проекта Конституционного совещания после драматических событий осени 1993 г. представители президентской администрации не отказались от полномочия «определение внутренней и внешней политики Российской Федерации», принадлежавшего Съезду (п. 2 ст. 104), а вопреки мнению ряда экспертов настояли на том, чтобы его «переложить в карман» Президенту РФ (ст. 80). Вот фрагмент из стенограммы обсуждения этого вопроса:

«А.А. Котенков (на тот момент начальник Государственно-правового управления Президента РФ. – М. К.).

Коллеги, у меня есть сомнение по поводу исключения части второй, где речь идет о праве Президента определять основные направления внутренней и внешней политики государства. Дело в том, что касается внешней политики, то здесь можно сослаться на статью 86, где он осуществляет руководство внешней политикой. Что касается внутренней политики, то функции Президента достаточно исчерпывающе изложены в Конституции. Помните, когда мы решали вопрос о включении этого положения, мы говорили, что Президент своими указами может давать основные направления Правительству. Сейчас мы фактически это исключили. И под большое сомнение ставится право Президента теперь своими указами регулировать деятельность Правительства во внутренней сфере...

Т.Г. Морщакова (на тот момент судья Конституционного суда РФ. – М. К.).

Президент обращается к Парламенту, высказывает все позиции, в соответствии с которыми он будет все делать, в том числе и издавать указы. А если он определяет, тогда в какой форме мы должны с вами сказать, что он должен сделать по этому поводу: доклад перед Госдумой или что..?

А.А. Котенков

То же самое он может изложить в послании, но при этом по Конституции он имеет право определять основные направления политики. Если

¹ Почему эту Конституцию я называю полусоветской, объяснено в статье, опубликованной в «Трудах по россиеведению» [10].

мы это право убираем, то тогда ставится под сомнение его право вмешиваться в эту сферу деятельности.

Т.Г. Морщакова

Это не ставится под сомнение, ведь Президент будет определять состав Правительства.

А.А. Котенков

Состав – да, но он не сможет давать ему указания, не будет иметь на это право. Президент издает указы в соответствии с полномочиями, возложенными на него Конституцией. А таких полномочий у него нет...

С.А. Филатов

Давайте напишем: "...в своих посланиях определяет основные направления внутренней и внешней политики"...

А.А. Котенков

Ее на год можно определить в послании. Но вы поймите, ведь вопрос в другом. Вот Президент издал указ, скажем, по каким-то направлениям развития экономики. А Правительство говорит: "Извини, дорогой Президент, ты не вправе вмешиваться в мою деятельность, поскольку в Конституции у тебя нет такого полномочия".

Т.Г. Морщакова

В статье 115.

А.А. Котенков

В статье 115, уважаемая Тамара Георгиевна, написано: "на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов и указов Президента Российской Федерации". А я возвращаю Вас к статье 90, на основании которой Президент издает указы и распоряжения в соответствии с полномочиями, возложенными на него Конституцией. А теперь посмотрите все полномочия Президента и докажите, что он может издавать указ по хозяйственным вопросам. Нет такого полномочия. А вот если у меня есть полномочие определять основные направления внешней и внутренней политики, независимо от того, в какой форме я это делаю, то я говорю, что в соответствии с определенным мною направлением внутренней политики, я могу издать определенный указ, например, об основах жилищной политики. Я имею на это право. Сейчас этого права здесь нет...

Б.Н. Топорнин (академик РАН, директор Института государства и права РАН. – *М. К.*).

Я бы хотел, чтобы мы взглянули несколько шире на это предложение. Управление страной у нас строится более сложным образом, чем здесь предусматривается. Если сказать, что Президент определяет всю внутреннюю и внешнюю политику, то на этом кончается вся система принятия решений. Однако имеется сложный и взаимосвязанный комплекс органов, в том числе и Федеральное собрание, которые включаются в разработку и внешней, и внутренней политики. Поэтому я бы здесь пошел

несколько иначе – через конкретное определение полномочий Президента в ряде статей, где говорится о том, какие меры он принимает, какие акты он издает, в каких отношениях он состоит с другими государственными органами.

С.А. Филатов (на тот момент руководитель Администрации Президента РФ. – М. К.).

Нет, логика у Александра Алексеевича (Котенкова. – М. К.) железная. Здесь вопросов нет...

В.К. Варов (на тот момент заместитель министра труда РФ. – М. К.).

Конечно, логику можно в значительной мере усмотреть в рассуждениях Александра Алексеевича, но возникает вопрос: определять основные направления внутренней и внешней политики, – будет ли это эксклюзивным правом Президента? Следовательно, возьмем законодательный орган – мы как бы лишаем его этого права..?

С.А. Филатов

Я думаю, что нам надо принять то, о чем сейчас сказал Александр Алексеевич...» [9, с. 178].

Отсутствие прямо сформулированного полномочия «определения политики» в полупрезидентской модели (вариант «Б») объясняется вовсе не отказом от советских представлений о роли и месте представительного органа, а только тем, что в этом варианте парламент представлен как еще более могущественный институт, перед которым президент описан, как политический пигмей.

Здесь надо заметить, что смешанная (полупрезидентская) модель имеет разные модификации, в том числе приближающиеся к парламентской системе (яркий пример – Польша). Некоторые исследователи поэтому даже различают президентско-парламентарные и парламентарно-президентские республики [22]. Конструкция в варианте «Б» ближе к последней модификации: президент здесь по вопросу о составе правительства тесно связан мнением нижней палаты: в ст. 5.3.2 (Б) предусматривается, что он «представляет Палате народных депутатов после консультации с руководителями парламентских групп кандидатуру главы Федерального правительства, одобренную группами, составляющими большинство в этой палате».

Казалось бы, совершенно *нормальная* конструкция (как раз ее и недостает современной России)... Однако она предполагает и *нормальный* парламент, которого не было в проекте. Проведем мысленный эксперимент: переместим избранный в 1990 г. состав СНД – 900 нардепов в Совет (Палату) народных представителей, а 168 – в Федеральный совет, как предполагалось переходными положениями. Таким образом, новый парламент стал бы политически не структурированным собранием, в котором преобладают люди, для которых провозглашенные новой Конституцией

либеральные ценности либо означают пустой звук, либо вообще вызывают раздражение. И такой орган, где практически никто не несет персональной ответственности (для коллегиальных органов свойственна диффузия ответственности [14, с. 31]), формирует состав правительства, решает его судьбу, определяет приоритетность и характер реформ. А институт, который по логике вещей должен был бы взять на себя ответственность, чтобы провести страну через рифы переходного периода, – Президент, помимо традиционных для главы государства полномочий – награждение, помилование, распоряжения о мобилизации, о начале военных действий и т.п., вправе лишь (ст. 5.3.3 варианта «Б»):

- «возвращать парламенту принятые им законы на повторное рассмотрение и окончательное решение (право отлагательного вето)»;
- назначать референдум, но только с согласия парламента;
- «ставить по своей инициативе перед парламентом вопрос о вотуме доверия правительству» (почему Президент? Ведь речь идет о парламентском вотуме);
- заслушивать отчеты правительства и давать ему *обязательные к рассмотрению рекомендации*» (т.е. необязательные к исполнению);
- «обращаться с посланием к парламенту и народу» (но опять же без императивности).

Вряд ли стоит доказывать, что принятие такой Конституции спровоцировало бы конфликт, аналогичный тому, что случился в 1992–1993 гг., но с принципиальным отличием: тогда у президента не было бы оснований для прекращения действия Конституции.

Список литературы

1. Альберт Р. «Выгоды», доступные президентским республикам, в условиях парламентских демократий // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2011. – № 3. – С. 32–58.
2. Баев В.Г., Ковальски Е.С.Ч. Европейский конституционализм Германии и Польши (опыт историко-теоретического анализа). – СПб.: Изд-во Юридического института, 2011. – 690 с.
3. Бернам У. Правовая система США. – М.: Новая юстиция, 2006. – 1216 с.
4. Бруслик А. Парламент Великобритании и его взаимосвязь с исполнительной властью // Сравнительное конституционное обозрение. – М., 2016. – № 1. – С. 24–38.
5. Волков Л.Б. Всплеск русского конституционализма. 1990–1993 годы // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.). – М.: Фонд конституционных реформ, 2009. – Т. 5: Альтернативные проекты Конституции Российской Федерации (1990–1993 гг.). – С. 25–72.
6. Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22–1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – М., 1990. – № 2. – Ст. 22.
7. Зидентоп Л. Демократия в Европе. – М.: Логос, 2001. – 312 с.

8. Исаков В.Б. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990–1991. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1997. – 491 с.
9. Конституционное совещание [Текст]: информационный бюллетень / Администрация Президента Российской Федерации. – М, 1993.
10. Краснов М.А. Создание Конституции России как особый случай эффекта «path dependence» // Труды по русистике: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2016. – Вып. 6. – С. 85–128.
11. Лассаль Ф. О сущности конституции (Речь, произнесенная в одном берлинском окружном собрании в 1862 г.) // Сочинения Фердинанда Лассаля: в 2 т. – СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1905. – Т. 2. – С. 5–27.
12. Маккой Д. Джордж Вашингтон. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2015. – 96 с.
13. Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960. – Т. 17. – С. 317–370.
14. Муздыбаев К. Психология ответственности. – Л.: Наука, 1983. – 240 с.
15. Познер Р.А. Рубежи теории права. – М.: ВШЭ, 2017. – 479 с.
16. Проект Конституции Российской Федерации, принятый Конституционной комиссией за рабочую основу 12 ноября 1990 г. и опубликованный для всенародного обсуждения // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. (10 кн.) / под общ. ред. О.Г. Румянцев. – М.: Фонд конституционных реформ, 2007. – Т. 1: 1990 год. – С. 597–663.
17. Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС // Портал «История новой России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru-90.ru/node/71> (дата обращения: 13.04.2019.)
18. Римини Р. Краткая история США. – М.: КоЛибри: Азбука-Аттикус, 2018. – 478 с.
19. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов.). – М.: Изд-во РГ, 2013. – 382 с.
20. Стенограмма заседания Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР. 4 декабря 1990 г. // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. Т. 1: 1990 год. – М.: Волтерс-Клувер, 2007. – С. 668–731.
21. Черниловский З.М. Институт президентуры в свете исторического опыта // Советское государство и право. – М., 1991. – № 6. – С. 110–116.
22. Чиркин В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование. – М.: Норма, 2010. – 239 с.
23. Шейнис В.Л. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. – М.: Мысль, 2014. – 1082 с.
24. Merkel R. Separation of Powers – A Bulwark for Liberty and a Rights Culture // Saskatchewan Law Review. – 2006. – Vol. 69, N 1. – P. 127–135.

Ю.С. ПИВОВАРОВ

«ЧУДО А.Д. САХАРОВА»

Это А.И. Солженицын сказал об Андрее Дмитриевиче Сахарове.

«Когда Ленин задумал и основал, а Сталин развил и укрепил гениальную схему тоталитарного государства, все было ими предусмотрено и осуществлено, чтобы эта система могла стоять вечно, меняясь только мановением своих вождей, чтобы не мог раздаваться свободный голос и не могло родиться противоречие. Предусмотрено все, кроме одного – чуда, иррационального явления, причин которого нельзя предвидеть, предсказать и перерезать. Таким чудом и было в Советском государстве появление А.Д. Сахарова – в сонмище подкупной, продажной, беспринципной технической интеллигенции, да еще в одном из главных, тайных, засыпанных благами гнезд – близ водородной бомбы [1, 334].

На похоронах А.Д. Сахарова академик Д.С. Лихачев сказал: это был пророк в точном (первоначальном) смысле слова. И что же он пророчил? – Нормальное русское общество, демократию, правовое государство, незыблемое сохранение и соблюдение прав человека. Мир между народами.

А.Д. Сахаров – лучшее, что породила русская интеллигенция. Отец – учитель (преподаватель) физики, автор популярного в те годы учебника. Дед – член ЦК кадетской партии. Классическое интеллигентское происхождение. Я его не знал, лишь видел и слушал, читал. Человек без рисовки, без пафосной декламации. Когда-то говорили: если бы Лев Толстой дожил до 1917 г., *этого безобразия* не было бы. Было бы стыдно на глазах Льва Николаевича вести себя *так*. Слегка перефразируя: доживи Андрей Дмитриевич до наших дней, не было бы *современного безобразия* – диктатуры, полицейщины, ограбления народа, авантюризма во внешней политике. Было бы стыдно – и *нам*, испугавшимся, и *им* – обнаглевшим, перешедшим все границы морали.

Я горжусь тем, что являюсь современником А.Д. Сахарова. Его историческое место вижу в цепочке таких наших защитников: Борис Пастернак (христианский гуманизм и персонализм) – А.Д. Сахаров (светский гуманизм и права человека) – М.С. Горбачев (общечеловеческие ценности и возвращение в мировую цивилизацию). А ведь были еще и другие!

А.И. Солженицын и т.д. Даже высшая коммунистическая номенклатура породила тип социального реформатора и гуманиста – А.Н. Яковлев, А.С. Черняев, Г.А. Арбатов, Г.Х. Шахназаров и др. Андрей Дмитриевич жил в страшное, но и счастливое время. Обилие честных, мужественных, «человечных» людей – от диссидентов до «прогрессистов» в верхушке советского управления.

Но даже на фоне этой (завидной) среды у А.Д. Сахарова особое место. Своею жизнью он реализовал завет, оставленный нам Пастернаком: «Жить и сгорать у всех в обычае, Но жизнь тогда лишь обессмертишь, Когда ей к свету и величию Своею жертвой путь прочертишь». Это в полной мере сделал Андрей Дмитриевич. Как известно, Достоевский пытался написать образ «русского Христа» (к примеру, князь Лев Николаевич Мышкин – Идиот). Какой он, русский Христос, наши люди покажут через полвека после усилий Федора Михайловича. Его младший современник и тоже религиозный мыслитель и писатель Лев Толстой цинично и точно скажет: «Если бы Христос пришел в русскую деревню, его бы девки засмеяли». Большой выдумщик Лев Николаевич в этом случае, к сожалению, оказался ближе к реальности, чем еще больший выдумщик Федор Михайлович. Но что бесценно в провалившейся попытке Достоевского, это – «параметры» Христа, действующего в современном мире.

Неудавшееся в литературе реализовалось в наличной жизни. Атеист, ученый-физик, А.Д. Сахаров воплотил эти «параметры» в себе. Ох, как не случайно, умный и образованный Д.С. Лихачев, характеризуя Андрея Дмитриевича, обратился к библейским образам.

Это и вправду – чудо (по Солженицыну): один из создателей самого страшного в истории оружия уничтожения был мыслителем и деятелем абсолютно антропоцентричного мироощущения. Причем человек ему был важен и как вид, и каждый конкретный. Ведь права человека обращены ко всем без исключения, а правозащитная деятельность А.Д. Сахарова касалась вполне определенных, *этих и тех*, людей. Абстрактный гуманизм составлял одно целое с гуманизмом адресным, практическим и действенным. Он мог писать о конвергенции социальных систем, о недопустимости смертоносных испытаний ядерного оружия. Но за историософскими, социологическими, экологическими размышлениями стояла судьба человечества и человека.

Причем если «человек есть его стиль» хотя бы отчасти верно, то я не знаю в русском языке стиля более чистого, простого, непафосного, достоверного в своей прямоте и отсутствии всякой игры. Для меня очевидно: предшественником Солженицына был протопоп Аввакум, Сахарова – Чехов.

Когда-то академик П.Л. Капица говорил, что во всех странах есть институции, которые отвечают за моральное состояние общества, хотя и

не обладают большим политическим влиянием. В США это Верховный суд, в Великобритании – палата общин (в Германии, добавлю я, – президент). В СССР – Академия наук. Мне же кажется, что такой высшей моральной институцией был Андрей Дмитриевич Сахаров. При всем уважении – не вся Академия. Ну, еще отчасти сам П.Л. Капица, академик Д.С. Лихачев, последние годы – академик Ю.А. Рыжов (мне повезло: был предметом забот и защиты Юрия Алексеевича).

И еще одно громадное деяние Сахарова. Он дал легенду русскому либерализму, возглавил список страдальцев за него (голодовки, ссылка, слежка). Показал силу либерализма. Возможность его прямого и противостояния злу. Всего этого в начале XX в. не было и явилось одной из причин поражения Милукова, Струве, Маклакова и др. «Священная история», история героев и жертв была только у революционеров. Либерализму не хватало ореола мученичества. Господа!..

Надо сказать: русский либерализм, подобно его западным собратьям, имеет различные изводы – социальный (еще со времен «Вех»; см. работы Б.А. Кистяковского), консервативный («охранительный» Б.Н. Чичерина), христианско-демократический (С.Н. Булгаков и др.), социал-демократический (М.С. Горбачев), метафизический (Н.А. Бердяев). А.Д. Сахаров придал ему правозащитное измерение.

Что меня особенно подкупает в Андрее Дмитриевиче, то это – никакого «барства», никакого «Ваше Превосходительство», никакой внешней харизматики – все по-честному и по-частному. Когда-то Жозеф де Местр пугал нас Пугачевым с университетским дипломом (и он пришел – В.И. Ульянов-Ленин). Но, Слава Богу, у нас есть Дон Кихот с академическим дипломом. Мы полностью защищены им. Вообще, Сахаров – это ответ Сталину и сталинцам. Создатель бомбы и миротворец против поджигателя войн – гражданской, мировых, «локальных». Попутно скажу: лучшее в Е. Гайдаре и его соратниках – сахаровское мужество и готовность стоять за свое дело до конца.

С годами в моем сознании все больше сближаются Андрей Дмитриевич и Михаил Сергеевич (как просто люди, человеки и исторические деятели; помню, со страхом смотрел дискуссии I Съезда Советов – хотелось, чтобы они почувствовали свою близость, чтобы были вместе). Поразительно, что и травили их схожим образом. Андрей Дмитриевич через Елену Георгиевну («не та жена», «сбила жидовка русского мужика с правильной дороги» etc.). Михаил Сергеевич – через Раису Максимовну. Обе – боевые, волевые, «твердые» на фоне «мягких» мужей. Находятся под каблуком у «баб» – и еще хотят нами командовать. Третьим в их компании был бы уместен Николай II. Его тоже травили через жену – Александру Федоровну. Он-де подкаблучник, она – «немка», «шпионка», «ненормальная», близка к Распутину...

Что ж, эти трое – Николай II, А.Д. Сахаров, и М.С. Горбачев – как мало кто в русской истории поспособствовал эмансипации нашего общества, человека. Это именно им в Отечестве выпало на долю осуществление призыва их идейного противника: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех».

В протестантской теологии есть понятие: *die Nachfolge*. То есть «следование – следование за Христом». В какой мере ты следуешь, в такой – и веруешь. Формально атеист, Андрей Дмитриевич осуществлял *die Nachfolge* безукоризненно.

И еще о его значении для нас. У М. Волошина есть строчки: «При русских грамотах на благородство как Пушкин, Герцен, Тютчев, Соловьев...». Бесспорно, во второй половине XX в. А.Д. Сахаров был главной русской грамотой на благородство (наряду с А.И. Солженицыным, И.А. Бродским). Не знаю, что было бы с нами, если бы не чудо Сахарова. Он придал нашему времени свой масштаб и величие. Исторически нам всем посчастливилось: мы были современниками А.Д. Сахарова.

Список литературы

1. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. – М.: Согласие, 1996. – 688 с.

И.Г. ШАБЛИНСКИЙ

30 ЛЕТ САМОЙ МАССОВОЙ ЗАБАСТОВКЕ В РОССИИ: КАК ЭТО БЫЛО. ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЛО

10 июля 2019 г. исполнилось 30 лет начала массовых забастовок в шахтерских регионах России, Украины и Казахстана. Нынче тот мощный всплеск протестного движения, прокатившийся по стране, оказался полузабыт. Господствующие сейчас умонастроения в стране, в том числе в регионах, бывших эпицентрами бури, настолько отличаются от настроений 1989 г., что, кажется, теперь не уловить смысла той, 30-летней давности драмы.

Алексис де Токвиль говорил, что победившие революции делают непонятными и их смысл, и причины, их породившие. Волна, пришедшая тогда в столицы из шахтерских регионов, была, конечно, революцией или ее высшей точкой, если начальную точку мы усмотрим в каких-то более ранних событиях. Эта волна окончательно изменила характер политического режима, сделав ряд перемен необратимыми.

Как это было?

Около 9 утра 10 июля 1989 г. в Междуреченске в Кемеровской области на шахте им. Шевякова ночная смена во главе с горным мастером Валерием Кокориным отказалась идти в ламповую и сдавать аккумуляторы со светильниками. Потом к ним присоединились около 200 рабочих первой смены.

Ближе к вечеру горняки с шахты Шевякова послали делегации на соседние шахты: «Распадскую», имени Ленина, «Томскую», «Усинскую». На следующий день забастовали все пять междуреченских шахт. Несколькими колоннами, примерно по 8–9 тыс. человек, бастующие двинулись к центру города, заняли главную площадь и остались там. На несколько дней и ночей.

Забастовочный комитет выдвинул ряд требований, в основном экономического характера, в частности: об оплате труда ночных смен, о расширении самостоятельности шахт в распоряжении прибылью и др.

12–13 июля в знак поддержки междуреченцев забастовали шахты в Осинниках, Прокопьевске, Новокузнецке. Потом Киселевск, Анжеро-Суд-

женск, потом Ленинск-Кузнецкий и т.д. Везде бастующие занимали центральные площади и начинали бессрочный митинг. Никаких актов насилия либо покушений на собственность, связанных именно с протестными акциями, зафиксировано не было.

Именно 13 июля газеты «Правда» и «Известия» впервые с начала событий дали короткие информации о забастовках с экономическими требованиями на некоторых предприятиях Кузбасса. Решились. В программе «Время» мелькнул пятисекундный репортаж с раскаленной июльской площади маленького городка, занятой людьми в шахтерских робах.

К 17 июля в протестах приняли участие около 180 тыс. жителей Кузбасса, с шахт и горно-обогатительных фабрик, автобаз и разрезов. Работники более 200 предприятий вышли тогда на площади своих городов и поселков.

Начались забастовки на шахтах Печерского угольного бассейна, в Воркуте. Сначала на самой старой шахте «Хальмер-Ю», потом на всех остальных, включая «Воргашорскую». Воркутинские рабочие дополнили экономические требования политическими: отмена ст. 6 Конституции (о руководящей роли КПСС), прекращение поддержки «братских тоталитарных режимов», отмена цензуры в прессе и на телевидении, отмена квот для «общественных организаций» (КПСС, ВЛКСМ, профсоюзы) в депутатском корпусе и др.

Потом забастовочная волна докатилась до Урала (до нескольких шахтерских городов), потом до Донбасса. Разница была два-три дня.

Первая самиздатовская газета, которую начали издавать рабочие комитеты Донецка, называлась «Шахтерская площадь». Требования донбасских шахтеров оказались, вообще, жестче и радикальнее.

К 19 июля количество бастующих на шахтах Донецкого угольного бассейна (расположенных как в России, так и в Украине) превысило 200 тыс. человек. Позже к Донбассу присоединились горняки объединения «Павлоградуголь» в Днепропетровске и в Червонограде, Волынской области.

В это же время остановились шахты в Караганде, в Казахстане. Мало кто вспоминает теперь, как тогдашний первый секретарь ЦК КП Казахстана Назарбаев выступал перед шахтерами. Его освистывали, но в основном слушали.

Политические требования, выдвинутые в Воркуте, стали общими требованиями. Именно эта грозная стихия, пришедшая из рабочих регионов, изменила ситуацию в стране. Стало ясно, что политический режим и сама жизнь меняются, и это уже неостановимо. Это был конец политической монополии компартии. Кажется, Горбачев планировал плавно перейти к некоторой конкуренции в политике, но вышло иначе – так как вышло.

Кто-то боялся этих протестов и этих площадей, но эта революция не принесла ни крови, ни ущерба. Ах, да – одно исключение. По требованию городских стачкомов, в городах прекращалась торговля спиртным. Где-то водку находили в ящиках и выливали.

Теперь всего несколько соображений. Почему это произошло? Почему потом ничего подобного уже не повторялось (вынесем тут за скобки опыт Донбасса 1993 г.)?

Ситуация, сложившаяся к лету 1989 г. в ряде промышленных регионов России, была в значительной мере уникальна. Забастовка, возникшая 10 июля и покотившаяся по шахтерским городам, была движением разбуженных надежд, несколько лет ждавших выхода, и спонтанного протеста, не имевшего точного адреса.

Людей побудила бросить работу и выйти на улицы не столько невыносимая жизнь, сколько надежда на ее быстрое изменение к лучшему. Рабочие, в общем, тешили себя иллюзиями – да, так можно сказать. Реальное бедственное положение экономики они себе не представляли. Они заблуждались относительно возможности быстрого выхода из кризиса, поскольку сама власть вводила рабочих в заблуждение всю их сознательную жизнь (кажется, сейчас подобных иллюзий куда меньше) – им ведь говорили, что они живут в самой передовой стране с самым передовым строем.

Но сомнения в души людей уже давно закрадывались. Зарплаты шахтеров были выше, чем у многих других категорий рабочих и служащих (от 300 до 800 рублей – да у некоторых, у очень немногих было и 800!). Но в их краях эту зарплату уже давно трудно было отоварить. Ассортимент магазинов в сибирских городах был предельно скуден. (Он и в Подмоскowie-то был не слишком богат.) К 1982–1985 гг. мясо и молочные продукты просто стали дефицитом. Шахтеры жили мало. А вообще, люди жили бедно, многие очень бедно. И постепенно стали это сознавать.

Привычная пропаганда по радио и телевидению давала уже обратный эффект – она стала раздражать.

Что за чувства владели этими людьми из городских низов? В основном, это было бессознательное чувство ущербности и нетерпения, копившееся и тлевшее примерно с последних брежневских застойных лет, политически неоформленное и не имевшее долгое время конкретного социального адресата. Даже сама по себе смена партийных лидеров подогревала ожидание улучшений.

На смену ожиданиям пришло мощное воодушевление, достигшее своего пика в те июльские дни. Оно в итоге сменилось, вероятно, разочарованием.

Революция надежд прошла.

Она покончила с однопартийным режимом, вернула в страну – через тяготы, через тоску и полынь – более или менее нормальную экономику с

правом на предпринимательство, с некоторыми экономическими свободами. Она дала или, лучше сказать, утвердила свободу слова.

Я вспоминаю молодых лидеров того движения, тех славных парней, которых я тогда узнал, которые готовы были рисковать и бороться.

Мой привет Михаилу Кислюку, губернатору Кузбасса, пришедшему из рабочего движения, и Александру Асланиди – лидеру забастовки в Осинниках, ставшему членом Совета Федерации первого созыва.

Светлая память Славе Голикову, председателю совета рабочих комитетов Кузбасса, Славе Шарипову, председателю рабочего комитета Киселевска.

Ничего не слышал очень давно о Толе Малыхине – лидере рабочего комитета Новокузнецка, первому выселившему со своей шахты («Есаульской») партийный комитет и потом, на многотысячном митинге в Москве, показывавшему табличку с надписью «Партком».

Где бы кто ни был, мы не забудем эти дни и этот великий подъем народного духа. Такое бывает редко. Но именно такие события заставляют вспомнить о чести и достоинстве нации.

P.S.

Ю.С. ПИВОВАРОВ

«БУДЕТ НИЧЕГО»

Владислав Юрьевич Сурков – это Сергей Семенович Уваров нашего времени. У обоих яркий талант находить слова для обозначения тех настроений, что носятся в воздухе и не имеют четкой квалификации. Действительно: Православие. Самодержавие. Народность – сказано на века. Но и Сурков *может*: суверенная демократия, долгое государство, глубинный народ. В этом последнем, кстати, соединяются Народность и Православие. Владислав Юрьевич «поет» путинский режим и обещает ему долгую жизнь. А это уже близко уваровскому самодержавию, русской властной константе, вырастающей из «глубинного» бытия России. Сурковский путинизм тоже имеет прочные корни в отечественном прошлом. Он, по Суркову, не наносен, не «случаен». Органичен подобно Самодержавию.

Когда-то Сергей Михайлович Соловьев сказал об Уварове: православие проповедует атеист, самодержавие – республиканец, народность – человек, не прочитавший ни одной русской книжки. В самом деле, Уваров принадлежал к просвещенным русским европейцам. Был прекрасно образован, почти профессионально занимался изучением Античности. И, как большинство людей его круга, был не чужд и религиозному скептицизму, и республиканско-демократическим идеям, и универсализму (наднациональному) европейского Просвещения. Соловьев не верил в искренность Уварова, проповедовавшего идеологию «особого пути», антизападничества, национальной исключительности. Для великого историка уваровщина была манифестацией цинизма в карьерных целях.

Вот и Сурков имеет репутацию образованного, современного человека: свободно говорит по-английски, на нем прекрасно сидят европейского пошива костюмы, поклонник и знаток авангардной западной музыки, вполне современный писатель. Спортсмен. Это – «человек мира», а не интеллигент из изолированной и отсталой провинции. По всему этому трудно поверить и в его искренность в отношении путинского режима и апелляции к спасительной энергии и силе «глубинного народа». Уж больно далек Сурков от этого народа. Далек – бытийственно. Здесь, пожалуй, тоже

карьерные амбиции и адаптация к той политической реальности, которая дана нам в ощущениях.

Открытие «глубинного народа»

И все-таки: «глубинный народ» – что это? – Видимо, здоровое ядро населения России, не «зараженное» «гниением Запада», его отказом от традиционных ценностей. Этот «народ» всегда присутствует в русской истории и спасает своим здоровьем страну. Он противостоит оторвавшимся от почвы космополитическим элитам и обеспечивает преемственность исторического развития. Именно в «глубинном народе» укоренен путинский режим.

Кстати, еще много лет назад Сурков описал этот режим, тогда еще не вполне оперившийся. «Реальным инструментом власти в современной системе является не административная вертикаль, а система влияния, основанная на моральном авторитете и значимости. Президент больше “жрец” или “судья”, чем “царь”. Но мера его ответственности при этом – “царская”»¹. И далее: «Задача Путина – создание такой системы, в рамках которой русский народ сам сможет решать вопрос о власти. Решение этого вопроса может и не включать в себя сменяемости власти любой ценой каждые четыре года или ротацию партий у власти в оппозицию. Но принципиально важно, чтобы в решении участвовало и согласилось с его результатом большинство граждан. В этом формула демократического суверенитета»².

Итак, мы снова в мифологическом пространстве «жрецов», «судей», «царей». Мы помним эпохи этих «персонажей» по Священному Писанию («Ветхий Завет»). В том же пространстве находится путинско-сурковская демократия – без сменяемости власти каждые четыре года и без ротации партий у власти. То есть у нас особая демократия. Власть народа осуществляется без привычных «западных» процедур, все – каким-то образом – решает сам народ. На ум приходит знакомая с молодости антагонистическая пара: ихняя несправедливая буржуазная демократия – наша общенародная социалистическая демократия. Теперь внешне иная, хотя по сути та же конфигурация: их погрязшая в отказе от традиционных духовных ценностей западная либеральная демократия, не только несправедливая, но и токсичная для нас и других немногих стран, еще сохранивших связь с традициями, духовную независимость и здоровье, – наша особая суверенная демократия, опирающаяся на поддержку здорового ядра народа («глубин-

¹ Что понравилось Владиславу Суркову и «Единой России» // Коммерсант. – 2006. – 10 февраля. – С. 3.

² Там же.

ный народ»?) и основывающаяся на традиционных духовных ценностях. Демократия – нелиберальная по своей природе.

Напомню: еще в начале XX столетия крупнейший отечественный политический мыслитель Б.Н. Чичерин предупреждал: «Оставаться при нынешнем близоруком деспотизме, парализующем все народные силы, нет возможности. Для того чтобы Россия могла идти вперед, необходимо, чтобы произвольная власть заменилась властью, ограниченной законом и обставленной независимыми учреждениями... Гражданская свобода должна быть закреплена и упрочена свободой политической» [6, с. 614–615].

Но Россия не вняла гласу умнейшего своего сына. И даже после десятилетий коммунистической диктатуры и рабства мы предпочли утопию «особого пути». И «близорукий деспотизм», не ограниченный законом и независимыми учреждениями. Одним из виднейших идеологов и творцов такого порядка («не чичеринского») является В.Ю. Сурков. В «глубинном народе» его «суверенная демократия» обретает почву. Путинский режим, по мысли Суркова, именно ей обязан своим существованием.

Когда я думаю о «глубинном народе», то вспоминаю письмо П.Б. Струве Е.Д. Кусковой. Оно было написано в январе 1940 г. Шла Вторая мировая война. СССР выступил на стороне Третьего рейха, участвовал в четвертом разделе Польши, развязал войну с Финляндией, вскорости овладеет тремя балтийскими республиками. Для Струве и Кусковой поведение их Родины было совершенно неприемлемым. Петр Бернгардович писал: «Народ, т.е. большинство “простонародья” во время гражданской войны было в стороне от обоих лагерей (когда Добровольческая армия покидала в конце декабря 1919 г. Ростов, простонародье злорадствовало, а когда Кутепов через несколько недель снова занял временно тот же Ростов, то же простонародье ликовало самым подлинным образом и приветствовало его как освободителя). Гражданская война была состязанием двух меньшинств при политическом безразличии “народа”, т.е. большинства простонародья, «настроения которого колебались так же, как колеблется погода» [3, с. 205].

Действительно, та часть народа, которую Струве называл простонародьем, еще тридцать лет назад была готова гнать «коммуняк» и «кровавое гэбье...», сегодня боготворит Сталина и любитесь Путиным. Я бы осторожно назвал это «простонародье» черносотенным, необязательно с погромным контекстом (но и это в принципе не исключается). В годы первой русской революции Струве квалифицировал большевизм как «черносотенный социализм». Так же большевизм определялся им как «азиатский марксизм», законченная форма народничества, аккумулировавшая в себе все его антикультурные и антиевропейские энергии и комплексы.

Он подчеркивал: «Наш народнический социализм (это в основном о большевиках. – Ю. П.) перекрещивается с черносотенством, образуя с ним

некоторое внутреннее духовное единство. Сущность и *белого* и *красного* черносотенства (выделено мною. – Ю. П.) заключается в том, что образованное (культурное) меньшинство народа противопоставляется народу, как враждебная сила, которая была, есть и должна быть культурно чужда ему. Подобно тому, как марксизм есть учение о классовой борьбе в обществах, – черносотенство... есть своего рода учение о борьбе культурной» [4, с. 16].

А что значит культурная борьба? Это отказ от «высокой культуры» (Hochkultur) образованного меньшинства, противопоставление его большинству населения («простонародью»), редукция русской культуры к «простонародным» ее образцам. По существу, это отказ от Пушкина, Бунина, Набокова, Стравинского и др. Все это было и в уваровской идеологии (прежде всего – «Народность»). Безусловно, эти мотивы присутствуют и в сурковской композиции, где здоровый «глубинный народ» противопоставит элитам, зараженным чуждым и «тлетворным» духом Запада. Думаю, что не ошибусь, если укажу на принципиальную схожесть «простонародья» (по Струве) и «глубинного народа» (по Суркову). Так же Владислав Юрьевич напоминает мне некоторых персонажей XIX – начала XX в. Просится пушкинское («Отрывки из путешествия Онегина»): «Проснулся раз он патриотом / Дожливой скучною порой. / Россия, господа, мгновенно / Ему понравилась отменно, / И решено – уж он влюблен, / Уж Русью только бредит он! / Уж он Европу ненавидит / С ее политикой сухой, / С ее развратной суетой».

И еще о связях Суркова с русской литературой (все законно – Владислав Юрьевич и сам беллетрист), и прежде всего с деревенской прозой брежневских времен. Она ведь тоже искала некий идеальный, «неиспорченный» глубинный народ. Или придумывала его в качестве здоровой антитезы «большому» городу, «больной» (порою зловерной) интеллигенции. Сурков как бы идет вслед за этими поисками, за этим мифотворчеством. Вот какой странной бывает филиация идей (выражение Льва Толстого)!

«Долгое государство» Путина

Другая тема статьи Суркова – государство, власть. Вообще в мире и у нас на Руси. В отечественной истории он видит четыре властные модели, адекватные и вырастающие из «глубинного народа». Их создателями были Иван III, Петр I, Ленин и Путин. На мой взгляд, не совсем точно. Забыт Иван IV (Грозный) с его опричниной, которая в разных формах стала необходимым элементом русской государственности и на будущие времена. Что касается Советского государства, то при всей гигантской и первопророческой роли Ленина оно, скорее, сталинское.

В новой системе все институты подчинены основной задаче – доверительному общению и взаимодействию верховного правителя с гражда-

нами. Различные ветви власти сходятся к личности лидера, считаясь ценностью не сами по себе, а лишь в той степени, в какой обеспечивают с ним связь. Кроме них, в обход формальных структур и элитных групп работают неформальные способы коммуникации. По существу общество доверяет только первому лицу.

После «провальных» 90-х, говорит Сурков, Россия перешла в информационное контрнаступление на Запад. «Мы» начали сами производить смыслы. Одним из них является *государство* нового типа – такого у нас еще не было (помните ленинскую *партию* «нового типа»?). Владислав Юрьевич уверен: эта модель сложилась органично и станет эффективным средством выживания и возвышения российской нации на весь предстоящий век.

Перенятые же у Запада многоуровневые политические учреждения считаются отчасти ритуальными, заведенными больше для того, чтобы было, «как у всех», чтобы отличия нашей политической культуры не так сильно бросались соседям в глаза, не раздражали и не пугали их. Они как выходная одежда, в которой идут к чужим, а у себя мы по-домашнему – каждый про себя знает, в чем.

Ну и что здесь нового? – Разве «доверительное общение и взаимодействие верховного правителя с гражданами» не было целью и содержанием того, что провозглашалось при царях и генсеках? – Разве «ветви власти не сходились в личности лидера»? Или заимствованные у Запада институты не использовались как «прикрытие» иной, чем у европейцев, политики? Так что, в каком смысле путинский режим является «государством нового типа», для меня осталось неясным.

Кроме того, мне непонятно: кто и где перенимает и подражает путинской политической системе? Интересно, какие ее институты и процедуры пошли на экспорт? Диктатура одного человека, несменяемость власти, псевдовыборы, тотальный диктат власти над СМИ, преследование инакомыслящих, засилье спецслужб и «правоохранительных» органов, «образцовая» судебная система? Или что-то иное? К тому же, Сурков утверждает: выбора нет ни у кого. Каждый идет по кем-то назначенному пути. Как можно себе представить, что некое чужеземное государство вдруг откажется от своей исторической органики и предопределенности и «скажет»: хочу по-русски, хочу по-путински?

В отличие от либеральных «похоронщиков» режима, предрекающих ему скорый конец и полную «смену вех», Сурков утверждает: большая политическая машина Путина только набирает обороты и настраивается на долгую работу. Выход ее на полную мощность далеко впереди и через много лет Россия все еще будет государством Путина. Вообще путинизм – идеология будущего. И, наверное, не только «нашего».

Политическая система России, по Суркову, имеет значительный экспортный потенциал: ее изучают и перенимают, подражают. Русских обвиняют во всех смертных грехах, в том числе «мы» якобы пытаемся влиять на их выборы. Но эти последние суть мелочевка: и сами по себе, и для «нас» мелковато. Россия вмешивается в их мозг, изменяет их сознание. Иначе и быть не может. Ведь мировая история отвела нашей стране «нескромную роль».

Здесь на ум приходят знаменитые высказывания двух полицейских генералов XIX столетия. Александр Христофорович Бенкендорф: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение». Леонтий Васильевич Дубельт (это в адрес презренных либерастов-западников, конкретно – о петрашевцах, среди которых были Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский и другие звезды отечественной культуры): «Надивиться нельзя, что есть такие безмозглые люди, которым нравятся заграничные порядки».

А ведь умели формулировать николаевские сатрапы. Несмотря на свою «немецкость», они – по-своему хорошо – слышали «русскость». Но и сегодня у нас не перевелись таланты находить точные слова для обозначения неких, еще вчера безымянных сущностей (порою вымышленных).

Владислав Юрьевич ярко описывает современное западное государство, у которого два измерения – внешнее и глубинное (deep state). Внешнее – это выставленные напоказ демократические институты. Глубинное – абсолютно недемократическая сетевая организация реальной власти силовых структур. Механизм – на практике действующий посредством насилия, подкупа и манипуляций. Но все это спрятано глубоко под поверхностью гражданского общества. Оттуда, из темнот этой непубличной и неафишируемой власти, всплывают изготовленные там для широких масс светлые миражи демократии – иллюзия выбора, ощущение свободы. Выбор и свобода неприемлемы для Суркова. Им он противопоставляет «реализм предопределенности». Это только кажется, что выбор и у них, и у нас есть, говорит Сурков.

Он словно забывает, что человек по природе своей обладает свободой воли и поэтому исторический процесс открыт и не предопределен. Владислав Юрьевич продолжает мелодию, уже отброшенную русской мыслью. Так сказать, мелодию культурологии и политологии без антропологии. А ведь еще в начале XX в. С.Н. Булгаков (да и не только один он) уже знал: «Там, где есть жизнь и свобода, есть место и для нового творчества, там уже исключен причинный автоматизм, который вытекает из определенного и неизменного устройства мирового механизма, идущего как заведенные часы. Всякая личность, как бы она ни была слаба, есть нечто абсолютно новое в мире, новый элемент в природе... Поэтому мертвому

детерминизму, исходящему из предположения об ограниченном числе причинных элементов и их комбинаций, нет места в истории. Поэтому... не может быть теории истории а priori, т.е. конструированной на основании определенного числа причинных элементов. *История творится* так же, как творится и индивидуальная жизнь» [2, с. 184].

Заметим: у «глубинно-народного» автора сплетены конспирологические мотивы, органическая теория общества (отвергнутая современной наукой) и элементы ленинского марксизма (государство как прежде всего аппарат насилия; демократические процедуры – обман наивных масс).

В России – совершенно другая история. Правда, Сурков самокритично признает: наше государство смотрится не изящнее, зато –!!! – честнее. Оно не делится на глубинное и внешнее – строится все целиком, всеми своими частями и проявлениями. Самые brutальные конструкции ее силового каркаса идут прямо по фасаду, неприкрытые какими-либо архитектурными излишествами. Военно-полицейские функции не прячут, а, наоборот, демонстрируют. Бывают странные сближения (Л.Н. Толстой): русское государство в версии Суркова и Центр Помпиду в Париже. Там тоже «все» напоказ, все «коммуникации» здания идут по фасаду. В этом и есть архитектурный замысел, стиль.

Если согласиться с сурковским видением русского властного устройства, не избежать вопросов: почему столь различны наше государство и «ихнее»? Было ли так всегда или Владислав Юрьевич описывает путинское «долгое государство» нового типа? А также: если более честное русское государство вырастает из «глубинного народа», то откуда происходит менее честное западное? Да, а у них имеется «глубинный народ» или..? Если же имеется, то почему его продукт менее «честен»? Может, западный «глубинный народ» не столь «качествен»? А вдруг его вообще нет? Тогда откуда взялось deep state?

Подчеркну: если пользоваться терминологией Суркова, то разве избиратели Д. Трампа не «глубинный народ», как, впрочем, и сторонники Брекзита. А люди, голосовавшие за Берлускони, братьев Качиньских, Орбана? Кто они? За Д. Трампа – «глубинная Америка», не понимающая, не принимающая всех этих нью-йоркских либералов (в основном из Демократической партии), этих подозрительных высокомерных космополитов-глобалистов, и вашингтонских бюрократов, чуждых интересам и чаяниям простого американца. За С. Берлускони – «глубинный итальянский народ», который не хочет брссельской унификации, за Леха и Ярослава Качиньских – настоящие, «глубинные поляки», чьи души горят гордостью за великую, особую, католическую Польшу, оплот и последнее прибежище духовности. За Виктора Орбана – венгерская провинция, органически чуждая мультикультурализму и толерантности современной Европы, те

«простые венгры», которые видят олицетворение опасности в цыганах, евреях и чиновниках ЕС.

«Военно-полицейские функции не прячут, а, наоборот, демонстрируют напоказ...» С какой целью? Напугать? – Но по-«честному»? – А не как на Западе: мягко стелют, жестко спят? Или, напротив: чего стесняться? Мы – такие! Как говорил наш великий реакционер и эстет Константин Николаевич Леонтьев, «Россия должна править бесстыдно!» Вслед за ним – один из героев «культового» романа В. Сорокина «День опричника»: «И слава Богу: мы у себя на родине, чего стесняться». То есть военно-полицейские функции напоказ – это, как без одежды на людях. Видели? – Кумекайте, с кем дело имееете.

Впрочем, может, и не стоит к идеологической сурковской конструкции подходить с критериями научности, логики, стройности и законченности. Повторим: это идеология, апеллирующая к чувственно-психическому миру, а не к потребности адекватного понимания.

В самом начале статьи я сказал, что Сурков – это граф Уваров нашего времени. Но Владислав Юрьевич пошел дальше Сергея Семеновича. «Православие. Самодержавие. Народность» – это рецепт только для России, более того, русская триада по сути противопоставляется западной: «Свобода. Равенство. Братство». Итак, православно-самодержавно-народная Россия идет своим «особым путем», праведным и органичным. Запад же «гниет», шатается, весь изъеден греховностью. Ясно: «мы» – олицетворение добра, нравственного здоровья; однако – *только* «мы». «Они» – воплощение зла, их мир закатывается, он тяжело болен. И давайте подальше от них.

Сурков же полагает, что «долгое государство» Путина, во всяком случае, его элементы, могут быть имплементированы в иные общества. То есть сурковский «Sonderweg» имеет экспортный потенциал и сфера его применения в принципе шире, чем государственные границы России. Тогда какой это «особый путь»? Просто «мы» более совершенны и раньше устроились на этот совершенный лад. Типологически это схоже со старым советским утверждением: «мы» первыми построили справедливое государство рабочих и крестьян и являемся примером для остальных. Это было одно из важнейших идеологических обоснований глобальной (в интенции) коммунистической экспансии.

Так что, пожалуй, Сурков наследует не только Уварову, но Ленину с Троцким (да и Сталину с Бухариным). Слышится мотив «социализма в одной стране», перемежающийся с мотивом перманентной революции. И «официальная народность» («глубинная народность» плюс «долгое государство» Путина) встречаются с пролетарской солидарностью. Логически и типологически, конечно.

И – о «долгом государстве» Путина. Его настоящее – великолепно, будущее – выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение. Стоять оно будет «во веки веков». Кстати, так же думали коммунисты. Но произошло то, что Солженицын в «Бодался теленок с дубом» назвал «чудом». «Когда Ленин задумал и основал, а Сталин развил и укрепил гениальную схему тоталитарного государства, все было предусмотрено и осуществлено, чтобы эта система могла стоять вечно, меняясь только мановением своих вождей, чтобы не мог раздаться свободный голос и не могло родиться противоречие. Предусмотрено все, кроме одного – чуда, иррационального явления, причин которого нельзя предвидеть, предсказать и перерезать. Таким чудом и было в Советском государстве появление Андрея Дмитриевича Сахарова...». Я привел эти слова Александра Исаевича не для того, чтобы намекнуть: явятся новые герои и «долгое государство», подобно советскому, треснет. Нет, «чудо» – не только иррациональное явление, это и псевдоним свободы воли, свободы выбора (что отрицает Сурков) человека. Их невозможно «просчитать» и «перерезать». Социально-политическое устройство, не учитывающее возможности рождения свободного человека в условиях несвободы, при всей своей грозности – хрупко. В таком государстве забыли: дух свободы дышит, где хочет. И в «долгом государстве» – тоже.

Я надеюсь на эти «столп и утверждение истины». Мужество свободного человека перед полицейским «Левиафаном» и даже тоталитарным «Бегемотом».

Идеология Суркова в сравнительно-историческом измерении

Идеи «глубинного народа», «долгого путинского государства», «государства нового типа» становятся более внятными, наполняются конкретным историческим содержанием, если поставить их в контекст размышлений крупнейшего отечественного государствоведа, правоведа и политолога Николая Николаевича Алексеева, одного из главных теоретиков евразийства. В работе «Русский народ и государство» (написана в эмиграции в 20-е годы) он констатирует: «Ни в одной стране Западной Европы мы не встречаемся с явлением... резкого разрыва между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс. Со времени Петра Великого высшие классы жили своей собственной... жизнью...» [1, с. 68]. Вот он, «глубинный народ» и космополитические элиты, оторвавшиеся от него.

Алексеев подчеркивает: «Русский народ имеет... свою собственную интуицию политического мира, отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных» [там же, с. 69]. Собственная интуиция «глубинного народа» заклю-

чалась в следующем: «Основной организующей идеей русской истории была идея московской самодержавной монархии, которая с воцарением Петра истолкована была в смысле западного абсолютизма и превратилась в идею Российской Империи петербургского стиля» [1, с. 75]. И эта полужыгическая, берущая свои истоки в древневосточных деспотиях концепция, по мысли Алексеева, безусловно разделялась широкими народными массами («глубинным народом»).

«Русский народ должен был почувствовать себя конгениальным замыслу иосифлян¹ – иначе не было бы и московского государства» [1, с. 76–77]. Свидетельством тому являются события Смутного времени – «звездный час» «глубинного народа». Сначала он смиренно созерцал Смуту. Более того, «по наивности» даже дал вовлечь себя в крамолу, но вовремя одумался. Тогда он и пошел в ополчение Минина и Пожарского. Так им и была провозглашена монархия московского стиля – этот исконный общенародный русский идеал. Посадские люди и мужики, шедшие на освобождение Москвы, – эта московская «общественная середина» – ...поддерживали программу московской монархии. Не увлекаясь «ни реакционными планами княжеского боярства», ни «исканием общественного переворота», они олицетворяли собой ту консервативную силу, для которой «монархический идеал... был... глубоким убеждением» [1, с. 77].

Я бы только подправил: «нижегородско-московская» «общественная середина» есть «глубинный народ». Он не принял ограничения царской власти Василием Шуйским, не согласился на польского королевича как русского царя и вообще выступил против того, что позже назовут «европеизацией», «вестернизацией». Хотя в перспективе этого избежать не удалось. Но и «общественная середина» сохранила свой консервативный потенциал до наших дней.

Таким образом, идейная родословная Суркова гораздо глубже, чем эпоха Уварова – Бенкендорфа – Дубельта. Так что же, несмотря на негативную реакцию либералов (типа меня), Сурков прав? И «глубинный народ» («простонародье», черносотенство, московская «общественная середина») действительно ставит на место космополитические элиты и создает *свое* государство, по своему *образу и подобию* – московское и петербургское самодержавие, общенародную коммунистическую диктатуру, «долгое государство» Путина? И тогда Сурков не сочиняет мифы, а, чутко прислушиваясь к дыханию истории, указывает на ее магистральные пути?

¹ Архимандрит Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин) – церковный деятель эпохи Ивана III и Василия III. Стронник сильной царской власти и влиятельной, богатой Церкви. Резко выступал против робких попыток разномыслия и внеэтикетского мирозерцания, нашедшего свое выражение в нестяжательстве. Родоначальник господствующего в Церкви и поныне иосифлянства. Последнее стало олицетворением цезарепапизма и обскурантизма на Руси.

Так? – Нет. Сурков-идеолог, по-сурковски прочитанная русская политическая традиция – и русская политическая традиция, скажем, по Алексееву, находятся между собой примерно в таком же соотношении, как идеологи французского Национального фронта с крестьянами Вандеи, отстаивавшими свою органику, свой лад. Французы конца XVIII в. и русские начала XVII столетия расплачивались за свои убеждения кровью, Сурков и современные идеологи Национального фронта – чернилами.

Подобно валюте, идеология животворна тогда, когда имеет соответствующее обеспечение. Между мировоззрением «глубинного народа» и Суркова такая же разница, как между славянофилами XIX в. и авторами газеты «Завтра». Если за конструкциями славянофилов стояла любовь, то у идеологов «Завтра» – ненависть. Хомякова, Киреевских, Аксаковых, Самарина отличали глубокая вера и сострадание к народу, Сурков и публицисты «Завтра» видят в народе своеобразный резервуар антизападных и антимодерных фобий. На этом строится их «народолюбие», их утверждение мессианской роли России.

По случайному стечению обстоятельств в одно и то же время со статьей Суркова я читал работу известного русского мыслителя и публициста профессора Александра Сергеевича Ципко [5] и роман современного отечественного прозаика Игоря Сахновского «Свобода по умолчанию» (М., 2016). И вне зависимости от моей воли эти три текста вошли в какие-то взаимоотношения. Тем более что по существу – тема одна. Это настоящее, прошлое и возможное будущее России.

«Суверенная православная демократия»

«Свобода по умолчанию» встала для меня в один ряд с «Днем опричника» В. Сорокина. Роман И. Сахновского написан через десятилетие после «Дня опричника». В этом смысле он современнее. Внешне это попытки заглянуть в наше, послепутинское, будущее. На самом деле – повествование о настоящем (начало – середина нулевых и середина десятых). Оба автора «лишь» додумывают тенденции дня сегодняшнего, обращая их в факты, явления. Но, как и все антиутопии, они пытаются понять настоящее, вырастают из мировосприятия нашего времени.

В произведении И. Сахновского действие происходит лет через десять после ухода Путина (середина 30-х). В России установлен режим суверенной православной демократии. Господствует антизападничество. Главный герой, Турбанов, служит в Министерстве цензуры (Министерство контроля за соблюдением национальных стандартов) на скромной должности. Но от него во многом зависит будет или нет опубликован художественный текст. «У Турбанова, – пишет автор, – был один крупный

социальный дефект... Гуманитарное образование, которое он по наивности получил еще до того, как всю туманную филологию и рассыпчатую журналистику заменили на единые, прочные Основы духовности».

«За свою... жизнь Турбанов успел пожить в четырех очень разных странах (позднесоветское время, ельцинские 90-е, путинский период и то, что пришло вслед Владимиру Владимировичу. – Ю. П.). Так уж случилось, что с каждой сменой руководителя в стране кардинально менялся государственный строй, а вместе с ним – все главные законы и моральные нормы. Быстро усвоить и полюбить новые порядки, сродниться с ними удавалось далеко не всем. Некоторым гражданам катастрофически не хватало гибкости и патриотизма, чтобы с восторгом принимать любые перемены в своей отчизне, которая, как известно, всегда права».

Турбанов еще застал времена, когда действовал закон, каравший за «получение и дачу взятки должностному лицу». Закон этот постепенно умер, как умерли домашние телефоны, лазерные диски, бюстгалтеры и бессрочно запрещенный вай-фай. Теперь же и в указах, и в официальных рассылках устарелый термин «взятка» уважительно трактовался как «добровольное содействие в реализации властных функций» или как «народный деловой ресурс». Правда, в устных переговорах дающих и берущих персонажей по-прежнему звучали интимные продуктовые подсказки: «лимон», «арбуз», «капуста», «зелень» – нежные, деликатные намеки в том смысле, что «завтра принесешь пятьдесят кусков – или я тебя урою н...!»

Цензору-эксперту Турбанову «доставляли свежую писательскую продукцию». И он либо запрещал, либо разрешал публикацию. «Когда... запрещал очередную книгу, это не означало, что книга ему не понравилась, что она бездарна или плохо написана. Она всего лишь не вписывалась в санкционированные духовные нормы. Как... темный автопортрет старого голландца с печальным угасающим взглядом не вписывается в свежевывкрашенную Доску почета, посвященную ясноглазым передовикам».

Правда, встречались и такие сознательные авторы, что их можно было в контрольных целях вообще не читать. Например, один лауреат всех мыслимых премий, орденосеиц, взявший себе нарядный псевдоним Макар Лепнинов, уже который год сочинял многосерийную сагу о либералах и методично, раз в квартал выстреливал новыми томами с типовыми заголовками: «Либеральная тля», «Пархатый либерализм», «Почему я не либерал?», «Зараза на букву “Л”».

Когда же Лепнинов «прислал очередное сочинение под названием “Черная сперма либерализма”, эксперт Турбанов... тихо усомнился в целесообразности столь громкой стрельбы и пошел советоваться с начальством. Он лишь хотел уяснить: зачем так долго и упорно палить по мишени,

которой уже не существует? Ведь понятно, что этих злосчастных либералов в стране осталось меньше, чем динозавров, по крайней мере на виду, в публичном пространстве. Вокруг одни только сугубые патриоты, для которых величие державы и *наш особый путь* дороже собственной жизни».

Помимо Макара Лепнинова в «Свободе по умолчанию» действует еще один видный писатель-патриот – автор романа «Девушка и СМЕРШ» Рихард Жабулаев. «...Юная, но прозорливая санитарка днем и ночью тревожится о том, что солдаты и офицеры беспечно разъехались по домам, а полчища двурушников и диверсантов нагло разгуливают по нашей земле. Как и следовало ожидать, санитарка отдает свое сердце майору контрразведки СМЕРШ, а потом они вместе, рука об руку, выводят на чистую воду растленного главного врача. Проходят годы, и майор, уже полковник в отставке, высоко оцененный командованием, повествует своим и санитаркиным внукам, как он самолично, вскрывая фронтовую почту, разоблачил некоего артиллериста Солженицына, который в частной переписке оскорблял государство и вел пропаганду против родных властей. Да, его наказали, послали в лагерь. Но не расстреляли же! Хотя, скорее всего, расстрел пошел бы ему на пользу, потому что он так и не одумался, а стал сочинять байки и пасквили, сбежал на Запад и выхлопотал себе там Нобелевский паек».

Под статью этому «прекрасному новому миру» и его телевидение. Так, Турбанов смотрит передачу «Деятели культуры о политике». Участвуют: ведущая, Макар Лепнинов и Рихард Жабулаев. Она: «...широко обсуждается эта новость. После стольких лет холодной войны, развязанной, как мы знаем, западными ястребами, сразу несколько лидеров европейских стран вдруг проявили, я бы сказала, странное желание приехать в Москву для переговоров с российским руководством – напрямую с Высшей инстанцией (высший коллективный – четыре человека – орган управления страной. – Ю. П.). Что вы думаете об этом? Ваше мнение?»

Жабулаев: «Мое мнение следующее... Гнать! Гнать ссаными тряпками! Потому что нечего им здесь делать. Если бы меня попросили дать совет Высшей инстанции, то я бы дал совет: гнать отсюда подальше». – Затем на экране появляется Макар Лепнинов, «живой классик: молодцеватый, стриженный под бокс, он мог бы сойти за сотрудника ведомственной охраны или преподавателя физкультуры, если бы не золотая цепь в вырезе рубашки». Он сказал: «Европа зашла в страшный тупик. Она погрязла в педофилии, в однополых браках и не может найти ответа ни на один духовный вопрос. Они там уже чувствуют, что здесь, у нас, последний оплот духовности, поэтому они едут к нам – чтобы получить ответы и хоть как-то выбраться из своего либерального тупика».

Ведущая: «Но вы-то знаете, что им ответить?» – «Я знаю, что я русский. И православный. Вот и все – этого достаточно! Это мой главный от-

вет на любой вопрос. У нас свой, особый путь. Я слышал от святых отцов, что у нас и конец света будет свой, особый. А Запад боится и завидует нам – пусть берут пример!» – Ведущая: «А нам есть с кого брать пример? Разве мы сами не совершали ошибок?» – «Мы совершили ужасную ошибку, когда либералы захватили власть: они хотели, чтобы весь народ, задрав штаны, бежал в гнилой либерализм. Вся страна от этого стонала, пока русский мир не начал вставать с колен. Независимость дорого стоит! Об этом знает братская Северная Корея – вот с кого надо брать пример! Об этом знают в Китае. Помните, что было на главной площади в Пекине? Там расстреляли сразу тысячу агентов-провокаторов и тем самым спасли страну. А у нас и сегодня предатели, потенциальные агенты ходят как ни в чем не бывало, живые и невредимые. Как прикажете с ними поступить? – Гнать, – вмешался Жабулев. – Гнать ссаными тряпками!»

Конец света как национальная идея

Вот такая телепередача, такой режим и такая идеология. Кстати, в стране наконец появилась национальная идея. – «Лучшие умы на протяжении многих лет не могли ее нащупать и назвать. Но вот... на совещании у первого заместителя директора СЦУ (что это, не объясняется. – Ю. П.) по идеологии был найден вариант, который устроил всех. Национальная идея получилась простой и великой – конец света. Разумеется, свой, особый конец. В кратчайшие сроки идею транслировали самым сознательным деятелям науки, искусства, литературы и церкви. Духовенству было настоятельно рекомендовано присвоить себе копирайт. Наиболее удачные формулировки гласили: народ, для которого “на миру и смерть красна”, должен воспринять эту идею как стимул к бесстрашной мобилизации перед лицом мировых угроз, а бытовые и материальные трудности – как постыдные мелочи, недостойные внимания в столь важный исторический момент».

Надо сказать, что герой романа Турбанов так и не принял «нового мира» и его ценностей. «Назавтра он не поехал на работу, хотя это был второй четверг месяца, т.е. ежемесячный День суверенной православной демократии, и невяку... могли расценить как нелояльность четвертой степени, если не хуже – как индивидуальный атеизм западного типа». Турбанов настолько не проникся духом суверенной православной демократии, что не мог даже заполнить безобидной анкеты. «Утро понедельника началось с пятидесятистраничной анкеты», которую он нашел у себя на рабочем столе. Анкета называлась “Контроль за истинностью веры и православного благочестия”. Самые деликатные вопросы были такие: “Как часто ты забываешь прочесть молитву перед употреблением продуктов питания?” и “Сколько врагов национальной духовности выявил (а) лично

ты?» Турбанов «ставил галочки наугад, почти зажмурившись, пытаясь отдельные пункты как бы не заметить, проскочить, но сломался на последних страницах, где был выложен список всех сотрудников конторы – от министра до уборщицы... – и нужно было оценить степень благочестия каждого...». В общем Турбанов не выдюжил и был вызван на допрос. Вопросы были такие: «Знает ли он, что такое педофилия? Замечает ли он у себя такую склонность натуры? Как насчет полового пристрастия к малолетним особям? Доводилось ли ему совершать развратные действия со школьницами младших классов? А если подумать? Известно ли ему, что пропаганда педофилии карается не менее сурово, чем...? – Опираясь на наше гуманное законодательство. Исходя из принципа неотвратимости наказания».

А вот – Москва, в которой живет Турбанов и господствует суверенная православная демократия. «Он обогнул старое здание драмтеатра, перестроенное под Федеральный центр духовного роста, пересек улицу Безопасности (бывшую 8 марта, бывшую Троцкого, бывшую Метельную) и углубился в безлюдные дворы. Там после двухдневного дождя можно было запросто увязнуть по колено в глинисто-черноземной каше, зато редко встречались *нравственные* патрули и рейды народных контролеров, от которых не всякий мог отбиться, даже владея удостоверением госслужащего... Раньше дружинники носили впереди себя флаги либо пронумерованные боевые хоругви, заметные издали, что позволяло уйти вбок, прикинуться ветошью или втереться всем телом в складки родимой земли. Но потом обычные флаги и хоругви заменили надувными, которые... вздували в момент атаки».

Вполне вписывается в *эту* Москву и Академия наук, точнее, ее останки. Герою романа необходимо явиться в Дом анализов (прежде всего дактилоскопических), бывший Президиум Академии наук (речь идет о «новом» Президиуме, высоком здании по адресу: Ленинский проспект, д. 32-а; это то, что в народе называют «мозгами»). – «Запустение на этажах и в бывших научных коридорах позволяло вообразить медленную и верную погибель академических надежд. Насколько было известно... процесс этот начинался давно, но приобрел обвальный характер после того, как один из руководящих ученых мужей, член-корреспондент и лауреат, имел неосторожность публично заявить, что “национальная физика” или “национальная математика” – это нонсенс».

Совершенно случайно скромный служащий Турбанов попадает в мир большой политики и больших денег. Он должен ехать в Лондон и спасти «вывезенные» туда российские капиталы, с тем чтобы высшее руководство страны (четыре человека) могли бы ими воспользоваться. Вот инструкция, которую Турбанов получает перед отлетом (в устной форме): «...Ввиду нарастающих финансовых рисков и настоятельной необходимо-

сти срочного укрепления национальной финансовой безопасности, а также в целях предотвращения утраты подавляющей части валютных резервов высшего эшелона... Ну, в том смысле, чтобы не попасть на бабки всей страной. Офшоры-то – все, каюк, накрылись медным тазом. А эти п... под видом политики могут всю нашу капусту зажать... В ходе оперативных вербовочных мероприятий, позволивших привлечь к сотрудничеству официальное должностное лицо из кабинета министров Великобритании, удалось достичь... Короче, наши смогли прикупить одного важного кента, а он втихую надавил на один козырный банк... Достигнутая договоренность позволяет осуществить безопасное разделение средств национального валютного фонда между четырьмя венецианскими владельцами (члены Высшей инстанции. – Ю. П.) на четырех банковских счетах...». Задача следующая: «Сохранить названные средства не только в случае прогнозируемого финансового коллапса, на стадии частично контролируемого социального хаоса внутри страны, но и с приближением более высокой опасности...» Турбанов спросил «инструктора»: «А что за опасность внутри страны?» – «Ну как же? Конец света... Каждый день на всех каналах только об этом говорят. И на всех оперативках». – «А что, есть признаки?» – «Не признаки, а прямая установка сверху!»

Здесь Турбанов догадывается, как связана задача сохранения денежных средств в Лондоне и «конец света», на который обрекает Россию власть. Но окончательно глаза ему открыл Борис Березовский («человек лет восьмидесяти или старше, сильно сторбленный, с головой, втянутой в плечи, однако быстрый и неуловимый, как ртуть»), который, оказывается, не погиб, его защитил Скотланд-Ярд, и живет в Лондоне: «...Вы наверняка помните времена, когда некоторые наши банкиры сознательно разоряли собственные банки в свою пользу, перед тем как сбежать навсегда. Приблизительно так же банкротили приватизированные заводы и прочие компании – их бросали, как тяжелый чемодан с оторванной ручкой: выскребывали самое ценное – и бросали. В сущности, я был один из таких умников. Но мне тогда и в голову не могло прийти то, что придумали нынешние ребята. Они решили, что можно поступить аналогично со всей страной. Если экономика не работает, то почему бы с ней не обойтись, как с тем чемоданом? Чего стоит одна только идея чисто русского, православного “конца света”. Они собираются закрыть русский проект. Им этот бизнес больше не нужен: прибыль маловата и слишком хлопотно. Осталось только зафиксировать доход и спрятать подальше – а там хоть трава не расти. Это неправильно, я считаю. Мне жаль этот бизнес, и я знаю, что его можно спасти». – «А людей?» – «Даже не сомневался, что вы спросите. Знаете, российская власть всегда была низкого мнения о своем народе и, к сожалению, в этом смысле во многом права. Наши люди не считают на два шага вперед, память короткая. Они поддержат любую власть, какую

ни поставь. Потому что “любая власть от Бога”, и все в таком духе. Людям ведь по большому счету неважно, кто им дает работу и зарплату. Ну и, как водится, “лишь бы не стало хуже, лишь бы не было войны” (в вопросе войны произошли изменения, о них мы узнаем чуть позже из статьи А. Ципко. – Ю. П.). А если вы им станете рассказывать про свободу и демократию, они же вам первому разобьют голову или в органы сдадут».

Вот это и есть наш «глубинный народ»: разобьют голову или в органы сдадут. Реалистично! Как сказано в одном российском детективе 90-х: Горбачев выпустил из тюрем диссидентов, и они нам СПИД наб... Это «ответ» глубинного народа «общечеловеческим ценностям», «демократическому социализму» и «новому мышлению».

Правда, И. Сахновский в традициях русской гуманистической литературы сохраняет веру в здравомыслие и совесть нашего народа. Когда власть организует свой особый конец света, тысячи людей выходят на улицы с плакатами: «Заберите свой конец света! Верните нам Новый год!» (дело происходит в конце декабря). Эх, если бы так!..

Поэт Владислав Сырков и идеолог Владислав Сурков

В романе В. Сорокина «День опричника» упоминается близкий к власти поэт Владислав Сырков – «мрачноват, седовлас, сутул». Автор «духоподъемной поэмы о детстве Государя» (в России установлена монархия. – Ю. П.). «О юности и зрелости Государя поэт Сырков уже давно написал». Опричник Комяга, главный герой повествования, читает:

Как ты бежал, подвижный, веселый,
Как тревожил леса и поля,
Как ходил на Рублевку ты в школу,
Как шептал: «О родная земля!»,
Как стремился быть честным и стойким
Как учился свободе у птиц,
Как в ответах был быстрым и бойким
Как ты за косы дергал девиц,
Как спортивным ты рос и упрямым,
Как хотел побыстрее все узнать,
Как любил свою тихую маму,
Как отца выходил провожать,
Как с борзыми носился по лугу,
Как гербарий впервые собрал,
Как зимой слушал белую вьюгу,
Как весной взял яхты штурвал,
Как готовил ты змеев воздушных,
Как учился водить вертолет,

Как скакал на Абреке послушном,
Как с отцом поднимал самолет,
Как китайский язык ты освоил,
Как писал иероглиф «гоцзя»¹,
Как ты тир по утрам беспокоил,
Как нырял, не жалея себя,
Как Россия в тебе отозвалась,
Как проснулась родная страна,
Как Природа с тобой постаралась,
Как пришли вдруг твои времена...

Зачем я старательно переписывал эти строки, сочиненные В. Сорокиным и вложенные в уста романного поэта Владислава Сыркова? – Мне показалось, что сырковская «поэзия» по своему этосу крайне близка сурковской идеологии. Так бывает. Различные жанры интеллектуальной и эстетической деятельности не только перекликаются, но и помогают открыть друг друга. К примеру, музыка и архитектура XVIII в., эстетика поэзии Б. Пастернака и фильм А. Германа «Мой друг Иван Лапшин», стихи Б. Окуджавы и ленты М. Хуциева (60-х годов). Статья Сыркова – это тоже поэма о Государе (который: «государство это я»). И там, и там благостный и торжественный тон, восхищение, радость допущенности к *таким* темам. И там, и там почти не скрываемое значение *сказанного*. Ну и, разумеется, сырковские «стишки» – и сурковская проза объединены интеллектуально-эстетической вторичностью. В целом «Детство Государя» хорошо настраивает на чтение текста Владислава Юрьевича, направляет нас в соответствующую тональность, является навигатором по «смыслам» и «домыслам» новой идеологии.

Я бы назвал сырковско-сурковское творчество бенкендорфным, имея в виду не только знаменитое высказывание Александра Христофоровича о прошлом, настоящем и будущем России, но и сферы его основной деятельности. Бенкендорфщина – не в последнюю очередь есть сентиментальный полицеизм (сентиментал-полицеизм) или полицейский сентиментализм.

И еще прошу заметить: сходство имен и фамилий вымышленного персонажа и реального идеолога следует квалифицировать как эстетическую случайность. Это как внезапная и беспричинная оговорка. Которая неожиданно помогает *понять*.

Итак, новое идеологическое и даже историософское произведение Сыркова разными способами перекликается с идеологическими и тоже историософскими поисками современной русской литературы. И их видение

¹ Государство (кит.).

нашей завтрашней (и сегодняшней) жизни совпадает. Но если Сурков слагает гимны, то литераторы «работают» в жанре фарса, подчеркивая абсурдность происходящего. Тем самым они придают гимнопению пародийность. Да, пожалуй, нынешний текст Суркова есть пародия на ситуацию в «возлюбленном Отечестве» (цитата из И. Бродского).

«Праздники безумия»

Статья Ципко. Давно не читал я столь мужественного и патриотического текста. Столь трезвого и самокритичного. Это то, что я называю прямым взглядом – русским экзистенциализмом. Очевидное продолжение линии Чаадаева – «Вех». Скорбь – вот одно из главных чувств, которое движет русским философом. – Что происходит с нашими людьми? С нашим народом? Неужели мы «соответствуем» этому режиму? Этой власти? И вправду ли все так безнадежно? Особенно ярко и горестно звучит скорбь статьи Ципко на фоне самодовольства, самовосхваления, фатовства Суркова.

Александр Сергеевич горестно констатирует: «Мы сегодня мало кому нужны, мало кто нами интересуется» [5, с. 104]. «Образ России не просто как непредсказуемой страны, а как опасного соседа все глубже и глубже погружается в сознание европейцев» [там же]. Вот они, плоды Крыма и Донбасса, русской милитантной риторики. – «Наверное, такого пренебрежительно-равнодушного и подозрительного отношения к России как к чему-то опасному, постороннему никогда еще не было... Вместо того чтобы стать частью “общеевропейского дома”, на что мы рассчитывали в годы перестройки, мы превратились в “дикое поле”, которое страны Запада обходят по дороге к себе домой. Никогда в своей истории мы не были так одиноки, как сейчас. Нет друзей, нет союзников, живем как в осажденной крепости» [там же].

Ципко говорит об абсурдности сегодняшнего народного сознания. «Русские ненавидят Н. Хрущева за то, что начал платить колхозникам вместо “палочек” деньги за трудодни, за то, что перевел миллионы рабочих из холодных сталинских бараков в уютные пятиэтажки, где у них появилась собственная квартира. Сталина, напротив, наш народ любит за то, что он убил крепкое крестьянство, уморил миллионы людей голодом, добил русскую интеллигенцию... за то, что он... окончательно лишил русского человека права мыслить, видеть. Больше всего ненавидят М. Горбачева нынешние русские священники... за то, что... сделал их свободными, дал право русскому народу на возрождение разрушенных Сталиным... церквей, создал условия для возрождения русской православной церкви» [5, с. 112–113].

У автора нет сомнений в том, что за «поворотом событий 2014 г. (Крым, Донбасс. – Ю. П.) стоит традиционное русское всевластие, традиционное русское самодержавие, возрожденное при В. Путине и не без его инициативы. Чем сильнее всевластие руководителя России, тем больше возникает соблазнов доказать США, что мы “великие”... Проблема не только в том, что мир вернулся в состояние “холодной войны”, но и в том, что мы сегодня живем в России, где нет политики, где уже воля, импульсы души всего лишь одного человека решают судьбы многомиллионной страны. То, как В. Путин принимал самоличное решение присоединить Крым к России, ярко иллюстрирует самодержавную природу его власти. Захотел – присоединил. Не захотел бы – и опять никто бы не пикнул. Но счастье русских людей состоит в том, что они живут как бы в тумане, с вечно спящими мозгами, не осознавая опасность того, чему они сегодня так рады» [5, с. 106].

Ципко убежден в том, что «соединение традиционного русского самодержавия, когда один... человек... определяет судьбы страны с ядерным оружием, несет в себе потенциальную опасность не только для России, но и для всего человечества... “Вертикаль власти”, противостоящая опасности русского хаоса... неизбежно превращается в традиционное всевластие одного человека, в то, что нам навсегда (навсегда ли? – Ю. П.) оставил Чингисхан, и в этом трагедия России» [5, с. 106–107]. Вообще-то «у меня лично все больше и больше укрепляется сомнение в самой возможности создания русским человеком политической системы с разделением властей, с механизмом страховки от ошибок лидеров страны. Мы не можем того, что сегодня в состоянии сделать даже многие страны Африки. Кстати, власть у нас неизбежно соединяется с собственностью...» [5, с. 107].

Еще одна важная тема, которая волнует Александра Сергеевича Ципко: «кладбищенский» патриотизм: «Меня пугает не только актуализация проблемы ядерной войны и гибели всей человеческой цивилизации, но и тот факт, что значительная часть населения современной России довольно спокойно, без страха реагирует на... разговоры о неизбежной гибели человечества. Такого равнодушия к проблеме смерти человечества не было у русских людей в советское время. Это говорит о том, что сложившаяся за четыре года привычка к жизни в осажденной крепости подрывает и без того слабый у нас, русских, инстинкт самосохранения. Не жаль самих себя... Не жаль и все остальное человечество» [5, с. 109]. – «Нет уже того русского человека, который во времена Л. Брежнева приговаривал: “Лишь бы не было войны!” Для русского человека... сегодня не симпатичен мир, где, как он говорит: “Россию не уважают”» [5, с. 109–110].

Далее А. Ципко рассказывает о дискуссии на телевидении с известным и влиятельным публицистом В. Третьяковым. «...Некоторое время

назад он в полемике со мной, развивая мысли В. Путина о возможности уничтожения Россией человеческой цивилизации, говорил о том, что подобное решение не обязательно должно быть ответной мерой на угрозу уничтожения России, а, напротив, превентивной, опережающей мерой в том случае, если мир будет оставаться однополярным и США не откажутся от своего главенства. На мое возражение, что в этом случае мы уничтожим не только человечество с его современным лидером в лице США, но и самих себя, В. Третьяков ответил, что ни к чему нам продолжать жить в однополярном мире, где с нами никто не считается. При этом он добавил: «Достоинство нации выше самой жизни» [5, с. 110].

Самое страшное, резюмирует Ципко, что В. Третьяков «точно отразил настроение многих русских людей» [5, с. 110]. Не правда ли, что все это очень близко к «концу света» – русской национальной идее в романе И. Сахновского? В последнее время очень часто слышно от простых русских людей, далеких от политики: «Пусть погибнет мир, в котором правят америкосы! Я сам готов погибнуть, лишь бы дать по морде этим обнаглевшим пиндосам» [5, с. 110].

«Рискну утверждать, что за нашими нынешними болезненными великодержавными амбициями (и склонностью к коллективному суициду. – Ю. П.) стоит капитуляция, неспособность осознать размеры цивилизационного отставания от развитых стран Запада и наконец-то приступить к долговременной работе по его преодолению. Мы, наверное, просто не в состоянии пройти тот необходимый путь, который прошел Китай со времен Дэн Сяопина» [5, с. 107].

Начиная разбирать статью Ципко, я сказал: это продолжение чаадаевской линии. И сам Александр Сергеевич подтверждает это: «Из всех русских мыслителей, искавших какой-то смысл в русской жизни, когда “прошлое в темноте, настоящее тягостно, а будущее непредсказуемо” (сравните *это* с безответственно-хвастливой позицией Бенкендорфа. – Ю. П.), ближе всего к истине был... П. Чаадаев. Есть какой-то смысл в русской истории... и состоит он в том, чтобы “дать миру какой-нибудь важный урок”, показать ему, что люди, обладающие умом и здравым смыслом, никогда и ни при каких условиях, не должны делать» [5, с. 112].

Вот ответ настоящего патриота, скорбящего о ситуации в своей стране, ответ хвастливым и беспочвенным фантазиям Суркова о «глубинном народе», «глубинном государстве» и «долгом государстве» Путина, которое и нам впору и которому якобы многие хотят подражать. «Несомненный факт: сверхвластие В. Путина сняло вопрос о будущем России. Остались только туманные разговоры... При сохранении всевластия В. Путина... нас ожидает дальнейшая деградация русской души: я имею в виду страх перед правдой, страх перед собственным мнением, сворачивание и без того тощих русских свобод, апатию души, которой никого не

жалко. Если Россия надолго останется, как сейчас, со всех сторон осажденной крепостью, то никакого просвета в нашей русской жизни точно не будет. Жажда поиска и разоблачения врагов уже окончательно придушит и без того ленивые наши русские мозги... Сумасшествие, праздники... безумия... превратятся в бесконечные будни нашей жизни» [5, с. 118].

Соотечественники! Прислушайтесь к словам мудрого, ответственного и любящего свою страну человека! Не поддавайтесь на ложь и сладкие сказки о единственности и верности нашего «особого пути».

В «Дне опричника» главный герой спрашивает ясновидящую: «Что с Россией будет?» – Она: «Будет ничего...»

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 635 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 413 с.
3. Мосты: Сборник статей к 50-летию русской революции. – Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1967. – 231 с.
4. Струве П.Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм: Сборник статей за пять лет (1905–1910). – СПб.: Д.Е. Жуковский, 1911. – 619 с.
5. Ципко А.С. Русскому безумию конца и края нет // Мир перемен. – М., 2018. – № 4. – С. 103–118.
6. Чичерин Б.Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1998. – 654 с.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ СБОРНИК

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

Ю.В. Никуличев

Как в 1654 г. не произошло воссоединения Украины с Россией

Аннотация. Рассматривается сложная предыстория Переяславской рады 1654 г., принявшей решение о переходе Войска Запорожского под начало царя Алексея Михайловича. Анализируя события хмельниччины, автор выявляет ее внутреннюю логику, как она развивалась при переходе от одной стадии к другой и определяла перипетии событий 1648–1654 гг. Показано, что успехи военных кампаний Б. Хмельницкого против Речи Посполитой объясняются единственно участием громадных «орд» татар в его армии. Последовавшее разорение земель гетманата в конце концов не оставило Б. Хмельницкому никаких возможностей, кроме как на особых условиях (по типу западноевропейского наемничества) предложить свои военные услуги Москве.

Ключевые слова: Б. Хмельницкий; Речь Посполитая; Османская империя; польско-казацкая война; Переяславская рада; Руина.

Yu.V. Nikulichev

There was no reunification of Ukraine with Russia in 1654

Abstract. The complex background of the Pereyaslav Rada of 1654, which made the decision to transfer the Zaporizh Army to Tsar Alexei Mikhailovich, is considered. Analyzing the events of the Khmelnytsky region, the author reveals its internal logic, how it developed during the transition from one stage to another and determined the ups and downs of the events of 1648–1654. It is shown that the successes of the military campaigns of B. Khmelnytsky against the Polish-Lithuanian Commonwealth are explained solely by the participation of huge «hordes» of Tatars in his army. The ensuing ruin of the hetman's lands in the end did not leave B. Khmelnytsky any opportunities, except under special conditions (similar to Western European mercenaries) to offer his military services to Moscow.

Keywords: B. Khmel'nitsky; Polish-Lithuanian Commonwealth; Ottoman Empire; Polish-Cossack War; Pereyaslav Rada; Ruin.

Д.И. Булдакова, О.И. Киянская
Юбилей восстания декабристов в советской исторической науке
и периодике первой трети XX в.

Аннотация. В статье речь идет об освещении юбилеев декабристов в советской науке и советской прессе первой трети XX в. Анализируются материалы газет и журналов, научные труды, выступления руководителей партии и государства. Делается вывод о том, что единой официальной позиции по отношению к декабристам на момент 100-летия восстания декабристов не существовало, однако большинство публицистов ориентировались в своих высказываниях на точку зрения М.Н. Покровского, а историки, хотя и старались оценивать декабристов беспристрастно, тоже были в своих суждениях достаточно политизированы. После «юбилейных» высказываний о декабристах Л.Д. Троцкого эта тема быстро ушла из публицистического дискурса; 110-летний юбилей восстания декабристов прошел практически незамеченным прессой.

Ключевые слова: декабристы; юбилей; большевики; пропаганда; В.И. Ленин; И.В. Сталин; Л.Д. Троцкий; М.Н. Покровский.

D.I. Buldakova, O.I. Kiyanskaya
Anniversaries of the Decembrist uprising in Soviet historical science
and in the periodicals of the first third of the 20th century

Abstract: This article is about the lighting of the Decembrists' anniversaries in the Soviet science and the Soviet press of the first third of the cent. XX. The materials of newspapers and magazines, as well as scientific investigations, as well as the speeches of the leaders of the party and the state are analyzed. It is concluded that there was no official position in relation to the Decembrists at that time, but the majority of publicists were guided in their statements by M.N. Pokrovsky's point of view, and historians, althow they tried to evaluate the Decembrists impartially, were also quite politicized with their judgements. After L.D. Trotsky's «anniversary» statements about the Decembrists this topic quickly disappeared from journalistic discourse; the 110th anniversary of the Decembrists' revolt passed almost unnoticed by the press.

Keywords: the Decembrists; the anniversaries; the Bolsheviks; propaganda; V.I. Lenin; I.V. Stalin; L.D. Trotsky; M.N. Pokrovsky.

М.А. Фельдман
Термин «декабрист»:
В преддверии 180-летнего юбилея возникновения

Аннотация. В статье рассматриваются история, значения и варианты прагматики термина «декабрист». Характеризуется полемика об этом термине в Российской империи, СССР и РФ. При рассмотрении использованы методы логико-семантического анализа. Делается вывод, что единого общепринятого определения этого понятия не было, нет и не будет, так как оно идеологизировано, т.е. не употребляется вне идеологической компоненты.

Ключевые слова: декабристы; термин; идеологема; Г. Фреге; А.И. Герцен; В.И. Ленин; О.И. Киянская; В.А. Пушкина; М.А. Рахматуллин; С.А. Рейсер; Ю.М. Лотман; С.Е. Эрлих.

M.A. Feldman
«Decembrist»: On the eve of the 180 th anniversary of the emergence

Abstract. This article is about the history, meaning and variants of pragmatics of the term «Decembrist». The author characterizes the polemics about this term in the Russian Empire, the USSR and the Russian Federation with the help of methods of logical and semantic analysis. The article concludes that there was no single generally accepted definition of this concept, there is no and will not be, as it is ideologized and is not used outside the ideological component. The article concludes that there was no single generally accepted definition of this concept, there is no and will not be, as it is ideologized and is not used outside the ideological component.

Keywords: Decembrists; term; ideologeme; G. Frege; A.I. Herzen; V.I. Lenin; O.I. Kiyanskaya; V.A. Pushkina; M.A. Rakhmatullin; S.A. Reiser; Y.M. Lotman; S.E. Ehrlich.

И.И. Глебова
Петербург – XX: О городе и революции

Аннотация. Автор ставит вопросы: почему именно Петербург стал «колыбелью» русской революции, отчего она приняла тотально-разрушительный характер, приобрела облик гражданской войны, полностью разрушила социальную ткань общества. Ответы следует искать в самом Петербурге, в том, каким он был в начале XX в. Истоки и причины, исторические корни революции – там, в Петербурге 1900–1910-х годов рождался новый мир со своими отношениями, проблемами, со своей соци-

альной диспозицией, со множеством сценариев развития, один из которых реализовался в феврале 1917 г. Первые две русские революции (1905 г. и Февральская 1917 г.) были городскими и именно петербургскими. Уникальность развития города во многом определила уникальность этих революций.

Ключевые слова: Петербург; революция 1905 г.; революция 1917 г.; Февральская революция; Октябрьская революция; Городовое положение; городская дума

I.I. Glebova

Petersburg – XX: the city and revolution

Abstract. The author poses the questions: why did St. Petersburg become the «cradle» of the Russian revolution, why did it take on a totally destructive character, acquired the appearance of a civil war, completely destroyed the social fabric of society. Answers should be sought in Petersburg itself, in the way it was at the beginning of the twentieth century. The origins and causes, the historical roots of the revolution – there, in 1900–1910 St. Petersburg. At this time, a new world was born with its relations, problems, with its social disposition, with many development scenarios, one of which was realized in February 1917. The first two Russian revolutions (1905 and February 1917) were urban and specifically St. Petersburg. The uniqueness of the city's development has largely determined the uniqueness of these revolutions.

Keywords: Petersburg; 1905 revolution; 1917 revolution; February revolution; October revolution; city position; city council

И.К. Богомолов

Август двадцать четвертого:

Десятилетие Первой мировой войны и советская печать

Аннотация. В статье рассматривается реакция советской печати на десятилетие с момента начала Первой мировой войны (1924 г.). Выявлены основные коммеморативные практики и методы репрезентации войны на страницах газет и журналов, в общественном и официальном дискурсе того времени. Проанализированы последствия кампании против «империалистических войн» для коммеморации Первой мировой войны в последовавшие десятилетия, ее место в коллективной памяти советского общества после 1924 г.

Ключевые слова: Первая мировая война; коммеморация; советская печать.

I.K. Bogomolov

The tenth anniversary of the First World War and the Soviet press

Abstract. The article examines the reaction of the Soviet press to the decade since the outbreak of World War I. The author identified the main commemorative practices and methods of representing the war on the pages of newspapers and magazines, in the public and official discourse of that time. The article analyzes the consequences of the campaign against «imperialist wars» for the commemoration of World War I in the following decades, its place in the collective memory of Soviet society after 1924.

Keywords: World War I; commemoration; Soviet press.

А.К. Сорокин

О сталинской триаде: Индустриализация / коллективизация – к 90-летию «Великого перелома»

Аннотация. В статье анализируется период 1920–1930-х годов – один из самых острых и дебатированных в отечественной истории. В это время осуществляется переход к мобилизационному типу социально-экономического развития, в рамках которого осуществляются форсированная индустриализация, принудительная коллективизация сельскохозяйственного производства, культурная революция. Этот переход сопровождается установлением режима личной власти Сталина, жестким администрированием, использованием методов внеэкономического принуждения и прямого насилия в качестве инструментов социальной трансформации.

Ключевые слова: индустриализация; коллективизация; пятилетки.

A.K. Sorokin

Stalin's Triad: Industrialization / Collectivization – on the occasion of the 90th anniversary of the «Great Breakthrough»

Abstract. The article analyzes the period of the 1920 s – 1930 s. – One of the most acute and debated in domestic history. At this time, a transition to a mobilization type of socio-economic development took place, within the framework of which accelerated industrialization, forced collectivization of agricultural production and the cultural revolution are carried out. At the same time, the regime of Stalin's personal power is being established, administration is strengthened, and methods of extra-economic coercion and direct violence are used as tools for social transformation.

Keywords: Soviet industrialization; collectivization; five-year plan.

Ю.С. Пивоваров

Девяносто лет коллективизации (Убийство русского крестьянства)

Аннотация. 90 лет назад в России произошла крупнейшая социальная и демографическая катастрофа. То, что получило название «коллективизация», было одним из самых кровавых геноцидов в истории человечества. «Коллективизацией» заканчивается Русская революция (1861–1929) и устанавливается режим второго крепостного права.

Ключевые слова: СССР; Сталин; коллективизация; крестьянство; сталинизм; репрессии; нэп; голодомор.

Yu.S. Pivovarov

Ninety Years of Collectivization (The Killing of the Russian Peasantry)

Abstract. 90 years ago in Russia there was a major social and demographic disaster. What was called collectivization was one of the bloodiest genocides in human history. «Collectivization» ends the Russian Revolution (1861–1929) and establishes the regime of the second serfdom.

Keywords: USSR; Stalin; collectivization; peasantry; Stalinism; repression; NEP; Holodomor.

Ю.С. Пивоваров

Почему Сталин не выиграл войну

Аннотация. Статья посвящена 80-летию массовых репрессий в Красной армии (1936–1938). Эти массовые репрессии существенно подорвали боеспособность армии. Во многом результатом этих акций стали поражения Красной армии в 1941–1942 гг. Было репрессировано, расстреляно, отправлено в лагеря и тюрьмы около 40 тыс. офицеров. Победа в Великой Отечественной войны была одержана благодаря мужеству советского народа, сумевшего создать свою армию, а не благодаря Сталину, главному инициатору этих репрессий.

Ключевые слова: репрессии; Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945); Сталин; линия Сталина.

Yu.S. Pivovarov

Why Stalin did not win the war?

Abstract. The article is dedicated to the eightieth anniversary of mass repression in the Red Army (1936–1938). These massive repressions have undermined the combat readiness of the army. In many ways, the result of these

actions was the defeat of the Red Army in 1941–1942. About 40 thousand officers were repressed, shot, sent to a camp and prison. The victory in the Great Patriotic War was won thanks to the male Soviet people, who could not create their own army, and not thanks to Stalin, the main initiator of these repressions.

Keywords: repressions; Great Patriotic War of the Soviet Union (1941–1945); Stalin; Stalin line.

О.В. Большакова

1917–2017: Американский взгляд на русскую революцию

Аннотация. Обзор посвящен современной американской историографии революции 1917 г. Одной из основных тенденций в последние годы стало расширение хронологических рамок революции и представление о ней как о длительном кризисе, который начался значительно раньше 1917 г. и закончился (если вообще закончился) значительно позже окончания Гражданской войны. Автор выделил три основных «вектора» интереса к российской революции: восприятие революции людьми и влияние на повседневность; революция и культура; глобальное измерение революции 1917 г.

Ключевые слова: российская революция 1917 г.; Февральская революция; Октябрьская революция; историография.

O.V. Bolshakova

1917–2017: American view on the Russian revolution

Abstract. The review is devoted to the modern American historiography of the 1917 revolution. One of the main trends in recent years has been the expansion of the chronological framework of the revolution and the idea of it as a long crisis that began much earlier than 1917 and ended (if at all) much later than the Civil war. The author identified three main «vectors» of interest in the Russian revolution: the perception of the revolution by people and the impact on everyday life, revolution and culture, the global dimension of the 1917 revolution.

Keywords: Russian revolution 1917; February revolution; October revolution; historiography.

М.М. Минц

**Столетие революций 1917 г. и российская историческая наука.
(Обзор)**

Аннотация. В обзоре охарактеризованы основные тенденции развития современной российской историографии революций 1917 г. С одной

стороны, в научный оборот вводятся все новые источники, раскрывающие по-новому политические, социально-экономические процессы, повседневную жизнь революционной эпохи. Революция признается одним из ключевых событий российской истории, внимание к ней в связи со столетием только усиливается. С другой стороны, в последние годы происходит актуализация революции посредством ее встраивания в политический контекст современной России.

Ключевые слова: революция 1917 г.; Февральская революция; Октябрьская революция; историография.

M.M. Mints

**Centenary of the Revolutions of 1917 and Russian Historical Science
(Review)**

Abstract. The review describes the main trends in the development of modern Russian historiography of the 1917 revolution. On the one hand, more and more sources are introduced into the scientific circulation, revealing in a new way the political, socio-economic processes, and everyday life of the revolutionary era. The revolution is recognized as one of the key events of Russian history, attention to it in connection with the century only intensifies. On the other hand, in recent years there has been an actualization of the revolution by incorporating it into the political context of modern Russia.

Keywords: 1917 revolution; February revolution; October revolution; historiography.

В.Н. Чернега

К 75-й годовщине высадки союзных войск в Нормандии

Аннотация. В статье в связи с 75-й годовщиной высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г. освещается тема участия западных союзников во Второй мировой войне. Затрагивается предыстория этой войны, в частности мюнхенские соглашения лидеров Франции и Великобритании с А. Гитлером в сентябре 1938 г., а также пакт Молотова – Риббентропа в августе 1939 г. Напоминается о «странной войне», которую названные державы вели против нацистской Германии после ее нападения на Польшу в сентябре 1939 г. В то же время отмечается решимость Великобритании сражаться с нацистами после капитуляции Франции в июле 1940 г. и роль для хода войны победы британцев в «воздушной битве за Англию», начавшейся в сентябре того же года. Подчеркивается важность помощи со стороны Великобритании, США и других западных стран Советскому Союзу после германского вторжения на его территорию. Рас-

смаатриваются проблема открытия второго фронта и военные действия союзников в Северной Африке и Италии. Приводятся некоторые детали высадки союзных войск в Нормандии и их военных операций во Франции, Голландии и Бельгии (Арденнское сражение). Напоминается о победном марше союзников по Германии в конце войны и подписании акта капитуляции рейха в Реймсе 7 мая 1945 г. В заключении отдается должное движениям Сопротивления в оккупированных европейских странах, особенно во Франции.

Ключевые слова: Вторая мировая война; западные союзники; помощь Советскому Союзу; второй фронт; высадка в Нормандии; движения Сопротивления.

V.N. Chernega

75th anniversary of the landing of the Allied troops in Normandy. Western Allies in World War II

Abstract. In connexion with the 75th anniversary of the landing of the Allied troops in Normandy on June, 6, 1944 the article addresses the theme of participation of the Western Allies in World War II. The pre-history of this War is touched, in particular the Munich agreements of leaders of France and Great Britain with Adolf Hitler in September 1938 as well as the Molotov-Ribbentrop Pact in August 1939. The «strange war» that named powers led against Nazi Germany after its attacks on Poland on September 1939 is reminded. As the same time, Britain's determination to fight the Nazis after the capitulation of France in July 1940 and the role for the war of the British victory in the air «battle for England», that began in September 1940, are noted. The importance of aid from Great Britain, United States and other Western countries to the Soviet Union after the German invasion on its territory is emphasized. The problem of opening the «second front» and military actions of the Allies in North Africa and Italy are considered. Some details of the landing of the Allies in Normandy and their military operations in France, Holland and Belgium (the Ardenne Battle) are given. The victorious march of the Allies in Germany at the end of the war and the signing of the act of surrender of the Reich in Reims on May 7, 1945, is recolled. In conclusion, tribute is paid to resistance movements in the occupied European countries, especially in France.

Key words. World War II; Western Allies; aid to the Soviet Union; «second front»; landing in Normandy; resistance movements.

И.Г. Шаблинский
Финляндия: Вехи истории, форма правления
(К 75-летию Соглашения о перемирии 1944 г.)

Аннотация. В статье выделены основные вехи политической истории Финляндии после обретению ею независимости от России в 1918 г. Рассматривается развитие политических институтов, разделения властей, выборного законодательства в Финляндии вплоть до начала XXI в. Особое внимание уделено развитию отношений с СССР и Россией, влияние «нейтрального» внешнеполитического курса на внутреннее развитие Финляндии.

Ключевые слова: Финляндия; советско-финляндские отношения; советско-финская война; финляндизация; долгое президентство; линия Паасикиви-Кекконена.

I.G. Shablinsky
Finland: Milestones in History, a Form of Government
(75th anniversary of the Armistice Agreement of 1944)

Abstract. The article highlights the main milestones of the political history of Finland after it gained independence from Russia in 1918. It considers the development of political institutions, separation of powers and electoral legislation in Finland until the beginning of the 21st century. Particular attention is paid to the development of relations with the USSR and Russia, the influence of the «neutral» foreign policy on the internal development of Finland.

Keywords: Finland; Soviet-Finnish relation; Soviet-Finnish war; Finnishization; long presidency; Paasikivi-Kekkonen line.

Ю.С. Пивоваров
«И образ мира, в слове явленный, / И творчество, и чудотворство»
(К 150-летию «Войны и мира»)

Аннотация. Статья посвящена 150-летию выхода в свет романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Автор приходит к выводу, что без этого произведения Россия как неповторимая и великая цивилизация не существовала бы. «Война и мир» – наиболее убедительное свидетельство мощного бытия русской цивилизации в XIX в. Но так не думал И. Бродский. Л.Н. Толстой для него – синоним начала падения русской литературы. Толстой, по утверждению И. Бродского, отказался от пути Достоевского и соблазнился подражанием действительности. В статье предпринимается попытка опровергнуть позицию И. Бродского.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; «Война и мир»; Ф.М. Достоевский; И. Бродский; К.Н. Леонтьев; И.А. Бунин; П.А. Вяземский.

Yu.S. Pivovarov

«And the image of the world, revealed in the word, / And creativity, and miracles» (150th anniversary of Leo Tolstoy's «War and Peace»)

Abstract. The article is dedicated to the 150th anniversary of the publication of the novel by L.N. Tolstoy «War and Peace». The author concludes that without this work Russia as a unique and great civilization would not exist. «War and Peace» is the most convincing evidence of the powerful being of Russian civilization in the 19th century. But I. Brodsky did not think so. L.N. Tolstoy for him is a synonym for the beginning of the fall of Russian literature. Tolstoy, according to I. Brodsky, refused the path of Dostoevsky and was tempted by the imitation of reality. The article attempts to refute the position of I. Brodsky.

Keywords: L.N. Tolstoy; «War and Peace»; F.M. Dostoevsky; I. Brodsky; K.N. Leontiev; I.A. Bunin; P.A. Vyazemsky.

Ю.С. Пивоваров

«...Будущая настольная книга для всех русских надолго...»

Аннотация. Статья посвящена 150-летию выхода в свет книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа: Взгляд на культурное и политическое отношение Славянского мира к Германско-Романскому». В ней впервые изложена цивилизационная теория истории. Поставлены под вопрос формационный подход, а мировая история понимается как развитие, расцвет и упадок самобытных культурно-исторических типов (цивилизаций). Данилевский по праву обладает репутацией создателя цивилизационной философии истории и предшественника О. Шпенглера и А. Тойнби.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский; О. Шпенглер; А. Тойнби; культурно-исторический тип; панславизм; русское мессианство.

Yu.S. Pivovarov

«...The future handbook for all Russians for a long time...»

Abstract. The article is dedicated to the 150th anniversary of the publication of Nikolay Yakovlevich Danilevsky's book «Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman». It first sets out the civilizational theory of history. It is called into question, it forms an approach, it understands world history as the development, flourishing

and decline of distinctive cultural and historical types (civilizations). Danilevsky rightfully has a reputation as the creator of the civilizational philosophy of history and predecessor O. Spengler and A. Toynbee.

Keywords: N.Ya. Danilevsky; O. Spengler; A. Toynbee; cultural-historical type; Pan-Slavism; Russian messianism.

Ю.С. Пивоваров

**Анти-Ленин: Петр Струве – теоретик ревизионизма,
либерал-государственник, религиозный мыслитель,
крестоносец русской свободы**

Аннотация. П.Б. Струве – крупнейший политический мыслитель конца XIX – первой половины XX в. Теоретик русского ревизионистского марксизма, либерализма, монархизма, религиозный государственник, монархист. Оригинальный философ государства. Его перу принадлежат наиболее глубокие работы, посвященные русской революции. Участник и организатор трех важнейших сборников отечественной религиозной мысли – «Проблемы идеализма», «Вехи», «Из глубины». Активный участник Гражданской войны (на стороне белых), эмигрант.

Ключевые слова: П.Б. Струве; марксизм; ревизионизм; либерализм; государственничество.

Yu.S. Pivovarov

**Anti-Lenin: Peter Struve – theorist of revisionism, liberal statesman,
religious thinker, crusader of Russian freedom**

Abstract. Peter Berngardovich Struve was the largest political thinker of the late XIX – first half of the XX century. He was a religious statesman and the theorist of Russian revisionist Marxism, liberalism and monarchism. Struve was an original philosopher of the state, he wrote the most profound works on the Russian revolution. Struve – participant and organizer of the three most important collections of Russian religious thought – «Problemy Idealizma» («Problems of idealism»), «Vekhi» («Milestones»), «Iz Glubiny» («From the Depth»).

Keywords: Peter Struve; Marxism; revisionism; liberalism; statism.

М.А. Краснов

Отвергнутая Конституция (Этюд в духе альтернативной истории)

Аннотация. В статье рассматривается история разработки новой Конституции РСФСР после принятия Декларации о государственном су-

веренитете Российской Федерации 12 июня 1990 г. Автор приходит к выводу, что делегаты Съезда народных депутатов (СНД) РСФСР поначалу не видели практической пользы в принятии новой Конституции, так как в 1990 г. еще не помышляли о независимости РСФСР. С другой стороны, именно в это время появлялись альтернативные проекты будущей Конституции, в которой президент не играл бы столь серьезной роли, как в Конституции 1993 г.

Ключевые слова: Конституция; Съезд народных депутатов; декларация о государственном суверенитете РСФСР.

М.А. Krasnov
Rejected Constitution (Alternative History)

Abstract. The article discusses the history of the development of the new Constitution of the RSFSR after the adoption of the Declaration on State Sovereignty of the Russian Federation on June 12, 1990. The author concludes that the delegates of the Congress of People's Deputies (SND) of the RSFSR at first did not see the practical benefits of adopting a new constitution, because in 1990 did not think about the independence of the RSFSR. On the other hand, it was at this time that alternative drafts of the future constitution appeared, in which the president would not play such a serious role as in the 1993 constitution.

Keywords: constitution; congress of people's deputies; declaration of state sovereignty of the RSFSR.

Ю.С. Пивоваров
«Чудо Сахарова»

Аннотация. А.И. Солженицын назвал явление Сахарова чудом. Д.С. Лихачев полагал, что Сахаров был пророком в старом библейском смысле. Он – лучшее, что породила русская интеллигенция. Один из создателей самого страшного в истории орудия уничтожения был мыслителем и деятелем антропоцентричного мироощущения. Сахаров – один из виднейших в мире представителей светского гуманизма и философии прав человека. Для него также характерен абстрактный гуманизм, который составлял одно целое с гуманизмом адресным, практическим и действенным. Сахаров показал силу либерализма, его возможности противостоять злу. Он придал русскому либерализму ореол мученичества. В 2019 г. исполняется 30 лет участию Сахарова в I Съезде народных депутатов СССР и его смерти.

Ключевые слова: А.Д. Сахаров; А.И. Солженицын; Д.С. Лихачев; диссидент; гуманизм; либерализм; антропоцентризм; атомный проект.

Yu.S. Pivovarov
The Miracle of Sakharov

Abstract: Alexander Solzhenitsyn called the Andrey Sakharov phenomenon a miracle. D.S. Likhachev believed that Sakharov was a prophet in the old biblical sense. Sakharov is the best that the Russian intelligentsia has generated. He was one of the founders of the worst weapon in the history of destruction. At the same time he was a thinker and anthropocentric attitude. Sakharov is one of the most prominent representatives of secular humanism and the philosophy of human rights in the world. It is also characterized by abstract humanism, which was one with targeted, practical and effective humanism. Sakharov showed the power of liberalism, its ability to resist evil. He gave Russian liberalism an aura of martyrdom. In 2019, Sakharov's participation in the First Congress of People's Deputies of the USSR and his death will be 30 years old.

Keywords: Andrey Sakharov; Alexander Solzhenitsyn; Dmitry Likhachev; dissident; humanism; liberalism; anthropocentrism; nuclear project.

И.Г. Шаблинский
30 лет самой массовой забастовке в России:
Как это было, что это означало

Аннотация. Статья посвящена 30-летию массовых забастовок, прокатившихся по шахтерским регионам России, Украины и Казахстана. Масштаб этих выступлений был беспрецедентным как для того, так и для нынешнего времени. Политические последствия тех выступлений были велики и до сих пор недооценены: во многом именно массовое забастовочное движение стало причиной политических сдвигов, а в конечном счете – смены политической системы и экономической модели.

Ключевые слова: СССР; перестройка; забастовка; забастовки шахтеров.

I.G. Shablinsky
30 years of the most massive strike in Russia: How it was, what it meant

Abstract. The article is dedicated to the 30th anniversary of mass strikes that swept the mining regions of Russia, Ukraine and Kazakhstan. The scale of these speeches was unprecedented both for that and for the present time. The political consequences of those actions were great and still underestimated: in

many respects it was the mass strike movement that caused political shifts, and ultimately a change in the political system and economic model.

Keywords: USSR; perestroika; strike; strikes of miners.

Ю.С. Пивоваров
«Будет ничего»

Аннотация. В первой части статьи автор полемизирует с В.Ю. Сурковым, виднейшим идеологом господствующего режима. Критике подвергаются новейшие идеологемы Суркова – «глубинный народ», «глубинное государство» и «долгое путинское государство». Проводятся параллели между триадой графа С.С. Уварова и теоретическими построениями Суркова. Делается вывод об их неадекватности и вредности при попытках применять их в практической политике.

Во второй части автор противопоставляет Суркову воззрения известного философа и публициста А.С. Ципко. Также идеология В.Ю. Суркова рассматривается в контексте наиболее ярких антиутопий нашего времени – романов И. Голубовского («Свобода по умолчанию») и В. Сорокина («День опричника»).

Ключевые слова: В.Ю. Сурков; С.С. Уваров; А.С. Ципко; глубинный народ; глубинное государство; долгое путинское государство.

Yu.S. Pivovarov
«There will be nothing»

Abstract. In the first part of the article, the author argues with Vladislav Surkov, the most prominent ideologist of the ruling regime in modern Russia. Surkov's latest ideologies are being criticized – «the deep people», «the deep state» and «the long Putin state». Parallels are drawn between the Count Uvarov's Triad and theoretical constructions of Surkov. The conclusion is drawn about inadequacy and harmfulness of trying to apply both theories in practical politics.

In the second part, the author contrasts Surkov with the views of the famous philosopher and publicist Alexander Tsipko. Also the Surkov's ideology is considered in the context of the most vivid anti-utopias of our time – the novels by I. Golubovsky («Freedom by default») and V. Sorokin («Day of the Oprichnik»).

Keywords: Vladislav Surkov; Sergey Uvarov; Alexander Tsipko; deep people; deep state; Putin's long state.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Большакова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, заведующий сектором истории России Отдела истории ИНИОН РАН.

Булдакова Дарья Игоревна – младший научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН.

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук, руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН.

Киянская Оксана Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики РГГУ, ведущий научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН.

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного права Факультета права НИУ ВШЭ.

Мицн Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории ИНИОН РАН.

Никуличев Юрий Владимирович – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела проблем европейской безопасности ИНИОН РАН.

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН.

Сорокин Андрей Константинович – кандидат исторических наук, директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), главный редактор издательства «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Фельдман Давид Маркович – доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики РГГУ.

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

Шаблинский Илья Георгиевич – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ.

Россиеведение:
В поисках утраченного времени

Художник обложки И.А. Михеев

Компьютерный набор Л.К. Исаева

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова

Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999г.

Подписано к печати 07/IX – 2019 г.

Формат 60×84/16 Бум.офсетная № 1

Печать офсетная Цена свободная

Усл.печ.л. 21,75 Уч.-изд.л. 20,3

Тираж 950 экз. Заказ № 201

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21 Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий:
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Чернышевского,
д. 88 литера У

